Виолль Аргентум
Либертисы
18+
На поверхности

Виалль Аргентум

Либерцисы. На поверхности

https://litres.ru/72679924
SelfPub; 2026

Аннотация

Столетия назад континент расколола Божественная война. Наземные боги одержали победу, заперев своего непокорного брата Ольвидуса и его созданий в подводной Сафирее. Они сотворили Пелену, навсегда запретив детям Ольвидуса ступать на твёрдую землю Тероланы, но вскоре сгинули сами.

Кайриус, мерфолк из трущоб Сафиреи, теряет единственного родного и не понимает, как жить дальше.

Альрун, альва из знатного рода Тероланы, изо дня в день вынуждена доказывать суровому отцу, что она достойна уважения.

Оба — чужие среди своих. Они никогда не должны были встретиться, но судьбу не интересуют планы смертных. Или за кулисами истории действует чей-то расчётливый ум?

Содержание

Пролог	5
Глава 1 (Кайриус). Выбор без выбора.	9
Глава 2 (Кайриус). Божественная плоть.	39
Глава 3 (Альрун). Свобода в сердце, сталь в руке.	78
Глава 4 (Кайриус). Встречи, которые не сулят ничего, кроме проблем.	124
Глава 5 (Альрун). Заступники.	164
Глава 6 (Кайриус). От самих себя нам не убежать.	200
Глава 7 (Кайриус). Потери и принятие.	240
Глава 8 (Альрун). Истина рождается в битве.	279
Глава 9 (Альрун). Прощание.	310
Глава 10 (Кайриус). Последний день. Часть 1.	343
Глава 11 (Кайриус). Последний день. Часть 2.	385
Глава 12 (Альрун). Последний день. Часть 3.	409
Глава 13 (Кайриус). Тени прошлого.	430
Глава 14 (Альрун). Нет ничего тайного, что не сделалось бы явным.	463
Глава 15 (Кайриус). Танцующая струна.	508
Глава 16 (Кайриус). Долгожданная встреча.	546
Глава 17 (Кайриус). Полукровка.	575
Глава 18 (Альрун). Семья.	606

Глава 19 (Кайриус). Ты похож на свою мать. 638
Глава 20 (Кайриус). А когда проблем не было? 676
Глава 21 (Альрун). На грани. 696

Виалль Аргентум Либерцисы. На поверхности

Пролог

Случилось это тысячи лет назад.
Была Изель, Матерь всего сущего.
Сотворила Она планеты и звёзды.
И родились среди их яркой россыпи близнецы — Кира и Кир.
Темна была Кира, как ночь, но светел, как день, был Брат Её.
Стали Они солнцами, что вечно следуют друг за другом по небосклону,
Ибо столь сильно любили Они друг друга
И не желали расставаться ни на минуту.

Но перед уходом породили Они Шестерых —
Богов, что создали мир таким, каким мы его знаем.
И были даны Им имена:
Бриллаар, Исхирия, Ольвидус, Вильтур, Алмос и Сиринея.

И поделили Они землю на два континента:
Верхнюю Теролану и подводную Сафирею.

Владыка, Сияющий Ольвидус,
Девять дней и ночей создавал наши прекрасные Глубины.
Посмотрел Он на деяния рук своих и остался доволен.
Но некому было разделить радость Его.
И тогда заплакал Он, и рассыпались жемчужины из глаз Его.
Так появились первые мерфолки.
И было всегда у наших предков в достатке пищи,
Жили мы мирно и процветали.

Но позавидовали иные боги красоте и богатству Сафиреи.
Тогда собрались Пятеро и возвели над Сафиреей барьер.
Назвали его Пеленой и сказали Владыке так:
«Да простоит сей барьер до самого конца мира.
И да не пропустит наверх ни тебя, ни детей твоих, мерфолков».

Ласковый голос убаюкивал, но я изо всех сил боролся со сном. Даже услышав эту историю сотню раз и выучив наизусть, я всё равно просил маму рассказывать её. И она пела, ни разу не отказав.

За окном, расположенным почти под самым потолком,

проносились косяки серебристых рыбок. Они задевали стекло плавниками, и лёгкая дробь разносилась по комнате. В моей крохотной спальне всё свободное пространство занимала узкая кровать. Вытянув руки в стороны, пятилетний я с лёгкостью мог дотронуться до противоположных стен. И всё же, спустя столько лет, она всё ещё казалась мне самым уютным местом в мире. В ней всегда царил полумрак — свет солнц не мог дотянуться до нашего дома, но потолок был усыпан светочными камнями. Я очень любил рассматривать их, представляя, что это настоящие звёзды с далёкой Поверхности.

— Мама, а почему Владыка спит?

Это стало своеобразной игрой. Я задавал в нужные моменты одни и те же вопросы, а мама на них отвечала:

— Он ожидает, когда Пелена падёт, и мы снова сможем свободно перемещаться по миру.

— Но как? Ведь Пятеро сказали, что Пелена нерушима.

— Легенда гласит, что однажды родится дитя двух миров. — Эту часть мама всегда рассказывала с улыбкой. *— И сможет свободно путешествовать между Сафиреей и Тероланой. Но верен он будет Владыке Ольвидусу и непременно найдёт способ разрушить границу.*

— Понимаю. — Закрывая глаза, я задавал последний вопрос: *— Мама, ты сказала, что мы появились из жемчуга?*

— Да, милый. — Я ощущал миниатюрную руку, невесомо перебирающую мои волосы. *— Вот почему после смерти*

мы, дети Ольвидуса, превращаемся в жемчуг: мы возвращаемся в своё первозданное состояние. По цвету и форме жемчужины всегда видно, какую мерфолк прожил жизнь: праведную ли, грешную ли, были ли чисты его помыслы и деяния.

Эта часть обычно была последней, которую я слышал, прежде чем проваливался в счастливый сон. В нём я видел себя тем самым избранным спасителем, тогда ещё не подозревая, насколько близко фантазия окажется к реальности.

Глава 1 (Кайриус). Выбор без выбора.

Запрокинув голову, я до рези в глазах всматривался в бесконечную толщу воды надо мной. Свет солнц сегодня был особенно ярок, настолько, что смог разогнать мрак даже над Пустырём.

И почему вы не старались так раньше?

Устало прикрыв глаза, всего на мгновение, я заставил себя посмотреть вниз. Казалось, вот сейчас она протянет ко мне руку и улыбнется, как делала всякий раз, когда я возвращался домой.

За спиной раздался деликатный кашель. Я не обернулся.

— Вентус[1] Кайриус, — прошелестел голос. — Прощающиеся опаздывают?

— Больше никто не придёт, магус[1], — тихо ответил я. — Пожалуйста, дайте нам минуту.

Послышалось раздражённое бормотание. Подавив в себе чувство вины за трату чужого времени, я шагнул вперёд. Это последний раз, когда я вижу её, в конце концов. Мир подождёт.

---

[1] Вентус (аквальтик, далее акв. — официальный язык Сафиреи) — уважительное обращение к мужчине, господин.

[1] Магус (акв.) — обращение к научнику (магу) независимо от пола.

Я жадно впился взглядом в родное лицо, стараясь запечатлеть в памяти каждую мелочь: мерцание голубой чешуи на щеках и лбу, небольшой шрам над левой бровью, бледные тонкие губы, так часто дарующие нежную улыбку окружающим. Тёмно-серая копна волос, слегка приподнятая вокруг головы. Дома она любила ходить с распущенными волосами, пользуясь отсутствием воды, поэтому утром я расплёл её косы и решил оставить как есть.

Мои руки задрожали. С трудом опустившись на колено, я обхватил её холодную ладонь своими и поцеловал самые кончики пальцев.

— Прощай, мама, — прошептал я. — Да хранят волны твой покой.

Я давно потерял веру в богов. Но мама верила всегда. «Уважай чужие убеждения, даже если они кажутся тебе бессмысленными», — повторяла она. «Слышишь ли ты песнь Ольвидуса теперь, мама?» — спросил я про себя, а вслух произнёс:

— Простите за задержку, магус. Можете начинать.

Я отошёл в сторону, уступая служителю дорогу. Священник, облачённый в свободную чёрную рясу с капюшоном, проскользнул мимо, только на мгновение сверкнув серебром глаз в мою сторону. Поверх его одеяния переливался тонкий осмиевый пояс, указывающий на статус выпускника Университета — единственная яркая деталь в облике мужчины. Он встал напротив ложа и закатал рукава до локтей, открыв взо-

ру широкие предплечные плавники.

— О Владыка, взываю к тебе! Дочь твоя, Адва, возвращается домой. В чертогах Твоих да обретет она покой. Да укроют её мягкие волны в Бесцветных Глубинах. Да защитит её голос Твой от бурь...

Он пел, простерев ввысь свои тощие руки, и я, прикрыв глаза, старался слушать, но сознание, как назло, ускользало далеко прочь.

Как странно. Я где-то слышал, что мёртвые совсем не похожи на живых: меняется цвет кожи, выражение лица, даже чешуя тускнеет. В общем, ощущение, будто на куклу смотришь. Но мама выглядела так, словно всего мгновение назад просто прилегла отдохнуть.

Нерадостные размышления были неожиданно прерваны ощущением, что за мной наблюдают. Я распахнул глаза. Решил было, что служитель закончил молитву, и извинения уже почти сорвались с губ, но нет — песня продолжалась, магус не обращал на меня никакого внимания. Я беспокойно завертел головой.

За пёстрым коралловым рифом, отделяющим Пустырь от трущоб Ликириса, недвижно застыли четыре фигуры. Вдоль позвоночника пробежали мурашки. Было в них что-то жуткое, неестественное. Длинные плащи полностью скрывали тела и лица, но я знал — они не сводят с меня глаз. Особенное беспокойство вызывала фигура, стоящая чуть впереди. Она была ниже и тоньше других, но интуиция подсказывала,

что именно от неё исходит настоящая опасность.

Я привык доверять чутью, оно не раз спасало мне жизнь, поэтому рука сама потянулась к поясу и сжалась вокруг слепящего шара. Остался последний, но, если незнакомцы нападут, это позволит мне убежать достаточно далеко и...

— Вентус Кайриус.

Я вздрогнул от неожиданности. Магус закончил петь и выжидательно смотрел на меня. Судя по недовольному виду, звал он не первый раз.

— Простите, я отвлёкся, там... — я обернулся к тому месту, где ещё мгновение назад стояли фигуры, но взгляд наткнулся на пустоту. — Неважно, простите.

— Вы готовы? — поинтересовался он. Я утвердительно кивнул. — Ваши ладони, прошу.

Я немедленно выполнил просьбу. Любопытство во мне боролось со страхом. Я слышал, как проходит обряд, но ни разу не видел своими глазами и не до конца понимал, что надо делать. Боясь всё испортить, я весь напрягся в ожидании, стараясь пореже дышать и, на всякий случай, не моргать.

Магус взмахнул руками. Плавники прорезали воду над ложем, и тело моей матери засияло. Мгновение — и ладони ощутили тяжесть жемчужины. Серебряной с голубым отливом, безупречно круглой.

— Какая красивая душа… — пробормотал магус и тут же неловко закашлялся и отвёл взгляд, будто позволил себе неподобающую вольность. — Что ж, это всё.

— Благодарю. Я… — Слова застряли в горле. Я никак не мог оторвать взгляд от жемчужины.

Я вспомнил историю, которую мама рассказывала, когда я был ребёнком. «По цвету и форме жемчужины всегда видно, какую мерфолк прожил жизнь», — звучало эхом в моей голове. В горле запершило. Так легко и приятно было представить себя маленьким мальчиком, с увлечением слушающим легенды перед сном.

Я одёрнул себя. Чем быстрее я приму её смерть, тем лучше. Жемчужина и воспоминания — вот и всё, что мне осталось. «Со временем ты забудешь звучание её песен и внешность», — услужливо подсказал внутренний голос. Я сглотнул горькую слюну.

Магус, так и не дождавшись от меня продолжения, слегка склонил голову и, поправив рукава, развернулся, чтобы уйти. Спустя мгновение, видимо, передумав, подошёл ближе и положил ладонь на моё плечо.

— Если будете искать утешения, сын мой, приходите в храм. Этот скромный служитель готов выслушать и помочь.

Я скосил глаза на его руку, облачённую в чёрную перчатку. Последние, у кого я стану искать утешения, — это служители Ольвидуса. Разве он не понял, над кем проводил обряд?!

Нет, невозможно. Мерзавец точно знал.

Хотелось оттолкнуть его, выплюнуть колкое замечание в мрачное лицо. Но я не сделал ничего, просто продолжал мол-

ча стоять, прожигая взглядом его ладонь.

Магус сдался первым. Громко хмыкнув, он отступил. А затем произнёс то, что заставило меня почувствовать себя неуютно:

— Вижу, вы хотите отказаться. Не спешите, хорошенько подумайте. Чувствую, мы ещё встретимся, и притом очень скоро.

Он ушёл. Оставшись в одиночестве, я разглядывал жемчужину, утопая в тревожных мыслях. Кем были эти таинственные фигуры за рифом? Крылась ли в словах магуса угроза? Или я, с накрученными до предела нервами, слышал и видел то, чего на самом деле нет?

* * *

Смутно помню, как добрался до дома. Дорога, которая утром заняла меньше часа, на обратном пути казалась бесконечной. Кажется, я кружил по узким переулкам, по какой-то причине проигнорировав главную улицу. Ноги просто отказывались нести меня в нужное место.

В глубине старых кварталов царила разруха. Вдоль защитного купола тянулась вереница полуразваленных жилищ. Здесь стояли первые каменные дома, построенные ещё до возведения Пелены. Куски стен осыпались прямо на дорожки, открывая взору темнеющие провалы комнат. Впрочем, движению они не мешали: я легко перемахнул через них, не рискуя нарушить закон о допустимой высоте. Сенаторы придумали его совсем недавно, для контроля перемещений из

трущоб в Средний город. «Для всеобщей безопасности», — так они сказали. Лично я считал, что это очередная возможность притеснить нас, низших Ликириса.

Многие дома пустовали, но в окнах некоторых я уловил движение. Обитающие в них мерфолки, вероятно, ютились в оставшихся целых комнатах, на которые пока ещё можно было наложить защиту от воды.

Старые развалины сменили знакомые постройки. Краем глаза я наблюдал, как соседи выходят на пороги своих кривых хижин. Они провожали меня взглядами и перешёптывались между собой. Может, жалели, а может, злорадствовали. От нашего дома все шарахались, как от обители зла, а всякий раз, когда я выходил на улицу, старательно делали вид, что меня вообще не существует. Жалкий, чудной, убогий — лишь начало списка прозвищ, которыми меня нарекли окружающие. Что ж, истина в их словах была, этого я отрицать не могу.

Когда я наконец переступил родной порог, уже наступила ночь. Меня встретила звенящая тишина. Я подавил порыв произнести своё обычное «Я дома» и молча прошёл в комнату мамы. Положив жемчужину на её кровать, я опустился на колени рядом с ней и уронил голову на сложенные руки. Отчаянно, до головной боли, хотелось плакать, но не получалось.

Накатила злость на самого себя. Вот именно из-за таких вещей меня и сторонятся. Даже в такой ситуации я не спо-

собен вести себя как подобает.

Смерть мамы не стала неожиданностью. Она долго болела, и это был лишь вопрос времени. Но я до последнего надеялся, что смогу ей помочь, и посвятил последние три года жизни этой цели. Не гнушался ничем, чтобы заработать достаточно денег на лечение. Я продал себя местной воровской банде, Корифенам. Нашёл целителя из Университета — неслыханная удача.

Я догадывался, что её состояние было вызвано не столько телесным недугом, сколько душевным. Мама всегда была хрупкой, и жизнь в трущобах подтачивала её здоровье день за днём. Я ничего не замечал и ни о чём не беспокоился, пока был ребёнком. Но когда немного подрос и стал понимать, о чём негромко говорят соседи, то начал задавать вопросы. Почему мы живём здесь? Где мой отец? Кто постоянно приходит в наш дом? Тогда она не ответила ни на один: разволновалась так, что слегла с лихорадкой и несколько дней не поднималась с постели. Я испугался и больше никогда об этом не заговаривал.

Однако неделю назад она рассказала почти всё. Помню, как положил голову ей на колени, точно как в детстве. Помню тепло её рук и изящные пальцы в своих волосах. Я слушал, не перебивая, о временах, когда она была одной из савиргий, жриц Ольвидуса, об изгнании в трущобы и отречении за моё рождение. Это стало ударом, который она несла в себе девятнадцать лет, но так и не оправилась. Сейчас я

понимаю — она, скорее всего, чувствовала, что смерть уже близко. Но тогда я только пытался уложить всё в своей голове и не сойти с ума от спокойствия, которым полнился её голос. Будто мама рассказывала одну из множества легенд, а не историю своей жизни.

Я винил в её страданиях всех вокруг: отца, которого никогда не знал; жриц, забывших её; Ольвидуса, за занятое в её сердце место. Но больше всех себя — за само существование. Часто я думал, что было бы с ней, если бы я не родился.

Ответ очевиден — сейчас мама была бы жива. Продолжала служить в храме, купалась в любви сафирейцев и была бы счастлива.

Злость сменилась тупым безразличием. Что мне делать? Выживание и воровство — вот и всё, в чём я хоть немного преуспел. Должен ли я оставаться с Корифенами?

Я ведь и правда больше ничего не умею. В наёмники или охрану не возьмут — слишком слабый. Какой ещё путь есть у парня из трущоб? Если бы только я не был таким упрямцем и признался ей, то мог бы стать одним из научников Университета.

Из горла против воли вырвался смешок. Кого я обманываю? Ведь дело было совсем не в упрямстве. Откройся я тогда, и меня бы забрали у неё. Мама бы осталась здесь совсем одна и, возможно, умерла раньше.

Её судьба просто не могла сложиться иначе. С того момента, когда я появился на свет, она потеряла свой шанс жить

долго и счастливо. И это моя вина. Моя вина. Моя!

Я кричал и смеялся, пока не свело мышцы лица, а в лёгких не кончился воздух. А после, наконец, заплакал. Но слёзы не принесли облегчение — они лишь стали свидетельством свершившегося. Простой и понятной мысли, в которой я пытался убедить себя ещё пару часов назад, но не мог до конца поверить — её больше нет. Я остался один.

Незаметно я успокоился и уснул в той же позе — на коленях возле её кровати. Может быть, боги и правда существуют. Чьей-то милостью той ночью мне не снилось ничего.

* * *

Я уверенно ступал по длинному широкому коридору. Звук шагов гулко разносился вокруг, эхом отражаясь от гладких серых стен.

Заслышав шипение, я остановился. Почему я решил, что стены серые? Они горели всеми оттенками оранжевого и красного: цвета сталкивались и, сплетаясь в вихре и отталкиваясь друг от друга, стекали вниз, застывая чёрной бесформенной коркой на полу. Я раньше видел подобное: на Хрустальной площади в фонарях плескался жидкий огонь. Но, в отличие от него, эта субстанция слепила глаза и источала агрессивный жар. Я понял, что касаться её нельзя — от последствий меня не спасёт ни один целитель.

Я поднял глаза и заметил впереди знакомый женский силуэт. Сердце пропустило удар. Женщина медленно шла прочь от меня, и я сорвался с места. Но что-то было не

так: чем быстрее я бежал, тем дальше она была от меня.

Что же произошло дальше? Я сумел догнать незнакомку сам, или это она замедлилась настолько, чтобы оказаться прямо передо мной? С трудом успев затормозить, чтобы не сбить её с ног, я жадно хватал ртом раскалённый воздух, пытаясь восстановить дыхание.

Женщина обернулась и протянула ко мне руку. На мои глаза навернулись слёзы и защемило в груди — этот жест, знакомый до боли, поднял во мне что-то тоскливое, разбередив свежую рану.

Я потянулся к ней в ответ, но какое-то странное предчувствие кольнуло затылок, и я остановился, так и не дотронувшись до неё. Женщина выглядела совсем как мама. У неё было мамино лицо, волосы, фигура, но я знал — это не она.

Внезапно рот незнакомки исказил триумфальный оскал. Она впилась острыми ногтями в моё запястье и рывком притянула к себе. Я закричал, вырывая руку из хищной хватки, и отступил, не отрывая взгляд от жуткой улыбки, но женщина не собиралась останавливать меня. Миг — и она исчезла, словно никогда не существовала.

Я с удивлением понял, что держу в ладони какой-то предмет. Разжав кулак, я увидел жемчужину, серебряную с голубым отливом. Удивление сменилось ужасом, когда она почернела и осыпалась пеплом прямо в странную жидкость, успевшую натечь со стен. Как я не заметил, что стою в ней

по колено? За моей спиной раздался низкий довольный смех, и свет померк.

* * *

Я рывком сел на постели. Тело била мелкая дрожь, но я почувствовал облегчение. Всё хорошо. Это всего лишь сон.

Так прошла неделя бессмысленного существования. Первые дни я даже не находил сил подняться с постели. Я просыпался, чувствуя себя разбитым, и снова проваливался в сон. Забытье было даровано мне только в первую ночь. Потом его место занял повторяющийся кошмар, в котором я тонул каждый раз, как закрывал глаза.

Я услышал шорох в коридоре и, с трудом спустив ноги с кровати, развернулся к двери. Конечности от напряжения тряслись так, будто я не двигал ими целую вечность.

Кто-то остановился на пороге комнаты. Я поднял голову и увидел невысокого черноволосого парня с порванным ушным плавником. Он стоял, вздёрнув подбородок и плотно сжав губы. Из глубины памяти поднялось воспоминание: этот же парень неуверенно вошёл в главный зал убежища, и помощница хозяйки представила его как нового посыльного. Как его там звали? Кирус, кажется?

— Кайриус? — вместо приветствия произнёс он. Я кивнул. — Хозяйка ждёт тебя утром, дело есть.

Я снова кивнул. Сил отвечать не было. Он ещё немного помялся у двери, вероятно, чувствуя себя неловко из-за моего молчания. Я же почувствовал себя немного лучше, на-

блюдая за его растерянностью. Кажется, он ожидал отыскать здесь кого-то более отзывчивого.

— Ну, если ты всё понял, я пойду? — то ли утвердительно, то ли вопросительно пробормотал он, разворачиваясь, чтобы уйти, но всё ещё глядя на меня.

Уже откровенно насмехаясь, я кивнул в третий раз, глядя прямо на него и не моргая. Представляю, что парень расскажет, когда вернётся в убежище. Если его сразу не поднимут на смех за выдумки, то завтра я сам смогу услышать версию истории «Кирус в логове глубинного чудовища».

* * *

Наутро, покидая дом для встречи с хозяйкой, я не был уверен, правильно ли поступаю, ведь у меня больше не было причин работать на неё. Но просто взять и исчезнуть я тоже не мог — в Ликирисе это возможно, только если выйти за защитный купол, а это равносильно смертному приговору. Я должен хотя бы попытаться договориться.

К счастью, по пути мне не встретилось ни одного знакомого. Я вошёл в убежище и тут же окунулся в царство веселья и лёгкой суеты. Несмотря на ранний час, здесь уже собрались почти все корифены. Они устроились за длинными столами, свободно расставленными по всему главному залу, расслабленно развалившись на каменных лавках. Перед многими стояли кубки со змеиным вином, в дальнем углу двое мерфолков увлечённо играли в кости, собрав вокруг себя нескольких зрителей.

В самом центре помещения, под большим светочным камнем, собралась шумная компания. Среди мерфолков я заметил Кируса. Его лицо позеленело, оттенком слившись с чешуёй, покрывающей его тело. Я ощутил лёгкий укол вины — ведь это из-за меня над ним сейчас потешается вся банда. Но мгновение спустя он открыл рот, и чувство вины испарилось так же быстро, как и появилось:

— Ничего я не выдумываю! — кричал посыльный, старательно заглядывая в лица окружающих. — Ни слова не произнёс, даже не поздоровался! Сидел только, лохматый такой, смотрел на меня этими своими жуткими глазищами. Жёлтый даже светился, клянусь!

В ответ грянул дружный смех и полетели подначивания: «Ну да, конечно, и почти превратил тебя в окуня! Ещё что расскажешь?», а я тяжело вздохнул. И эти туда же. Я думал, корифены не обсуждают мою внешность. Я наивно полагал, что здесь, среди изгоев, мое уродство не будет так сильно выделяться.

Проклятые глаза! Они были главной причиной, по которой со мной не хотели дружить другие дети, а взрослые смотрели с подозрением. Всё дело в их цвете: левый глаз был обычным для мерфолка, голубым, но правый, жёлтый, с поназемному круглым зрачком, привлекал к себе нездоровое внимание. Соседи утверждали, что это проклятие Ольвидуса, мол, так он отметил кровь отступников, чтобы уберечь праведных мерфолков от опасности. А мама говорила, что

так во мне проявилась кровь какого-то далёкого предка, и я вовсе не был ему благодарен за это: и почему только он не мог подарить мне синие, серые или хотя бы зелёные глаза?

Я понял, что вот уже несколько минут молча стою почти в центре зала, и как раз отступил к стене, собираясь незаметно проскочить мимо весельчаков, как вдруг:

— Опаньки, а вот и он! — воскликнул кто-то в толпе. Все тут же оставили Кируса в покое и повернулись в мою сторону.

— Пришёл, смотрите, кто пришёл! — летело со всех сторон. Гул всё нарастал и нарастал, и снова стало так же шумно, как и мгновение назад.

— Давненько тебя не видел, вентус Кайриус, — издевательски протянули сзади.

Ну конечно. Я еле удержался от того, чтобы не закатить глаза, и обернулся. В нескольких шагах от меня, закинув ногу на ногу, на столе восседал обладатель высокого капризного голоса.

Горцениус, любимчик хозяйки. Его невозможно было не заметить в толпе: красив, строен, высок, с чешуёй столь белой, что аж глаза слепит — ну прямо принц из сказки для шестнадцатилетних девиц. Среди корифенов ходили слухи, что фаворитом он стал вовсе не за свой талант к аферам, но вслух эту тему никто не обсуждал. Этот никогда не упустит шанса поддеть меня. Обычно, если я молча терплю его глупые нападки, то Горцениусу быстро надоедает, и он пе-

реключается на кого-то другого. Но, кажется, сегодня удача отвернулась от меня.

— Как поживаешь? — Он легко спрыгнул со стола и подошёл ближе, а затем опёрся рукой о стену рядом с моей головой.

Моя бровь непроизвольно взлетела вверх. Он думает, этот жест должен меня напугать? Или очаровать, как барышню из купеческого квартала?

— Слышал, у тебя была тяжелая неделя, Кайриус, — попробовал он снова, чуть наклоняясь и скалясь мне в лицо. — Не хочешь поделиться переживаниями со своими добрыми друзьями?

Не дождёшься! Я продолжал молча стоять, глядя прямо перед собой. Все в зале притихли и открыто пялились на нас. Лицо Горцениуса пошло голубыми пятнами, дерзкая ухмылка сползла с бледных губ.

— Я с тобой разговариваю, малёк! Ты оглох или дар речи потерял? — прошипел он.

Вот привязался! Почувствовав, что начинаю закипать, я повернул голову и посмотрел прямо в его серые глаза. И, прежде чем успел сам себя остановить, открыл рот, чтобы послать его к вексу[1]. Но тут:

— Ну и ну. — Спокойный голос пролетел под потолком,

[1] Векс (акв.) — по верованиям мерфолков, дух-посланник, материальное проявление воли и мудрости Ольвидуса. Считается, что любые неприятности в жизни мерфолка — это испытания векса, и преодолевать их надлежит с достоинством и смирением. В трущобах это слово давно стало ругательством.

заставив всех замереть.

В зале будто стало холоднее, и, судя по промелькнувшему испугу на лице Горцениуса, это почувствовал не только я. Он тут же отшатнулся от меня, а я вытянулся и приложил ладонь к левой ключице в приветственном жесте.

На небольшом резном балконе, глядя на нас сверху вниз, стояла Уннур. Эта крепкая женщина с ярко-зелёными глазами являлась хозяйкой Корифенов. Пожалуй, её можно было назвать привлекательной, если бы не шрам, тянущийся от виска к губам через всю правую щёку. Женщина никогда не появлялась перед нами без янтарной диадемы, венчающей её замысловатую прическу из множества тонких кос.

Мы старались лишний раз не злить её: о взрывном характере хозяйки неудачливые корифены рассказывали невероятные истории, одна другой краше. Оставалось лишь гадать, что являлось правдой, а что выдумкой — сам я, к счастью, ни разу на себе её гнев не испытывал.

— Заняться нечем? — спросила хозяйка, сохраняя на лице маску обманчивого безразличия. Краем глаза я уловил движение — это Горцениус подался чуть вперёд, — но Уннур предупреждающе вскинула руку. — Я не просила оправдываться. Бездельники — шаг вперёд! — Она обвела помещение ледяным взглядом и, убедившись, что никто не шелохнулся, продолжила: — Так я и думала. Вижу, у всех есть дела в городе. Разошлись! А ты, — она указала на меня, — за мной!

Я поплёлся к угловой лестнице, не обернувшись на едкое: «Продолжим позже!» Я не сомневался — Горцениус найдет повод, чтобы устроить новую сцену. Но сейчас меня занимал только один вопрос: зачем хозяйка вызвала меня на личный разговор? За три года такое произошло впервые, и я даже представить не мог, чего ждать.

* * *

Я поднялся на второй этаж и прошёл вслед за Уннур в небольшие покои. Всё помещение было завалено подушками, а по стенам струились вниз полупрозрачные занавеси изумрудного цвета.

Под самым потолком висела небольшая сфера. Освещения она практически не давала, но я почувствовал волны исходящей от неё магии. Я бросил удивлённый взгляд на хозяйку, но ничего не сказал.

Я знал, что магусы легко могут формировать из потока[1] шары света — это для них столь же естественно, как и дышать. А вот те, кто не владеет магией, вынуждены полагаться лишь на светочные камни, которые довольно быстро тускнеют без солнечного света — редкого гостя Глубин, — либо приобретать такие вот сферы у магусов. Должен сказать, удовольствие это сомнительное. Да, они хранят яркость дольше камней, но всё же их приходится наполнять потоком через какое-то время, а денег за эти штуки просят немалые. На-

[1] Поток — обозначение сырой магической силы (здесь речь именно о внутренних силах мага).

стоящая роскошь для трущоб. Среди корифенов не было ни одного магуса, и я даже не мог представить, чего стоило достать подобную вещицу. Даже такой способной и властной женщине, как Уннур.

Я подавил желание пнуть валяющуюся на полу подушку. До чего же несправедливо! У аристократов по сотне сфер в каждой комнате их огромных особняков — я сам видел, когда пробирался в Верхний город. Ещё бы, ведь Сенат даёт знати всё самое лучшее! Большая часть сил магусов идёт на обеспечение комфорта богачей, и это в то время, как Сафирея медленно исчезает!

Это лишь вопрос времени, как скоро все дома в трущобах будут заполнены водой. Когда-то Ликирис был гораздо больше. Но магов рождается всё меньше, и их не хватает для обеспечения безопасности на всей территории, поэтому население постепенно стекается ближе к центру. Но предел есть всему — город уже до того мал, что дальше перебираться просто некуда.

Думаю, в Аквалиусе, Эхосе и Фосфорисе ситуация не лучше. Я никогда не бывал за пределами Ликириса, и вряд ли у меня когда-то появится такая возможность. Обычные мерфолки не могут позволить себе путешествовать: услуги Знатока Путей стоят дорого и доступны лишь членам Сената и их семьям. За защитными куполами лежит мгла, и никто точно не знает, что кроется в ней. Я невольно содрогнулся. Страшно представить, что случится, если магусы больше не

смогут защищать нас.

Пока я, утопая в своих невесёлых мыслях, застыл на пороге, Уннур прошла к подушкам и расслабленно опустилась на них, приглашающе похлопав по одной прямо рядом с собой. Я нерешительно подошёл и сел, поджав под себя ноги и стараясь занимать как можно меньше места. Я ждал, пока она заговорит, беспокойно ёрзая на месте.

Уннур же, казалось, не замечала моей неловкости. Она потянулась и широко, с удовольствием зевнула. Только после этого посмотрела на меня и спросила:

— Как ты?

— Унда[1]? — Я опешил. Она молчала, выжидательно глядя на меня. Я тоже молчал, подумав, что ослышался.

— Как ты себя чувствуешь, Кайриус?

Я уставился на неё. Что это за внезапное проявление участия? Какое ей вообще дело? Лишь спустя несколько мгновений, подумав, насколько, должно быть, глупо выгляжу, я неловко откашлялся и ответил:

— Я в порядке, унда.

— Нет ничего страшного в том, чтобы быть не в порядке, — протянула она, глядя мне прямо в глаза. — Ты потерял мать.

— Я в порядке, — упрямо повторил я, перестав даже моргать.

Наша молчаливая борьба продолжалась несколько секунд.

---

[1] Унда (акв.) — уважительное обращение к женщине, госпожа.

Я не выдержал первым и отвёл взгляд. Уннур усмехнулась:

— Ну хорошо, в порядке так в порядке. Я позвала тебя по делу, интересно?

— В вашем распоряжении.

Будто я мог ответить «нет».

— Знала, что на тебя можно положиться! — Она впервые за время нашего разговора улыбнулась и крепко хлопнула меня по колену. — Как ты знаешь, через неделю состоится фестиваль в честь Дня Освобождения. — Это было скорее утверждение, но я всё равно кивнул. — Одна рыбка принесла весть, что в празднике примут участие Слышащие.

— Жрицы? — Я не поверил ушам. — Но они уже лет двадцать не покидали храм.

— Подробностей не знаю. В любом случае, это нам на руку, Кайриус, — продолжала Уннур. Она доверительно придвинулась ближе. Я заставил себя оставаться на месте. — Мы... Точнее, ты, дорогой, украдёшь Гребень.

Хорошо, что я уже сидел. Я почувствовал слабость во всём теле и в ужасе уставился на неё. «Вы с ума сошли!» — чуть не сорвалось с моих губ, но я вовремя прикусил язык. Какой бы безумной ни была идея, такое мне с рук не сойдёт. Уннур, между тем, открыто наслаждалась моей реакцией.

— Унда, уверен, вы и сами это понимаете, и не мне сомневаться, но кража Гребня, это же... очень сложно, — пробормотал я.

— О нет, мальчик мой, это не очень сложно, это невоз-

можно! — Её полные губы расползлись в хищном оскале, собирая шрам на щеке в некрасивую складку. В тусклом свете сферы мне показалось, что зелёные глаза Уннур светятся. — И ты совершишь невозможное. С моей помощью, разумеется.

— Я… слушаю, унда.

Голос предательски дрогнул, но хозяйка, кажется, не заметила этого. Я надеялся, что подступающая паника не отражается на моём лице. Что бы она ни предложила — это настоящее самоубийство. Когда меня поймают — а меня точно поймают, я ни капли не сомневался, — у меня останется только один путь. Прямиком на эшафот. Даже за помыслы о краже главной реликвии Сафиреи полагается смертная казнь.

Уннур тем временем запустила руку вглубь горы подушек за своей спиной и извлекла замызганный свиток. Встряхнув рукой, она одним движением расстелила его прямо на полу, и я увидел подробный план храма. Тревога мгновенно рассеялась. Я искренне восхитился мастерством составителя: здесь были отмечены все комнаты, потайные ходы и несколько лазов, посты охраны и даже личные покои жриц. В нижнем левом углу было мелко нацарапано расписание патрулей, а стрелками в коридорах указаны их маршруты.

— Впечатляет, а? — довольно улыбнулась хозяйка, видимо, заметив мою реакцию. — Скажем так, у Корифенов есть весьма полезные союзники. Итак, слушай внимательно.

но. В храме останется несколько стражей на входах, здесь и здесь. — Уннур поочередно отметила две точки на схеме. — Остальные отправятся с процессией: будут следить, чтобы жрички на ровном месте не споткнулись. — Она хохотнула. Я ответил кривой улыбкой, хотя веселья Уннур не разделял. — Твоя задача проще некуда, Кайриус: отправиться на Хрустальную площадь и затеряться в толпе зевак. Как только дамочки проплывут мимо тебя — пойдёшь к храму, проберёшься внутрь через этот лаз и дальше так. — Ноготь, закруглённый на конце, проложил извилистую линию на схеме. — Не переживай, у лазов стражи не будет. Сомневаюсь, что эти кретины вообще знают об их существовании.

На мой вопросительный взгляд она ответила:

— Ты же не думаешь, что слуги сидят в этом склепе безвылазно, подобно их сумасшедшим хозяйкам? — Она покачала головой. — Итак, выход прямо в этом небольшом коридоре рядом со Звёздным святилищем. Если заплутаешь — не страшно. Наш шпион сказал, что ты сразу поймёшь, что попал в нужное место. Заберёшь оттуда реликвию и тем же путём выйдешь обратно. Внутри проблем тоже быть не должно — святилище не охраняется, заходить туда можно только Верховной, а она в это время будет далеко. Когда выберешься на улицу, пойдёшь прямо через кварталы купцов и возле Разрушенной гряды передашь Гребень посыльному. Он будет ждать возле нашего лаза. В убежище вернёшься через город. Не думаю, что будет погоня, но лучше перестра-

ховаться. Всё ясно?

— Вы уверены, что трудностей не возникнет? — Я пытался запомнить показанный путь, блуждая взглядом по свитку. План звучал слишком просто.

— Нет. Но ты парень ловкий и сообразительный, справишься. — Хозяйка снова откинулась на подушки.

— Почему я? — задал я мучивший меня вопрос. — Я имею в виду, я не ставлю под сомнение ваш выбор, но я же не самый лучший. Здесь есть воры гораздо способнее меня. Так почему?

— Почему, спрашиваешь? — Она задумчиво прикоснулась к шраму на щеке. — У тебя есть неоспоримое преимущество, дорогой. Ты не веришь в богов. Сама я, разумеется, пойти не могу: пока не планировала осчастливить кого-то наградой за мою голову. Что до лучших... Ты и сам среди них, мальчик мой. Я слишком хорошо знаю своих корифенов: те двое, что могли бы превзойти тебя, сохранили детский страх перед божественным наказанием в посмертии. Эти олухи побоятся разгневать Ольвидуса и откажутся. Но это дело весьма деликатное, сам понимаешь, и я не могу рисковать, пока Гребень не окажется у нас. Я не потерплю утечки сведений, Кайриус, и также не приму неудачу. — Она наградила меня долгим пронзительным взглядом. — Так что, ты согласен?

Я не удержался и тяжело вздохнул. Впервые в жизни я был не рад своему неверию. Теперь оно привело меня в безвыходную ситуацию. Я понимал, что последний вопрос Уннур

задала из вежливости, ведь выбора у меня с самого начала не было. Из двух граней — призрачный шанс на успех или гарантировано быть убитым за отказ — я выбрал первое:

— Да, унда.

— По лицу вижу, что у тебя ещё остались вопросы. Задавай, не стесняйся.

— Зачем вам Гребень?

Хозяйка ответила не сразу. Несколько мучительно долгих мгновений она молчала, а затем, как-то разом собравшись, выпрямилась. От расслабленности не осталось и следа.

— Я хотела придержать это, но раз ты сыграешь такую важную роль, то имеешь право знать. Мы на пороге восстания, Кайриус, — серьёзно произнесла она. Мне стало не по себе. — Эта реликвия станет залогом нашего успеха. Сенату придётся пойти на уступки.

Уннур явно хотела сказать что-то еще, но её прервал стук в дверь. Она раздражённо прикрыла глаза.

— Я же приказала не беспокоить нас, — пробормотала хозяйка, торопливо сворачивая свиток и пряча его обратно в подушки. — Войдите!

Дверь медленно отворилась, и я решил, что мне мерещится. В проёме стоял священник. Теперь, когда он перестал горбиться, а его лицо больше не скрывал капюшон, я отметил, что он гораздо моложе и выше, чем я думал в нашу первую встречу. В его облике было что-то одновременно притягательное и отталкивающее: правильные черты ли-

ца казались слишком острыми, тени под глазами выделялись даже на фоне тёмной, почти чёрной кожи. Магус теребил подолик перчатки и явно нервничал.

— Магус Соррус? Мы разве договаривались о встрече сегодня? — В тоне Уннур слышалось удивление.

— У этого скромного служителя есть важные сведения для унды.

Тут он заметил меня, и его серые губы растянулись в неприятной улыбке, обнажив ряд мелких острых зубов.

— Вентус Кайриус, какая неожиданность! — Воскликнул он, быстро облизнувшись. — Я ведь говорил, что мы ещё встретимся.

Я попытался улыбнуться в ответ, но лицо будто свело судорогой. До чего жуткий тип!

— На сегодня всё, Кайриус, — быстро проговорила Уннур. — Жду завтра в то же время.

Я вскочил на ноги. Приложив пальцы к ключице и слегка кивнув магусу на прощание, я вылетел прочь из комнаты. Краем глаза успел заметить сжатые до побелевших костяшек кулаки Уннур. Кажется, она тоже была не в восторге от странного священника. Любопытно, какие общие дела могут быть у этих двоих?

Со стороны главного входа до моего слуха долетел смех Горцениуса. Нет, ещё к одной стычке с ним сегодня я не готов. Я незаметно проскользнул к неприметной двери в конце коридора второго этажа и, покинув убежище через чёрный

вход, отправился домой.

* * *

Неделю спустя, укрывшись в тени одной из боковых колонн, я с интересом наблюдал за тем, как постепенно заполняется Хрустальная площадь. До начала оставалось совсем немного времени, но жители Ликириса не переставали приходить, надеясь поглазеть на жриц хотя бы издали.

По центру площади возвышалась статуя Змея, олицетворяющая Ольвидуса, мордой повернутая к единственной дороге, ведущей к храму. Гордо поднятая голова чудовища венчала мощную длинную шею. Изо лба торчали кривые рога, растущие назад. Зубцы поменьше тянулись вдоль всего хребта до самого кончика закрученного хвоста. Вместо глаз сверкали два больших сапфира: с любой точки площади казалось, что Змей смотрит прямо на тебя, будто следит. Такие же сапфиры блестели когтями на каждой лапе. Вблизи можно было разглядеть каждую чешуйку. Ваятель действительно постарался, однако время не пощадило его творение: левый рог на голове был обломан почти у самого основания, а со спины отвалился целый кусок.

От Храмовой арки до дороги, ведущей в кварталы знати, протянули ленты, выделяя путь для процессии и охватывая статую с обеих сторон. Этот пока пустой участок был единственным, где ещё можно было разглядеть полупрозрачную круглую плитку, которой была выложена площадь. Жидкий огонь в фонарях сегодня покрасили в светло-голубой цвет в

честь праздника. На него невозможно было долго смотреть, не боясь ослепнуть от яркости.

Я отвлёкся от созерцания и ещё раз мысленно повторил план. Каждый день я проводил в убежище, запоминая схему храма, и в городе, изучая возможные пути отступления.

Вчера я неожиданно для самого себя осознал, что получаю удовольствие. Мне нравилось бродить по городу, нравилось осознавать свою причастность к чему-то значимому. Когда первый шок от вестей о готовящемся восстании прошёл, я ощутил небывалый прилив вдохновения. Вот оно — то, что необходимо Сафирее! Никто не обсуждал это в открытую, но все жители трущоб, на деле отрезанные от остального города, мечтали о свержении Сената и равных правах для всех мерфолков. Уннур намекнула, что у нас есть союзники и в других районах, даже магусы. Впрочем, последнее скорее тревожило, нежели приносило облегчение. Если все они такие же чудные, как местный священник Соррус, то у нас точно возникнут проблемы в будущем.

Раздражать Горцениуса тоже оказалось неожиданно приятно. Каждое утро, поднимаясь по лестнице, чтобы скрыться за дверью покоев Уннур, я чувствовал на своей спине его прожигающий насквозь взгляд. Судя по всему, хозяйка не сочла нужным посвятить его в подробности дела, но предупредила, чтобы меня не доставали. Я так решил, потому что цепляться Горцениус ко мне и вправду перестал, только караулил у входа в убежище и злобно пыхтел вслед. Интерес-

но, что он успел себе надумать за неделю таких визитов?

Но самое лучшее — это отсутствие кошмаров. Я каждый день так уставал, что, приходя домой вечером, падал на кровать и мгновенно засыпал до самого утра. Никогда бы не подумал, что буду так рад работе.

С дальнего конца площади раздались восторженные крики. За толпой было ничего не разглядеть, поэтому я забрался на выступ колонны. Как раз вовремя, чтобы увидеть, как со стороны храма плавно потекла процессия.

Они двигались парами. Создавалось впечатление, что ноги женщин не касаются земли. Издалека они казались совершенно одинаковыми, одетые в плащи, которые полностью скрывали их тела, оставляя видимой лишь нижнюю часть лиц. Я быстро пересчитал их — ровно восемнадцать. Сомнений не оставалось: все жрицы и в самом деле покинули храм. По бокам от служительниц Ольвидуса шагали ольвиции [1], облачённые в синие чешуйчатые доспехи. Я недоумённо нахмурился. Слишком мало, где остальные?

Первая пара жриц почти поравнялась со мной, и я приготовился спрыгнуть с уступа и незаметно обойти толпу сбоку. Но внезапно процессия остановилась. Странно, шпион хозяйки ясно дал понять — они должны дойти до конца, огибая статую, и направиться дальше, к зданию Сената.

Рука потянулась к правому плавнику, но я одёрнул себя.

---

[1] Ольвиций (акв.) — представитель храмовой стражи, подчиняющийся непосредственно Верховной.

Дурацкая привычка! Спокойно, паниковать рано. Наверняка это всё какая-то часть представления.

Жрица из первой пары, стоящая ближе ко мне, медленно подняла руки и стянула капюшон с головы. По площади пролетел благоговейный ропот, а мои внутренности обдало холодом. Верхнюю половину лица женщины скрывала сплошная перламутровая маска, но я был готов поклясться, что незрячая смотрела прямо на меня. И я замер, не смея оторвать от неё взгляд.

Время замедлилось. Я смотрел на неё — ту самую женщину из моего кошмара. Женщину, так похожую на мою мать. Спустя несколько бесконечно долгих мгновений жрица отвернулась, и процессия продолжила движение.

На ватных ногах я спустился на землю, но даже не успел выдохнуть, как ощутил тяжёлую ладонь на своем плече, и вздрогнул от неожиданности. Что-то в районе желудка рухнуло вниз, когда хватка стала сильнее и я услышал, сказанное в самое ухо:

— Не дёргайся и ступай вперёд. Госпожа желает встретиться с тобой.

Глава 2 (Кайриус). Божественная плоть.

Дорога прошла в гнетущем молчании и компании двух угрюмых мерфолков. Пока один любезно передавал приглашение на аудиенцию, второй вырос передо мной, словно из ниоткуда. Из-под полы его плаща выглядывал синий доспех храмовой стражи. В тот момент я запаниковал, и если бы не ладонь, сжимающая моё плечо, я бы рванул прочь, наплевав на план.

Пришлось подчиниться. Сначала я подумал, что кто-то сдал меня властям, и уже мысленно попрощался со свободой, однако повели меня не в сторону Сената, чтобы передать глацедиям[1], а к храму. До самой арки мы прошли незамеченными. Жаль, мне бы пригодилась суета в толпе, но всеобщее внимание было приковано к процессии, так что вскоре ольвиции уже тащили меня наверх по вымощенной тропе, ведущей к обители Слышащих.

Чем ближе мы подходили к храму, тем сильнее меня одолевала тревога. И вовсе не потому, что я мог только догадываться о своей участи: само здание, слишком мрачное для дома милосердного бога, давило, словно желало высосать из

[1] Глацедии (акв.) — стражи, подчиняющиеся Сенату. Выполняли функции полицейских, охранников, надзирателей, дознавателей, палачей и т.д.

меня последние силы.

Казалось, что это величественное сооружение растёт прямо из возвышающейся за ним горной гряды, Хребта Змея. Главный вход зиял чернотой, словно пасть гигантского чудовища, готового в любой момент поглотить неосторожных путников. По бокам от него ввысь тянулись две башенки с ажурными шпилями. Верхушка правого точно стремилась разрезать Пелену, а вершину левого венчала огромная спиральная раковина. Храм оброс полипами, ракушками и водорослями так, что невозможно было разглядеть стен: склизкое красно-зеленое месиво плотно покрывало поверхность в несколько слоёв.

Поднявшись по крутым скользким ступеням, мы вышли на широкую крытую площадку. Я посмотрел наверх: тёмный свод нависал так низко, что казалось, будто он готов рухнуть нам на головы. С него лоскутами свисали широкие полосы водорослей, похожие на обрывки старой грязной ткани.

По бокам площадки располагались колонны странной закрученной формы. Я пригляделся и едва сдержал изумлённый возглас — то, что я принял за колонны, оказалось фигурами девушек, высеченными из мрамора. Казалось, только за их чистотой храмовые слуги и следили — статуи сияли жемчужной белизной и выглядели совершенно неуместно среди заросшего зеленью пространства. Каменные девушки держали свод на вытянутых вверх руках, позы и выражения лиц кричали о тяжести их ноши. Каждая скульптура была об-

лачена в тонкое полупрозрачное платье, и, приглядевшись, я понял, что они тоже мраморные. Однако было неясно, зачем они вообще нужны: ткань не скрывала ни единой подробности безупречных тел. Но сильнее всего меня удивило другое: девушки совсем не были похожи на мерфолков — ни чешуи, ни плавников я не заметил.

Пока я глазел по сторонам, ольвиции привели меня к уродливым двустворчатым воротам с проржавевшими петлями. Один из сопровождающих постучал в неприметное окошко, которое располагалось так низко, что мужчине пришлось согнуться пополам, чтобы его лицо оказалось с ним на одном уровне. Заслонка приоткрылась на пару сантиметров, и страж что-то негромко сказал в образовавшуюся щель. Левая створка ворот медленно, с пронзительным скрежетом, поползла в сторону, приоткрывая проход ровно настолько, чтобы мы могли зайти внутрь по одному. Я шагнул вперёд и почувствовал знакомое покалывание по всему телу — здесь ожидаемо стояла защита от воды.

Мы ступили в длинный коридор, конец которого терялся в тени. Тусклого сияния светочных камней на потолке едва хватало для того, чтобы осветить верхнюю часть серых с золотыми прожилками стен. Пол я разглядеть не смог, поэтому, надеясь не споткнуться, просто приклеился взглядом к впереди идущему стражнику и старался не сбиться с шага. По пути мы не встретили ни души, даже слуг. Шпион всё же не обманул — все и правда ушли на Хрустальную площадь.

Даже я, не любивший шумных сборищ, понимал их. В Сафирее принято праздновать только День Освобождения. Именно в этот день тысяча восемьсот лет назад завистливые наземные боги возвели Пелену, запретив мерфолкам подниматься на Поверхность. Кажется, это должно было стать наказанием для Ольвидуса, однако наши предки приняли изгнание как настоящее благословение: всё только к лучшему, больше никаких гонений и притеснений в чужих землях!

С тех пор многое изменилось. Думаю, какое-то время мерфолки в самом деле жили хорошо. Жаль, недолго. Лишившись внешнего врага, они начали грызться между собой. Вспыхнула война, унёсшая жизни более чем половины сафирейцев. Победители получили всё, загнали проигравших в трущобы и вот уже почти два тысячелетия делают жизнь их потомков невыносимой.

Родиться в трущобах — приговор. Шансы выбраться оттуда никчёмны. Зато упасть с вершины проще простого. Образ матери яркой звездой засиял в памяти. Я почувствовал поднимающуюся во мне злость. Сдаваться нельзя. Я обязан сделать всё, чтобы заполучить Гребень. Чтобы все эти жадные старики из Сената и равнодушные жрицы испытали то же, что и она. Чтобы все они опустились на самое дно и никогда не отыскали попутного течения в стремлении всплыть обратно. Чтобы сполна познали горечь поражения.

Разгоревшаяся во мне решимость сделала тишину невыносимой. Пару мгновений поколебавшись, я всё же решил

нарушить молчание.

— Уютно тут.

Никакой реакции. Стражники продолжали вести меня вперёд. Ну да, а чего я ожидал от них? Светской беседы? Я прочистил горло и попробовал снова:

— Просторно так! — Уже чуть громче.

Снова ничего.

— И я, безусловно, польщён! Но это приглашение… Не поймите превратно, но всё так неожиданно! Я был бы весьма признателен, если бы мог узнать, кто его передал. Может, я бы мог?..

— Разговоры запрещены, — прозвучал грубый голос за моей спиной.

— Да бросьте! — воскликнул я. — Я всего лишь пытаюсь избежать неловкой ситуации. Представьте только, если я не так поклонюсь или не так обра…

Договорить мне не дали. Идущий впереди остановился так резко, что я налетел на него и едва не разбил нос об синий доспех. Мерфолк обернулся, холодно посмотрев на меня сверху вниз, и отрывисто приказал:

— Умолкни и шагай!

— Хорошо-хорошо, как скажете! — Я нервно рассмеялся, потирая ушибленный нос, а другую руку поднял в примирительном жесте.

Ольвиций задержал на мне взгляд. Только убедившись, что я в самом деле замолчал, он отвернулся и двинулся даль-

ше. Я почувствовал толчок в спину и поспешил за провожающим. Второй стражник так ни на секунду и не ослабил давление на мое плечо, и я с тоской подумал, что точно останется синяк. Впрочем, это явно меньшая из моих проблем.

Впереди показалась стена, и дальше коридор разветвлялся. Мы свернули направо. По правой стороне нового коридора были тесно натыканы узкие двери, едва различимые на фоне стены. По левой же тянулись мозаичные фрески, каждая из которых изображала рогатых змеев, обвитых вокруг обнаженных девушек в весьма недвусмысленных позах. Я почувствовал, как к щекам прилила кровь, и поспешно отвернулся.

Ольвиций открыл дверь в самом конце коридора, а его напарник втолкнул меня внутрь комнаты.

— Жди.

Массивная дверь с глухим стуком захлопнулась, оставив меня одного в темноте. Я судорожно выдохнул, пытаясь сосредоточиться. Не время паниковать, надо понять, куда меня запихнули. Радуясь, что не зря столько времени провёл в убежище за подготовкой, я сопоставил наш путь сюда с чертежом из свитка. Судя по всему, я нахожусь в одной из комнат ожидания. Я не удержался и фыркнул — гостеприимно, ничего не скажешь!

Я осторожно скользнул ногой вперёд, проверяя расстояние до стены. Не встретив препятствий, уже увереннее сделал ещё два шага, но тут же пожалел об этом. Колено встре-

тилось с чем-то твёрдым. Я зашипел от боли и едва удержал равновесие. Пошарив руками перед собой, я нащупал нечто, похожее на скамью, прикрытую тонкой тканью. Слегка воодушевлённый тем, что, по крайней мере, не придётся сидеть на полу, я медленно двинулся вдоль стены, проходясь по ней пальцами в поисках зазора, тайника, фонаря — хоть чего-нибудь. Я обошёл всё помещение по кругу и вернулся к скамье.

Итак, что мы имеем: тёмную комнатушку размером три на три неширокихшага, гладкие холодные стены и тяжёлую дверь без ручки. Положение скверное, но рано или поздно за мной придут, так ведь? Я забрался на скамью и принялся ждать.

* * *

Не уверен, сколько прошло времени. Скрип открывающейся двери вырвал меня из дрёмы, и я вскочил на ноги. Блёклый свет, хлынувший из коридора, больно резанул по успевшим привыкнуть к темноте глазам. Проморгавшись, я поднял слезящийся взгляд на дверной проём. Я ожидал увидеть стражников, однако на пороге стояла бледная девушка в скромном сером платье с широкими рукавами. Служанка? Она сложила руки перед собой и немного подалась вперёд, наметив лёгкий поклон.

— Следуйте за мной, — произнесла она, не поднимая головы.

Я подошёл чуть ближе и осторожно заглянул ей за спину.

Так и есть, девушка пришла не одна — слева от неё кто-то стоял. Ладонь сопровождающего, затянутая в перчатку, весьма красноречиво лежала на эфесе меча. Я нервно сглотнул.

— Хорошо.

Девушка молча отвернулась и пошла прочь по коридору с фресками. Я поспешил за ней и услышал тихий скрежет чешуек доспеха за спиной — ольвиций не отставал.

Снова коридор, снова сопровождающие. Хотя, вынужден признать, на сей раз компания у меня поприятнее.

Мы дошли до знакомой развилки, но девушка не повернула налево, к выходу, а уверенно зашагала вперёд, ступив в настоящий лабиринт. Вскоре у меня закружилась голова. На свитке всё выглядело гораздо проще. В действительности же самостоятельно найти здесь что-либо представлялось невозможным. Создавалось впечатление, что мы ходим кругами: мимо мелькали одинаковые двери, расположенные на одинаковых стенах одинаковых коридоров.

Наконец, спустя несколько минут блужданий, в окружении появилось кое-что новое: мы остановились напротив огромной двери, инкрустированной перламутром и почерневшим серебром.

«Ты сразу поймешь, что попал в нужное место».

Я застыл, в неверии переводя взгляд с девушки на ольвиция и обратно на дверь. Это шутка?

Служанка с усилием потянула массивную створку на себя и жестом пригласила меня войти. Суровый взгляд страж-

ника отбивал любое желание задавать вопросы, и я покорно проскользнул в приоткрытую дверь, которая тут же захлопнулась за мной.

Я прижался спиной к двери и осмотрелся. Открывшийся вид поражал. Мне ещё не доводилось видеть такое красивое и вместе с тем такое странное место.

Потолка и пола в привычном понимании не было: вместо них поблёскивала вода. Я присел и осторожно поднёс руку к глади, ожидая, что пальцы сейчас погрузятся внутрь, но этого не произошло. Я чувствовал исходящую от воды прохладу, но какая-то невидимая преграда не позволяла мне соприкоснуться с ней. Вероятно, такая же удерживала и потолок. Я поднялся и немного прошёлся. Ощущение было необычным, будто под ногами расстелили большое мягкое одеяло.

Вода — снизу и сверху — неторопливо перетекала на правую стену, где с тихим плеском её потоки сталкивались и закручивались в небольшой водоворот.

Чуть левее центра потолка из водной глубины росли тонкие стеклянные трубки, по которым бежали яркие серебристые ручейки. Они мерцали внутри, доходя почти до самого пола и поднимаясь обратно, освещая сапфиры, щедрая россыпь которых украшала поверхность левой стены из неизвестного мне чёрного полированного камня.

Дальняя стена, однако, выбивалась из общей картины. Грубый бледно-серый камень тянул свои острые выступы вглубь зала, и мне стало кристально ясно, почему казалось,

что храм растёт из гряды: он не просто примыкает к Хребту, а является его частью.

Я вернул своё внимание к сапфирам. Отступив подальше, я рассматривал узор из драгоценных камней и не сдержал восхищённого вздоха, когда понял, что именно он изображает. Карту звёздного неба. Карту сокровища, что сокрыто от жителей Сафиреи.

Сердце наполнилось теплом. В детстве я с удовольствием изучал созвездия по старому потёртому атласу, и теперь мог с лёгкостью перечислить их. Я пошёл вдоль стены, увлечённо рассматривая фигуры, и вытянул руку, слегка касаясь пальцами самых крупных камней. Точно: вот Малый Дракон, а это — Гибельная Ветвь и, чуть ниже, Костяная Нимфа. Касатка, Ледяная Корона, Медная Башня — зрелище полностью поглотило меня.

Тут я услышал неразборчивый шёпот. Я мысленно отвесил себе оплеуху за то, что слишком расслабился, находясь в незнакомом месте. Решив, что кто-то вошёл, я заозирался по сторонам, пытаясь отыскать говорившего, но рядом никого не оказалось. Звук идёт из коридора? Нет, слишком громко, да и я стою далеко от двери.

Взгляд зацепился за нечто тёмное. Чуть правее от меня на небольшом возвышении чернел алтарь. И как это я раньше не заметил? Заворожённый, я побрёл в его сторону. Невнятный шёпот перерос в бормотание, но я всё ещё не мог разобрать ни слова.

Всего четыре шага и три ступени.

Громкость нарастала, голос обрёл силу и, извиваясь червём, проник в мою голову. Я забыл, где нахожусь и зачем сюда пришёл. Надо добраться до алтаря, остальное не имеет значения.

Осталось преодолеть всего лишь три ступени.

Голос разделился на несколько, перенося меня на оживлённую рыночную площадь. Где-то там раздавался низкий смех мужчины. Плакала нежная девица. Разбивал воздух звонкий визг ребёнка. Хрипло кашлял старик. Сорвался последний вздох с губ умирающего.

Я занёс ногу над первой ступенью.

— Приветствую, юноша.

Оклик застал меня врасплох и заставил вздрогнуть от неожиданности. Голоса смолкли. Так и не успев поставить ногу на ступеньку, я поспешно обернулся.

Слева от меня, растянув тонкие губы в доброжелательной улыбке, стояла высокая статная женщина. Она появилась из ниоткуда, словно вышла прямо из стены. Я уставился на её лицо, верхнюю часть которого от острых скул до середины лба скрывала перламутровая маска, увенчанная растущими назад небольшими рогами.

Не дождавшись от меня ответа, женщина продолжила:

— Я — Корделия, Прима[1] Ольвидуса. — Жрица гордо вздёрнула подбородок и расправила плечи. Мне показалось,

[1] Прима (акв.) — титул верховной жрицы Слышащих.

что после этих слов она словно стала ещё выше.

Впрочем, я и сам догадался, кто передо мной. В Звёздном святилище дозволено находиться лишь одной душе, и именно это обстоятельство заставляло беспокоиться сильнее всего.

Меня вообще здесь быть не должно. Даже по приглашению.

Я шагнул ей навстречу и опустился на колени, изо всех сил сдерживая подступившую к горлу тошноту. Эта нелепая и унизительная традиция — целовать одежду какой-то женщины только потому, что у неё бывают слуховые наваждения — казалась мне омерзительной. Но на чужой территории приходится играть по чужим правилам, и сейчас лучше всего проявить смирение. Тем не менее, приблизившись к подолу её невесомого дымчато-белого платья, я понял, что не могу заставить себя сделать это. Я остановился в нескольких миллиметрах от ткани, надеясь, что соскользнувшие с плеча волосы скроют моё лицо от возможных тайных наблюдателей.

— Встань. — В её голосе проскользнули довольные нотки. — Рада, что ты принял моё приглашение.

Я поднялся на ноги и, криво усмехнувшись, хрипло пробормотал:

— От него было просто невозможно отказаться, Прима.

— Ольвиции порой воспринимают мои приказы слово в слово. — Она небрежно махнула рукой. — Я приказала привести тебя сюда, и они привели.

Жрица шагнула вперёд, остановившись за моей спиной в паре шагов от ступеней, ведущих к алтарю. Я тут же развернулся, стараясь не выпускать женщину из виду.

— Я видела тебя на фестивале.

— Вы… видели?

Кажется, голос выдал мою растерянность, потому что Прима повернулась ко мне и тихо рассмеялась, вскинув руку и жеманно прикрыв нижнюю часть лица серебристо-голубым плавником.

— Верно. Это, — она указала на свою маску, — дар Владыки. Я способна видеть. Иначе, чем окружающие, но порой гораздо лучше.

Я присмотрелся к украшению: переливающаяся поверхность едва заметно мерцала серебром. Я проглотил язвительный смешок. Дар, как же! Просто зачарованная вещица, хоть и, судя по виду, довольно редкая и дорогая.

— Ты, вероятно, в растерянности и не понимаешь, зачем я позвала тебя. Прости мне этот каприз, но я не удержалась, — далёким от сожаления голосом произнесла она. — Если бы я не видела тебя всего две недели назад, то сейчас не смогла бы узнать. До того дня я помнила тебя милым ребёнком, Кайриус. Моё сердце полнится радостью от мысли, что дитя моей дорогой сестры чтит Владыку, как и надлежит всякому сыну Глубин.

Я почувствовал себя марионеткой, у которой обрезали нити. Тело разом расслабилось, и я облегчённо выдохнул. Ни-

кто не узнал о готовящейся краже. Это просто глупое совпадение. Но что-то в словах Верховной заставило меня снова почувствовать себя неуютно. По шее пробежал тревожный холодок: я не представлялся.

— Подождите. Вы знаете меня? — осторожно задал я вопрос.

Она кивнула.

— Знаю.

— Разве мы встречались раньше?

— Встречались.

Жрица отвечала односложно и, кажется, не собиралась ничего объяснять. Но я уже не мог остановиться. Страх отступил, и, взбудораженный, я подался вперёд.

— Прошу простить за дерзость, но я не понимаю, — проговорил я. Воздух вокруг нас зазвенел от напряжения. — Я совершенно точно никогда не видел вас.

— Так ли это?

Я хотел повторить свои слова, но вовремя прикусил язык. Из глубин памяти поднялось давно погребённое под слоем пыли воспоминание.

Они пришли в наш дом. Четверо в плащах.

Цепляясь пальцами за щербатый косяк, я выглянул из-за угла, но увидел только спины: гости спешно прошли в дальнюю комнату. Двое замыкающих несли большой красивый сундук. Я услышал голоса: тихий и робкий принадлежал маме, уверенный и гордый — другой женщине. Остальные хра-

нили молчание. Они говорили на странном языке, похожем на аквальтик, но я не понял ни слова. Разговор закончился, и посетители покинули наш дом столь же стремительно, как появились в нём.

Кажется, тогда я видел их первый раз. А может, это был первый визит, который я запомнил. Сколько же мне тогда было? Четыре года? Или уже пять?

Незнакомцы возвращались каждые три месяца. Мама никогда не объясняла, кто они такие, но перед каждым их приходом велела не покидать мою комнату. А после того, как они уходили, я сидел, прислонившись спиной к двери маминой спальни, и слушал её сдавленные рыдания.

Я так ни разу и не решился войти, чтобы успокоить её.

Несколько лет назад визиты прекратились. А может, я просто пропускал их, так как почти перестал бывать дома, иногда пропадая из-за работы на несколько дней.

Возможно, однажды я всё же мельком увидел лицо незнакомки, и мои ночные кошмары были навеяны этим образом из прошлого. Я рад, что уже неделю они не беспокоят меня.

Постойте-ка! Она сказала, что видела меня всего две недели назад?

Похороны. Пустырь. Четверо странных фигур за коралловым рифом. Одна из них, ниже и тоньше других, стоящая чуть впереди, застыла, как готовящаяся к броску змея.

— Неважно! — Я раздражённо отмахнулся от последнего неприятного воспоминания. — Объясните, зачем я здесь?

— Невинное любопытство, юноша, — с выводящей из себя безмятежностью произнесла Прима. — Я всего лишь хотела узнать, как ты поживаешь.

— Как я поживаю, — эхом повторил я.

В ушах противно запищало. Эта женщина издевается надо мной. Изнеженная жрица, которая никогда не испытывала трудностей в жизни. У неё есть слуги, охранники, незаслуженные любовь и уважение сафирейцев. А теперь, видимо, ей стало скучно. И я, сын попавшей в немилость Слышащей, — забавная зверушка для поднятия её настроения.

— Ну так спрашивайте, — процедил я сквозь сжатые зубы, с трудом сдерживая злость.

— Юноша! — Жрица делано удивилась. — Я слышу в твоём голосе злость? В этом ты совсем не похож на свою мать.

— Не вам об этом судить, Прима, — выпалил я. С каждым мгновением держать себя в руках становилось всё сложнее.

— Я чувствую, что сейчас сердце твоё переполнено горечью и болью. — Она тяжело вздохнула. — Это заставляет меня печалиться. Я желаю тебе добра, поэтому расскажу кое-что, хорошо?

Я молчал, глубоко вдыхая густой спёртый воздух и уставившись на свои ноги. Может, если я не буду её видеть, это удержит меня от необдуманного поступка?

— Прошу тебя понять, — начала она. — Жизнь Слышащей принадлежит Владыке с момента, когда она переступает

порог храма. Я знала ту, что носила имя Адва. — Я вздрогнул, едва с губ Корделии сорвалось имя, и вскинул голову. — Знала дольше, чем кто бы то ни было.

Она замолчала и отвернула лицо в сторону. Всего на мгновение, но плечи жрицы устало поникли. Рука взлетела к тёмно-серым волосам, украшенным жемчужными нитями, но, так и не коснувшись их, плавно опустилась вниз. Затем, словно пытаясь убедить не столько меня, сколько саму себя, Корделия сбивчиво забормотала:

— Сестра оступилась, но не перестала быть одной из нас. Милосердный не мог оставить её здесь, но позволил сохранить имя. Понимаешь ли ты, что означает дар имени? — Я отрицательно покачал головой, но она не обратила на этот жест никакого внимания. Женщина была так сосредоточена на своей речи, что мой ответ не имел для неё никакого значения. — Имя Слышащей — и есть её жизнь. Мы отрекаемся от тех, что дали нам родители, и до самой смерти носим новые, данные Владыкой. Это великая радость — отдать всю себя Сиятельному! — Верховная, наконец, выдохнула и вернула на лицо улыбку. — Возрадуйся, юноша! Владыка заговорил с девочкой из квартала ремесленников, и сегодня, в День Освобождения, мы забрали её в новый дом. Моя сестра ушла в Бесцветные Глубины, но Адва — жива!

Жрица ещё что-то говорила: об Ольвидусе, о его невестах, об именах и судьбе. Но я пропустил всё мимо ушей, неверяще глядя на неё и скрипя зубами. Вексова фанатичка! Вот

кем для Примы была мама — одной из многих, что были до неё и будут после. Женщиной, принадлежащей имени.

— Скажи, что ты знаешь о Пелене?

Меня настолько удивила резкая смена темы, что мой гнев улетучился, будто его и не было. Я неуверенно проговорил:

— Немного. Я знаю детскую сказку — «Песнь о Девятерых».

— Не сказка, но легенда. — Она удовлетворённо кивнула. — Да, пожалуй, этого достаточно. Ты знаешь, где мы находимся?

— Нет, — соврал я.

— Так знай, что стоишь сейчас в самом сердце Сафиреи, юноша, — Звёздном святилище! Идём, я хочу кое-что тебе показать.

Она легко взлетела по ступеням, ведущим к алтарю. Покачивающийся пол не доставлял Приме совершенно никаких неудобств. На нетвердых ногах я поспешил за жрицей, чувствуя себя шутом на представлении, и, споткнувшись о подножие лестницы, чуть не грохнулся на колени, лишь каким-то чудом восстановив равновесие в последний момент.

— Узри! — Торжественно возвестила Корделия, совершенно не обратив внимания на мои трудности.

Выпрямившись, я встал рядом с Верховной и опустил взгляд на лежащий перед нами предмет. Полупрозрачный плавник глубокого синего оттенка, размещенный ровно по центру алтаря чьей-то педантичной рукой, размером не

больше моей ладони, не представлял из себя ничего выдающегося. В святилище повисла неловкая тишина. Изящная работа, но восторг жрицы я разделить не мог.

— Это — Гребень, — с придыханием сообщила Корделия, по-видимому приняв моё молчание за потерю дара речи от восхищения. — Часть плоти Владыки, которую Он оставил первым Слышащим, прежде чем уснуть.

— Зачем? — не понял я.

— Дабы говорить с нами! — возмутилась женщина. — Тысячу и восемь сотен лет мы храним сей великий дар!

И вот за этой ерундой меня отправила Уннур? Я снова посмотрел на стекляшку. Она все так же безучастно лежала, ничем не выдавая свою божественность. Я перевёл взгляд на жрицу: на её губах блуждала блаженная улыбка, а тонкие руки слегка подрагивали. Я подавил желание закатить глаза. Понятно. Она сумасшедшая. Мама тоже бывала слегка не в себе, когда речь заходила о распрекрасном Ольвидусе, но Корделия… Это совершенно другой уровень безумия. Несчастная женщина искренне верит в эту чушь.

— Понимаю, — протянул я, прочистив горло. — Но зачем?..

— Вознеси молитву Владыке, юноша! — перебила она. — Это великая милость, оказанная тебе Сиятельным. — Прима спустилась по ступеням и отошла к стене с созвездиями-сапфирами. — Я подожду здесь.

Я стоял, не зная, что делать. Прима может расценить отказ

как еретичество. Может, просто притвориться, что молюсь? Векс побери эту Верховную, вот ведь дурь какая! А может… умыкнуть безделушку, пока никто не видит? Всё же за ней я сюда и явился. Будет глупо упустить такой шанс.

Чуть наклонившись, я принялся изучающе рассматривать «божественную плоть». По острой грани Гребня пробежала серебряная волна. Я медленно моргнул. Показалось?

Где-то рядом вновь раздался шёпот, тот же, что и до прихода Верховной. Я прислушался и разобрал отдельные слова: *«Рука. Дай. Скорее»*.

Я украдкой оглянулся — Прима стояла, отвернувшись к стене. Дрожь пробежала по моему позвоночнику, накидка прилипла к спине, пропитавшись потом. Я повернулся обратно к алтарю, ощущая, как набирающий силу голос, обжигая холодом, затекает в уши. Стеклянный плавник ослеплял своим сиянием, но взгляд будто приклеился к нему — не оторвать. От яркости заболели глаза, но я не мог ни моргнуть, ни поднять руку, чтобы утереть слёзы. Мерзкий шёпот копошился в голове, заглушая мысли и окружающие звуки. Я хотел окликнуть жрицу, но не смог разлепить пересохшие губы.

Рука сама потянулась вперёд. Я попытался остановиться, но тело больше не слушалось меня. С ужасом я наблюдал, как ладонь сжимается на стекле, и почувствовал резкую боль от пореза. Тонкой струйкой на алтарь потекла кровь: голубое смешалось с застывшими на поверхности чёрного камня

слезами. Шёпот резко смолк. Власть над собственным телом вернулась ко мне. Я покачнулся, с трудом удержавшись на ногах. Не до конца осознавая, что делаю, я принялся торопливо запихивать Гребень в поясную сумку, из-за трясущихся рук справившись только с третьей попытки и измазав ткань в крови.

Сжав порезанную ладонь в кулак и наспех обтерев лицо подолом своей накидки, я обернулся. Корделия всё так же стояла лицом к стене и разглядывала — или делала вид, что разглядывает, — драгоценные созвездия. Я облегчённо прикрыл глаза. Повезло, Верховная не заметила странной сцены. Теперь надо убираться отсюда, и поскорее, пока безделушки не хватились.

Я бесшумно подошёл к Корделии сзади. Взгляд упал на её хрупкие обнажённые плечи. На миг в глазах потемнело, и промелькнула мысль, как было бы славно заставить её страдать. Я наблюдал, будто со стороны, как грубо разворачиваю женщину к себе и сжимаю руки на её тонкой, как тростинка, шее. Наслаждаюсь ощущением того, как чужие жабры трепещут под ладонями и как лихорадочно под пальцами бьётся жилка, вторя её гнилому сердцу. Как изящные пальцы царапают мои предплечья, сдирая с них чешую. Как широко раскрывается рот, обнажая ряды мелких острых зубов, в тщетной попытке сделать вдох. Я знаю, что не ослаблю хватку, пока её кожа не посинеет, а из-под маски из незрячих глаз не покатятся слёзы.

Я испуганно моргнул, и наваждение развеялось. Жрица по-прежнему стояла ко мне спиной. Торопливо отдёрнув руку, застывшую в нескольких сантиметрах от плеча женщины, я, на всякий случай, сделал несколько шагов назад.

Векс! Это место сводит меня с ума! Всё пошло наперекосяк, как только я вошёл в двери святилища. Сначала странный шёпот, каким-то образом заставивший меня забрать реликвию, затем эта отвратительная фантазия, совершенно точно мне не принадлежащая. Я не чувствовал к Верховной ничего, кроме презрения, но я бы ни за что, даже в мыслях, не поступил подобным образом с кем бы то ни было!

Всё, хватит с меня! Надо убираться отсюда. Сбагрю эту бесполезную стекляшку Уннур и даже под страхом смерти ни на одну такую авантюру больше не соглашусь.

Я открыл было рот, чтобы окликнуть жрицу, но сказать ничего не успел.

— Владыка услышал тебя! — громко объявила Прима, резко обернувшись с широкой улыбкой на устах. Я едва успел спрятать порезанную руку за спину и выдавил из себя ответную улыбку. — А теперь тебе пора. Иди за мной.

Верховная торопливо зашагала прочь. Я поспешил за ней, сосредоточенно глядя себе под ноги, чтобы случайно не наступить на волочащийся за женщиной шлейф её платья.

Двери широко распахнулись. В коридоре, по обе стороны от створок, стояли ольвиции. Я сглотнул комок в горле. Спокойно! Прима не подходила к алтарю и не может знать, что

Гребня там больше нет. Стражи сами проводят меня к выходу, а там главное — добраться до города, где я легко спутаю следы. Они даже не успеют обнаружить пропажу.

Корделия остановилась на развилке коридоров и повернулась ко мне.

— Здесь мы расстанемся, юноша.

Я опустился на колени. Теперь пришлось в самом деле целовать вексов подол — за спиной Верховной тенью маячила та же служанка, что вела меня через храмовый лабиринт в Звёздное святилище. Пообещав себе позже как следует прополоскать рот змеиным вином, я выпрямился.

— Ступай, Мар проводит тебя.

Я позволил себе посмотреть на жрицу в последний раз. Удивительно, до чего она похожа на маму — они словно две капли воды. Любой другой мерфолк так никогда и не заметил бы разницы. Но только не я.

С моих глаз словно спала завеса. Теперь я ясно ощущал искусственность улыбки на безупречных губах. Теперь я понимал, что каждый жест и каждое слово Примы были тщательно выверены и продуманы до мелочей. В них не оставалось места непредсказуемости. Не оставалось места настоящим чувствам. Не оставалось места жизни. Всё это превращало Корделию лишь в бледную тень мамы, которая была способна мягкой улыбкой и парой добрых слов исцелить любую, даже самую глубокую душевную рану.

Верховная — не более чем ледяное сердце в красивой

обёртке.

Корделия больше не улыбалась, словно прочла мои мысли. Расслабившись, я слегка насмешливо ей поклонился, не отрывая взгляда от рогатой маски, и, не теряя больше ни секунды, поспешил нагнать служанку.

Снова мимо полетели одинаковые двери и коридоры. Мы были уже близки к выходу, когда мои виски пронзило ледяными иглами, и я привалился к стене, сжимая голову руками. Спина Мар стремительно удалялась. Я хотел окликнуть девушку, но язык словно прилип к нёбу. Только не снова!

«Налево. Вперёд. Налево. Направо. Вниз. Ищи…»

Шепчущий вернулся. Я зажмурился, сквозь мутную пелену боли пытаясь вспомнить схему храма. Тщетно — сосредоточиться не получалось. Я медленно пошел вперёд, опираясь рукой о стену, но далеко уйти не успел. Иглы впились в голову с новой силой, а ноги будто парализовало.

«Налево. Вперёд. Налево. Направо. Вниз. Ищи…» — упрямо талдычил гость в моей голове.

— Да хорошо, как скажешь! Пойду куда хочешь, только прошу, замолчи! — прошипел я в пустоту.

Вернувшись к развилке, я пошёл туда, куда меня направлял странный голос. Да и что ещё мне оставалось, если любой шаг в сторону сопровождался сбивающей с ног головной болью?

После очередного поворота я упёрся в тупик. «Внизу», — услужливо подсказал голос. Я послушно сполз вниз, слепо

шаря по стене руками. Боль немного отступила, оставив после себя тупую пульсацию. Спустя некоторое время пальцы нащупали зазор. Есть!

Я потянул тяжёлую фальшпанель в сторону и нырнул в образовавшийся проход, сразу же оказавшись в какой-то пещере. Разгорячённая кожа ощутила блаженную прохладу — вода приветливо раскрыла для меня свои объятия. Наконец-то, почти выбрался!

Воодушевлённый, я пополз к маячившему впереди выходу, предвкушая скорый отдых и спокойный сон. Снаружи было бесцветно и уныло — наступила ночь. Ещё бы, на площадь я явился к полудню, а потом непонятно сколько времени просидел взаперти, ожидая Верховную. Хозяйка уже должна была понять, что что-то пошло не по плану. Я, не без труда поднявшись на ноги, ускорил шаг, но, оказавшись снаружи, резко затормозил.

Меня уже ждали.

* * *

Да что ж за день такой…

Пятеро стражников встали полукругом недалеко от входа, отрезая путь на свободу. Двое, стоящие по краям, уже обнажили клинки. Серые плоские лица не выражали ничего, наводя на мысли о покойниках. Стоящий в центре ольвиций со скошенным вбок носом указал на меня пальцем и рявкнул:

— Руки вверх и шаг вперёд!

Я медленно поднял руки, но с места не сдвинулся. Надо

срочно что-то придумать. Вперёд нельзя — не прорвусь. Назад бесполезно — вернусь в храм, а дальше что? Искать другой лаз? Да я даже не знаю, как они выглядят! Представив, как патруль ловит меня за расковыриванием стены святого места, я совершенно не к месту весело фыркнул.

— Шаг вперёд! — Кривоносый командир отряда потянулся к мечу.

— У меня есть идея получше! — выпалил я и, прежде чем успел передумать, с силой оттолкнулся ногами от каменистого дна. Вода мягко заструилась вдоль моего тела, пока я стремительно поднимался вверх, навстречу серебристому свету тёмного солнца.

«Сейчас будет очень громко», — успела промелькнуть мысль, прежде чем мир утонул в пронзительном вое.

Когда закон о допустимой высоте только приняли, весь город позабыл о спокойствии на несколько дней. Магусы раскинули над нами сеть с заклинаниями, которые должны были оповещать о нарушителях, но, как обычно, без проблем не обошлось. Сначала научники напутали с самой высотой, и поэтому мерфолки ростом выше полутора метров — а таких большинство — невольно задевали сеть головами. Когда эту проблему решили, оказалось, что заклинания реагируют на всех живых существ, из-за чего любая проплывающая мимо рыба становилась причиной всеобщей бессонницы.

К сожалению, сейчас всё работало как надо, и теперь весь город будет знать, где я нахожусь. Пламя восторга разгоре-

лось в груди и помчалось по венам. Несмотря на всю серьёзность положения, я рассмеялся, чувствуя себя в этот момент по-настоящему живым. Где-то в глубине души я понимал, что сейчас бы впору кричать от ужаса, поражаясь собственной отчаянной легкомысленности, но мне было слишком хорошо, чтобы думать об этом. Я посмотрел вниз. Ольвиции бестолково метались подо мной: командир, растеряв всё своё хладнокровие, скакал на одной ноге и орал на подчинённых, торопливо стягивая сапог. Кажется, после моей выходки им придется пересмотреть форму. Додумались — ловить вора, будучи облаченными в доспехи.

Я поднялся достаточно высоко, чтобы видеть Ликирис таким, каким видят его рыбы. Бегло осмотревшись, я принял решение плыть вдоль Хребта: затеряться в толпе ночью всё равно бы не удалось, а ближе к трущобам я просто спущусь и пройду через лаз.

Зудящее чувство между лопатками заставило меня обернуться — ольвиции справились со своими доспехами и, оставшись в обычных одеяниях, стремительно нагоняли меня. Сердце пропустило удар. Смеяться больше не хотелось. Прохлопал жабрами и упустил момент!

«Вперёд и вниз, скорее!» — очнулся шепчущий.

— Вот тебя только не хватало! — заорал я. Собственный голос прозвучал незнакомо, на пару тонов выше, и я неожиданно вспомнил о Горцениусе: однажды я слышал похожий визг именно от него.

Мимо просвистела стрелковая игла, чиркнув по моему ушному плавнику, больше испугав, чем причинив боль. Я почувствовал хватку на голени и, извернувшись, влепил пяткой преследователю в нос. Рука, удерживающая меня, разжалась, и я устремился вниз. Черноволосый мерфолк с квадратным подбородком и перекошенной от злости физиономией обогнал меня и перекрыл путь к отступлению.

Мне вдруг стало как-то очень спокойно, и я решился на безумный шаг: бросился вперёд в попытке сбить с толку, но мужчина оказался готов — в его ладони коротко блеснул чёрный нож. Ольвиций замахнулся, целясь в моё горло, но я нырнул под его руку, чудом успев избежать удара в последний момент. Лезвие срезало с моей головы пару кос. Почувствовав движение за спиной, я бросил короткий взгляд через плечо — ещё один стражник догнал меня.

Новый противник схватил меня за волосы, а другой рукой потянулся, чтобы обхватить поперёк туловища. С силой вонзившись зубами в его предплечье рядом с плавником, я прокусил кожу, чувствуя, как рот наполняется горячей кровью. Ольвиций зарычал и выпустил мои волосы, тут же с силой приложив освободившейся рукой меня по затылку. В глазах потемнело. Меня замутило от солёного привкуса во рту и царапающих нёбо осколков чешуи, но я заставил себя сильнее сжать клыки на чужой плоти и дёрнул головой в сторону. Стражник окончательно отпустил меня, и его скулёж потонул в разносящемся над городом вое.

В ходе короткой потасовки я совсем позабыл о втором стражнике с ножом, и это чуть не стоило мне зрения: я перехватил лезвие в нескольких сантиметрах от правого глаза, сжав на нём ладонь, на которой уже красовался свежий порез от Гребня. Черноволосый потянул оружие на себя, и острая боль пронзила мою руку до локтя. Я закричал, в отчаянии дёргая нож в свою сторону. От неожиданности мужчина отпустил рукоять, и я, всё так же сжимая лезвие в кулаке, ударил его навершием по виску. Ольвиций обмяк и пошёл ко дну, а я закрутился на месте, высматривая других преследователей. Не заметив никого поблизости, я со стоном разжал руку. Нож, тускло блеснув на прощание, устремился вниз.

Превозмогая тошноту, я осмотрел рану. Порез выглядел погано, лезвие почти достало до кости. Я на пробу пошевелил пальцами — больно, но двигать могу. Кое-как достав из сумки бинт из саницеи[1], я устремился вниз, перевязывая руку прямо на ходу.

* * *

Страх догнал у самого дна. Оказывается, я успел доплыть до начала Пустыря, каким-то образом миновав трущобы. Вокруг не было ничего, только каменистая серая земля и редкие колонии светящихся кораллов. Как только ноги коснулись твёрдой поверхности, я задрожал и, несмотря на боль в руке, потянулся к правому плавнику, с силой расчёсывая

[1] Саницея (акв.) — водоросль, которая применяется в медицине. Используется для остановки крови, обеззараживания и ускоренного заживления ран.

кожу вокруг него и сдирая чешуйки.

— Как это могло произойти? — сбивчиво бормотал я. — Мы же всё продумали, всё предусмотрели, как…

От закравшейся мысли зазвенело в ушах. Такое могло получиться только в одном случае — кто-то всё же донёс властям, и представление в храме было призвано усыпить мою бдительность. Только одно выбивалось из сложившейся картины, как непослушная прядь волос из причёски: зачем такие сложности, если можно было просто запереть меня в комнате ожидания? Или послать в мой дом стражников ещё утром? То, что сейчас мне удалось уйти от погони, — случайность, ведь я и сам не ожидал от себя такого безрассудства.

— Что же делать? — проговорил я в пустоту.

Предатель укрылся среди своих. Единственное, в чём я был уверен — это не Уннур. Хозяйка так вдохновенно говорила о восстании и столько времени и сил потратила на подготовку, что скорее умерла бы, чем поставила план под удар. Ради собственной безопасности я не могу вернуться ни домой, ни в убежище, чтобы предупредить о произошедшем.

Я выудил Гребень из сумки и упал на колени рядом с толстым белым кораллом, от которого исходил мягкий рассеянный свет. На стеклянной поверхности отчётливо выделялись брызги подсохшей крови. Я думал, что вода смоет её, но этого не произошло. Тогда я попытался стереть её пальцами, потом поскрёб ногтями, даже вытер реликвию об на-

кидку — и ничего. В раздражении я сжал Гребень в ладони, совсем позабыв о порезе.

Кровь, пропитавшая бинт, мазнула по стеклу, оставляя на нём новый развод. В следующее мгновение, прямо на моих глазах, подсохшие капли размокли и впитались в стекляшку. Кровь закружилась внутри реликвии, образуя маленькие голубые воронки. Одновременно с этим мои виски вновь пронзило ощущение впившихся в кожу ледяных игл, и уже знакомый низкий голос зашептал:

«Ты рано расслабился, парень».

Он свистяще зашипел, и я понял — незнакомец смеется.

«Прислушайся, глупец».

Я послушался. Вой потревоженной сети не смолкал, но, помимо этого, я не слышал ничего странного.

«А ты и правда не очень-то умный, да? — Продолжал издеваться голос. — *Давай-ка тогда вместе подумаем, почему заклинания до сих пор надрываются, как истеричная базарная баба. Кстати, тебе не кажется, что звук стал громче?»*

Я похолодел. У выхода было пять ольвициев. Один остался с разорванной рукой, второй — без сознания и, похоже, теперь валяется где-то в купеческом квартале. Командир и ещё двое по какой-то причине не поднялись с ними. Я, похоже, и впрямь дурак, раз умудрился позабыть о них. Жаль, что они с такой же легкостью не смогли забыть про меня.

«Я помогу. Только пообещай, что будешь слушаться. И

не паникуй».

— Выметайся из моей головы! — раздражённо отмахнулся я. — Сам разберусь.

«Не разберёшься!» — прогремел чужак, и меня накрыло новой волной боли. Я прижался лбом к земле и зажмурился. — *«Посмотри вперёд».*

С трудом подняв враз потяжелевшую голову, я отряхнул чешуйки на лбу от песка и вгляделся в полумрак. Вдалеке, почти у самой границы защитного купола, чернел гладкий монолит.

«Иди туда».

— Да ты издеваешься?! — зашипел я. — Это самоубийство!

Однажды в детстве, когда мне было лет десять, я тайком ускользнул из дома сюда, на Пустырь, чтобы посмотреть на казнь. Начитавшись книжек, я ожидал увидеть плаху и сурового палача, но действительность не оправдала моих ожиданий.

Кажется, тогда поглазеть на действо явился почти весь Ликирис. Новость была громкой: аристократ набросился на серпия[1], просто выскочив из толпы с кинжалом, пока старик вещал о чем-то с трибуны. Напавшего тут же поймали. Несколько дней его держали взаперти, пытаясь выяснить причину странного поступка, но он так и не сказал тюремщикам ни слова.

---

[1] Серпий (акв.) — глава Сената.

В день казни приговорённый и его конвоиры в полной тишине прошли сквозь толпу, двигаясь от трущоб через весь Пустырь. Мужчину не держали — он шёл сам, пустым взглядом глядя прямо перед собой. Из одежды на нём были только простые тёмно-зелёные штаны из грубой ткани. Длинные светлые кудри давно не расчёсывали — по бокам от лица висели полураспущенные кривые косы, а волосы на затылке свалялись и топорщились колтунами. Белая чешуя мерфолка потускнела и выглядела грязной.

Они остановились в нескольких метрах от камня. А потом стражники просто толкнули мужчину вперёд.

Всё произошло мгновенно. Мужчина рассыпался, не дойдя до монолита всего каких-то пять шагов. Его тело, начиная с головы, обратилось в пыль, которая мутным облаком зависла в воде. Не было ни крика, ни стона. Молчала и толпа.

Первым в сторону города удалился конвой, а за ним потянулись и зеваки. Возле камня осталась только серая пыль, медленно оседающая у его подножия.

«Ничего с тобой не случится, дурачок», — не унимался незнакомец.

Потревоженная сеть взвыла совсем близко. Я бросил взгляд за плечо как раз вовремя, чтобы увидеть стремительно приближающихся ольвициев. Я торопливо вскочил на ноги и, поскользнувшись, рухнул обратно.

«Поднимайся!»

Первым порывом было подчиниться. Я начал вставать, от-

толкнувшись руками от земли, но тут же обессиленно опустился обратно, почувствовав себя опустошённым, как лопнувший воздушный пузырь.

Последняя капля упала в чашу, над краями которой уже дрожала шапочка мутной жидкости — смесь страха, отчаяния и разочарования. Она разбила тонкую плёнку моего терпения и стала точкой невозврата. Это был тот самый момент, когда все накопившиеся эмоции выплеснулись, оставляя за собой лишь пустоту и безразличие. Если бы кто-то спросил: «Во имя чего ты продолжаешь сопротивляться, Кайриус?» — я бы не сумел ответить.

Я снова мысленно вернулся к приговорённому аристократу. Не потому ли его взгляд был таким? Его чаша тоже однажды переполнилась. Возможно, я просто не хотел отсрочивать неизбежное: меня приведут сюда не сегодня, так завтра. И я, с тем же пустым взглядом, обречённо пойду навстречу смерти. Чтобы рассыпаться пылью и присоединиться к другим несчастным, нашедшим свой последний приют у подножия чёрного камня.

Короткий плен, изматывающая беседа с Примой, непонятный голос в голове, погоня, искалеченная рука — для одного дня слишком много. Больше, чем я мог вынести.

— Сдаюсь.

Приняв решение, я с облегчением закрыл глаза, ожидая удар в спину.

* * *

«Вечно всё приходится делать самому», — проворчал незнакомец.

Дальше всё происходило без моего участия. Как тогда, в храме, я больше не управлял собой. Запертый в собственном теле, я мог лишь с ужасом наблюдать, как уверенно поднимаюсь на ноги и, под изумлёнными взглядами подоспевших стражников, бросаюсь вперёд, прямо навстречу монолиту.

Я попытался пошевелить хотя бы пальцем, но был грубо одёрнут:

— Перестань сопротивляться! — В собственном голосе я услышал недовольные высокомерные нотки. Векс, как же это странно!

«Что ты делаешь? Ты нас погубишь, отпусти меня!» — мысленно возмутился я.

— Это *ты* нас погубишь, если не прекратишь мне мешать!

«Ты безумец», — заключил я.

— На твое счастье! — весело оскалился он. — Я тебе не враг, парень. И не переживай, тебе точно не грозит умереть от воздействия остирия[1].

«Остирия?» — переспросил я. Но он не успел ответить.

Нас нагнали почти у самого монолита, сбив с ног. Незнакомец смог вывернуться из хватки и оказался лицом к лицу с преследователем. Я увидел уже знакомый скошенный

[1] Остирий (устар. акв.) — портал (Незнакомец произносит слово на ведаквальтике — древнем наречии, которое Кайриусу незнакомо).

вбок нос и узнал командира храмовой стражи. За его спиной неумолимо маячили ещё два силуэта.

Растрёпанный командир навис надо мной, мёртвой хваткой вцепившись в руки и прижимая к земле. Он выглядел гораздо тяжелее меня, но незнакомец только усмехнулся и одним движением, подтянув ноги к груди, отбросил ольвиция в сторону, будто тот совсем ничего не весил.

Неугомонный стражник и безумец, управляющий моим телом, одновременно вскочили на ноги и застыли друг напротив друга. В тот же миг боль в руке вернулась, и я обнаружил, что снова могу двигаться.

— Какого векса ты творишь? — прошептал я.

«Какой-то ты хилый, парень. Я устал, давай дальше сам», — и наглец утомлённо зевнул.

Я даже не успел разозлиться. Правую сторону тела обдало жаром, и я осторожно скосил глаза в сторону — мы стояли опасно близко к камню. Подоспели отставшие стражники, но командир предупреждающе вскинул руку, останавливая их.

— Не подходите, я разберусь, — произнёс он твёрдым голосом. И прыгнул на меня.

Не знаю как, но я устоял. Командир схватил меня за горло и попытался толкнуть в сторону камня.

«Не сопротивляйся».

«Да провались оно все в Бездну!» — подумал я и, вцепившись в руку противника, упёрся пяткой в землю, другой ногой ударив мужчину по голени. Он потерял равновесие, и

мы оба полетели вниз. Я успел заметить, как побледнело лицо напротив и как в синих глазах промелькнул ужас, прежде чем сам крепко зажмурился и приготовился встретить свою судьбу.

Ничего не произошло. Гадая, почему меня не придавило рухнувшим сверху стражником, я осторожно приоткрыл глаза и осмотрелся. Командира видно не было. Я лежал один у подножия монолита, а надо мной парило серое облако. В некотором отдалении стояли оставшиеся ольвиции, неверяще переводя взгляды с меня на облако и обратно. Я поспешно отполз назад, тревожа прах казнённых, собиравшийся здесь веками. Но мужчины не собирались нападать. Стражники сделали то, чего я ожидал от них меньше всего: рухнули на колени и низко поклонились, ударившись лбами об землю.

— Либерцис[1], — шептали они, и по моим рукам пробежали мурашки. Меня обуяли восторженный трепет и возбуждение, но по свистящему шипению, раздавшемуся в моей голове, я понял, что эти эмоции принадлежат не мне.

«Дотронься до камня», — приказал голос.

Я медлил. Страх неизвестности боролся с желанием подчиниться. Мои подрагивающие пальцы замерли в нескольких сантиметрах от монолита, словно наткнулись на невидимую преграду. Мне почудилось, что я слышу размеренное

---

[1] Либерцис (акв.) — освободитель. Также имя персонажа из полной версии «Песни о Девятерых», дитя двух миров.

биение сердца, ощущаю волнами исходящую от чёрной поверхности пульсацию. Как будто камень ожил и теперь не может решить, позволить ли мне прикоснуться к себе или же оттолкнуть.

После бесконечно долгого мгновения неопределённости преграда исчезла, и я дотронулся до гладкой горячей поверхности. От прикосновения моих пальцев по камню во всех направлениях побежали серебряные нити, складываясь в узор из остроугольных рун, значения которых я не знал. Серебро достигло верхушки монолита, но не остановилось: оно поползло дальше, вверх. Я поднял голову и увидел, как далеко наверху свет ненадолго остановился, но тут же потёк дальше, и как вокруг него кругами разошлись пятна фиолетового цвета.

Низкий гул заполнил пространство. Я осознал, что передо мной не просто место казни, а нечто большее. Что-то древнее, скрывающее какую-то тайну. *Остирий* — кажется, так назвал его незнакомец.

Мне стало не по себе. Я опустил голову, и сердце рухнуло куда-то в желудок: моя рука погрузилась в камень уже по середину предплечья. Раньше от поверхности исходил нестерпимый жар, но теперь я чувствовал лишь приятное тепло. Несмотря на желание погрузиться в него полностью, разум заставлял отбросить эту мысль, как можно скорее выдернуть руку из плена и бежать прочь. Чутьё подсказало, что стоит мне перестать сопротивляться, как произойдёт что-то непо-

правимое.

Я подался назад, но попытка освободиться не увенчалась успехом: я лишь сильнее погрузился внутрь ставшего мягким камня. Запаниковав, я упёрся в камень второй рукой — и её тут же затянуло внутрь. Коварный монолит с лёгкостью пропускал вперёд, но не давал никакой возможности передумать и отступить. Он поглощал моё тело всё быстрее и быстрее.

«Успокойся», — пробормотал незнакомец. Его голос звучал сонно и тихо. — *«Полезай внутрь».*

— Куда ты меня привёл? — обречённо прошептал я. Меня затянуло уже по плечи, и я до боли в мышцах отклонился назад, стараясь держать голову как можно дальше от монолита.

«Туда, где тебе надлежит быть», — произнёс он за мгновение до того, как моё лицо коснулось камня. — *«Увидимся на той стороне, парень».*

Я погрузился в густое нечто, и мир померк.

Глава 3 (Альрун). Свобода в сердце, сталь в руке.

Я лежала на твёрдой земле, раскинув руки в стороны, и широко раскрытыми глазами смотрела в хмурое небо. Как интересно: казалось, только рассвело, но вот Кир, сокрытый облаками, уже в зените, а позади и чуть правее от него темнеет Кира. Тихо шелестит трава, ласковый ветерок нежно касается лица. Наискосок, разрезая воздух крыльями, пролетела маленькая синяя птичка. Очень медленно пролетела.

Спустя мгновение безмятежную картинку закрыла вихрастая голова, и я увидела перед собой обеспокоенное веснушчатое лицо Конрада. Он что-то сказал, но звук растерялся где-то на полпути, и до моих ушей долетело только невнятное бормотание.

— Конрад. — Губы сами собой расползлись в улыбке. А чего ему тут надо?

Отвернувшись, я попыталась разглядеть среди деревьев давно улетевшую птицу, и это движение отдалось тупой болью в затылке.

— Молодая госпожа!

Я вернула своё внимание на Конрада: губы парня сильно дрожали — того и гляди расплачется. Что же случилось?

— Помоги встать, — пробормотала я, протянув ему руку.

Конрад крепко обхватил моё запястье и потянул на себя. Я выпрямилась и невольно охнула: голова закружилась, и я вцепилась в чужие предплечья в попытке удержать равновесие. Почувствовав под ногой что-то твёрдое, я опустила взгляд и поняла, что наступила на тренировочный меч Конрада. Поискала глазами своё оружие и обнаружила его рукоять торчащей из ближайшего розового куста.

А, ну да.

— Хороший удар, молодец!

Конечно, блок не помог. Когда проводишь поединок с партнёром, который выше и тяжелее тебя раза в два, от верхнего удара в голову спасёт только уворот. Ручища Конрада пробила защиту, обрушив на меня, помимо своего, и моё собственное оружие. Удивительно, и как я только умудрилась зашвырнуть его так далеко? Я ощупала голову и нащупала небольшую шишку под волосами. Повезло, что удар пришёлся вскользь — я всё же попыталась увернуться. Жаль, что не успела. Представив, как бы над моим провалом потешался брат, я весело хмыкнула.

— Молодая госпожа, — повторил Конрад, шмыгая носом, и упал на колени. Я потянула его на себя в тщетной попытке поставить на ноги. Казалось, что я решила сдвинуть с места скалу. — Простите меня!

— Я ведь сама просила не сдерживаться. — Похлопав Конрада по плечу, я подмигнула ему. — Мы никому не расскажем.

— Тира[1] Альрун!

Я обернулась на оклик, и сердце пропустило удар. В нашу сторону спешил высокий альв. Он почти бежал, стремительно пересекая тренировочный сад, и его чёрные волосы развевались за спиной, словно плащ. Даже на расстоянии я видела, как в зелёных глазах начальника охраны поместья искрится магическое золото. Меж длинных пальцев мужчины бегал электрический разряд, и я могла только надеяться, что он не решит метнуть в нас молнию.

— Конрад, объяснись! — отчеканил он, сурово взирая на молодого стражника.

Конрад неуклюже поднялся на ноги и весь сжался под строгим взглядом, но прежде чем он успел ответить, я влезла в разговор:

— Авир[1] Ренвик, это был мой приказ.

Тонкая бровь мужчины взлетела вверх.

— Позвольте уточнить — Вы приказали покалечить Вас?

— Я приказала потренироваться со мной. Другие отказались.

— И не без причины. Разве что Вам вдруг разом захотелось отправить всю охрану поместья на плаху.

— Да перестань! — я отмахнулась от замечания, напрочь позабыв про вежливость. — Отца и его собачек нет дома,

---

[1] Тира (альвийский, далее альв. — диалект старших альвов) — уважительное обращение к женщине.

[1] Авир (альв.) — уважительное обращение к мужчине.

никто не узнает. К тому же он скорее наградит того, кто случайно прибьёт меня на тренировке, чем накажет.

— Рун, — процедил Ренвик. — Ты говоришь глупости. Не понимаю, передо мной неразумный ребёнок или взрослая альва?

— Ты знаешь, что я права. Или что, тоже выбрал игнорировать очевидное, как все остальные? Перестань, тебе не к лицу образ слепого олуха! — вернула я, скрестив руки на груди.

Мы раздражённо уставились друг на друга. Ренвик открывал и закрывал рот, точно выброшенная на берег рыба, не находя слов для ответа. Я чувствовала, как лицо пылает и наверняка приобрело цвет спелого томата. Не выдержав первой, я отвернулась и наткнулась на недоумевающий взгляд Конрада. Он беспокойно топтался на месте, не решаясь ни влезть в перепалку, ни уйти без дозволения. Осознание накрыло холодной волной, и мне стало стыдно: мы с Ренвиком перешли на альвийский. Конрад поступил на службу всего неделю назад и ещё не успел как следует выучить язык, поэтому сейчас не понимал ни слова.

— Вы проводите меня, авир Ренвик? — спросила я, переходя обратно на общий.

Мужчина посмотрел на меня с нечитаемым выражением лица.

— Конечно. — Он чопорно кивнул и обратился к Конраду: — Убери здесь и ступай в казармы.

— Вик, — робко позвала я, как только мы оставили грустного парня позади. Ренвик бросил взгляд через плечо, но не остановился. Я ускорилась, чтобы поравняться с ним, и дальше мы пошли рука об руку. — Ты прав. Я поступила неразумно. Прости.

Он замедлился и устало покачал головой.

— Я бы на твоем месте тоже злился, милая госпожа. Но правила есть правила — охранникам запрещено тренироваться с тобой. Прошу, перестань подвергать их опасности. И себя тоже. Тиан мне голову снесёт, если с тобой что-нибудь случится.

— Что будет с Конрадом?

Мы неторопливо прошли под резной аркой, и я, не удержавшись, дотронулась до шероховатого, чуть влажного камня. Вперёд бежала извилистая мощёная дорожка, плавно переходя в ведущие вверх ступени, по бокам от которых росли гиацинты. Благодаря им это место и получило свое название. Эстад хиафаин — поместье гиацинта.

Цветущие круглый год, они заполняли каждый уголок садов и окрестностей поместья. Среди соцветий можно было отыскать любой оттенок: от белоснежного до угольно-чёрного. Одни источали сладость, другие — горечь, а некоторые — пряность. Гости поместья, не привыкшие к густому тягучему запаху, порой лишались чувств в знойные дни. Брат говорил, что для него аромат гиацинтов — это дом. Для меня же он был вечным спутником заточения. Навязчивый запах

настигал даже в нашей гавани, куда я часто сбегала в детстве. Он смешивался с солёным бризом, отравляя свежесть моря тяжёлой сладостью. Разбивая мечты о том, что однажды я запрыгну в лодку, которая унесёт меня как можно дальше отсюда.

Мы прошли уже больше половины пути, сопровождаемые ненавистным ароматом, но Ренвик не спешил отвечать.

— Не наказывай его, — попросила я.

— В казармах должна быть дисциплина. Я не могу закрыть глаза на нарушение приказа. — Он немного помолчал и добавил: — Не переживай. Придумаю наказание помягче. Но на его помощь больше не рассчитывай.

— Я не могу отказаться от фехтования, — выдавила я, чувствуя, как к горлу поднимается ком.

Конрад был последним охранником, который не знал, что мои приказы в этом месте ничего не стоят. Я вспомнила его растерянное лицо, и меня накрыло волной отвращения к себе. Но я же не могу просто сдаться! Сделав глубокий вдох, как перед прыжком в воду, я продолжила:

— Мне нужен партнёр для тренировок. Всего раз в неделю, когда отец уезжает в Лерандорей. Прикажи кому-нибудь или занимайся со мной сам, — я запнулась и добавила шепотом. — Прошу тебя.

Мы дошли до входа в малое крыло, и Ренвик потянул дверь, пропуская меня вперёд. Он ответил, глядя себе под ноги:

— Прости, Рун. Приказы мэйстира[1] Эурина в приоритете.

— Да. Да, я понимаю. — Я постаралась улыбнуться. — Всё в порядке.

Конечно, приказы отца на первом месте! Он забрал мой меч. Велел охранникам игнорировать меня — лишь изредка я ловила на себе их сочувствующие взгляды. Только какой результат отец надеется получить? Что, если мне не с кем будет тренироваться, я заброшу фехтование и засяду за вышивание? Я поморщилась, вспомнив разочарованно поджатые губы наставницы, свои в кровь исколотые пальцы и кривые стежки на шёлке. Нет уж! Ничто на свете больше не заставит меня взять в руки иглу!

Проходя мимо Ренвика, я почувствовала, как его рука легла на моё запястье, мягко, но уверенно останавливая.

— Потерпи немного, Сверчок, — сказал он, тепло улыбаясь. — Через месяц приедет Алистиан. Он заставит мэйстира пересмотреть правила.

Он притянул меня ближе и неловко потрепал по волосам. Этот простой жест и старое прозвище перенесли меня во времена, когда мы были детьми. Сердце дрогнуло. Я часто закивала и сжала губы, поспешив спрятать подступающие слёзы.

Ту девочку, которой я когда-то была, расстроили бы слова Ренвика. «Целый месяц!» — закричала бы она и устроила

---

[1] Мэйстир (альв.) — глава альвийской административной единицы (например, главного города и ближайших поселений).

голодовку, пока брат не вернётся.

Но всё изменилось, теперь время течёт иначе. Месяц — всего лишь миг, песчинка на побережье.

— Всего месяц, — прошептала я, чувствуя, как страх и неуверенность уступают место надежде. Алистиан вернётся и обязательно что-нибудь придумает. Он всегда защищал меня. Он всегда находил выход, даже когда казалось, что мир вот-вот рухнет.

Я подняла глаза на друга. Он внимательно смотрел на меня, широко улыбаясь. Я вернула благодарную улыбку и отстранилась.

Дальше мы двигались в тишине. Не в той, которая заставляет тебя шагать быстрее, чтобы поскорее избавиться от спутника, а в том особом уютном спокойствии, когда слова излишни. Как-то незаметно мы очутились в коридоре — Стеклянной тропе — единственном проходе, ведущем в мою комнату.

Своим названием он был обязан узким витражным окнам, расположенным на внешней стене. Стёклышки разделялись витыми золотыми нитями, складываясь в сюжеты легенд моего народа: создание Бриллааром Гланлиморина, ритуал сердец между Ним с Хексой[1], рождение старших альвов и гъялврэхэр[2]. А дальше шли мрачные — по цвету и содержа-

---

[1] Так старшие альвы называют богиню Исхирию, букв. «Прóклятая».

[2] Гъялврэхэр (альв.) — так альвы называют младших альвов, сильваров, букв. «предатели светлых». Используется в качестве оскорбления.

нию — витражи. *Столетие Предательства.* Эпизоды тянулись бесконечной вереницей: брат шёл на брата, воды Гордеца и Мудреца окрасились в багровый — их заменила кровь. Некогда единый народ разделился, чтобы уничтожить себя.

Главный виновник раздора был изображен на каждом окне — мастер умело спрятал его среди множества фигурок альвов. Мне потребовалось немало времени в прошлом, чтобы отыскать его везде. Я припадала к стеклу, утыкаясь в него носом, высматривая иные оттенки, составляющие изящный силуэт. Кайлтэн, Забвенный, с лёгкостью терялся в толпе, и если на изображение смотреть мельком, то ни за что его не заметишь. Однако он отличался от других: что бы ни происходило между персонажами, Кайлтэн всегда наблюдал за смотрящим с широкой острозубой улыбкой. А на закате, в момент, когда тёмное солнце сменяет светлое, можно увидеть, как волосы и одежда Забвенного полыхают огнём и светятся. Глядя на это маленькое стеклянное существо, я каждый раз испытывала необъяснимое чувство тревоги.

Обнаружив, что за моей спиной не раздаются шаги, я обернулась. Ренвик стоял прямо под большим изображением Бриллаара, дарующего первому ан Фалькана цветок гиацинта. Свет Кира, чудом сумевшего пробиться сквозь вечные облака над поместьем, проникал в коридор через цветное стекло, мягко рассеиваясь и рассыпаясь по полу и противоположной стене осколками всевозможных оттенков. Ренвик смотрел куда-то мимо меня. В его взгляде читались нетерпе-

ние и предвкушение.

Раздался тихий шорох. Дверь моих покоев приоткрылась, и из-за неё появилась Нисса. Настоящая красавица: хрупкая и миниатюрная, с ниспадающей до колен волной белокурых волос и большими светло-зелёными глазами, в которых почти не были заметны золотые искорки. Она походила на внучку Бриллаара[1] сильнее, чем настоящие. Я часто мечтала о том, как лягу спать, а на следующее утро мы вдруг поменяемся с ней местами: Нисса окажется дочерью мэйстира, а я — её компаньонкой. Так было бы проще для всех. Она умела вышивать, ухаживать за цветами, петь и играть на флейте. Она обладала магией, как и любой правильный альв.

Нисса была куплена отцом, когда мне было девять лет, а ей всего шесть. Её родители были на грани разорения, и мой родитель предложил им сделку, которая дала возможность сохранить семейное дело ценой пожизненной службы их дочери в доме мэйстира Лерандорея. Я подозревала, что и ситуация с разорением семьи Л'лигодэн произошла не без помощи моего великодушного папочки. «Если не подворачивается удобный случай — создай его сам», — часто любил повторять он.

Поначалу наши с Ниссой отношения не заладились. Ей было интересно тихо проводить время в Древесной библиотеке или прогуливаться по саду, а я часто сбегала, увязыва-

---

[1] Альвы верят, что королевская семья ан Аквилана — это потомки самого Бриллаара. Альрун говорит о принцессах — вриллаарайни.

ясь за Алистианом и Ренвиком, чтобы охотиться или рыбачить. Она обижалась и жаловалась на мои проделки наставнице, а я в отместку подкладывала жуков ей в еду и прожигала дырки в нарядах.

Так продолжалось два года, пока я не заболела каменным дыханием. Алистиан и Ренвик тогда учились в Академии, другие обитатели поместья делали вид, что ничего особенного не происходит, и Нисса была единственной, кто остался со мной рядом. Тогда же мы узнали о её предрасположенности к целительной магии, знание о которой по сей день оставалось нашей маленькой тайной. Запертые в одном помещении на три с половиной недели, мы невольно сдружились.

Я понимала задумку отца: поместить прямо перед моими глазами живой пример, какой должна была получиться по его задумке я. Утончённой. Талантливой. *Правильной.* Он постарался не дать мне и шанса забыть об этом. Будто в моём недуге была повинна лишь я одна.

Однако, несмотря на все его старания, вышло иначе. Я любила Ниссу, и ближе неё для меня был, пожалуй, только Алистиан.

Как только девушка подошла к нам, Ренвик согнулся в глубоком поклоне.

— Тира, — едва слышно поприветствовал он.

Упавшие на лицо мужчины волосы не могли скрыть пылающие остроконечные уши, и я понимающе хмыкнула. Когда дело касалось Ниссы, Ренвик из сурового начальника охра-

ны всегда превращался в смущённого мальчишку.

— Авир Ренвик, — так же тихо ответила подруга. Её щеки стремительно розовели, и я, уже не сдерживаясь, позволила губам расползтись в широкой ухмылке и громко откашлялась.

— Нисса, я хочу гювир[1].

— В покоях остались фрукты, — растерянно пробормотала девушка, неохотно отрывая взгляд от Ренвика.

— Но они вчерашние! — воскликнула я. — Принеси новые.

— Но… — начала она.

— Ренвик тебя проводит. Правда же? — перебила я и посмотрела на друга, округлив глаза. — Давай, ступай, выбери самые лучшие, — продолжала я, аккуратно подталкивая Ниссу в спину. — И не торопись, я собираюсь принять ванну и поспать.

Не дожидаясь ответа, я развернулась и вприпрыжку побежала к двери в свою комнату. Влетев внутрь, я присела и припала глазом к замочной скважине.

Ренвик, у которого теперь горело всё лицо, осмотрелся, проверяя, не зашел ли кто в коридор. Рвано выдохнув, он протянул руку и коснулся пальцев Ниссы. Девушка с улыбкой кивнула, и мужчина, уже уверенно, переплел их пальцы, а другой рукой осторожно поправил её волосы. Ренвик на-

[1] Гювир — фрукт, по вкусу напоминающий киви с бананом, круглый, с красной мякотью и гладкой кожурой.

клонился к лицу Ниссы, и я торопливо отпрянула от двери. Достаточно. Поднявшись на ноги, я с разбега запрыгнула на кровать и уткнулась лицом в подушку, с трудом сдерживая ликующий вопль.

* * *

Погода портилась. Я ещё немного постояла у окна, глядя на тяжёлые тучи. На стекло упала первая капля, и я поморщилась — проклятые цветы станут пахнуть сильнее. Оттолкнувшись руками от подоконника, я прошла в дальнюю комнатку, в которой стояла круглая мраморная ванна. Над её бортами поднимался пар. Высыпав в воду половину мешка горьких трав, в надежде, что их аромат перебьёт запах гиацинтов, я с удовольствием вылезла из покрытого пылью доспеха и погрузилась в горячую воду.

Восторг от радости за друзей отступила, и я задумалась, наблюдая за плавающими на поверхности воды травинками. Не моргая, я смотрела за их завораживающим танцем. В какой момент я поняла, что этот день отличается от других?

Возможно, когда Кир ещё не успел сменить на небосклоне свою сестру, а я уже проснулась, мокрая от пота и с бешено колотящимся сердцем? А может, когда, ведомая необъяснимым порывом, ворвалась в боковую комнату и, разбудив Ниссу, потребовала помочь мне облачиться в доспех для тренировки, хотя даже не собиралась сегодня фехтовать? Или когда, чувствуя весь путь неприятный холодок в затылке, влетела в казармы и потащила Конрада в сад?

В чём бы ни была настоящая причина, отмахнуться от тревоги я смогла лишь взяв в руки меч. Но сейчас, когда я снова осталась наедине с собой, она вернулась. В самом воздухе чувствовалось нечто странное. Какая-то опасность, угроза для меня. Казалось, что за занавесью, заменяющей дверь, кто-то притаился, и исходящий от кристаллов приглушённый фиолетовый свет совершенно не помогал в этом разувериться. Текущее внутри них сияние отбрасывало неясные тени на стены.

Я лежала в ванне, пока вода не стала холодной. Поднявшись и наспех обтеревшись тканью, я подошла к зеркалу. Отражение посмотрело на меня усталыми глазами. Сейчас мне хотелось только одного — спать.

Вернувшись в покои, я накинула рубашку. Снаружи бушевал ливень — его капли оглушающе барабанили по стеклу. Ветер хлестал ветви деревьев, и я почувствовала, как холод проникает в помещение, скользкой змеей проходясь по моим голым ступням.

Ощущая, как тело постепенно охватывает слабость, я направилась к кровати. Мягкая перина встретила меня теплом и уютом. Полежав так пару мгновений, я вскочила и подбежала к шкафу. Открыв дверцу, я потянулась к верхней полке и запустила руку в центр стопки сложенных нижних одеяний. Нащупав прохладную рукоять кинжала, я облегчённо вздохнула и потянула оружие на себя. Залюбовалась, вытащив его из ножен: навершие венчала голова сокола, лезвие

же напоминало птичье перо, готовое рассечь воздух во время стремительного полета хищной птицы — изящное и тонкое, сужающееся к острию, с едва заметными узорами по всей поверхности.

Приятная тяжесть кинжала придала мне уверенности и немного успокоила. Я вернулась в кровать и засунула оружие под подушку. Закрыв глаза, я позволила тревожным мыслям утихнуть. Последнее, что я услышала, прежде чем погрузиться в сон, был рёв ветра снаружи и тихие удары собственного сердца.

* * *

Скрип половицы выдал возвращение Ниссы. Дождь успел стихнуть, и этот звук прозвучал оглушительно громко. Я вздрогнула, но осталась лежать неподвижно, надеясь, что сбившееся дыхание не выдаст меня раньше времени, и приоткрыла один глаз, наблюдая за подругой. Девушка, не поднимая головы, на цыпочках пересекла комнату и поставила фруктовую корзину на приоконный столик. Затем повернулась к окну и статуей застыла возле него.

Я села на кровати и громко спросила:

— Ну и как всё прошло?

— Вья-гит[1], Альрун! Ты напугала меня! — Нисса подскочила на месте и торопливо обернулась. Она нахмурилась. — Ты снова уснула с мокрыми волосами? Мы же теперь ни за

[1] Вья-гит! (альв.) — непереводимое восклицание, на общем языке ближайшее значение «Боги!».

что их не расчешем! — Она подошла к туалетному столику и указала на табурет перед собой. — Давай, садись.

— Не понимаю, почему нельзя один раз заплести косы и больше их никогда не расплетать, — проворчала я, неохотно сползая с кровати.

Я доплелась до подруги и неизящно плюхнулась на сиденье.

— Потому что так поступают только варвары, — ответила она.

В зеркале я видела, как губы Ниссы недовольно скривились, но она уверенно взяла гребень и провела им по моим волосам. Зубцы намертво застряли посередине.

— Тогда почему бы просто не отрезать лишнее? — попробовала я, зажмурившись от неприятного ощущения натянутых на макушке волосков.

— Из коротких волос не сделаешь красивую причёску.

— Какой в ней смысл, если на меня никто не смотрит? — пробормотала я и тут же зашипела от боли, когда гребень прошёлся по шишке. — Помягче, ты мне скальп снимешь!

— Будет тебе уроком, — раздражённо проговорила Нисса. — И нет, мы не будем ни заплетать косы, ни стричь тебя, Альрун. Ты не простолюдинка и не дикарка. Хотя в последнем я порой сомневаюсь.

Я подавила желание закатить глаза и решила сменить тему.

— Ты так и не ответила. Как всё прошло с Ренвиком?

Нисса на мгновение застыла. Я с удовольствием отметила, что она покраснела. Подруга открыла рот, но ответить не успела — её прервал стук в дверь. Громкий, нервный. Два удара, перерыв, удар. Особый стук, несущий тревожные вести.

С ноющим от тревоги сердцем я вскочила на ноги и, не обращая внимания на тяжесть застрявшего в волосах гребня, бегом преодолела расстояние до двери и рывком открыла её.

На пороге стоял Ренвик. Бесстрастное выражение лица сменила растерянность. По спине пробежал холодок, стоило только увидеть, кто стоит за его спиной.

Мейваары, альвы из личной стражи отца. Стало ясно: для чего бы Ренвик ни пришёл — ему не доверяли.

— Тира Альрун, — произнёс Ренвик, глядя мне прямо в глаза. — Мэйстир Эурин желает видеть Вас. Немедленно.

* * *

Немедленно не получилось. Ещё минут двадцать ушло на причёску и переодевания — Нисса наотрез отказалась выпустить меня из комнаты «в таком безобразном виде для аудиенции у мэйстира!» Она так правдоподобно возмущалась, что один из мейвааров жестами показал, что у нас есть немного времени для сборов, а затем захлопнул дверь. Ренвик остался с ними в коридоре.

Громкие причитания Ниссы, направленные на отвлечение внимания незваных гостей, ничем не выдавали её волнение. Голос был твёрд, в то время как руки заметно дрожали. В

зеркале я видела, как тревога исказила её красивое лицо.

Сама я выглядела не лучше. Кожа побелела так, что на лбу стали заметны вены. На виске выступила и потекла вниз капля пота. Я промокнула её рукавом и бросила быстрый взгляд на дверь.

Приход мейвааров не предвещал ничего хорошего. Эти загадочные существа всюду сопровождали своего мэйстира и подчинялись только ему. Раньше отец часто путешествовал по Теролане, и после каждой поездки его личное маленькое войско пополнялось новыми воинами. Никто, кроме мэйстира, не знал ни имён мейвааров, ни как они на самом деле выглядят. Серые доспехи и широкие плащи, полностью скрывающие их тела, не позволяли угадать, кто стоит перед тобой — мужчина или женщина, человек или альв. Каждый мейваар носил одну из жутких железных масок, поверхность которых покрывали древнеальвийские письмена. Прорезей для ртов в них не было, а на месте носов сверкали хищные клювы, загибающиеся до самого подбородка. В широких отверстиях для глаз клубился густой белый туман — магический морок.

Они словно призраки: таинственные, безмолвные и незаметные для окружающих. До тех пор, пока не придёт время оборвать чью-то жизнь.

За двадцать шесть лет я сталкивалась с мейваарами всего два раза, и каждое их появление на пороге моих покоев предвещало трагедию. Первый раз, когда мне было пять лет,

именно они, по приказу отца, сопроводили мою мать в Малый дом. И второй раз, ровно через шестнадцать лет, они казнили предыдущего начальника охраны — он пытался помочь мне увидеться с матерью, за что жестоко поплатился.

В тот день на казнь согнали всех обитателей поместья. Меня подвели к самому помосту, чтобы я могла из первого ряда наблюдать, как гаснет последняя искра жизни в глазах мужчины, единственным грехом которого стала жалость к отвергнутой богами. По сей день я помнила, как руки серого палача держали лицо альва, как клубы морока затекали в рот и ноздри приговорённого, заставляя его биться в агонии от удушья.

Третий раз, который, как я надеялась, не случится никогда, наступил. Я терялась в догадках. Неужели отец узнал о моей последней тренировке? Неужели теперь по моей вине вновь пострадают другие? Он не тронет Ренвика — Алистиан не простит, если с его лучшим другом что-то случится. Но Конрад?.. Я вспомнила добродушное веснушчатое лицо и зажмурилась от разъедающего желудок стыда. Нельзя позволить, чтобы его наказали. Если придётся, я забуду о гордости и буду умолять отца о милосердии.

Раздался стук. Мы с Ниссой тревожно переглянулись. Я поднялась и коротко сжала её руку, не зная, кого пытаюсь ободрить — себя или подругу. А затем подошла к двери и, рвано выдохнув, распахнула её.

Казалось, Ренвик не двигался всё это время — мужчина

ждал меня на том же месте.

— Прошу следовать за мной, тира.

День близился к своему завершению. Тучи рассеялись, позволяя сиянию двух солнц наполнить пролетающие мимо витражи поистине насыщенными оттенками. Не удержавшись, я бросила взгляд на стекло, прямо на «Последний час гъялврэхэр»: за горой павших в битве альвов стоял Кайлтэн. Острозубая улыбка Забвенного зловеще сверкнула в огненном обрамлении его волос.

* * *

— Проходи, — вместо приветствия произнёс отец.

Я молча пересекла мрачный кабинет. Остановившись у массивного стола из тёмного дерева, я опустилась на самый край расположенного перед ним кресла. Платье, которое выбрала Нисса, несмотря на её старания, оказалось неудобным. Тёмно-фиолетовый шёлк неприятно холодил кожу и сковывал движения, а корсет впивался в рёбра, не позволяя свободно дышать. Я неторопливо расправила широкие рукава, стараясь не выдать волнения, и подняла голову.

Отец не спешил озвучить причину, по которой вызвал меня. Сидя в большом кресле, напоминающем трон, он не отрывался от изучения одного из множества лежащих перед ним свитков. Я подавила раздражённый вздох. Он прекрасно знал, как мне ненавистно бездействие, и намеренно тянул время. Я знала, что это испытание, проверка моей выдержки, и только от меня зависит, как пройдёт эта встреча, но с каж-

дой секундой держать себя в руках становилось всё тяжелее.

Ощущение времени растворилось в бесконечном шелесте бумаг и треске свечей. Мышцы шеи и спины затекли, и я уже была готова сдаться и нарушить молчание, но в этот момент отец, видимо, решил, что с меня достаточно. Он отодвинул очередной свиток в сторону и медленно прошёлся по мне взглядом. Так и не найдя к чему придраться, он откинулся на спинку своего кресла и хмыкнул.

Мужчину, сидящего напротив меня, окружала аура властности. Отец хоть и не был стар по меркам альвов — ему едва минуло сто восемнадцать лет, — выглядел старше своего возраста. Губы, плотно сжатые в жёсткую линию, пролёгшая меж бровей глубокая складка, а также вечно хмурое выражение лица добавляли ему несколько лишних десятилетий. Его медные волосы, которые, к своему сожалению, унаследовала я, были аккуратно зачёсаны назад, волосок к волоску. Причёску украшал венец из белого золота, выполненный в виде тонких дубовых ветвей, в переплетении которых мерцал танатарит, изменяющий свой цвет с каждым поворотом головы — знак магистра иллюзий. То, что другие предпочитали прятать от чужих глаз, уберегая знание о своём мастерстве от недругов, мой отец приказал оправить в венец мейстира, гордо заявляя о своих талантах всему миру.

Тёмно-золотые глаза неотрывно изучали меня, прожигая насквозь.

— Слушай внимательно и не перебивай.

Я кивнула. Отец побарабанил пальцами по столу и, повернувшись к окну, холодно бросил:

— Через день, на рассвете, ты отбываешь в Миранделин. В середине Танца гроз пройдет ритуал сердец между тобой и сыном ан Саркорана…

Дальше слова слились в бессвязный поток. В ушах зазвенело. Губы отца продолжали двигаться, и я уставилась на них в надежде уловить смысл сказанного. Мне придётся уехать? Но до середины Танца гроз всего две недели, к тому же в конце месяца в поместье вернётся Алистиан, чтобы отпраздновать свой день рождения. К чему такая спешка? Я обессиленно привалилась к жёсткой спинке кресла и помассировала пальцами виски в попытке унять внезапно нахлынувшую головную боль.

— Можешь спрашивать.

Неозвученные вопросы роились, сменяя друг друга с невероятной скоростью. Я тщетно искала среди них тот, который не разозлит моего заботливого родителя, но поняла, что любое моё слово приведёт нас к очередной ссоре. Так есть ли смысл осторожничать?

— Ты договорился о ритуале сердец, не спросив меня? — Голос предательски дрогнул, но я заставила себя поднять голову, чтобы посмотреть прямо в равнодушные глаза напротив.

— Я надеялся, что хотя бы одна наша беседа обойдётся без глупостей. — Лицо отца скривилось в притворном разо-

чаровании. — Разумеется, как глава семьи и твой отец я обо всём договорился.

— Не кажется ли тебе, что у меня должно быть право голоса в подобном вопросе? — процедила я.

Брови отца взлетели вверх. Он улыбнулся, но для того, кто хорошо знал мэйстира Лерандорея, в улыбке этой не было веселья, лишь неприкрытая угроза.

— Порой у меня возникает ощущение, что ты забываешь о своём положении. Так позволь напомнить — ты не более чем ошибка…

— У этой ошибки есть название! — Я не дала ему закончить. В груди поднялась горячая волна злости и я вскочила на ноги. — Ну же, отец, это же так легко произнести! Дисвайла[1], — я растянула слово, с удовольствием смакуя его на языке.

— Я запретил произносить это слово в моём доме.

О да, я прекрасно знала об этом. Знала, как сильно отец ненавидит, когда ему напоминают о главном провале его жизни, но злость придала мне сил и сделала бесстрашной.

— Ты на славу постарался! Сделал всё, чтобы я никогда не забывала о том, кто я! — продолжила я, повышая голос. — А вот знают ли ан Саркорана, кого собираются принять в семью?

— Весь Гланлиморин знает о твоём уродстве! — процедил отец. Он остался сидеть в кресле, но напряжённая поза и

[1] Дис-вайла (альв.) — отвергнутый (-ая). Альв, лишённый магии.

горящие золотом глаза выдавали, что это стоит ему немалых усилий. — Они прекрасно об этом осведомлены. И тем не менее сами прислали гонца с предложением.

Я подавилась следующим замечанием. Ан Саркорана — род королевских целителей и властителей Миранделина. Зачем одной из самых могущественных и влиятельных семей Гланлиморина заключать подобный союз? Мой статус ниже, чем у людей, работающих в поместье, так что никакой выгоды подобный брак не принесёт ни одной из сторон. К тому же, наши семьи и так уже состоят в довольно близком родстве: старшая сестра моей мамы, Рэйния, — супруга мэйстира Фэйнара.

У меня осталось одно смутное воспоминание о ней. Двадцать лет назад, заметив, что её сестра не отвечает на письма, тётя сама приехала с визитом в поместье. Она пробыла в гостях всего час и, после разговора с отцом, спешно покинула нас. Со мной она и вовсе не захотела даже поздороваться, лишь удостоила презрительным взглядом, брошенным напоследок из окна кареты. Уже тогда Рэйния прекрасно знала, кто я такая. Неужели у неё внезапно проснулись тёплые чувства к племяннице?

Я едва не расхохоталась от этого предположения.

— Раз они знают, то к чему такая спешка? Я считаю, что мы должны дождаться Алистиана и решить…

— Мы не будем ждать Алистиана! — рявкнул отец и ударил кулаком по столу, заставив меня вздрогнуть от неожи-

данности. Золотая вспышка на мгновение озарила кабинет, осветив взбешённое лицо мэйстира. — Оставьте нас!

Из-за ниш за его спиной бесшумно выскользнули мейвары и удалились из кабинета. Когда мы остались одни, отец рывком поднялся с места и обошёл стол, становясь напротив и грозно взирая на меня сверху вниз. В любое другое время мне бы стоило усилий остаться на месте, но сейчас здравый смысл уступил место клокочущей внутри ярости. Я выдержала гневный взгляд и выдавила кривую усмешку.

— Алистиан ни о чем не знает, верно? Ты хочешь отослать меня до его возвращения, — громко произнесла я, надеясь, что Ренвик до сих пор стоит за дверью и всё слышит. — Когда он узнает…

— Он не узнает!

По стенам кабинета пополз зелёный туман. Я облизнула враз пересохшие губы и медленно моргнула. Чувствуя, как скручивается желудок, я опустилась на стул и непроизвольно задержала дыхание. Даже понимая, что туман — всего лишь иллюзия, у меня никогда не получалось избавиться от ощущения, что он ядовит и вдыхать его ни в коем случае нельзя.

Отец, видя, какой эффект смог произвести, резко взмахнул широким рукавом, и туман мгновенно исчез.

— Мой сын разбаловал тебя, — уже тише проговорил он. — И ты по какой-то причине решила, что его защита даёт тебе право не выполнять мои приказы. Однако пока ещё глава рода не Алистиан, а я. И я больше не намерен терпеть тле-

творное влияние на моего наследника.

Я молчала, всё ещё пытаясь прийти в себя после иллюзии. Отец же говорил всё жёстче и увереннее:

— Для таких, как ты, подобный шанс не выпадает никогда. Даже моё влияние ничего не могло решить. Это настоящее чудо, что ан Саркорана захотели этого союза. Не знаю, чем провинился их сын, чтобы получить такое изощренное наказание, но договор между нами заключен. Ты подчинишься моей воле. — Он подошел ближе и положил руку на спинку моего кресла. — Сейчас ты отправишься прямо в свои покои и не покинешь их до самого отъезда. Твоя компаньонка должна уложить вещи, и твои, и свои.

Я вскинула голову и посмотрела на него, злясь на саму себя за разгорающуюся в сердце надежду.

— О, нет. — Отец усмехнулся. — Ан Саркорана приставят к тебе новую служанку. А после того, как ты наконец покинешь мой дом, твоя подруга отправится к своим родителям. — Он наклонился и проговорил прямо мне в ухо: — Не вздумай выкинуть что-нибудь. Поверь, ты не захочешь столкнуться с последствиями.

Не дожидаясь ответа, он хлопнул в ладоши и двери тут же распахнулись.

— Проводите тиру в её покои и проследите, чтобы она оставалась внутри, пока я лично не явлюсь за ней. — Он отвернулся, давая понять, что аудиенция окончена. — Авир Нэйдрин, зайдите. Вы мне нужны.

Настолько быстро, насколько позволяло узкое платье, я выскочила из кабинета. Проходя мимо Ренвика, я успела заметить направленный в мою сторону полный тревоги взгляд.

* * *

Влетев в свою комнату, я резко развернулась и захлопнула дверь прямо перед сопровождающим меня мейвааром. Дерево затрещало, и я от всей души понадеялась, что это звук от удара по хищной маске.

— Альрун, что случилось? — Нисса прижалась к стене, глядя на меня с испугом.

Я покачала головой и решительно направилась к окну. А затем распахнула его и закричала.

Никогда ещё прежде я не ощущала такого отчаяния, такой жгучей обиды и беспомощности! Горло разрывало от напряжения, а тело содрогалось от переизбытка чувств. Я застучала кулаками по подоконнику. Теперь я понимала, почему тревога весь день преследовала меня.

Сверкнула молния, и мой голос потонул в раскате грома. Хлынул дождь, и поднялся ветер. Казалось, сама природа откликнулась на мой зов. Вода хлестала по лицу и груди, и я ощутила, как потяжелели платье и корсет. Оттолкнувшись от подоконника, я отвернулась от окна и, выдернув из волос серебряное украшение, швырнула его через всю комнату. С мелодичным звоном оно отскочило от стены и покатилось по полу.

Пройдя вглубь комнаты нетвёрдым шагом, я обессиленно

опустилась на кровать. Нисса поспешила закрыть окно, а затем подошла ко мне и, опустившись на колени, заглянула в лицо. Она легко сжала мои ладони своими — и это стало последней каплей. На глаза навернулись слёзы, и я позволила себе заплакать.

Какое-то время мы сидели в тишине, разбавляемой только шумом дождя снаружи и моими всхлипами. На смену слезам постепенно пришло опустошение. Даже мысль о скором браке перестала казаться ужасной — теперь она вообще не вызывала во мне никаких чувств.

— Он договорился о ритуале сердец, — наконец выдавила я, отметив, как хрипло звучит мой голос.

— Вья-гит, — прошептала Нисса, поднимаясь на ноги и бросаясь к приоконному столику, чтобы налить мне воды. — С кем?

Я задумалась. И правда, я ведь не узнала имени будущего супруга. У тёти три сына. Наследник, Фаэрин, не может связать жизнь с такой, как я. Остаются младшие. Кто же из них?

— С кем-то из близнецов ан Саркорана, Найтирином или Миартарином, точно не знаю, — произнесла я, глядя на свои дрожащие руки.

Тишину прорезал звук бьющегося стекла. Я вскинула голову. Нисса стояла, оперевшись рукой на столешницу. У её ног, в луже воды, лежали осколки стакана и графина.

Осторожно переступив беспорядок, Нисса подошла ко мне, кивком головы указала на дверь и приложила палец к

губам. Я согласно кивнула и, подтянув до колен юбку, забралась на кровать. Нисса развязала ленты, держащие полог, и нырнула под него, сев рядом со мной. Затем взмахнула рукой, и над моей головой завис крохотный шарик света. Создав вокруг нас иллюзию безопасности, она дрожащим шёпотом уточнила:

— Ты уверена?

— Уверена. — Я хлюпнула носом и вытерла глаза рукавом. — Ты что-то знаешь?

Нисса отвечать не спешила. Покусывая нижнюю губу, она смотрела куда-то мимо меня стеклянными глазами. Молчание затягивалось, и я почувствовала укол раздражения.

— Говори.

Я с неудовольствием отметила, что приказ прозвучал жёстко, точь-в-точь как у отца, но это помогло: взгляд подруги стал осмысленным. Она села ровнее и неуверенно начала:

— Может, я надумываю и зря переживаю. Большая честь войти в такую семью, это хорошая партия для тебя. По правде сказать, я мало что знаю о наследниках, но… — Она замялась. Было заметно, что подруга сильно нервничает. — Но о самом мэйстире Фэйнаре ходят очень неприятные слухи.

Я выжидательно посмотрела на неё, побуждая продолжать. Нисса прочистила горло и заговорила уже более уверенно.

— Раньше он ставил опыты на людях. Это известно всем… — Она осеклась и исправилась. — Почти всем. В

любом случае, это были одобренные Его Величеством исследования. Но поговаривают, что его подопытными становились и альвы, иначе бы он не смог написать свой труд «Отличие рас высших от низменных: от телесных особенностей до мышления».

Моё лицо скривилось от отвращения. Нисса тут же подняла руки в защитном жесте.

— Не смотри на меня так! Эта книга есть в Древесной библиотеке, и да, я читала её для изучения теории целительства. — Она отвела взгляд. — Но я хочу сказать, что основываясь только на наблюдениях, невозможно составить такой подробный трактат. К тому же, там есть довольно подробные картинки и схемы, и…

Дальше я не слушала. Мысли понеслись вскачь, перебивая друг друга. Мне не хватало только одной детали, чтобы все кусочки витража встали на свои места.

— Скажи, Нисса, — произнесла я неожиданно ровным и спокойным голосом, перебив подругу. — Есть ли в этой… кхм, работе что-то о магии?

— Конечно! Целых три раздела: божественная теория, наследственная, а также сравнение магических способностей альва и человека.

— А что насчет отвергнутых?

— Есть довольно много сведений о людях, но… — Её глаза округлились, а рука метнулась ко рту. — Подожди! Ты же не думаешь…

— О да, — я зло усмехнулась. — Именно об этом я и думаю.

Дис-вайлы. Лишённые магии. Найти таких, как я, среди альвов невероятно сложно. Обычные семьи чаще всего просто выгоняют таких детей в людские земли, а у знати отвергнутые рождаются безумно редко. К тому же обычно родители не спешат делиться с окружающими, что произошла такая досадная ошибка. Не знаю, везение ли это или самая большая неудача, которая только могла со мной произойти, но если бы мой отец не был таким гордецом и подождал несколько лет, как делают другие мэйстиры, если бы он только раньше времени не объявил на всю Теролану о рождении дочери, то ни одна душа за пределами поместья так никогда и не узнала бы о моём существовании.

— Нисса, как ты думаешь, что проще? Обыскать каждый закуток Ветреных равнин, гоняясь за призрачным шансом найти отвергнутого, — я выставила согнутые руки в стороны, изображая чаши весов. — Или заполучить высокородный образец, который, ничего не подозревая, сам придёт в руки?

Моя левая рука опустилась на уровень талии. Мы замолчали, глядя друг на друга.

Стёклышки наконец сложились в витраж. Спешка, таинственность, надсмотрщики — всё ради того, чтобы птичка случайно не вылетела из клетки. Наверняка отец позвал Ренвика, чтобы не дать ему отправить письмо Алистиану. А

брат… Он не успеет ничего сделать, даже если известить его немедленно, а когда он узнает — будет уже поздно.

Любопытно, как они планировали обставить мою смерть? Оступилась и утонула в пруду? Подскользнулась и разбила голову? Прыгнула со скалы, чтобы досадить отцу?

— Рун, подожди! — Нисса порывисто схватила меня за руки. — Возможно, я не права. Это всего лишь слухи!

— Я не собираюсь проверять их правдивость! И точно не позволю ставить над собой какие-то опыты!

— Но как ты… О нет, я знаю этот «у-меня-есть-идея» взгляд. — Она тяжело вздохнула. — Рассказывай. Какой у нас план?

— У нас — никакого. Я выберусь отсюда сама, а ты сможешь спокойно уехать домой.

— Я не была в Лонар'аймеде семнадцать лет. — Она покачала головой. — За все эти годы не получила от родных ни одной весточки. Мой дом — это ты и Ренвик. И моё участие не обсуждается. Я с тобой до самого конца.

Светлые глаза пылали решимостью, и мои губы расползлись в улыбке.

* * *

Я зажгла длинную свечу и поставила на обеденный стол. Осталось только ждать.

Ниссе позволили выйти из комнаты в сопровождении одного из надзирателей. Она сходила к колодцу, чтобы набрать воды, а затем на кухню, откуда стащила продукты в дорогу —

сухари, сыр, сушёные овощи и фрукты, — скрыв их в корзине под нашим настоящим ужином. Сморщив нос, она двумя пальцами выудила связку вяленой рыбы и протянула мне.

— Фу, — только и сказала подруга, глядя, как я с благодарностью вдыхаю солёный аромат.

Девушка отошла, чтобы наполнить фляги водой, а я принялась делить и раскладывать принесённое по небольшим заплечным мешкам, засунув всю рыбу на дно своего.

— У входа один мейваар, — прошептала Нисса, пока мы торопливо запихивали в себя ужин. — Второго, чтобы сопроводил меня, вызвал он же. Не уверена, как именно, но подозреваю, что дело в маске. Мне показалось, что письмена на ней загорелись.

— А Ренвик?

— Не встретила. А дойти до его комнаты шанса не было.

— Ничего, отыщем его позже, — неуверенно произнесла я.

Кусок в горло не лез, но я всё равно заставляла себя есть. Нельзя показывать, как сильно я нервничаю, иначе подруга начнёт отговаривать меня от немедленного побега и заставит придумать новый план.

— Один мейваар ходит под окном, — поделилась я.

Повисла неуютная тишина. С нами нет Ренвика, зато есть два стражника и их непонятный способ общения друг с другом. Чтобы хоть как-то снять напряжение, я показательно зевнула.

— Получается, всего двое? Отец явно меня недооценивает, — хмыкнула я, отряхивая колени от крошек.

— Он просто не думает, что ты действительно решишься на побег.

Я хотела возразить, но передумала. Нисса права. Одно дело — пытаться отстоять свою свободу в мелочах, и совсем другое — покинуть единственный дом и убежать в мир, который знаешь только по книгам и пусть и подробным, но рассказам.

Однако не проходило и дня, чтобы я не думала об этом. Я воображала самые разные сюжеты: вот я прыгаю на коня и, прорвавшись за ворота, ухожу от погони. Или незаметно пробираюсь в гавань, залезаю в лодку и уплываю прочь за горизонт, в Неведомые воды. Или пешком добираюсь до границы с землями людей. И совсем уж смелая фантазия, где я присоединяюсь к банде разбойников. И они, конечно же, с радостью принимают к себе альвийскую девчонку. Но ещё ни разу я не пыталась покинуть поместье на самом деле.

Меня удерживала одна мечта — Алистиан, наследующий венец мэйстира. Я представляла, как он снимает все запреты для меня и освобождает мою маму из Малого дома. Как я наконец обнимаю её, слышу голос, который пел печальные колыбельные и который я успела позабыть. Я мечтала наконец обрести настоящий дом.

Сегодня всё обратилось в прах. Прости, мама, но если я не уйду сейчас, то уже никогда не смогу вернуться. Я крепко

зажмурилась, прогоняя прочь смутный образ.

Я оторвала взгляд от тарелки с ужином, больше размазанным по ней, чем съеденным. Нисса уже носилась по комнате и показательно шумела, закидывая в сундуки платья и украшения, которые мы не собирались с собой брать.

Меня одолевали сомнения. Когда получилось успокоиться, я испытала облегчение от того, что Конрад не пострадал. Но когда был придуман шаткий план побега с участием Ниссы, больше построенный на спонтанности, чем на здравом смысле, мне захотелось ударить себя. Почему я продолжаю втягивать окружающих в свои проблемы? Правильно ли я поступила, позволив подруге участвовать в безумной затее? Её способности, безусловно, делают всё проще. Но могла ли я просто отмахнуться от мысли, что снова подвергаю жизнь близкого опасности?

Я могла только догадываться, что творится у неё на душе. Нисса никогда не принимала решения необдуманно, сначала взвешивая все «за» и «против». В голову закралась мысль — она всегда знала, что однажды этот день настанет, поэтому смирилась давным-давно. И я не могла не испытывать благодарности, что она выбрала меня.

Свеча догорела и погасла. Положив вилку на стол, я закончила терзать ужин. Затем подошла к кровати и, опустившись на пол, заползла под неё. Отыскала зазор в половице, потянула наверх. Нащупав в углублении свёрток, я не без труда вытащила его наружу и вытряхнула содержимое на кровать.

Вытянув из кучи длинную куртку и штаны из эмвиана[1], я начала одеваться. Наручи, перчатки, маска, наголенники, сапоги, два пояса — всё на месте. Кинжал, так и оставшийся лежать под подушкой, отправился за пояс.

Закончив собираться, я в последний раз осмотрела комнату, прощаясь. Взгляд наткнулся на брошенные на полу платье и корсет. Я с удовольствием скомкала их и швырнула в дубовый сундук.

Я подкралась к окну и встала сбоку от него. Нисса повторила за мной, заняв позицию с противоположной стороны.

— Готова? — прошептала я.

Она кивнула. Я закрыла глаза и немного постояла, глубоко вдыхая и выдыхая прохладный ночной воздух. Затем встала перед окном и только занесла руку, чтобы открыть его, как уловила между деревьев движение. Из-за толстого ствола показалась рука, между пальцев которой коротко сверкнула молния.

— Ренвик? — неверяще прошептала я, краем глаза заметив, как дёрнулась Нисса.

К сожалению, его заметила не только я. Перед окном вырос мейваар и, держа руку на эфесе меча, уверенно двинулся к нему.

Испугавшись, что он обнаружит Ренвика и успеет предупредить других, я, не медля ни секунды, толкнула створку

---

[1] Эмвиан — ткань, сотканная серебряными пауками. Лёгкая, но вместе с тем невероятно прочная. Традиционно чёрного цвета.

окна от себя и по пояс высунулась наружу.

Мейваар обернулся и поднял руку, показывая, чтобы я вернулась в комнату.

— Мне нужен свежий воздух, — дрожащим голосом произнесла я.

Нисса подалась вперёд, но я жестом остановила её. Ренвик осторожно выглянул из-за дерева и, пользуясь тем, что мейваар отвлекся, медленно двинулся в нашу сторону.

— В комнате так душно, — продолжала я, не отводя взгляд от жуткой маски. — Но я совершенно не против вашей компании. Постойте немного со мной.

Ренвик почти подобрался к нему со спины. Другу оставалось пройти каких-то три метра, когда мейваар обернулся, видимо, почувствовав чужое присутствие.

Время замедлилось. Ренвик остановился и потянулся к мечу на поясе. Мейваар вскинул руку к лицу. Чувствуя, как в груди поднимается волна паники, я забралась на подоконник и прыгнула.

Мужчина — я поняла это по телосложению — покачнулся, но устоял на ногах. Удачно приземлившись на его спину, я крепко обхватила чужие плечи и ногами обездвижила его руки. Ренвик бросился вперёд с обнажённым клинком, но мейваар сделал несколько торопливых шагов назад, врезаясь в стену.

Из лёгких выбило воздух, и боль растеклась обжигающей волной по лопаткам, перед глазами замелькали мушки. За-

дыхаясь, я вскинула руку и, поддев птичью маску снизу, одним движением сорвала её и отшвырнула в сторону. Мейваар оторвался от стены, и я с глухим стоном разжала руки, соскальзывая на землю. Не обращая на меня внимания, мужчина шагнул навстречу Ренвику, выхватив меч, но в следующее мгновение остановился и выронил оружие. С видимым трудом повернувшись ко мне, он схватился за ворот и захрипел, словно не мог сделать вдох, а затем рухнул лицом вниз. Помедлив пару секунд и убедившись, что мужчина не двигается, я отползла от стены и посмотрела наверх.

В оконном проёме, тяжело дыша, стояла Нисса. Вскинув перед собой дрожащие руки, девушка сжала ладони так, будто в каждом лежало по яблоку и она пыталась их раздавить. От её пальцев поднимались завитки золотого дыма.

Ренвик опустился рядом со мной на колени.

— Рун, — позвал он, заглядывая мне в лицо. — Ты в порядке? Подняться можешь?

— Бывало и хуже, — прохрипела я, вспоминая тренировки с братом.

Алистиан никогда не дрался вполсилы. «В реальном бою никто не будет играть с тобой в поддавки. Терпи, Сверчок!»

Приняв протянутую руку, я поднялась на ноги. Пока Ренвик помогал спуститься Ниссе, я склонилась над растянувшимся на земле мейвааром. Кряхтя, я перевернула его на спину. Молодой, лет тридцати на вид, красивый — даже несмотря на покрывающую его лицо грязь. Это определенно

был альв — остроконечные уши не оставляли в том сомнений. Что-то в его облике показалось мне странным, и любопытство побудило меня присмотреться к нему ещё внимательнее.

— Хексово отродье! — выругалась я.

В глубине приоткрытого рта розовел обрубок языка. Над моим ухом ахнула Нисса. Сглотнув мерзкий ком в горле, я пробормотала:

— По крайней мере, теперь мы точно знаем, почему они всегда молчат. Он жив? — уточнила я, повернувшись к подруге.

— Да. Я только ненадолго перекрыла дыхательные пути. — Она выглядела потрясённой. — Не думала, что это и в самом деле сработает. И я не знаю, как скоро он очнётся.

Мы с Ренвиком переглянулись, и он кивнул. Я натянула на нижнюю половину лица маску и закуталась в протянутый подругой плащ.

— Тогда поспешим.

Ренвик оттянул бессознательного мейваара в ближайшие кусты, и, подхватив заплечные мешки, наша компания устремилась вглубь дубовой рощи.

* * *

Мы передвигались короткими перебежками. Моросило. Плащи понемногу пропитывались влагой, сапоги вязли в грязи. Я постоянно оглядывалась и дёргалась от каждого шороха. Казалось, сейчас из-за деревьев покажется отец, и весь

наш план полетит к Кайлтэну.

Но, наконец, впереди показались конюшни.

— Быстрее, сюда!

Ренвик первым вышел из спасительного сумрака подлеска и добрался до ближайшего денника. Отворив ворота, он вывел под уздцы двух вороных коней.

— Как ты понял, что я собираюсь бежать сегодня? — поинтересовалась я, отметив, что кони уже были осёдланы.

— Я предполагал, что новость о ритуале сердец тебя не обрадует, — ответил он, немного рассеянно поглаживая животное по холке. — А зная твой характер, я подумал, что ты точно не станешь тянуть до последнего. Признаться, я удивлён, что ты дождалась полуночи.

— Это заслуга Ниссы.

— Я так и понял, — он усмехнулся, но тут же вновь посерьёзнел. — Тебе нельзя в Миранделин. Мы с Алистианом учились у мэйстира Фэйнара, он преподаёт в Академии. И он…

— Я уже знаю, — перебила я. Снова слушать о научных успехах дяди у меня не было никакого желания.

— В общем, — невозмутимо продолжал Ренвик, — я зашёл в кабинет сразу после твоего ухода. И слышал весь ваш разговор, твой с мэйстиром Эурином. Он это понял, поэтому приказал мне собираться в дорогу. Сказал, что с первыми лучами Кира я должен отбыть в Лерандорей для смотра новых охранников.

— Постой, но набор был меньше месяца назад. — Я в недоумении уставилась на друга.

— Верно. Но самое странное, что поехать я должен был не один, а в сопровождении мейвааров. И я решил, что мэйстир хочет от меня избавиться, пока тебя не увезут в Миранделин. Поэтому рассудил, что ты захочешь избежать этого путешествия, и поспешил на помощь. — Он скрестил руки на груди и недовольно посмотрел на меня. — Но я не ожидал, что ты втянешь в это Ниссу.

— Я сама способна принимать решения, — спокойно сказала подруга, закрывая меня собой.

— Ты не можешь поехать с нами. Я отвезу Рун к Алистиану и сразу вернусь к тебе.

— Вернёшься? Куда, Вик? — Она печально улыбнулась. — Меня отсылают в Лонар'аймед. Я не знаю, там ли мои родители, захотят ли принять меня обратно. Живы ли они.

— Но это слишком опасно!

— У меня нет иного пути! Решение принято — я ухожу с вами!

— Настроение моего отца переменчиво, как цвет штормового моря. — Я вмешалась в разговор, чтобы не дать ему затянуться. У нас не было времени на долгие обсуждения: в любой момент мог очнуться мейваар, брошенный нами в кустах, или смениться дежурный. — Никто из нас не может быть уверен, что он в самом деле отпустит Ниссу после моего побега. Тем более если учесть нападение на мейваара, он

быстро поймёт, чьих это рук дело. Ты и сам знаешь — мэйстир не даёт второй шанс. Никому.

— Хорошо, — уступил Ренвик после недолгого молчания. — Мы уезжаем вместе. Седлать ещё одного коня нет времени. Поедем так, шагом, без лишнего шума. И, Рун, вот ещё кое-что.

Он протянул мне продолговатый свёрток, снятый с задней луки седла. Я приняла его, и сердце пропустило удар, а потом с силой забилось о рёбра, отдаваясь грохотом в ушах.

В складках тёмной ткани поблёскивало навершие в форме языка пламени. Я перевела неверящий взгляд на Ренвика и обратно. Мой полуторник. Я вытащила оружие из ножен ровно настолько, чтобы увидеть гравировку.

Сорэс ат краэ, синаль ат лаэм.

— Свобода в сердце, сталь в руке, — повторила я одними губами и вернула клинок в ножны, надёжно закрепляя их на своём поясе. — Как? Я думала, отец давно избавился от него.

— Всего лишь спрятал в оружейной. — Ренвик улыбнулся и легко вскочил в седло. — В конце концов, даже он понимает, кто выковал этот меч и каких усилий Тиану стоило уговорить мастера.

Животные раздували ноздри и громко фыркали. Я последовала примеру друга и помогла взобраться в седло Ниссе, усаживая её позади себя.

— Держись крепче.

Мы беспрепятственно выехали за ворота. Я сидела с

прямой спиной, боясь пошевелиться. Мышцы окаменели, а внутренности скрутились в тугой узел. Мне казалось, что все окружающие звуки оглушающе бьют по ушам: скрип седла, чавканье копыт по размокшей дороге, удары хвоста моего коня по крупу, даже собственное дыхание казалось слишком громким. Поместье осталось позади, но во мне неумолимо росла тревога — я боялась, что отец всё же предвидел мой побег и на перекрёстке нас ждёт засада.

Но вот далеко позади послышались шум и крики, и я испытала одновременно облегчение и ужас. Мы с Ренвиком переглянулись. Я почувствовала, как Нисса крепче сжала руки на моей талии.

— Я останусь, — сказал друг, напряжённо оглядываясь через плечо. — Конь не уйдёт далеко с двумя седоками. Пересаживайся на моего, а я отвлеку мейвааров на себя.

— Нет, — возразила я.

— Не глупи!

— А ты не мели чушь! Ты не заставишь меня бросить тебя на верную смерть!

— У нас нет выбора!

Не стоило ему этого говорить. Мне потребовалось мгновение, чтобы решиться. Я отцепила руки подруги от себя и, перекинув ногу через седло, спрыгнула на землю.

— Рун, что ты… — начала Нисса.

— Я побегу в другую сторону. Одна. Так у нас больше шансов. Если вас догонят, скажете, что решили сбежать

вдвоём, — я криво улыбнулась подруге и повернулась к Ренвику. — Доберись до Алистиана. Расскажи ему всё.

— С ума сошла? — Он протянул руку в попытке удержать меня. Я отступила на шаг назад и покачала головой. — Как далеко ты сможешь уйти пешком?

— Будет лучше, если вы не будете знать, куда я направляюсь.

Ренвик не спросил почему. Я видела по его взгляду — он понял.

— Но что передать Тиану? Где нам искать тебя?

— Скажи, что я буду ждать там, где твердь поглощает звёзды. Он поймёт.

— Ты точно сошла с ума, — прошептала Нисса. В её глазах застыли слезы.

Я улыбнулась и, не давая себе шанса передумать, бросилась в лес. Позади я услышала топот копыт — друзья пустили коней галопом. Поднялся ветер, донося до меня аромат проклятых гиацинтов.

* * *

Я бежала. Землю разрывали корни могучих деревьев, извиваясь и переплетаясь между собой. Каждый раз я думала, что вот-вот споткнусь, но чудом успевала перепрыгнуть очередное препятствие. В лицо ударил солёный воздух — уже близко.

Остановившись перед самым выходом, я осмотрелась. Издалека всё ещё доносились крики, но здесь было тихо и спо-

койно. Пригнувшись, я добежала до кромки воды. Передо мной, привязанные к торчащим из песка железным столбикам, в ряд выстроились шлюпки. Я выбрала крайнюю слева — она показалась мне самой компактной. Об её корму с тихим плеском разбивались набегающие на берег волны. Я отвязала канат от столба и закинула его в шлюпку. Следом полетел мешок с припасами. Уперевшись руками в нос и загребая песок сапогами, я толкнула судно на воду и, не снижая скорости, запрыгнула внутрь. Затем, закрепив вёсла в уключинах и стараясь не шуметь, поплыла прочь от берега.

Когда мне показалось, что я отплыла на достаточное расстояние, я подняла вёсла и легла на дно. Стянув с головы капюшон и маску с лица, я вдохнула полной грудью. И не почувствовала запаха цветов.

С трудом сдерживая распирающий меня изнутри смех, не попадая ни в одну ноту, я вполголоса запела неприличную песенку о любовных похождениях Хексы, подслушанную как-то на кухне поместья. Ночью в море одна на гребной шлюпке — безумие! Дождь и не думал останавливаться, и я могла только надеяться, что он не перерастёт в грозу. Если меня унесёт дальше, за Бездну Забвения, в Неведомые воды — всё пропало.

Позволив себе перевести дыхание ещё пару минут, я села и осмотрелась. Сейчас надо взять вправо, и через пару часов я пересеку границу людских земель. И, если повезёт, причалю сразу к нужному месту. Но сначала надо сделать ещё кое-

что.

Я достала кинжал и подняла его над головой. Лезвие поймало холодный свет Киры, создавая впечатление, что по узорам на клинке течёт серебро. Натянув волосы справа, я одним движением отрезала их по плечи. Так же поступила со второй половиной. Медные локоны упали на дно лодки. Мысленно извинившись перед Ниссой, я собрала их и выбросила за борт. И тут произошло странное.

Я услышала низкий гул и стук, будто чьё-то гигантское сердце билось под толщей воды. А затем, в паре метров от меня, вода засветилась фиолетовым. Сияние расходилось кругами, и я смотрела на необычное явление, не в силах оторвать взгляд.

Всё прекратилось так же неожиданно, как и появилось, оставив после себя нечто тёмное. Любопытство пересилило осторожность. Я спустила вёсла на воду и подплыла ближе.

На поверхности воды мерно покачивалось тело.

Глава 4 (Кайриус). Встречи, которые не сулят ничего, кроме проблем.

Я вижу себя в отражении морской глади — могучее существо, само воплощение силы и грации. Чешуя пылает, словно тысячи рубинов. Расправив кожистые крылья, я взмываю ввысь. Земля, сотворённая мною, видна как на ладони.

Я вижу себя в отражении мутного стекла — маленького мальчика с бледно-голубой кожей, украдкой наблюдающего за играми детей во дворе. Я не могу присоединиться к ним. Щёки жгут слёзы обиды.

Я вижу себя в отражении серебряного кубка — скучающего мужчину с изогнутыми рогами. Меня окружает множество красавиц, во взглядах которых навеки застыла печаль. Я раздражённо взмахиваю рукой и отсылаю их прочь.

Я вижу себя в отражении чёрного камня — испуганного юношу с разноцветными глазами. Поверхность приближается, и я задерживаю дыхание.

«Увидимся на той стороне».

* * *

Открыв глаза, я обнаружил себя в ослепительно-белом пространстве. Вокруг ничего — ни стен, ни предметов. Безграничная пустота без конца и начала.

Я наугад выбрал направление. Под ногами не было пола, но всё же я чувствовал опору. Постепенно ускоряясь, я перешёл на бег. Ноги сами несли вперёд, но белизна вокруг оставалась неизменной. Действительно ли я куда-то продвигаюсь или просто бегу на месте? И, если движение всё же есть, то это я перемещаюсь в пространстве или пространство перемещается вокруг меня?

Я потерял счёт времени, проведённому здесь. Усталость тяжким грузом опустилась на плечи, вынуждая остановиться. Я что-то делаю не так.

Внезапная догадка пронзила сознание. Почему я так уверен, что надо идти вперёд? Абсурдная мысль, но после стольких попыток изменить направление, которые не привели ни к какому результату, она казалась единственной разумной. Чувствуя себя до невозможного глупо, я шагнул назад.

Ничего не изменилось. Ещё шаг — и снова ничего. С третьим шагом тишину разорвали громкие хлопки, похожие на падение камней с вершины Хребта Змея. Я обернулся на звук и поражённо замер.

Передо мной возвышался украшенный рубинами трон. Он появился неожиданно, словно кто-то неудачно открыл флакон с чернилами и испортил чистый пергамент. Спинка ощерилась блестящими чёрными остриями, веером раскрываясь за головой восседающего на этом самом троне мужчины.

Было в незнакомце что-то такое, что поднимало во мне

волну беспричинного раздражения. Однако, несмотря на собственную странную реакцию, я не мог оторвать от него взгляд.

Мужчина казался живым воплощением огненной стихии. Светлая кожа выглядела почти прозрачной на фоне красных волос, струящихся по его обнажённому торсу. Ослепительно горели золотом широкие браслеты, окольцовывающие его плечи и запястья. Изо лба торчали мощные изогнутые рога, растущие назад; между ними, словно паутина, растянулись тонкие цепи с россыпью неровных чёрных кристаллов. Брови, слегка приподнятые к вискам, казались мазками кисти, сделанными чьей-то небрежной, но талантливой рукой. Из узких ноздрей вырывались струйки дыма, а на тонких губах застыла ухмылка, полная насмешливого превосходства над всем сущим.

Привалившись к спинке трона, мужчина лениво аплодировал. Заметив, что я на него смотрю, он ухмыльнулся ещё шире и поменял положение, закинув ноги на подлокотник. Задняя часть набедренной повязки сползла вниз, открывая взору покрытое жёсткой чешуёй и шипами бедро.

«Вот бесстыдник!» — мысленно возмутился я. — «Зачем нужна эта тряпка, если она ничего не прикрывает?»

— Так-так-так, — протянул незнакомец. — А я всё гадал, когда ты наконец появишься.

Незнакомец немного подался вперёд и поманил меня пальцем. Моё веко непроизвольно задёргалось от подобной

наглости. Мало мне было не знать, где я нахожусь, так теперь к незнакомой обстановке прибавился какой-то рогатый наглец. Я топтался на месте. Подходить к нему совершенно не хотелось, и я развернулся, намереваясь уйти — уж лучше белое ничто, чем нахал с неясными намерениями, — но неожиданно оказался прямо у подножия трона.

— Интересный ход, — со смешком произнёс незнакомец.

В обрамлении красных ресниц золотом сверкнули вертикальные зрачки — я поёжился под его пронзительным взглядом. Мужчина неторопливо выпрямился, а затем резко выбросил руку вперёд и притянул меня к себе, больно вцепившись в предплечье. Крепко обхватив мою челюсть свободной рукой, он принялся внимательно разглядывать меня, словно диковинную вещицу.

— Могло быть и лучше, но, в общем и целом, пойдёт, — пробормотал он себе под нос.

Да что с ним не так?! Чужие длинные ногти со скрежетом скользнули по чешуйкам, когда я, вырвавшись из хватки, отскочил на, как я надеялся, безопасное расстояние. Мужчина не стал меня останавливать. Вытерев потные ладони о ткань накидки, я громко поинтересовался:

— Ты ещё кто такой?!

— Ах да-а-а. Кто же я такой?

Прищурившись, он несколько раз погладил подбородок, а затем вскочил на ноги. Красная чешуя, покрывающая его тело, разом вспыхнула, словно мужчину объял столб пламени.

Он медленно пошёл на меня. С бешено колотящимся сердцем я отступал — мне хотелось держаться от него как можно дальше.

— Я — Ангофар. Голеймдин. Кайлтэн. *Ольвидус.* — Он блеснул острозубой улыбкой. — Смертные нарекли меня множеством имён. Выбирай, какое больше нравится.

Только когда он замолчал, я осознал, что задержал дыхание, и почувствовал, что задыхаюсь. Судорожно вздохнув, я отпрянул от него. По привычке потянулся к правому плавнику, но вовремя остановился, вместо этого нервно пригладив волосы.

Понятно. Я умер и попал в Бесцветные Глубины. Или сплю. Или ударился головой, и безумное видение завладело моим сознанием. Я сильно ущипнул себя за запястье и едва не зашипел от боли.

— Быть не может, — прошептал я. — Ольвидуса не существует.

Повисла тишина. Я поднял глаза на своего собеседника, и что-то внутри меня оборвалось. Ухмылка исчезла, и теперь его лицо не выражало ни единой эмоции. Что-то подсказывало мне — он не врёт. Но вот так запросто поверить в подобное?..

Всю свою жизнь я метался от отрицания самого существования Ольвидуса до застилающей разум ненависти к нему. Но сейчас и сам не понимал, на что именно надеюсь: чтобы слова незнакомца оказались правдой, или что стоящий пере-

до мной — всего лишь плод моего воображения?

Так и не разобравшись, чего желаю больше, я мысленно махнул рукой и решил — будь что будет. Я ожидал чего угодно: возмущения, гнева, крика. Но мужчина запрокинул голову и расхохотался. Цепочки на рогах зазвенели, вторя его смеху.

— Ну и ну! — воскликнул он, отсмеявшись. — Вот так прямо заявлять богу, что его не существует! Сдаётся мне, ты очень смелый. Или очень глупый.

Я сконфуженно отвернулся, чувствуя, как во мне вновь поднимается раздражение: от небрежности чужого тона, от пошатнувших мои убеждения сомнений. От непонимания ситуации, в конце концов!

— И ты ожидаешь, что я поверю в эту чушь? — бросил я, сложив руки на груди. — Любой мерфолк знает, как выглядит Ольвидус.

Я поводил в воздухе руками, попытавшись вложить в этот жест всё, что казалось мне в чужом облике «не таким». Рогатый слегка приподнял бровь, недоумённо глядя на меня.

— Жрицы описывают тебя иначе, — пояснил я.

— Ах, это… — На миг его черты исказила злость, но наваждение тут же прошло. — Вот так?

Прямо на моих глазах он начал меняться. Мужчина весь как-то разом посерел, из его облика исчезли все краски. Затем чешуя, ещё недавно сияющая словно пламя, потемнела и засверкала серебристо-синим. Рога почернели и немного

удлинились, украшающие их цепочки сеткой опустились на сапфировые волосы. На шее ребристыми полосками проступили жабры. Чужое лицо исказила гримаса боли, и незнакомец рухнул на колени. Шипы на хребте, предплечьях и голенях втянулись внутрь тела, а на их месте выросли плавники, прорезав тонкий слой свежей кожи. Из образовавшихся ран побежали дорожки мерцающей голубой крови, лужицами собираясь у его ног. Пошатываясь, мужчина выпрямился.

Теперь передо мной стоял Он — Сияющий Владыка, чей образ с благоговением описывали Слышащие. Если именно в таком облике он предстаёт в видениях своим последовательницам, неудивительно, что все жрицы сумасшедшие: попробуй тут сохранить рассудок после увиденного. Уж не это ли главная причина, заставляющая несчастных женщин ослеплять себя?

Я вспомнил маму, и на короткий миг мне стало стыдно за свои мысли, но я одёрнул себя. Как бы ни было горько признавать, но она когда-то была одной из этих помешанных и до конца своих дней относилась к стоящему напротив меня чудовищу с любовью и трепетом.

— Ну как? — прошипел Ольвидус. Впившись в меня своими холодными серебряными глазами, бог медленно поднял руку и прошёлся длинным раздвоенным языком по собственному предплечью, слизывая кровь.

Меня передёрнуло. Тошнотворное зрелище.

— Красный лучше, — с трудом выдавил я.

— И я так считаю, — ответил он.

Уже через мгновение передо мной стоял прежний Ольвидус. Я почувствовал, как жар, охватывая шею, поднимается к лицу, и невольно отступил назад.

— Ой, не смотри на меня так! — Он подмигнул мне и рассмеялся, небрежно откидывая волосы за спину. В ухе сверкнула серьга — цепочка с кристаллом аметиста, резко выбивающаяся из его облика. — У меня не так часто бывают зрители, чтобы я отказал себе в удовольствии устроить небольшое представление.

— Допустим, я верю тебе, — я насмешливо фыркнул, стараясь скрыть смущение. — Но ты ведь не ждёшь, что я упаду на колени?

— Расслабься. — Ольвидус перестал скалиться и серьёзно посмотрел на меня. — Я знаю о тебе больше, чем ты сам. Склонись сейчас, и откроешь дорогу прямиком в Бесцветные Глубины. Но ещё не время.

Он прошёл мимо меня, а затем, словно опомнившись, обернулся и приглашающе махнул рукой. Я поравнялся с богом, и мы неторопливо двинулись вперёд, навстречу белой пустоте.

Какое-то время мы шли молча. Ольвидус, казалось, полностью забыл о моём существовании. От его прежнего нахального поведения не осталось и следа. Хмурясь, он медленно ступал, глядя прямо перед собой. Я не решался заговорить, но одновременно с этим мне по какой-то причине

нестерпимо хотелось нарушить хрупкую тишину, повисшую между нами.

Как только я открыл рот, чтобы поинтересоваться, куда мы направляемся, Ольвидус остановился.

— Как считаешь, где мы?

— Не знаю, — признался я. — Я сплю, да?

— Верно, — ответил он.

Как я и думал, это просто сон. Но не успел я облегчённо выдохнуть, как бессмертный продолжил:

— Но уж не думаешь ли ты, что сны — это лишь пустые иллюзии? Вне всякого сомнения, я снюсь тебе, но я столь же реален, как и ты сам.

Я непонимающе взглянул на него и получил ещё одно пояснение, которое запутало меня окончательно:

— Видишь ли, сновидение — это маленькое путешествие в другой мир, парень. И сейчас ты находишься именно там, где мне было необходимо, чтобы ты оказался. Но нам уже пора двигаться дальше.

Обращение показалось смутно знакомым, но у меня не было времени вспомнить, от кого я его слышал. Ольвидус щёлкнул пальцами. В следующее мгновение мы уже сидели друг напротив друга за узким деревянным столом. Уши наполнили стук, скрип, звон стекла, смех. Откуда-то издалека, с трудом прорываясь сквозь окружающий шум, лилась весёленькая мелодия. Я огляделся.

— Таверна? — изумился я.

Мы очутились в самом центре просторного зала. С высоких потолков, украшенных резными балками и гирляндами из сушёных трав, свисали круглые люстры, щедро утыканные свечами. Возле двери стояла большая доска с прибитыми к ней различными объявлениями и плакатами о розыске.

За столами, почти вплотную примыкающими друг к другу, вперемешку сидели люди, альвы, подгорцы. Среди толпы я разглядел и несколько рогатых существ, похожих на Ольвидуса. По узким проходам суетливо носились девушки и юноши, мягко ступая по покрывающим пол влажным душистым опилкам. Они разносили посетителям большие кружки с дрожащими над бортами шапками пены и дымящиеся блюда. Ноздри наполнили незнакомые восхитительные запахи, и я сглотнул вязкую слюну.

Справа от нас расположилась массивная стойка, за которой стоял коренастый трактирщик с густой бородой, ловко разливающий напитки из возвышающихся за его спиной бочек. Над его головой висела табличка со сводом местных правил, последние пункты которого явно были дописаны вручную.

У жарко горящего камина сидел седой альв. Он активно жестикулировал, рассказывая какую-то историю небольшой группе людей перед собой. Они увлечённо слушали старика, время от времени поражённо ахая.

Слегка приподнявшись над скамьёй, я посмотрел поверх голов в самый освещённый угол таверны. Перед низенькой

сценой отплясывала пьяная компания из шести подгорцев. Они громко хохотали и толкались, расплёскивая друг на друга содержимое своих кружек. На самой сцене, на грубо сколоченных табуретах, сидели музыканты. Их лица блестели, по груди, пропитывая рубахи, тёк пот. Иногда они по очереди останавливались, чтобы успеть сделать глоток из поданных из зала кружек, но тут же снова вливались в мелодию.

Я перевёл взгляд на своего божественного собеседника. Настроение Ольвидуса снова переменилось. Он сидел, подперев голову рукой, и смотрел куда-то в сторону с мечтательным выражением лица. На его губах блуждала мягкая улыбка.

— *Танцующая струна,* — протянул он. — Лучшая таверна на всём старом континенте!

Он повернулся ко мне и, подняв руку, воскликнул:

— Давай-ка выпьем!

В тот же момент, словно из ниоткуда, появился разносчик и опустил перед нами две деревянные кружки. Я неуверенно взял одну и пригубил напиток. Во рту разлилась приятная горечь. Ольвидус, в пару глотков ополовинив свою, с громким стуком поставил её обратно. Перегнувшись через стол, он подал мне знак приблизиться.

— Итак, парень, — тихо сказал он. — Пора вспоминать.

Слабость окутала тело. Что-то потекло через губы к подбородку и закапало в стоящую передо мной кружку. Я бездумно провел рукой по лицу — пальцы окрасились в яр-

ко-голубой. Боль сдавила голову, словно железный обруч, и я зажмурился. Места и события замелькали перед внутренним взором, словно в калейдоскопе: храм, Прима, реликвия, чужой шёпот в голове, погоня, рана на руке.

Кто-то завладел моим телом и бросился навстречу верной смерти. Кто-то чересчур нахальный и самоуверенный.

— Ты! — вскрикнул я, отстраняясь от него. — Какого векса!

Я вскочил с места, не обращая внимания на дрожь в ногах. Скамья с грохотом опрокинулась за моей спиной.

— Отлично! — воскликнул он. — Злись! Круши, ломай, бей!

Я неотрывно смотрел на него, тяжело дыша, но с места не сдвинулся. Несмотря на желание огреть бессмертного чем-нибудь тяжёлым, я понимал — именно этого он и добивается, а я вовсе не стремился оправдывать его ожидания.

— Ну же, — протянул Ольвидус, довольно оскалившись. Его взгляд прошёлся по мне с головы до ног, ядовитой плёнкой оседая на коже. — Быть может, ты стесняешься? Нужна помощь?

Перекрывая прочий шум, звякнули кристаллы на рогах, ударяясь друг о друга. Посетители застыли, будто разом превратились в статуи. Девушка за соседним столом, рассмеявшаяся над шуткой своего спутника, сидела с открытым ртом. Её глаза блестели, призрак смеха ещё искрился на нежных губах, но звука не было. Языки огня, пляшущие в камине,

обернулись неподвижными лентами света. Трактирщик, открывший кран на бочке, подставил кружку под струю браги, которая повисла в воздухе, так и не ударившись о дно. Лютнист держал пальцы на струнах, готовый извлечь новую ноту, но музыка оборвалась, оставив лишь тишину.

Воздух стал густым, вязким. Время больше не текло — оно просто перестало существовать внутри этих стен.

— Что ты сделал? — шёпотом спросил я.

Ольвидус не ответил. Широко ухмыляясь, бог жадно следил за мной. Кровь прилила к лицу. Стало жарко. Я открыл рот и хотел уже выплюнуть какую-нибудь колкость, но передумал и просто направился к выходу.

— Куда же ты? — ехидно прозвучало мне вдогонку.

— Подальше от тебя, — огрызнулся я, рывком распахивая дверь.

За ней клубилась непроглядная чернота. Я привалился к косяку, так и не шагнув за порог, чувствуя, как холод проникает под кожу, клыками жадно вгрызаясь в сердце.

Тьма казалась живой. Она манила к себе, жаждала поглотить меня. Я пытался разглядеть хоть что-то, но тщетно: никакие очертания, никакие формы не вырисовывались в её глубинах. Но я знал — там, за границей видимого, скрывается нечто огромное, древнее, неподвластное разуму смертного. Я почувствовал, как меня затягивает туда, но испугаться не успел.

— Хватит! — прогремело прямо над моим ухом.

Ольвидус оторвал меня от косяка и грубо втолкнул обратно в зал, захлопнув дверь. К своему удивлению, я заметил на его лице беспокойство.

— Сядь, — коротко приказал он.

Сил спорить не осталось. Очень хотелось расплакаться, но я не мог себе этого позволить. Только не сейчас. Не перед ним.

На нетвёрдых ногах я вернулся к нашему столу и, поставив скамейку на место, сел, обхватив голову трясущимися руками. Я перестал что-либо понимать. Всё казалось чересчур странным для реальности, но при этом слишком реальным для сна. Звуки, запахи. Я готов поклясться, что чувствовал вкус напитка. Как это вообще возможно?

Ольвидус подошёл незаметно и сел напротив меня. Словно прочитав мои мысли, он спокойно произнёс:

— Я ведь предупреждал, парень. То, что ты находишься во сне, вовсе не означает, что всё вокруг ненастоящее. Здесь ты должен быть всегда настороже.

— Объясни, что происходит, — хрипло попросил я, подняв на него слезящиеся глаза.

Он ненадолго задумался, видимо решая, как много мне нужно знать. А затем заговорил:

— *Замершее мгновение.* Вот как это называется. Мы находимся в моём воспоминании. Вырванное из моей памяти и находящееся вне времени и пространства, оно будет повторяться, пока я не перестану существовать. Эта магия неподд-

властна вам, смертным. — Он осушил свою кружку и продолжил: — Хоть я здесь и хозяин, но по своему желанию могу лишь остановить время. Это воспоминание неизменно, как жучок, застывший в капле янтаря. Навредить или помешать ходу событий я не в силах. Всё, что ты здесь видишь, в точности передаёт события того дня. Шесть часов, раз за разом, и ещё четыре часа в комнатах. На это время первый этаж исчезнет. Следить за временем не обязательно — нас просто выкинет наверх в нужный момент. Но если бы ты вышел туда, — он указал на дверь, — наше знакомство на этом бы и закончилось.

— И что бы произошло? — спросил я, уже зная, что вряд ли хочу услышать ответ.

— Твой разум растворился бы в первозданном хаосе, а тело, где бы оно сейчас ни было, обратилось в прах в считанные мгновения.

Я почувствовал себя больным. Голова кружилась, а тело горело, как в лихорадке. Я силился собрать мысли в кучу, но они разбегались, как косяк юрких рыбок.

— Хорошо. Допустим, — наконец пробормотал я. — Но как быть с вещами? Если всё подчиняется какому-то строгому порядку, то почему я мог делать всё, что делал? Почему смог взять кружку, уронить скамью? И как ты смог заказать выпивку для нас обоих?

Ольвидус отвёл взгляд и надолго замолчал. Я тоже притих, ощущая, как взвинченность уступает место стыду. До

моей попытки выйти из таверны происходили не менее странные вещи, но я старался держать себя в руках. А теперь не мог понять, что именно стало последней каплей.

Что-то заставило меня присмотреться к Ольвидусу. То, с какой лёгкостью у бессмертного менялось настроение, сбивало с толку. Подобно бурному потоку, волны чувств набегали, смывая предыдущие, и, казалось, если их течение замедлится хоть на миг, то бога просто-напросто разорвёт. Но есть ли во всём этом хоть что-то настоящее? Или представление, начавшееся в момент нашего знакомства, всё ещё продолжается?

Не фокус со временем вывел меня из себя, а подначивания этого монстра. Но ради чего он это делал?

Прервав мои размышления, Ольвидус еле слышно выдохнул:

— Много лет назад я заказал выпивку на двоих. Сейчас ты заменил собой того, кто был здесь со мной. Он касался этих вещей, поэтому смог и ты.

Это откровение поразило меня. Ольвидус по-прежнему смотрел куда-то мимо меня. Я вдруг осознал, что узнал нечто личное, не предназначенное для посторонних, и едва удержался от того, чтобы не заткнуть уши. Я понял, что из всего услышанного от бога именно эти слова точно являются истиной.

Я не любил лезть в душу к другим. Корифены считали меня самолюбивым. Упрекали, что мне наплевать на окру-

жающих. Иногда они собирались в убежище, чтобы выпить, и почти всегда это приводило к разговорам о сокровенном. Однажды поучаствовав в таком и услышав много лишнего, в дальнейшем я всегда отказывался от приглашений и сбегал домой раньше, чем меня успевали остановить. Но моё небывалое везение вкупе с наблюдательностью упорно приводили меня в ситуации, где я ненароком узнавал что-то совершенно мне ненужное.

Отчасти корифены были правы — мне и правда было плевать на многих. Я был убеждён, что в первую очередь каждое живое существо думает о себе, и это правильно. Но, если быть честным с самим собой, под моим нежеланием знать чьи-то личные тайны и переживания крылась и другая причина. Я часто наблюдал, как мои знакомые открываются друг другу, обнажая свои уязвимости, и после сожалеют об этом. Одни надеялись на поддержку и не получали её. Другие получали не такую, на какую рассчитывали. Третьи получали только осуждение.

Меня же чужие откровения всегда вгоняли в замешательство. Я не умел сопереживать должным образом. Не умел утешать. Не умел обнадёживать. Не умел осуждать. И не хотел становиться частью круговорота равнодушия и обиды, предпочитая оставаться в стороне, иногда невольно наблюдая издалека, но не вмешиваясь.

Сейчас, узнав нечто сокровенное от древнего существа, я разрывался между желанием выпрыгнуть во всепоглощаю-

щую темноту за порогом или влить Ольвидусу в рот содержимое и своей кружки, лишь бы заставить его замолчать. Бессмертный раздражал, возможно, мне бы хотелось ударить его, но никак не ковыряться в его прошлом. Даже если это позволило бы обладать знанием, которое может поставить бога на колени.

К счастью, Ольвидус не стал продолжать, и я решил, что раз уж воспоминания вернулись, то тянуть и дальше не имеет никакого смысла.

— Послушай, — решительно произнёс я. — Может, перейдём к делу?

— Восхитительно, — прошептал Ольвидус и ухмыльнулся. В его взгляд вернулась прежняя насмешливость, и я с облегчением выдохнул. — А что, если переход к делу означает, что ты умрешь?

— Тогда ты мог просто позволить мне выйти за дверь, — парировал я, копируя его ухмылку. Мне всё ещё было не по себе, но я почувствовал, как в груди разгорается азарт. — Я зачем-то тебе нужен, иначе к чему столько возни? Рассказывай.

Ольвидус поднял руку, и время возобновило свой ход. Перед нами опустились новые кружки. Мне не хотелось пить, и я отодвинул свою на край стола к почти нетронутой первой.

— Это правда. Мне действительно кое-что нужно от тебя. Сразу скажу, что ты не можешь отказаться. Хочешь ты того или нет, но мы связаны.

Я вспомнил, как моя кровь впиталась в стеклянную поверхность реликвии, словно в ткань. Вспомнил и что произошло после после. Но кое-что не сходилось.

— Погоди. Я, кажется, понял, о чём ты говоришь, и как именно это вышло. Но как ты вообще заставил меня взять Гребень? Я ведь не касался его и не видел!

— Это даже оскорбительно! — возмутился бессмертный, картинно приложив ладонь к груди. — Проще простого! Ты находился на моей территории, в самом её сосредоточении, куда стекаются молитвы всех моих последователей. Я мог заставить тебя сделать всё, что угодно. — Он весело подмигнул мне, небрежно подперев подбородок ладонью. — Ты мог остаться лежать там. Да, парень, по моему приказу ты бы улыбался, разрезая себе горло.

Овладевшие мной ужас и бессилие, когда тело перестало мне подчиняться, на мгновение вернулись, заставив меня содрогнуться.

— Какая удача, что я тебе нужен живым, — тихо сказал я.

Ольвидус кивнул и собирался что-то сказать, но я перебил его.

— Но, видишь ли, — произнес я, глядя ему прямо в глаза. — Ты мне не нужен. Я просто хочу вернуться домой.

Он перестал улыбаться и перегнулся через стол, приблизившись к моему уху. Я невольно задержал дыхание и крепко сжал собственное колено, заставив себя оставаться на месте.

— Как жаль, — процедил бессмертный. — Но ты не мо-

жешь просто пойти домой. Ведь если всё прошло, как я задумывал, то мы уже не в Сафирее. И без моей помощи ты обратно не попадёшь.

Он сел и откинул волосы за спину. Мы смотрели друг на друга несколько бесконечно долгих мгновений.

— Так что, — спросил Ольвидус. — Хочешь от меня избавиться?

Я кивнул — с этого и надо было начинать.

— Не знаю, где ты проснёшься. Скорее всего, тебя выбросило где-то над Ликирисом. Я хочу, чтобы ты нашел магуса по имени Ирвинг и отдал Гребень ему. Вот и вся задача.

Почти две тысячи лет стекляшка преспокойно лежала в храме, а тут внезапно понадобилась всем вокруг. Я задумался. Если соглашусь сейчас, то как объясню Уннур, где я был и куда дел реликвию? Она ни за что не поверит в произошедшее. Я и сам до конца не верю.

С другой стороны, разговор между нами может и вовсе не состояться: без помощи Ольвидуса я даже из этой таверны не выберусь. Предположим, он прав, и моё тело уже не в Сафирее, а просто лежит неизвестно где... Голову тут же наводнили неприятные кровавые картинки.

И я решился.

— Где мне искать его?

— Посмотрим, где ты очнёшься. Я подскажу направление.

Нервно постукивая пальцами по столешнице, я изучал лицо напротив. Каждая клеточка тела кричала об опасности,

но я никак не мог найти подвох в его словах.

— И что, никаких дополнительных условий? Вот так запросто?

— Верно. Будешь хорошим мальчиком, выполнишь работу — вернёшься домой. Но помни, что я в любой момент могу занять твоё место, и тогда нашей сделке конец. Так что постарайся не доставлять мне неприятностей, парень.

— Хорошо. Я согласен, — сказал я.

— Очень хорошо, — довольно протянул бог. — А сейчас, — он поднялся и мгновенно переместился мне за спину, накрыв рукой мои глаза, — пора просыпаться.

* * *

Тело горело. Ощущение стянутости глубоко въелось в кожу, заставляя её нестерпимо зудеть. Я на пробу шевельнул руками. Болезненный спазм волной прошёлся до самых плеч, и я обнаружил, что мои запястья крепко связаны за спиной — верёвка уже успела натереть их. Безумно хотелось пить. Я с трудом разлепил пересохшие губы, и из горла вырвался хрип.

Рядом что-то двинулось. Я почувствовал холодное прикосновение стали к шее. Затаив дыхание, я осторожно разлепил веки. Перед глазами плыло, и я часто заморгал, пытаясь сосредоточиться.

Размытый силуэт обрёл чёткие очертания. Передо мной стояла девушка. В руке она держала меч, остриё которого и упиралось мне в горло. Я невольно подался назад, но затылок

врезался в каменную стену.

— Дэйт син каэль?

Я непонимающе уставился на неё. Девушка тяжело вздохнула и резко дёрнула головой.

— На каком языке ты говоришь? Понимаешь общий?

— Да, — выдавил я, стараясь не шевелиться.

— Тогда повторю. Что. Ты. Такое? — громко спросила она, делая паузу после каждого слова. — Отвечай!

— Кайриус, — попробовал я, не до конца понимая, чего она от меня хочет. — Мерфолк.

Тишину вокруг нас можно было потрогать руками. По ошарашенному выражению лица незнакомки я догадался, что ляпнул что-то не то.

— Мерфолк? — переспросила она. — Ты лжёшь! Мерфолки — чудовища, запертые в Бездне!

Оружие в её руке дрогнуло, и я почувствовал лёгкое жжение рядом с жабрами.

— Стой! Подожди! — выпалил я, в панике силясь вспомнить нужные слова. — Прошу! Давай поговорим!

Девушка продолжала вдавливать лезвие в мою кожу. Неужели это конец? Сейчас она меня прирежет, и путешествие оборвётся, толком не успев начаться. Но после короткой заминки незнакомка всё же опустила меч.

Я облегчённо выдохнул и попытался сесть. Тело не слушалось, и все мои попытки закончились неудачно. Спустя полминуты наблюдений за моими мучениями незнакомка сжа-

лилась. Закатив глаза, она схватила меня за плечо и дёрнула наверх, помогая сесть. Я снова пошевелил кистями — узел слегка ослаб, так что я был уверен, что смогу освободиться. Надо только потянуть время.

Девушка отступила на несколько шагов, не отрывая от меня настороженного взгляда, но меч в ножны не убрала.

Я осмотрелся. Судя по всему, мы находились в пещере. Здесь пахло сыростью и солью. Стены, усеянные светочными камнями, напоминали стены в Звёздном святилище: чёрная поверхность словно впитывала свет. Прямо над моей головой, в центре высокого свода, зияла дыра, сквозь которую были видны яркие точки звёзд. Я удивлённо раскрыл рот, почувствовав, как по спине пробежали мурашки. Ольвидус оказался прав — я уже не в Сафирее. С трудом оторвавшись от созерцания, я перевёл взгляд вниз. Отражая звёзды, справа мерцала водная гладь. Мне захотелось окунуться в неё, всем телом почувствовать холодные объятия. Нестерпимо хотелось очутиться дома.

Внезапно земля подо мной задрожала, пуская по воде рябь. По пещере пронёсся низкий гул и так же неожиданно стих. Краем глаза я заметил, как напряглась незнакомка. Она слегка повернула голову в сторону, всматриваясь в темноту тоннеля, и присела, крепче сжав рукоять.

— Просто ветер, — пробубнила она себе под нос и выпрямилась, заметно расслабившись.

Я присмотрелся к ней. Острые кончики ушей выдавали

в девушке альву. Раньше я видел представителей этой расы только на картинках и всегда считал, что художники преувеличивают: красивые, высокие, изящные, с кожей без единого изъяна. Слишком прекрасные, слишком совершенные, чтобы существовать на самом деле.

Теперь, столкнувшись с альвой вживую, я не мог не признать, что она действительно была красива. Но красота её отличалась от книжных описаний своей живостью.

На голову ниже меня, стройная, тем не менее она была гораздо крепче. Становилось ясно — меч у неё не для вида, девушка точно умеет с ним обращаться. Её лицо украшали маленькие родинки, и, глядя на них, я невольно вернулся мыслями к ночному небу. Волнистые волосы медного цвета, с одной стороны чуть короче, чем с другой, едва доходили до плеч и топорщились во все стороны. Что это — обычная причёска для местных девушек или символ позора[1]? Наши взгляды встретились, и все прочие мысли тут же вылетели из головы. Весь мир сосредоточился в одной точке пространства. Взволнованный, я дёрнулся вперёд и едва не упал снова. Глаза альвы были ярко-жёлтыми. Точь-в-точь как мой правый.

— Ну, — с нескрываемым раздражением произнесла она. — Рассказывай, как ты тут оказался, *мерфолк*.

Решив, что ей вовсе необязательно знать всё, я опустил некоторые подробности: умолчал о краже реликвии и виде-

[1] Короткие волосы в Сафирее означают, что мерфолк не сдержал своё слово.

ниях, в которых разговариваю с богом Глубин. Так что мой рассказ занял совсем немного времени. Альва внимательно выслушала меня, не перебивая.

— Так, — пробормотала она, как только я замолчал, и, крепко зажмурившись, сжала пальцами переносицу. — Позволь уточнить: ты убегал от стражников, упал, и тебя случайно затянуло в какой-то камень?

Я кивнул, а девушка громко фыркнула и рассмеялась.

— И ты считаешь, что я поверю?

— Правду говорю. — Я пожал плечами, надеясь, что выгляжу достаточно равнодушно.

— Интересно получается, мерфолк, — протянула альва, подозрительно сощурившись. — Выходит, ты совершенно случайно совершил невозможное.

Я натянуто улыбнулся. Как жаль, что я выбросил тот нож.

— Ты явно что-то недоговариваешь, — продолжала она. — Я бы ни за что не поверила в твою историю, если бы собственными глазами не видела, как вода озарилась фиолетовым светом, а следом появился ты. Прямо посреди открытого моря. Но одно дело — видеть, и совсем другое — понимать. Так что давай попробуем ещё раз. Как у тебя получилось прорваться через Пелену?

Проклятая верёвка наконец поддалась, и теперь я сам удерживал её от падения. Как отвлечь альву? Может, с ней всё же получится договориться?

— Послушай, — начал я, стараясь звучать уверенно. — Я

ничего дурного не замышлял. Правда. Не знаю, как тут оказался. Просто хочу вернуться домой. Можешь мне помочь?

Она нахмурилась и собиралась что-то сказать, но не успела. За спиной девушки раздались плеск и далёкий стук. Она стремительно обернулась.

Кажется, у нас возникли проблемы.

Альва подхватила что-то с земли и подбежала ко мне. Пошатываясь, я поднялся на ноги. Верёвка, выскользнув из влажных ладоней, беззвучно упала за моей спиной.

Мы застыли друг напротив друга. Всего на пару секунд, но их было достаточно, чтобы броня треснула, и в глазах девушки отразились мои собственные чувства. Её мелко колотило, и я всё понял: она напугана не меньше меня.

— Надо уходить, — наконец решила альва. — Повернись.

Я продемонстрировал свободные руки, внимательно наблюдая за её лицом. Чужой страх на миг сменился весельем.

— Ловко! Научишь потом, — усмехнулась альва.

Её слова заставили тугую пружину во мне слегка ослабнуть. Нет, я по-прежнему не доверял ей, но и драться совсем не хотелось. К тому же, я ясно оценивал свои шансы на победу — они стремились к нулю.

За спиной альвы снова раздался шум, на этот раз ближе. А что, если нам всё это время лгали? Что, если на самом деле нет никакой Пелены и ольвиции нашли меня? Липкий страх сковал моё сердце. Зачем-то схватив девушку за руку, я потянул её в темноту тоннеля. Она издала какой-то сдав-

ленный писк, но я не остановился. Наши разногласия можно оставить на потом, а сейчас будет лучше поскорее убраться отсюда.

* * *

Мы мчались по широким проходам. Альва почти сразу стряхнула мою руку и теперь бежала впереди, выбирая направление. Она двигалась бесшумно, а вот шлепанье моих босых ног эхом отскакивало от стен. Иногда мы останавливались. Моя спутница застывала на развилках, затем бросала короткое «сюда», и мы бежали дальше.

Отбросив все сомнения, я следовал за ней. Боль в изрезанных осколками камней ступнях затмевала собой все прочие ощущения, но я старался не сбавлять темп. Казалось, стоит мне отстать, и я никогда не выберусь из этого лабиринта самостоятельно.

Выход показался неожиданно. Очередной поворот просто выплюнул нас наружу. Меня накрыло лавиной незнакомых звуков и запахов. Голова закружилась, и ненадолго я потерялся в пространстве. А когда пришёл в себя, никого рядом со мной уже не было.

Грудь сдавило тревогой. Меня окружали деревья, шипами пронзающие тёмное небо. Ветер путался в листве, стволы скрипели и покачивались. Сквозь густые кроны пробивался свет Киры, создавая жуткую игру теней на земле: они извивались и корчились, словно живые. Ночной воздух Тероланы пробирал до самых костей. Или, может, виной тому был

страх? Я прислушался, стараясь уловить удаляющиеся шаги альвы за скрипом, шелестом и шумом лесных обитателей, но безуспешно.

— Ольвидус? — позвал я шёпотом. — Слышишь меня?

Он не ответил. «Я подскажу направление», — говорил он. Тоже мне, помощник!

Кто-то дёрнул меня за руку. Подавив крик, я испуганно обернулся и увидел свою спутницу. Холодная влажная ладонь девушки намертво вцепилась в моё запястье.

— Какого Кайлтэна ты творишь?! — прошипела она и посмотрела куда-то мне за спину.

Глаза альвы округлились, и она нырнула в кусты, утягивая меня за собой. Вероятно, в этих же кустах она и пряталась, пока я бестолково крутился на месте, не догадавшись поискать у себя под ногами. Ветки оцарапали сухую кожу, и я едва не взвыл от боли, но вовремя прикусил язык. Если в ближайшее время не погружусь в воду — мне конец.

Топот приближался. Девушка надавила на мой затылок, заставив уткнуться носом в землю. Сначала я подчинился, но любопытство взяло верх над осторожностью, заставив поднять голову. Как раз вовремя, чтобы увидеть их.

Это были очень странные… кто? Альвы? Люди? Совершенно одинаковые, в серых доспехах и плащах, они торопливо шагали друг за другом, нога в ногу. Страшные маски без прорезей для рта и носа скрывали лица, вместо глаз — густая белая дымка. Я скосил глаза на лежащую рядом альву:

она, не моргая, смотрела на серых существ; бледное, словно у призрака, лицо покрыла испарина. Я заметил, как сильно дрожат её губы, и меня кольнула жалость.

Преследователи пронеслись мимо. Ещё какое-то время мы лежали, не шевелясь, пока звук их шагов совсем не стих.

— Кажется, пронесло, — наконец прошептала альва. — Эй, как тебя там? Касиус?

— Кайриус, — поправил я.

— Точно, прости. Ты в порядке?

Я помотал головой, решив, что нет никакого смысла строить из себя героя.

— Нужна вода. Срочно, — прохрипел я.

— Погоди. Я пойму, где мы находимся. — Она осторожно поднялась и вышла из кустов. — Нам туда. — Указав пальцем куда-то за деревья, она вернулась и протянула мне руку.

Я принял помощь и благодарно кивнул. Она пристально всмотрелась в моё лицо, будто увидела впервые, а затем отступила на шаг и прошлась взглядом с головы до ног.

— Тебе нельзя разгуливать в таком виде. — С этими словами она сняла с себя плащ и протянула мне. — Надевай. И капюшон тоже.

Вопросительно посмотрев на неё, я сложил руки на груди, молчаливо отказываясь взять вещь без объяснений.

— Прости, может, у себя дома ты не слишком выделяешься, — медленно, словно разговаривая с ребенком, сказала она. — Но в Теролане чешуя не то чтобы у каждого второго

встречается. Боюсь, сойти за местного у тебя не получится.

Опустив взгляд, я осмотрел себя, с неудовольствием признавая, что она права. Ходить без маскировки попросту опасно. Наземники совершенно нетерпимы к моему народу — не просто так их завистливые боги накрыли нас Пеленой. Но почему тогда?..

Я бросил быстрый взгляд на альву. Странно, что эта девица сразу меня не прикончила, пока я валялся без сознания. А теперь… что? Помогает или ведёт в ловушку? Оба варианта кажутся глупыми. Но она и сама какая-то странная: сначала мечом угрожала, затем вызвалась отвести к воде.

Кожа напомнила о себе зудом. Решив оставить расспросы на потом, я всё-таки принял плащ. Он был слишком коротким и доставал только до колен. Я нагнулся и развязал тесемки на своих штанах: ткань скрыла плавники, опустившись до самых ступней.

— Почему ты босиком?

Я пожал плечами. Что я мог ответить? Сафирейцы не носят обувь. В ней нет никакой необходимости под водой.

— Придется потерпеть, — вздохнула она. — Идти можешь? — Дождавшись моего кивка, она улыбнулась. — Хорошо. Следуй за мной.

* * *

Мы углубились в лес. Я молча плёлся позади. У меня накопилось достаточно вопросов, но понадобилось время, чтобы сложить слова во что-то внятное. Я прекрасно понимал

каждое слово альвы, но когда приходило время говорить самому, горло будто сжимала удавка, а язык отказывался шевелиться.

В трущобах нет учителей, поэтому родители сами учат своих детей, как могут и чему могут. В детстве я не любил уроки. Кроме, пожалуй, теологии — истории о богах походили на чудесные сказки. Но и это было ровно до того момента, как я понял, что на самом деле представляет из себя наш Сиятельный Владыка. Какими бы мерзавцами ни были наземные боги, Ольвидус всю свою семью мог с лёгкостью заткнуть за пояс.

Однако самым бессмысленным я считал именно изучение общего языка. «Зачем тратить время на эту ерунду?» — ныл я. В Сафирее говорят на аквальтике, и я сомневался, что это изменится: несмотря на тягу Сената к принятию нелепых законов, мне трудно было представить подобное обстоятельство, при котором они вдруг решат ввести новый язык, усложняя жизнь не только простым мерфолкам, но и самим себе. Кто же знал, как всё обернётся?

Отсутствие поблажек и мамина непоколебимая уверенность в том, что когда-нибудь мне пригодятся эти, казалось бы, бесполезные знания, сегодня спасли мне жизнь. Не хочу думать о том, что могло бы произойти, если бы я не смог ответить на вопросы альвы. Хотя, скорее всего, эта чудачка начала бы объясняться жестами. Но на её месте мог быть кто-то менее понимающий.

Мысленно поблагодарив маму, я прочистил горло и, собравшись с духом, выпалил:

— Сударыня, назови мне своё имя.

Девушка резко остановилась — я едва успел затормозить, чтобы не налететь на неё.

— Энора, — не оборачиваясь, тихо ответила она. — Меня зовут Энора. — Она продолжила движение. — И не обращайся ко мне так. Подумать только, *сударыня*! Так уже лет двести никто не говорит.

Я сделал мысленную пометку. Кажется, учебники в Сафирее сильно устарели.

— Кто это был там? Те, серые?

— Это… трудно объяснить. — Она запнулась. — Я кое-что сделала. Хотела переждать в той пещере, но, кажется, это оказалось не лучшей затеей. Погоди. — Она предупреждающе выставила руку назад. — Тут яма, обойдём.

Мы свернули влево и неторопливо пошли вдоль края ямы. Земля была усеяна колючими ветками, и я сосредоточил своё внимание на дороге, внимательно выбирая, куда наступить. Шаг Эноры был лёгким, словно она вовсе не касалась земли.

— Ты и правда мерфолк? Можешь под водой дышать и всё такое?

— Да, — просто ответил я сразу на оба вопроса, решив не уточнять, что это за «всё такое».

— Я убегала по морю, — вдруг произнесла она и повер-

нулась ко мне. — Украла лодку.

Я смотрел в горящие решимостью жёлтые глаза и не понимал, чего она ждёт от меня. Осуждения? Но я точно последний в двух мирах, кто осудит кого-то за кражу. Я кивнул, постаравшись вложить всю уверенность в свой жест, побуждая её продолжать. Плечи Эноры опустились. Попросив меня подвинуться, она встала справа и теперь шла между мной и краем ямы.

— Ты просто появился из ниоткуда. — Слова слетали с её губ неостановимым потоком. — Помню, как подплыла ближе, а потом всё словно в тумане. Сама толком не могу понять, зачем вытащила тебя. Подумала, что будет неправильно просто оставить тебя там, понимаешь? Я же не знала, что ты не можешь утонуть, — она усмехнулась и с силой пнула какую-то корягу под ногами. — Пришла в себя уже в пещере и только тогда рассмотрела тебя получше. Признаюсь, я испугалась. В Теролане все знают истории о кровожадных монстрах, запертых в подводной темнице.

Кровожадных монстрах? Подводной темнице? Я едва не споткнулся. Что за бред?

— Прошло два дня, я уже начала беспокоиться, — продолжала она. — Ты очнулся вовремя, учитывая наших гостей. Не думаю, что смогла бы уйти далеко с тобой на спине.

— Могла просто убить меня, — ляпнул я.

— Такая мысль приходила мне в голову, да, — сказала она тоном, каким обычно хвалят хорошую погоду. — Но ты

совершенно не похож на чудовище. Мне стало любопытно. К тому же, ты не сделал ничего такого, чтобы я так поступила. — Она подняла на меня глаза. — Не сделал же, правда?

Я пожал плечами.

— Нет, — ответил я, проглотив непрошенное «пока».

* * *

— Вот оно — Пепельное озеро.

Завидев впереди слабое мерцание воды, я воспрял духом.

По узкой тропинке мы вышли к небольшому водоёму. Это было тихое место, уютное и спокойное. Вода светилась голубым и была настолько чистой, что можно было разглядеть каждый гладкий камушек на дне. Урез воды на противоположном берегу, выложенный поросшими мхом булыжниками, казался мягкой периной. За линией камней высились тонкие стволы деревьев с густыми кронами.

Я снял плащ, отдал его Эноре и зашёл в воду. Изрезанные ступни тут же защипало. Дойдя до середины озера, я нырнул и замер в ожидании. Прохладная вода окутала тело, смывая усталость и напряжение. Иссохшая кожа торопливо насыщалась влагой, оживала после вынужденной двухдневной жажды.

Через несколько минут я почувствовал себя гораздо лучше и вынырнул. Тяжесть покинула плечи, в голове прояснилось. Выпрямившись в полный рост, я оглянулся. Энора сидела, привалившись спиной к дереву, ствол которого склонился к воде, будто листья на самой верхушке стремились

вдоволь напиться. На его фоне фигура девушки выглядела невообразимо маленькой и хрупкой.

— Я подумала, что ты нашел какой-то подводный тоннель и уплыл. — Энора встретила меня улыбкой.

Я покачал головой и сел рядом. Размотав потрёпанный бинт, осмотрел рану на ладони: стало гораздо лучше. По крайней мере, в глубине уже не проглядывала кость. Вытащив из поясной сумки чудом уцелевший остаток бинта, я намочил его и перевязал руку. Энора внимательно наблюдала за моими движениями, но вопросов не задавала. Я был ей благодарен — сейчас я совсем не готов сочинять, откуда взялся порез.

Девушка отвернулась и зашуршала в своём заплечном мешке.

— Хочешь есть? — спросила она.

Только после её слов я понял, как сильно проголодался. Желудок отозвался глухим урчанием. Я кивнул и поднялся на ноги.

— Там есть рыба. Пойду поймаю.

— Не надо. — Остановила она меня, схватив за подол накидки, но тут же отдёрнула ладонь, словно обжёгшись. — Нельзя разводить огонь.

— Зачем огонь? — Я недоуменно посмотрел на неё.

— Чтобы пожарить рыбу, — серьезно ответила она, будто говорила какую-то совершенно очевидную вещь.

— Зачем?

— Чтобы есть? — то ли спросила, то ли утвердительно сказала Энора. Её щеки покраснели. — Чем вы, мерфолки, питаетесь?

— Многим. Водорослями. Крабами. Улитками, — перечислил я. — Рыбой тоже.

— Хорошо. И что вы с ней делаете?

— Ловим и едим.

— Прямо так? Сырую?

— Да, — пожал плечами я. — А как ещё?

Она молча смотрела на меня. Я смутился. Снова появилось ощущение, что я ляпнул что-то не то.

— У меня есть вяленая рыба. — Она вытянула что-то из мешка. — Хочешь?

Я в ужасе уставился на то, что она держала в руках. Трупики рыб, нанизанные на веревку, тонкие и просвечивающие, уставились на меня своими пустыми глазами.

— Ну же, просто попробуй. — Энора оторвала одну от общей связки и протянула мне.

Я принял предложенное и с опаской принюхался. Пахло, как ни странно, рыбой, солью и ещё чем-то незнакомым. Я неожиданно разозлился на самого себя: в самом деле, не привела же она меня сюда, чтобы просто отравить в красивом месте? К тому же, в этом случае её бы ждало горькое разочарование — надо очень постараться, чтобы отравить мерфолка. Змеиное вино и ядовитые рыбы — наша обычная пища.

Я откусил сразу половину. Суховатая плоть захрустела на

зубах. У наземников странные предпочтения в еде, но это вкусно. Энора уставилась на меня круглыми глазами.

— Вообще-то кости не едят, сначала надо разделать. Вот так. — Она оторвала ещё одну рыбку и ловко сняла янтарное мясо с хвостовой части, отделив его от хрупкого скелета. — Но с такими зубами, как у тебя, пожалуй, без разницы.

— Неплохо, — признал я, закидывая в рот вторую половину. — Но в этой рыбе нет жизни.

— Поверь, — весело фыркнула Энора. — В сырой мёртвой рыбе её не больше.

Я подавил желание закатить глаза и молча потянулся за добавкой. Альва со смехом вложила в мою ладонь сразу три.

* * *

— Так какой у тебя план? — поинтересовалась Энора, убирая остатки еды в свой заплечный мешок.

Я ненадолго задумался. Каков шанс, что она знает, где найти магуса? Я надеялся, что как только я зайду в воду, очнётся и Ольвидус. Но он до сих пор не отзывался и ничем не выдавал своего присутствия. Что, если я смогу поговорить с ним только когда усну? Но неизвестно, когда такой шанс представится. Ждать нельзя.

— Я ищу мага. Его зовут Ирвинг. Он может помочь мне вернуться домой.

— Ирвинг, Ирвинг… — пробормотала она. — Странное имя. Он человек?

Я пожал плечами, ведь и сам не знал, кто он такой. Энора

продолжила:

— Прости, не слышала о нём. Но есть у меня одна идея…

Тут за деревьями послышался хруст. Едва слышный, но мы оба испуганно подпрыгнули. Энора моментально вскочила на ноги и обнажила меч. У меня оружия не было, и я не придумал ничего лучше, чем закутаться в плащ и спрятаться за спиной девушки, которая на голову ниже меня.

Из леса медленно вышел высокий мужчина. Он встал на единственной тропинке, широко расставив ноги и сложив руки на груди. На его поясе висели топоры с широкими лезвиями.

Энора рвано выдохнула. Люди продолжали выходить из-за деревьев, один за другим. Это были не те, что преследовали нас парой часов раньше, но и они не внушали доверия.

Люди окружили нас плотным кольцом, хмурые лица не предвещали ничего хорошего. Энора придвинулась ближе ко мне, хотя я сомневался, что это могло как-то помочь. В воздухе повисла напряжённая тишина, нарушаемая лишь шорохом листвы и редкими звуками ночной природы.

— Заблудились, ребятки? — спросил мужчина, который вышел из леса первым. Его голос был низким и грубым, а взгляд — пронзительным. Он выглядел так, будто привык командовать и не терпел возражений.

Я не почувствовал ничего, кроме усталости. Да сколько можно?

— Эй, оглохли? Отвечайте!

Энора молчала. Я открыл рот и севшим голосом сказал:

— Мы просто мимо проходили.

— Мы просто мимо проходили, — писклявым голосом передразнил громила.

Мужчины дружно рассмеялись. Откуда-то сбоку послышался высокий звонкий смех, и я разглядел в толпе нескольких девушек.

Главный гнусно ухмыльнулся, но в его глазах не было и намёка на веселье.

— И куда же вы направляетесь? В пограничных землях, ребятки, просто мимо не ходят. Вы либо совсем отбитые, если собрались к айльвурам[1], либо незамеченными миновали посты остроухих, и тогда у меня к вам ещё больше вопросов. В любом случае, это территория Вейнарменнир[2]. За проход придётся заплатить.

В горле пересохло. Захотелось просто оказаться где угодно, только подальше отсюда. Неужели я многого прошу?

Мой взгляд упал на затылок Эноры. Я должен сделать это. Должен оставить её. Всего в паре метров за моей спиной озеро. Я смогу прорваться. Смогу преодолеть это расстояние за пару прыжков. Они не успеют догнать.

Вдруг кто-то выкрикнул:

---

[1] Айльвур (симейгир, далее сим. — старый язык человеческих провинций, официально запрёщен, но продолжает использоваться отдельными кланами) — альв.

[2] Вейнарменнир (сим.) — Заступники.

— У девчонки острые уши!

Энора задрожала. Я осторожно шагнул назад и упёрся спиной в чью-то широкую грудь. Тут же на мою голову опустился мешок, и массивная рука обвилась вокруг шеи. Я даже не успел испугаться.

— Бросай оружие, кайха[1]! — выплюнул главный. — Или твоему дружку конец.

Я нервно сглотнул. Конечно, она этого не сделает. Она же не настолько глупа.

И услышал глухой стук.

— И давай без фокусов, остроухая! Руки подними так, чтобы я их видел. Парни, вяжите её!

Я мысленно застонал. Вот дура! Могла бросить меня и сбежать. Я ведь и сам собирался так поступить. Ну зачем она это сделала?

Послышалась возня. Меня почему-то связывать не стали, но я почувствовал, как что-то острое упёрлось в мои рёбра.

— С нами пойдёте, — прозвучал всё тот же грубый голос. — Командир решит, что с вами делать.

[1] Кайха (сим.) — ведьма.

Глава 5 (Альрун). Заступники.

«Вот дура!» — снова и снова ругала я себя, пока разбойники уводили нас в неизвестном направлении. Какой Кайлтэн дёрнул меня вытаскивать этого парня из воды?! Надо было просто проплыть мимо, сделать вид, что ничего не заметила. Сейчас бы уже спокойно шла в сторону столицы. Времени, чтобы оторваться от мейвааров, было более чем достаточно, но куда оно в итоге утекло? И как можно было так глупо попасть в засаду к, стыдно признаться, людям?

Пальцы онемели — эти грубияны слишком сильно затянули веревку. Но это неудобство казалось ничтожным по сравнению с тяжестью вины, гранитной плитой давящей на грудь. Ренвик и Нисса пожертвовали всем, чтобы дать мне шанс на спасение, а я так бездарно его истратила!

Я попыталась отвлечься воспоминаниями о последних днях, но стало только хуже. Я солгала Кайриусу. Ещё там, в лодке, я разглядела его голубые, почти прозрачные плавники и чешую. Сразу поняла, кто он такой, но всё равно вытащила. Он выглядел таким беспомощным и совершенно не походил на тех безжалостных чудовищ, какими мерфолки представали в сказках наставницы. «Они и правда существуют», — вот всё, о чём я могла думать в тот момент. В этом истории не лгут, но сколько ещё в них правды?

Это был подходящий момент, чтобы выкинуть парня за

борт — всё равно бы не утонул. Но я поступила иначе: спокойно причалила к пещере, вытащила мерфолка из лодки, на всякий случай связала и принялась ждать, когда он очнётся.

Ждать пришлось долго. В первую же ночь лодка была отпущена в свободное плавание — она привлекала слишком много внимания к заброшенной пещере в пограничных землях. Течение сыграло мне на руку, и через полчаса я уже едва могла разглядеть крохотную точку на горизонте. Затем я рискнула и выбралась в тоннели на разведку. Добралась до выхода, даже немного углубилась в лес. Вот и второй шанс — я должна была уйти, не оглядываясь. Ничто не мешало это сделать, ведь еда и меч были у меня с собой. Но я вернулась.

К вечеру второго дня я была на взводе: мерфолк не просыпался, в голову закрадывались мысли о том, что моих друзей поймали и прямо сейчас пытают в подвалах поместья. Что я зря сижу в этой продуваемой всеми ветрами сырой пещере, потому что весть о произошедшем никогда не доберётся до Алистиана.

И тут очнулся мерфолк. Хрип был настолько слабым, что его едва можно было расслышать. Я прижала меч к горлу парня быстрее, чем поняла, что делаю. Но, оказалось, совершенно напрасно: мерфолк явно был не в состоянии напасть. Его внешний вид не вызывал ничего, кроме жалости. Тощее тело дрожало то ли от холода, то ли от страха. Тонкие тёмно-серые косички падали на лицо, подчеркивая болезненную бледность голубоватой кожи. В странных разноцветных

глазах — голубом с вертикальным зрачком и жёлтом, точь-в-точь таком, как мои собственные, — отражались одновременно тревога и недоумение.

Чужой рассказ был неполным, прерывистым. Может, сказалось плохое знание языка, но даже так всё, что с ним приключилось, звучало дико, как плохо продуманная пьеса. Если что я и уяснила за двадцать шесть лет своей жизни, так это то, что случайностей не бывает. Но его потрёпанный и растерянный вид не оставлял сомнений, что он и в самом деле не понимал, почему оказался здесь. Либо так, либо этот парень — превосходный лжец. Но разве имела я право обвинять его во лжи, если сама даже не решилась открыть своё настоящее имя?

Что двигало мной, когда явились мейваары? Это был последний шанс оставить мерфолка. Бросить его преследователям, как кость псам. Но я понимала, что его бы ждали только пытки и смерть. Отцу не нужны свидетели моего побега, даже случайные.

Мой выбор был лишён здравого смысла. Мерфолк был чужаком, представителем расы, которую боялись и ненавидели. Но в тот момент я видела перед собой не врага, а юношу, нуждающегося в помощи. К тому же, мне не хотелось пополнять ряды тех, кто пострадал по моей вине.

Я должна была поступить иначе. *Обязана.* Но я знаю, встань передо мной этот выбор снова — оставить Кайриуса или попытаться помочь ему, — я бы поступила точно так же.

Так стоит ли сожалеть, если это никак не исправит наше положение? Что сделано, то сделано.

— Ступени. — Грубый голос прозвучал неожиданно близко, заставив вздрогнуть.

Кайлтэн, и как только я смогла пропустить появление разбойников? Слух альва очень чувствителен, настолько, что с лёгкостью различит шорох мыши в норе за шумом дождя, а люди ведь совершенно не умеют передвигаться незаметно! Моя невнимательность стоила свободы мне и Кайриусу, и с каждым шагом надежда на чудесное спасение таяла, словно дым.

Ещё у Пепельного озера мне завязали глаза. Повязка была настолько плотной, что рассмотреть что-либо через ткань было просто невозможно. Крепкая хватка на плече сопровождала меня всю дорогу, не давая упасть, но её обладатель не сильно беспокоился о моём удобстве, иногда будто специально подталкивая в колючие кусты или торчащие из земли корни деревьев. Сейчас рука с силой дёрнула меня наверх. Я споткнулась о ступеньку и едва удержалась на ногах. В лицо ударил сильный порыв ветра, заставив опустить голову и глотать воздух ртом. Исчезли запахи свежести и земли. Словно прощаясь, за спиной зашумела листва на деревьях.

Настроение вокруг изменилось. Ухо уловило треск костра, обрывки чужих разговоров и стук молотка. Справа кто-то громко храпел. В ноздри ударила вонь: смесь запахов жареного мяса, гниющего мусора, дыма, пота и браги. Даже с

закрытыми глазами я ощущала на себе любопытные взгляды, казалось, что они просачиваются сквозь доспех и грязью оседают на коже. Мерзкое чувство заставило поёжиться. Я с тоской вспомнила о большой круглой ванне в поместье. Ну надо же, я и подумать не могла, что самым тяжким испытанием после побега станет невозможность помыться. Не считая плена, конечно.

Вскоре меня завели в какое-то помещение. С грохотом захлопнулись двери за спиной, отрезая все внешние звуки. Стало холодно, как в месяц Звенящего льда. Если бы не повязка, уверена, что смогла бы увидеть, как изо рта вырывается пар.

Я успела немного пройти вперёд, пока сопровождающий не заставил меня опуститься на колени, надавив большой, как лист лопуха, ладонью на плечо. Я не стала сопротивляться, а если точнее, не смогла. Нехорошее предчувствие пронзило от макушки до кончиков пальцев на ногах. «До сих пор у тебя была увеселительная прогулка по цветочному полю», — подсказывало оно. Ноги стали ватными. Казалось, сердце сейчас пробьёт рёбра и выскочит из груди.

Повязку сдёрнули. Ко лбу прилипли волосы, падая на глаза и заслоняя обзор. Я попыталась сдуть их, но тщетно. От пола невыносимо тянуло холодом, отправляя мыслями прямиком в семейный склеп. Вспомнились часы, проведённые на коленях перед саркофагом женщины, которую я не знала, но в честь которой получила своё второе имя. Я продержа-

лась два дня: при свете свечей, без еды и воды, без возможности сомкнуть глаз. Ведь стоило мне слегка изменить положение затёкшего тела, и отец, стоящий на коленях по другую сторону гроба, иллюзиями насылал на меня ужасные видения. Но на третий день я не выдержала.

— *Прошу, отец!* — Рыдания неконтролируемо рвались из груди. Я умоляла разрешить мне покинуть склеп. Тени в углах тянулись ко мне, но желание очутиться как можно дальше от этого места оказалось сильнее страха. — *Она умерла двадцать лет назад! Ей не нужна эта служба!*

— *Маэла наконец вернулась домой.* — Пустой взгляд отца переместился с изголовья саркофага на меня. — *Ты пробудешь здесь ровно столько, сколько потребуется. Твоё поведение недостойно ее имени, девчонка.*

Мне было четырнадцать, и это был последний раз, когда отец видел, как я плачу. Как бы ни было тошно, я больше не позволяла себе проявить перед ним слабость. Ни разу. Для этого альва у меня не осталось слёз — их заменили гнев и ярость.

Пропади ты пропадом вместе со своей мёртвой сестрой, отец.

Рядом кто-то звучно прочистил горло и сплюнул на пол. Видение развеялось, швырнув меня в объятия суровой реальности, но мне, как ни странно, полегчало. Бриллаар, да даже плен мне милее, чем возвращение в склеп семьи ан Фалькана!

Наконец я смогла рассмотреть, куда нас привели. Это место напоминало домашнее святилище Бриллаара в поместье, только поменьше и попроще. Кое-где на стенах ещё можно было разобрать выцветшую роспись: воздушные серо-голубые облака и кружащие среди них золотистые маховые перья. Время и природа взяли своё — напольные плиты раскололись, уступая дорогу изумрудной траве. Оказывается, успело наступить утро. Свет Кира пробивался сквозь дыры в потолке и высокие оконные проёмы в дальней части святилища, в его слабых лучах кружились пылинки. В левом окне ещё сохранились остатки витража, но я никак не могла разобрать, что на нём изображено. Перед центральным окном на невысоком постаменте расположилась статуя молодой женщины из серого мрамора, глядя на которую у меня возникло ощущение, что в зале стало ещё холоднее.

Сложенные за спиной статуи гигантские крылья возвышались над каменной головой, а перья на кончиках мягко обнимали босые ступни. Руками дева держалась за края неровной дыры в своей груди, словно стремясь раскрыть её как можно шире и выпустить на свободу нежные бутоны белых лилий. Цветы были живыми и источали тяжёлый сладкий аромат, от которого у меня разболелась голова, а в носу защипало. Не знаю почему, но вид цветов в камне вызывал смятение и невыносимую тоску. Лицо женщины развеяло наваждение и заставило моё сердце заколотиться сильнее прежнего: она растянула губы в жуткой улыбке, глядя на свою обитель чёр-

ными провалами глазниц. На серых щеках багровели подтёки, будто из каменных глаз недавно пролилась кровь.

Сбоку от подножия статуи что-то шевельнулось. Из тени вышел сурового вида мужчина с обветренным лицом. На его плечах лежали две толстые косы каштанового цвета, а верх прически был собран в небрежный пучок, из которого выбивалась короткая прядь, падающая на его крутой лоб. Незнакомец был одет в странную кожаную куртку, левый рукав которой отсутствовал, демонстрируя безобразный шрам от ожога: он тянулся от пальцев вверх, заканчиваясь под глазом отметиной в форме звезды. Святилище поплыло у меня перед глазами, когда мужчина закатал и правый рукав, демонстрируя татуировку в виде рассеченного надвое нарцисса[1] на внутренней стороне предплечья.

— Ларс, отчёт!

— Взяли у Пепельного озера, хъёльвдин[1]! — Вперёд шагнул здоровяк с топорами на поясе, тот самый, что притащил нас сюда, и ударил себя в грудь кулаком. — Остроухую и вот этого. — Он махнул рукой в сторону Кайриуса. — Не знаю, что за ютр[2] такой паршивый. Откуда пришли — не сказали. А ещё у девчонки было это.

---

[1] Нарцисс — это один из священных символов Бриллаара. Цветок изображен на гербе Академии магов, гербе королевской семьи, а также обязательно присутствует на гербах всех аристократических семей Гланлиморина (букв. перевод с альвийского — страна нарциссовых лугов).

[1] Хъёльвдин (сим.) — командир.

[2] Ютр (сим.) — в мифологии людей дух-пакостник, мелкий и зловредный.

Я подняла голову. Обветренный стоял напротив, держа в руках мой меч. Он немного повертел его и взялся за рукоять. С тихим шорохом клинок вышел из ножен. Ярко блеснуло лезвие, поймав солнечный луч. Нахмурившись, мужчина изучал гравировку, и я невольно задалась вопросом, умеет ли он читать по-альвийски. Но мужчина молча положил меч у ног статуи и медленно перевёл взгляд на меня. Голубые глаза сочились презрением.

— А с тобой чего случилось, пацан? — со смехом обратился Ларс к Кайриусу. — Мать с водяным духом[1] загуляла?

Раздались редкие смешки от людей, скучковавшихся у левой стены. Кайриус молчал, сверля здоровяка взглядом исподлобья. Внезапно разозлившись, Ларс схватил его за волосы и дёрнул вниз. Мерфолк крякнул и упал, ударившись лбом о грязные ботинки разбойника.

— Оглох?

Кажется, эти недоумки не поняли, кто перед ними. Тем лучше.

— Виноват маг. Неудачный опыт, — торопливо вмешалась я. — Мы теперь не знаем, как…

— Замолчи, кайха! — Перешагнув через Кайриуса, Ларс направился прямо ко мне.

---

[1] По поверьям людей, утонувшие в колодцах становятся водяными духами. Они стерегут питьевую воду от загрязнений и отравлений. Источник, охраняемый ими, никогда не иссякнет. Выглядят как гибрид утопленника с рыбой: раздутые, с синей кожей и рыбьими хвостами. Несмотря на неприятный внешний вид, к живым весьма дружелюбны.

Послышался усталый вздох, и громила замер.

— Пустая трата времени. — Командир отвернулся и коротко приказал: — Убить.

Ларс довольно усмехнулся. Рывком выдернув топоры из-за пояса, он подбросил их в воздух и поймал за рукояти под одобрительное улюлюканье людей. От неожиданности я дёрнулась и завалилась на бок. Связанные за спиной руки не позволили подняться, поэтому, наплевав на достоинство, я поползла к дверям прямо так, отталкиваясь от щербатого пола ногами. Ларс не торопился — он явно наслаждался моментом.

Я бросила взгляд на Кайриуса как раз вовремя, чтобы заметить, как он согнул ногу и, неуклюже покачнувшись, сел. Теперь мерфолк смотрел на меня широко раскрытыми глазами, его губы беззвучно шевелились. Движения парня напоминали судороги. Его плечи дёргались: вперёд-назад, вперёд-назад, поначалу осторожно, затем всё резче и злее. Я не видела рук Кайриуса, но была уверена — ещё немного, и он освободится от пут так же ловко, как сделал это в пещере.

Внезапно стало очень тихо. Я медленно перевела взгляд обратно. Во рту пересохло. Ларс остановился напротив меня и замахнулся топором. Нисса, Ренвик, простите свою глупую госпожу! Бриллаар, если бы я только могла взять в руки меч…

Топор, со свистом разрезав воздух, опустился. Крик застрял в горле. Я в ужасе смотрела на свою ногу, от кото-

рой только что отскочило лезвие. Ларс глупо моргал, уставившись на своё оружие, которое, возможно, впервые в жизни подвело его. Голень ныла: от удара уже начал набухать синяк, но это ерунда. Эмвиан не просто так зовётся самой прочной тканью во всей Теролане. Жаль только, ксантовый[1] сапог безнадёжно испорчен.

— Кайха! — проревел Ларс, обвиняюще выставив оружие перед собой. — Игры кончились!

Он снова замахнулся топором, на этот раз целясь мне в голову.

С грохотом распахнулись двери. Ларс остановился, так и не успев нанести удар. Лицо громилы исказила гримаса ненависти, пальцы, сжимающие рукояти, побелели. Командир, так и оставшийся стоять возле статуи, закрыл глаза и потёр переносицу.

— Видар, дружище! — радостно прозвучал чей-то мелодичный голос. — Так неловко, но нас, кажется, забыли пригласить на праздник!

Я обернулась так резко, что в шее хрустнуло, и едва сдержала обречённый стон. Ещё люди! Да тут скоро встать будет негде!

---

[1] Ксанта, или ксанта обыкновенная, — это дерево, повсеместно произрастающее в Теролане, с прямым стволом и раскидистой кроной. Может достигать до пяти метров в высоту. Кора гладкая, тёмно-зелёного цвета, с металлическим блеском. Имеет небольшие листья жёлтого цвета с зазубренными краями. Кора ксанты лёгкая и обладает естественной защитой от влаги и гниения, что делает её идеальным материалом для изготовления обуви.

Однако новоприбывшие чем-то едва уловимо отличались от командира и прочих, находящихся в святилище. Они напоминали глоток свежего воздуха в душный летний день.

Во главе большой группы плечом к плечу уверенно шагали двое. Мне ещё не доводилось видеть настолько похожих и одновременно непохожих друг на друга людей. Первый мужчина своими широкими плечами и высоким ростом напоминал медведя, его поступь набатом стучала по каменным плитам святилища. Второй, изящный юноша, из-за плеча которого выглядывал гриф лютни, вторил первому звонкой дробью каблуков своих высоких сапог. Но вот почему они казались мне похожими, я даже сама себе объяснить не могла, ведь кроме одинаковых носов с небольшой горбинкой у них не было ничего общего.

За ними вереницей шли остальные. Глаза каждого зло горели, но на нас с Кайриусом люди даже не смотрели: эта злость была направлена на их же собратьев. В груди тепло шевельнулось, и я с удивлением обнаружила, что во мне пробуждается надежда.

— О, Ларс, и ты здесь! А я уж было решил, что обознался. Думал, в приличные места таких, как ты, не пускают.

Лицо Ларса пошло красными пятнами.

— Попридержи язык, шут! — прорычал он, преграждая компании дорогу.

— Отодвинься и не дыши на меня. — Юноша в сапогах, красоту которого не могла скрыть даже мешковатая залатан-

ная одежда, остановился рядом со мной. Он лучезарно улыбнулся, сверкнув длинными клыками, но в светлых нефритовых глазах не было и намёка на веселье. — Не заслоняй своей глупой физиономией светлый лик Матери нашей Аэллии.

— Снова нарываешься? Да я тебя!..

— Оставь, Ларс, — наконец вмешался командир.

— Да он умом тронулся, Видар! — Значит, главного зовут Видар. — Опять заладил про эту Аэллию! Говорил я тебе, надо дурь из него выбить…

— В сторону. — Между Ларсом и юношей, словно стена, вырос второй мужчина. По моим рукам пробежали мурашки от звенящей в его голосе стали. — Или *я* тебя подвину.

Мужчины смотрели друг друга с нескрываемой неприязнью. Ноздри Ларса гневно раздувались, краснота переползла уже на шею. Послышался треск дерева. Несколько секунд напряжённого молчания, и Ларс шагнул вправо, уступая дорогу, но второй придержал его за плечо.

— Ещё раз оскорбишь моего брата, и твоим дружкам придётся выгребать твои жалкие останки из грязи по всему лагерю. Уяснил? — произнёс он так тихо, что даже я с трудом расслышала. Мужчине не было нужды повышать голос — казалось, даже воздух дрожит от скрытой в нём силы.

Ларс ничего не ответил, но отвёл взгляд, и этого оказалось достаточно: мужчина отпустил его и решительно направился к Видару.

— Пленники не должны лежать на полу, — бросил он,

проходя мимо меня. — Янир, Ингрид, поднимите их.

Янир, тот самый юноша с лютней, отделился от группы и направился к Кайриусу, ко мне же подошла темноволосая девушка. Я подняла голову и встретилась с её изумительными зелёными глазами, напоминающими изумруды, но она тут же отвела взгляд и потянула меня вверх. Голень отозвалась тупой болью, распространяя её вверх по ноге, но крепкая хватка на локте не позволила мне упасть. Убедившись, что я твёрдо стою на ногах, девушка поспешила вернуться к своим.

Справа, где находились Янир и Кайриус, не доносилось ни звука, и, заинтересованная, я перевела туда взгляд. Представшая моим глазам картина была настолько нелепой, что я сдавленно хрюкнула, стараясь подавить неуместный смех. Юноша с растерянным видом стоял напротив совершенно невозмутимого мерфолка, круглыми глазами уставившись на верёвку, которую тот ему протянул. Наконец, справившись с собой, Янир фыркнул и звонко рассмеялся.

— Видар! — обратился он к командиру, резво раскручивая верёвку над головой. — Твои люди простейшие вещи разучились делать. Насколько я знаю, пленников принято связывать, а не дарить им подарки.

— Они связывали, — впервые с момента, как нас схватили, Кайриус заговорил. Его голос звучал слегка хрипло из-за долгого молчания. — Тут уже, когда пришли. Всё равно зря.

— Ну надо же! — Янир закатил глаза и схватился за серд-

це. — Так это ещё хуже! Слышал? — Он повернулся к пыхтящему от злости Ларсу и, широко ухмыляясь, погрозил ему пальцем. — Работу надо делать хорошо или не делать вовсе.

Помахивая трофеем, он было направился к Видару, но на полпути остановился и обернулся.

— Ах да! И всё же не даёт мне покоя вопрос: где же наш бравый Ларс был сегодня ночью? — Янир внимательно посмотрел на меня, затем на Кайриуса. Его глаза задорно блеснули. — Не иначе как наведался в чей-то сад. Иначе я не представляю, откуда здесь появились столь прекрасные цветы.

Невозмутимость Кайриуса дала трещину. Он поперхнулся воздухом и отвернулся. Замечание Янира было очаровательным в своей нелепости, а смущение мерфолка выглядело уж очень мило, и я позволила себе улыбку. Чувство необъяснимой симпатии к языкастому юноше побороло страх неизвестности. Глядя на него, мне хотелось верить, что всё обязательно будет хорошо.

— Я буду говорить с твоим братом, Янир, не с тобой! — Видар повысил голос и махнул второму мужчине. — Ронар, подойди.

— Я оскорблён до глубины души, дружище, — произнёс Янир тоном, далёким от оскорблённого. — Уже не гожусь командиру в собеседники?

— Янир, сядь. — Ронар легко хлопнул его по плечу.

Бард не стал спорить. Он отошёл к стене, а люди Ларса,

стоящие там же, поспешно расступились. Не обращая на них никакого внимания, Янир уселся прямо на пол, скрестив ноги. Юноша скинул объёмный капюшон, и по его плечам рассыпались вьющиеся каштановые пряди. Он достал из-за спины лютню из чёрного дерева, корпус которой был украшен серебряными переплетениями цветочных узоров, и тонкими пальцами принялся тихонько перебирать струны.

— Почему нас не позвали? — спросил Ронар, становясь напротив Видара.

— Потому что вы здесь не нужны, — процедил командир. — Это обычные айльвуры. Решение принято.

— Осмелюсь заметить, что это решение ошибочно, хъёльвдин, — снова вмешался Янир, протянув последнее слово с явной издёвкой.

Святилище погрузилось в тревожную тишину, и только по-прежнему звенела лютня в руках барда.

— Объяснись.

— Да что же тут объяснять? — удивился Янир, глуша струны ладонью. — Всё очевидно! Присмотрись к девушке: дорогой доспех, на лице ни одного шрама, прямая осанка, гордый взгляд. — Я тут же ссутулилась, хотя понимала, что уже слишком поздно. Кайлтэн, меня погубят бесполезные, но накрепко привитые наставницей манеры! — Готов поставить свою Мэрит на то, что перед нами аристократка и за неё можно получить выкуп. Как можно попусту растрачивать столь ценную находку?

Он незаметно подмигнул мне, а затем громко вздохнул и, покачав головой, продолжил, указывая на Кайриуса:

— А этот красавчик? Неужели никому, кроме меня, не интересно, откуда он в наших краях?

Щёки «красавчика» Кайриуса посинели. Надеюсь, это такой румянец у голубокожих, а вовсе не означает, что мерфолку вдруг стало плохо.

— Мне плевать, — отрезал Видар. — По нашим землям бродит немало уродов. Одним больше, одним меньше — никто и не заметит. А остроухая… Аристократка, говоришь? Что ж, тем лучше. Моё решение не изменилось. Никаких сделок с погаными айльвурами Вейнарменнир заключать не станут!

— На пару слов, хъёльвдин. — Ронар резко подался вперед и, схватив за локоть здоровой руки отчего-то не сопротивляющегося Видара, уволок того за статую. Серая дева по-прежнему безучастно наблюдала за собравшимися своими пустыми глазами.

Янир вновь заиграл, на этот раз громче, и что-то замычал себе под нос. Я напрягла слух, но смогла разобрать лишь часть слов Ронара.

— …деньги, Видар! Твоя нен… грани... Еда кон… Теснят… из второй груп… мы потеряли…

Я собрала всю свою волю, чтобы не шикнуть на барда. Громкость музыки постепенно нарастала, теперь мешая разобрать даже обрывки разговора. Создавалось впечатле-

ние, что Янир стоит рядом и бренчит прямо у меня над ухом. Я осторожно скосила глаза на Кайриуса. Он, не отрываясь, смотрел на статую, чуть подавшись вперёд. Интересно, а насколько хороший слух у мерфолков? Мог ли он слышать то же, что и я?

Спустя несколько минут тихих пререканий мужчины вернулись. Лицо Ронара оставалось равнодушным, а вот сжатые кулаки Видара и вздувшаяся вена на виске были красноречивее любых слов.

— Уйдите все, — раздражённо бросил командир. — Кроме братьев. Ларс, кинь пока этого в клетку. — Видар дёрнул подбородком в сторону Кайриуса.

— Прошу прощения! — воскликнул Янир. — Йонар и Ингрид прекрасно справятся с этой задачей. Не стоит поручать Ларсу что-то настолько важное.

Вперёд с готовностью выступили совсем юный парень, лет четырнадцати на вид, и девушка, которая ранее помогла мне подняться.

— Не понял. — На Ларса было жалко смотреть. — По-твоему, я не могу отвести задохлика в подвал?

— Поразительная наблюдательность! Верно, я считаю, что с таким сопровождающим наш гость может не дойти до комнаты отдыха. Честно говоря, я бы тебе даже выгребную яму охранять не доверил.

Это окончательно вывело громилу из себя. Оставив без внимания опасный взгляд Ронара, он ринулся к Яниру. Бард

вскочил на ноги и положил пальцы на струны, словно собрался сыграть разъярённому Ларсу колыбельную. Но терпение командира иссякло быстрее, чем успело что-то произойти.

— Да чтоб вас всех! — Видар треснул кулаком по статуе. Жёлтым снегом с лилий осыпалась пыльца. — Что за бардак вы устроили?! Ларс, уйди отсюда, немедленно!

Ларс послушался. Крепко сжав челюсти и стукнув себя кулаком в грудь, мужчина круто развернулся на пятках и вылетел за дверь. За ним нерешительно потянулись и другие, бросая любопытные взгляды на тех, кто остался в святилище.

— Прояви немного уважения к супруге Вильтура, дружище. — Янир кивнул на статую.

Кайлтэн, да этот парень напрочь лишён воли к жизни!

— Умолкни! — Видар побагровел. Я вздрогнула и бросила встревоженный взгляд на Янира. Казалось, сейчас командир схватит мой меч, по-прежнему лежащий у ног крылатой девы, и пришпилит им барда к стене, как бабочку. — Закрой свой рот, Янир! Хватит чушь молоть! Не было у Маннафатир[1] никакой супруги, ютр тебя дери! Не беси меня, или, клянусь, ты вылетишь из лагеря и никогда не вернешься!

Янир примирительно поднял руки и показал, будто запирает рот на замок. Напуганным юноша не выглядел, напро-

---

[1] Маннафатир (сим.) — Отец людей, так люди уважительно называют Вильтура.

тив, по его лицу расползлась довольная улыбка. Сейчас он напоминал кота, который сумел прошмыгнуть мимо кухарки в кладовку и наелся свежих сливок.

— Однажды своими выкрутасами ты сведёшь меня в могилу. — Видар схватился за лоб и махнул Йонару и Ингрид, стоящим возле Янира. — Отведите пленника вниз.

Они одновременно кивнули и, подхватив Кайриуса под руки, повели к неприметной дверце сбоку от статуи, которую я не разглядела раньше. Мерфолк обернулся, в разноцветных глазах читалась безысходность. Я ободряюще кивнула, надеясь, что, несмотря на клокочущую внутри тревогу, выгляжу достаточно уверенно. Мне очень хотелось сказать ему, что всё в порядке, что я обязательно вытащу нас из этой передряги, но это стало бы очередной ложью. На самом деле я сомневалась, что хоть кто-то из нас вообще выберется отсюда. Разве что по частям или ногами вперёд.

Всё, что происходило здесь с момента появления Ронара, казалось очень странным: в этом лагере явно раскол, и люди между собой не ладят. По какой-то причине командир терпит насмешки от безобидного на вид Янира и прислушивается к мнению равнодушного Ронара, хотя и заметно, что делает он это с большой неохотой, словно против своей воли. Я нутром чувствовала, что это может мне помочь, но пока не понимала как.

В святилище нас осталось четверо. Несколько секунд ничего не происходило, а затем Видар рявкнул так, что я под-

прыгнула на месте.

— Сколько можно?! — Он повернулся к Ронару и, схватив его за грудки, притянул к себе. Суровая маска командира испарилась. Оказывается, раньше мужчина ещё держал себя в руках. Сейчас же Видара трясло от злости, словно у него припадок.

— Столько же, сколько раз я просил решать судьбу пленников без нас! — Голос Ронара громовым раскатом улетел под свод святилища.

Он выглядел не лучше Видара: грудь тяжело вздымалась, и так светлое лицо побледнело ещё сильнее, делая более заметным большой глубокий шрам на лбу, розоватым росчерком пересекающий его левую бровь. В чертах мужчины проступило что-то звериное. Не знаю, было ли то игрой света или наваждением, но мне показалось, что его пронзительно-голубые глаза потемнели, а радужка запылала красным.

— Не забывайся, Ронар! Ты здесь не командуешь!

— Да если б я только знал, какой командир из тебя выйдет, то первым бы бросил вызов! Видел бы тебя сейчас твой отец!..

— Мой отец гордился бы мной!

— Твой отец удавил бы тебя своими собственными руками!

Крики становились всё громче, движения — резче и яростнее. Несмотря на то, что Ронар крупнее и выше Видара, он тщетно пытался оторвать от себя руки командира. Их

возня совсем не выглядела как ссора взрослых мужчин, а скорее как…

Я повнимательнее присмотрелась к людям передо мной и удивлённо моргнула. Бриллаар, да они оба едва ли старше меня!

Поразмышлять над этим у меня не вышло: Янир снова плюхнулся на пол, подхватил свою лютню и заиграл что-то весёлое и совершенно неуместное, а от ругани едва ли не содрогались стены.

— Вейнарменнир недовольны тобой и твоими людьми! Вы каждый раз выступаете за помилование, в лагере уже ходят разговоры, что вы переметнулись на сторону айльвур!

— Вейнарменнир недовольны? Моими людьми? — эхом повторил Ронар. Его голос заледенел. — Это и твои люди тоже! Твои братья и сёстры! Мы и есть Вейнарменнир, Видар! Мы, последние из бьёрна-айтюр[1], а не те оборванцы, которых ты нагрёб в местных лесах! Напомнить, кто тебя, в соплях и ожогах, вытаскивал из-под горящих обломков?! Кто помогал искать тела твоей семьи и, стоя с тобой плечом к плечу, дожигал останки? Всё забыл, ярвел[2]?!

Дальше всё произошло очень быстро. Видар позеленел. Всё ещё держа Ронара за грудки, командир резко отклонился назад, а затем боднул его головой прямо в лицо. Послышался мерзкий хруст. Ронар вырвался из хватки и отступил,

---

[1] Бьёрна-айтюр (сим.) — род медведя.

[2] Ярвел (сим.) — непереводимое нецензурное ругательство.

зажимая нос рукой. Кровь сочилась сквозь пальцы, пропитывая заплетённую в две косички светлую бороду и капала с её концов, глухо разбиваясь об холодный пол.

Ронар страшно, совершенно по-животному, зарычал — от этого звука всё моё тело покрылось мурашками. Он бросился на Видара и, сжав могучую ладонь в кулак, сначала ударил его в скулу, а затем с размаху под дых, заставив командира согнуться пополам и захрипеть. Видар повис на своём противнике, но ненадолго: в следующий миг он схватил Ронара за пояс и всем своим весом впечатал его в стену. На короткое мгновение мне показалось, что полустёртые золотистые перья не рисованные, а самые настоящие: от удара они взвились и разлетелись по каменной поверхности и вот-вот закружат вокруг дерущихся. Я успела заметить, как затылок и спина Ронара со стуком встретились со стеной, а затем уже разобрать что-то в мешанине рук и ног оказалось решительно невозможно.

Я почувствовала на себе внимательный взгляд и повернулась к Яниру. Юноша, не прекращая игры, ухмыльнулся и кивнул мне. Он не выглядел встревоженным. Создавалось впечатление, что происходящее между Ронаром и Видаром — в порядке вещей.

— Парни, успокойтесь. — Спустя несколько минут Янир всё же вмешался в драку, когда движения замедлились, а хрипы стали громче. — Тут всё-таки дама.

— Никакая она не дама, а обычная кайха, — просипел

Видар, утирая кровь с разбитой губы. Он попятился от Ронара, продолжая сверлить того взглядом. — Чего расселся, Янир? Вы своего добились. Давай, проверяй её, пока я не передумал.

— Да-да, уже иду. — Бард потянулся всем телом, сцепив руки над головой в замок. Повесив лютню за спину, он неторопливо поднялся и приблизился ко мне, бросив на ходу: — Отойдите и не мешайте, мне нужно сосредоточиться.

К моему удивлению, мужчины послушались и вместе отошли к статуе, на ходу негромко перебрасываясь короткими фразами на неизвестном мне языке. Оба вели себя так, словно между ними ничего не произошло.

— Итак. — Янир завладел моим вниманием, закрыв собой Видара и Ронара. Вблизи глаза юноши казались ещё светлее. Я опустила взгляд ниже и увидела их: очень бледные и тонкие, незаметные издалека рваные шрамы, пересекающие нижнюю губу Янира с левой стороны. Кривыми линиями они спускались к подбородку, затем обрывались, чтобы продолжиться чуть ниже выпирающей ключицы и затеряться за воротом его рубахи. Я насчитала четыре. — Могу ли я узнать ваше имя, миледи?

— Энора, — прошептала я, еле успев остановить почти слетевшее с языка настоящее имя. Внезапно я почувствовала себя очень странно. По какой-то причине мне хотелось пересказать Яниру всю свою жизнь от рождения и до нынешнего дня, во всех красках и подробностях.

— Как красиво! В честь альвийской героини сказок, если не ошибаюсь? — Я кивнула. — А родовое имя?

Кайлтэн, опять это чувство! Я плотно сомкнула губы, удерживая жаждущее вырваться на свободу признание. По спине побежала дорожка холодного пота.

Терпи, Сверчок.

Так некстати всплывшие в памяти слова брата принесли с собой его золотые глаза и ласковую улыбку. Я на мгновение прикрыла глаза, отгоняя непрошеный образ. Получилось: Алистиан исчез, и вместо него передо мной возникло суровое, но безопасное лицо Ренвика.

— Нэйдрин, — выпалила я, мысленно сосредоточившись на искрах магического золота, скачущих в зелёных глазах друга.

— И что же, никаких «ан»? Неужто ошибся? Хорошо, не успел ни с кем поспорить, а то прости-прощай, моя Мэрит, — пробормотал он себе под нос, а затем, уже обращаясь ко мне, продолжил: — А меня зовут Янир. Музыкант, сказитель, поэт, всеобщий любимец и просто самый лучший парень на этой помойке, которую я и ещё несколько десятков бродяг зовём домом.

Напряжение схлынуло, оставив после себя приятную пустоту. Губы невольно расползлись в улыбке, голова стала лёгкой. Все проблемы вдруг показались такими незначительными, и даже свет Кира, косыми лучами падающий на пол и стены святилища, словно стал ярче.

— Не против, если мы перейдем на «ты»?

Я согласно закивала, даже толком не осознав суть вопроса.

— Чудесно! — обрадовался Янир. — Энора, послушай, я должен кое-что проверить. Будет немного щекотно. — Янир вдруг резко приблизился ко мне и тихо приказал: — *Смотри.*

Я повиновалась, не задумываясь. Бард стоял слишком близко, и мне пришлось задрать голову, чтобы видеть чужое лицо. Дыхание перехватило, ноги будто приросли к полу. Зрачки юноши исчезли, глаза засветились ослепительно-белым. Почувствовав щекочущее копошение где-то в груди, я попыталась отвести взгляд, но не смогла — какая-то необъяснимая сила притягивала его обратно. В следующее мгновение Янир отпрянул от меня.

— Ты не кайха, — прошептал он. — В тебе нет магии.

— Чего ты там копаешься? — раздался за его спиной голос Видара. — Почему так долго?

Медленно, с трудом продираясь сквозь туман в голове, я начала понимать, что произошло. Подумать только, бард едва не заставил меня рассказать о себе всё! Стали ясны причины и внезапно нахлынувшего блаженства, и безосновательного доверия к юноше. Янир — маг.

Конечно, не было ничего удивительного, что среди людей отыскался маг. Они не такая уж редкость у народов Ветреных равнин. Однако все людские маги служат в армии Глан-

лиморина — альвийские инспектора весьма дотошны при отборе детей из человеческих провинций. Как же ему удалось избежать этой участи?

Я застыла в ожидании приговора. Лёгкость покинула тело, желудок болел, будто внутри перекатывался острый камень. Сейчас Янир скажет остальным, что обнаружил. Точнее, чего не обнаружил. И они избавятся от меня. Дис-вайла с обычным родовым именем не представляет никакой ценности ни для семьи, ни для мира в целом — это понимают даже люди.

— Порядок, — отозвался Янир. От изумления мои брови взлетели вверх. Я бегала взглядом по лицу барда, тщетно пытаясь отыскать ответ, почему он так поступил, словно могла прочитать его в нефритовых глазах или в бледных шрамах на губе.

— Тогда заканчивай. Тебе ещё второго проверять.

Янир не ответил. Приблизившись ко мне, он отрывисто зашептал:

— Меч возле статуи твой? — Я кивнула. — Сражаться умеешь или для красоты носишь?

— Умею, — так же тихо ответила я. Сердце забилось быстрее. Неужели представится шанс побороться за свою жизнь?

— А тот парень? Кто он? Постоять за себя может?

— Мой брат, — солгала я. В такое поверит только глупец или слепец, но я решила гнуть свою линию про неудач-

ный опыт мага до последнего. Если меня пока не собираются убивать, может, эта ложь поможет и Кайриусу? Я не знала, умеет ли мерфолк обращаться с оружием, поэтому добавила: — Он ловкий.

— Брат? — Янир приподнял бровь, всем своим видом выражая сомнение. Очевидно, он относился к третьему типу и ожидаемо не поверил мне. — Ну, допустим. Надеюсь позже узнать о вашей удивительной семье побольше. А сейчас внимательно выслушай меня. От этого зависят ваши жизни.

Бард выглядел настолько серьёзно, что мне стало не по себе. Я сглотнула вязкую слюну и на всякий случай кивнула, показывая, что готова слушать.

— Смотри на меня, взгляд не отводи. — Вероятно, Янир заметил промелькнувший на моём лице испуг, потому что тут же поспешил оправдаться: — Никакой магии, обещаю. Просто подыграй мне, Видар не должен ничего заподозрить. Сейчас я должен тебя усыпить, но не стану этого делать. Моргни, если поняла.

Я медленно моргнула. Голова кружилась от обилия сведений и скорости, с которой события сменяли друг друга. В течение всего пары часов я успела угодить в плен, чуть не встретила свою смерть от руки человека и невольно стала причиной ссоры между главарями разбойников. Что бы сейчас ни решил поведать Янир, у него вряд ли получится меня удивить.

— Ронар отнесёт тебя в темницу. Глаза откроешь, когда

разрешит. Окажешься в клетке — можешь поспать, но ни в коем случае не ночью. Мы придём за вами и освободим. Прибереги вопросы на потом, — поторопился вставить бард, как только я открыла рот, чтобы задать вопрос. Что ж, вынуждена взять свои слова обратно. Такого я точно не ожидала. — Всё поняла? — Я снова моргнула. — Чудесно. А теперь закрывай глаза и падай на меня.

Я бросила последний мимолётный взгляд на статую. Мне показалось, что во внутренних уголках глаз крылатой девы проступили алые капли, но возможности рассмотреть их повнимательнее не было. Ладно, не стоит сейчас забивать этим голову. Наверняка показалось. В следующее мгновение я, закрыв глаза, упала прямо на Янира. Бард мягко подхватил меня, удерживая на месте.

Надеюсь, я только что не совершила очередную ошибку.

— Я возьму её, — чуть гнусаво пробасил Ронар.

Мне стоило неимоверных усилий оставаться неподвижной. Сильные руки подняли меня в воздух так легко, словно я ничего не вешу. Плечом я ощущала, как грудь Ронара тяжело вздымается, сердце бьётся гулко и ровно. Скулу щекотала лежащая на широких плечах мужчины серебристая шкура. От неё пахло хвоей и клюквой, и я с удовольствием вдохнула этот запах полной грудью. Странно, но рядом с этим незнакомцем мне было спокойнее, чем в собственных покоях. Я ощущала себя в полной безопасности.

Рун, ты переутомилась. Он разбойник, какая к Кайлтэну

безопасность?! Собственная глупость подняла внутри такую волну возмущения, что дыхание перехватило, и я поперхнулась воздухом. Надеясь, что Ронар стоит спиной к командиру, я уткнулась лицом в шкуру, пытаясь сдержать предательский кашель.

— Янир, задержись, — вдруг приказал Видар.

— Да я сегодня нарасхват, — протянул Янир. В голос барда вернулся прежний задор. — Иду-иду! — Удаляясь, застучали по каменным плитам каблуки.

Тихо скрипнула дверь, и повеяло сыростью. Я почувствовала, как медленно сменяют друг друга ступени под ногами Ронара. Чем ниже мы спускались, тем больше я скучала по святилищу — там у меня хотя бы не возникало ощущения, что воздух наполнен ледяными иглами. И мне придётся провести здесь целый день? Это безумие! Я не доживу до вечера.

Я замерзала. Застучали зубы, звонко ударяясь друг об друга. Ладонь Ронара слегка сжалась на моем плече.

— Да не бойся ты, — пробормотал мужчина куда-то мне в макушку, истолковав мою дрожь по-своему. От его низкого голоса по моим рукам пробежал табун мурашек. Надеюсь, у него из носа уже перестала хлестать кровь и мои волосы не станут ещё грязнее. Как же хочется помыться…

Что-то неуловимо изменилось в окружении. Кажется, мы наконец пришли. Сквозь мои закрытые веки пробивался жаркий свет факелов. Ощутив тепло огня совсем близко, я невольно подалась в его сторону. Мужчина предупреждаю-

ще прижал меня к себе, и вовремя: послышались чьи-то торопливо приближающиеся шаги.

— Здарова, Ронар, — поприветствовал чей-то молодой голос. — Новая пленница, а?

— Да, — ответил Ронар. — Будь другом, Том, открой клетку. Дальнюю в левом коридоре.

— Без проблем. Давай за мной.

Шли долго. Несмотря на малый размер святилища, создавалось впечатление, что эти подземные ходы простираются до самого Гланлиморина. Казалось странным, что под местом поклонения вообще есть темница. Я так и не смогла понять, кому здесь молились. Янир упоминал какую-то Аэллию, но я никогда прежде не слышала этого имени.

— Что-то и правда зачастили к нам гости. До тебя вон спускались Йонар и Ингрид, привели парнишку. Чудной он какой-то весь из себя. И босой. Вы бы хоть обувку ему дали какую, а то околеет он у нас тут, точно тебе говорю. А ребята ещё там, с ним. Сказали, Янир тоже скоро спустится, будет чудика проверять. А как там наверху дела, пока спокойно? Сам понимаешь, брат, надолго отлучаться не могу, надо присматривать за пленниками. Приказ хъёльвдина. Суровый он, а? И как у вас только выходит уговаривать его не убивать айльвуров сразу? Кстати, это он тебе так физиономию разукрасил? Хотя чего я спрашиваю, кто бы ещё смог тебе врезать. А, вот ещё чего хотел…

Этот Том, очевидно, истосковался по общению. Всю до-

рогу он не замолкал. Впрочем, несмотря на то, что парень задавал Ронару вопросы, ответов он не ждал. Чувствовалось, что Том одурел, сидя целыми днями в промозглом подвале в одиночестве, и сейчас просто хотел выговориться. Ронар предоставил ему такую возможность, изредка вставляя в чужой поток речи многозначительное «мгм».

Холод по-прежнему залезал под доспех, но я уже успела немного привыкнуть к нему. А вот голень заныла сильнее, и я могла только надеяться, что вечером она меня не подведёт. Думаю, бежать придётся быстро. И много.

При условии, что меня не обманули.

— Вот мы и на месте. — Послышался лязг, а следом скрежет металла по камню.

— Благодарю, брат, — кивнул Ронар. — Дай мне пару минут здесь. Я принесу ключ.

— Без проблем, — ответил Том. Послышался короткий звон и звук удаляющихся по коридору шагов.

Ронар немного постоял, не двигаясь, а затем произнёс:

— Можешь открыть глаза.

Я немедленно послушалась, и мужчина поставил меня на ноги.

— Какого Кайлтэна здесь так холодно? — прошипела я.

— Не капризничай, королевна. Придётся потерпеть. — Он достал из-за пояса нож и перерезал верёвку на моих руках.

— Я-то потерплю, а вот вы к вечеру рискуете найти труп

под коркой льда. — Я размяла затёкшие запястья и неуклюже стянула с себя тонкие перчатки, с облегчением ощущая, как пальцы начинает покалывать от притока крови, наблюдая, как бледные ладони постепенно приобретают розоватый оттенок.

— Тот парень, который с тобой был, сидит в клетке через два коридора отсюда. Янир успел рассказать наш план?

— Только то, что вы придёте за нами вечером. А тот парень — мой брат, — зачем-то уточнила я.

— Неважно. Главное, слушайтесь, и уже завтра будете далеко отсюда. Тот меч в святилище. У тебя забрали? — Я кивнула, а Ронар продолжил: — Принесу. Сражаться умеешь или для красоты носишь?

Я уставилась на него в попытке понять: у них с Яниром один набор фраз на двоих, или просто глядя на меня напрашивается только один вывод?

— Умею, — коротко ответила я.

— Уважаю, — неожиданно серьёзно произнёс Ронар. — Я думал, альвийские девы ничего тяжелее иглы в руки не берут.

Я промолчала. Почему-то было очень неприятно признавать, что он прав. Все знатные альвы умели шить и вышивать, и делали это хорошо. Меня тоже долгое время пытались обучить этому ремеслу, но в конце концов даже моя суровая наставница сдалась.

— *Я бессильна, мэйстир Эурин,* — качала головой пре-

старелая альва. — *Она необучаема.*

И как же тут было втолковать им, погрязшим в старых устоях и традициях, что я не могу позволить себе тратить время на столь бестолковое занятие? Что разница между иглой и мечом не такая уж и большая? Просто альвийские девы предпочитают украшать изящными стежками дорогие ткани, а я — порезами набитые соломой чучела.

Признайся. Хотя бы самой себе.

Всё это было лишь частью правды, которую я пыталась донести до отца и наставницы, самой её верхушкой. Я не знала, как объяснить кому-то, почему на самом деле так полюбила фехтование. Почему звон стали, рассекающей пропахший ненавистными гиацинтами воздух, заставлял сердце петь, наполнял душу радостью. Почему я предпочитала проводить большую часть бесконечных унылых дней в казармах охраны.

Истинная причина так проста, но оттого не менее болезненна. Мне, в отличие от обычных альв, всю жизнь приходилось доказывать окружающим, что я и без магии чего-то стою. И каждый раз, одерживая верх в тренировочных боях, ловя на себе по-настоящему восхищённые взгляды побеждённых охранников или наконец уложенного на лопатки брата, я чувствовала, что иду по своему пути. Только в такие моменты я могла почувствовать себя живой.

— Я пошёл. Ночью не спи. — Не дождавшись от меня ответа, мужчина развернулся, чтобы уйти.

— Ронар, — окликнула я его, сама не зная зачем. Оставаться одной совсем не хотелось. — Почему вы помогаете нам?

— Потому что вы не совершали зла, — ответил мужчина, обернувшись. — Не вы принесли горе на нашу землю. Не ваша семья.

— Ты так уверен в этом?

— Да. Ты не могла солгать Яниру, дева. Он не впервые проводит проверку: заставляет довериться и задаёт вопросы. Будь ты родом из знатной семьи — он бы сразу сказал об этом. А раз тот парень, как ты говоришь, твой брат, то невиновен и он.

Жар прилил к щекам, и я отвела взгляд. Ронар подтвердил мои прежние выводы. Неясно только, почему магия Янира подействовала на меня как-то слабо: то ли мастерство самого барда оставляло желать лучшего, то ли меня так закалили наказания отца. Но сейчас это неважно. Главное, что это спасло жизнь мне и мерфолку.

— Видар погряз в своей ненависти к альвам и давно перестал делить вас на правых и виноватых. Не за то мы боролись, — тихо произнёс Ронар, вырвав меня из раздумий. Мужчина устало покачал головой. — Невинные не должны страдать от нашей скорби.

Его слова раскалёнными шипами впились в сердце. И почему у меня такое ощущение, что моя семья всё же причастна к этому?

Потому что руки отца по локоть в людской крови.

Бриллаар, пусть всё получится! Пусть мы расстанемся незнакомцами, и Ронар никогда не узнает моего настоящего имени. Никогда не узнает, чью дочь он отпустил.

Ронар направился к выходу, давая понять, что разговор окончен, но замер, так и не шагнув за порог. Мужчина вернулся, снял с плеч шкуру и, не глядя, протянул мне. Я приняла вещь и поблагодарила Ронара робким кивком. Не произнеся больше ни слова, он стремительным шагом подошёл к решетке. Заперев её на ключ, Ронар задержал на мне последний взгляд своих ледяных глаз и ушёл.

Я накинула на себя серебристый мех и забралась на скамью с ногами. Меня окутал запах хвои и клюквы. Где-то вдалеке мерно капала вода. Уставившись на пляшущий огонь факела, воткнутого в стену прямо напротив моей клетки, я принялась ждать ночи, надеясь, что братья сдержат своё слово. А если нет… Что ж, остаётся уповать на то, что с замками Кайриус справится так же ловко, как с верёвками.

И что он вообще решит прийти за мной.

Глава 6 (Кайриус). От самих себя нам не убежать.

Недоверие, словно остро заточенный клинок, нависло над головами находящихся в клетке. Ссутулившись, я сидел на широкой скамье и изучал своих надзирателей.

Угрюмый парень со светлой косой в половину своего роста, совсем юный, изредка бросал на меня хмурые взгляды, но всякий раз, как наши глаза встречались, он сразу же отворачивался. Зеленоглазая девушка, напротив, демонстративно игнорировала меня, делая вид, что влага, просачивающаяся сквозь кривую каменную кладку стены, сейчас волнует её больше всего на свете.

Дрожащее пламя факела за ржавой решёткой лишь подчёркивало гнетущую обстановку, совсем не даря ощущение уюта. Эта клетка превосходила по размерам комнатушку в храме Слышащих, однако здешние стены давили на меня гораздо сильнее. Едкие запахи плесени и металла забивали ноздри, и спастись от них было невозможно. Вдобавок где-то дальше по коридору раздражающе размеренно капала вода. *Кап… кап… кап…* Так запросто с ума сойти можно.

Похоже, Энора не зря переживала, что местных может оттолкнуть моя внешность. Несмотря на то, что парочка не выглядела напуганной, я мог чувствовать их напряжение по то-

му, как они вжимались в грязную стену, явно стараясь держаться от меня как можно дальше. На чужих лицах читалось невысказанное желание поскорее покинуть это место.

И я всецело разделял его. Только вот мне идти было некуда. Я пытался дозваться Ольвидуса ещё пару раз. Когда тот здоровый мужик схватился за топоры, я даже готов был снова отдать под контроль своё тело, как тогда, на Пустыре, — что угодно, лишь бы остаться невредимым. Но бессмертный так и не откликнулся. Следовало догадаться, что этот чешуйчатый предоставит мне разбираться со всем самостоятельно. Я даже не уверен, что у него была веская причина остаться в стороне.

Я невесело усмехнулся своим мыслям. И когда это я перестал сомневаться, что Ольвидус мне не привиделся?

Сквозняк прошёлся по ногам, своим тихим свистом перебивая ровную мелодию капель. Собственное заключение волновало меня меньше, чем я ожидал, — не впервой. Гораздо сильнее беспокоило другое: нас разлучили с альвой, а я так и не узнал у неё, как добраться до магусов.

Поначалу, когда меня увели вниз, я растерялся, но, уже оказавшись здесь, испытал облегчение. Разум твердил, что это наилучший исход. Энора — ходячая проблема. Из-за этой девушки всё пошло наперекосяк. Всё, от её глупого решения спасти меня от утопления до засады в лесу. Вдобавок альву по какой-то причине преследовали странные серые существа, кем бы они ни были на самом деле. Зачем мне

взваливать на себя проблемы малознакомой наземницы, если своих более чем достаточно?

И всё же какая-то часть меня продолжала твердить, что Энору надо найти. Что убеждение «каждый сам за себя» здесь не сработает. Что с таким ненадёжным союзником, как Ольвидус, мне просто необходима подстраховка: неизвестно, когда он соизволит почтить меня своим божественным присутствием.

Внешне я оставался спокойным, а вот внутри у меня развернулась нешуточная борьба с самим собой.

Она сложила оружие, когда мне грозила опасность.

Но я не просил её об этом! Я передёрнул плечами и ссутулился ещё сильнее. Внезапно захотелось сжаться в комок или стать одним из крошащихся кирпичиков в стене.

Она вступилась за меня перед тем громилой.

И ничего этим не добилась! Волосы упали на лицо, закрывая от людей мои пылающие щёки. Во рту пересохло.

Она пыталась помочь.

С неудовольствием я признал, что с этим спорить попросту глупо. Наверное, в глубине души я понимал: Энора хотела как лучше, действуя хоть и неуклюже, но искренне. Однако принять помощь оказалось невероятно сложно. Я не готов признать собственную уязвимость. Не готов согласиться, что рядом оказался кто-то, на кого можно положиться. Не готов позволить этому кому-то, пусть и ненадолго, но стать частью своей жизни.

Неужели страх подпустить кого-то поближе настолько глубоко въелся в душу, что заставляет отвергать единственную, кто протянул руку помощи, не требуя ничего взамен?

Нет. Я всегда был сам по себе. И не могу допустить, чтобы это изменилось.

Я упрямо продолжал игнорировать это одинокое внутреннее несогласие с самим собой, и вскоре голосок, словно признав бесполезность попыток, задохнулся и умолк. Прикрыв глаза, я заставил себя выбросить из головы все мысли об альве.

Я сосредоточился на осмотре клетки, подмечая все слабые места, выбоины и дыры в стенах и полу. Ненадолго задержав взгляд на проржавевших петлях решётки, я снова посмотрел на людей. Возможно, получится их разговорить? Неясно, как отреагирует девушка, а вот с парнем может сработать.

— Приветствую, — начал я, прочистив горло. Мои надзиратели вздрогнули: они явно не ожидали, что я заговорю. Я быстро прошёлся языком по пересохшим от волнения губам. — Чего ждём? Какие планы?

Люди молчали. Краем глаза я заметил, как девушка положила ладонь на рукоять своего меча. Движение получилось нерешительным, словно сама мысль о наличии оружия была ей непривычна и чужда. Стараясь не смотреть в её сторону, я поймал взгляд парня и широко улыбнулся, надеясь,

что выгляжу достаточно дружелюбно. Его лицо перекосило, в серых глазах промелькнул страх.

— У меня дела есть, там. — Я указал пальцем на потолок. Может, они не понимают, что я говорю? — Хотел узнать…

— Локр муинн тин![1] — неожиданно рявкнула девушка, удивив не только меня, но и своего напарника. А затем повернулась к нему и уже тише, но всё ещё раздраженно, произнесла: — Хан талаин вид экт, Йонар.[2]

Я ни слова не понял, но что-то подсказывает, что они ничего мне не расскажут. Парень пожал плечами и отвернулся. Мелко постукивая ногой по полу, он смотрел на решётку, на стены — куда угодно, лишь бы не в сторону моей скамьи. Зато девушка наконец обратила на меня внимание, только вот оно мне совсем не понравилось. Изумрудные глаза прожигали насквозь. Скромной нерешительной наземницы и след простыл, теперь передо мной стояла настоящая воительница. Возникло ощущение, что одно неверное движение — и она меня убьёт. Я судорожно сглотнул и замер, только позволив себе устало прикрыть глаза. За время пребывания на Поверхности я повстречал всего двух девушек, и обе при знакомстве со мной сразу схватились за оружие. Не везёт так не везёт.

Быть может, мы ждем кого-то ещё? Смею надеяться, что этот кто-то будет более общительным, чем эти двое.

---

[1] Закрой свой рот! (сим.)

[2] Не разговаривай с ним, Йонар. (сим.)

Точно в ответ на мои мысли, к звуку капающей воды в коридоре прибавился уже знакомый стук каблуков. Я подавил разочарованный стон. Ну почему, почему из всех людей именно он?

— Ну и холодрыга! — В клетку вихрем влетел Янир и обвёл взглядом сначала меня, а затем и парочку у стены. Что-то щёлкнуло в голове у неугомонного барда: он подмигнул мне и широко улыбнулся, блеснув длинными клыками, а затем обратился к своим приятелям. — Ребятки, а чего такие кислые? Замёрзли? — Светловолосый парень открыл рот, но Янир замахал руками, не дав ему высказаться. — Понимаю-понимаю. Идите, погуляйте. Я тут и сам справлюсь.

— Ты уверен? — кротко спросила девушка. Я недоумённо посмотрел на неё. Ну надо же: пару минут назад рычала, точно расстроенная неудачей Уннур, и такая перемена. — Давай хотя бы свяжем его.

— Верёвки надолго нашего гостя не задержат, судя по тому, что я уже успел увидеть. Вы можете идти.

— И всё же мне лучше остаться здесь. — Девушка сжала кулаки. Её мелко потряхивало, неясно, от холода или от чего-то ещё, лицо пошло красными пятнами, но решительного взгляда от барда она не отводила. Парень с косой тронул её за предплечье, но девушка отдёрнула руку. — Я останусь. На всякий случай.

Янир перестал улыбаться и повернулся ко мне спиной. Мой взгляд зацепился за переплетение цветочных узоров на

чёрном корпусе его лютни. Безумно хотелось прикоснуться к инструменту, но я не знал, как бард отреагирует на подобный жест.

— Я сказал, что справлюсь, Ингрид, — вымолвил Янир после небольшой заминки. — Не заставляй меня повторять ещё раз.

— Как прикажешь, — выпалила девушка, покраснев до самых корней волос. Металлический лязг двери эхом разнёсся по коридору, когда Ингрид выскочила наружу.

— Ты тоже можешь идти, Йонар.

Её напарник последний раз бросил на меня подозрительный взгляд и тоже поспешил уйти.

Повисла тишина. Я недоумевал, зачем Янир отослал этих двоих. Так уверен в себе или в том, что я не причиню ему вреда?

— Надеюсь, они не доставили тебе хлопот? — Словно почувствовав мой изучающий взгляд, бард повернулся. На его лице снова сияла улыбка.

— Нет. — Я пробежался по Яниру взглядом и удивился, не заметив никакого оружия. — Думаю, они боятся.

— Хм? — хмыкнул бард. — Может, и мне стоит?

Я промолчал. Янир же тем временем беззастенчиво разглядывал меня. Каждый участок моего тела, по которому прошёлся его взгляд, горел, как от прикосновения, но по какой-то причине я не испытал отвращения. «Просто это Янир», — решил я, и мысль эта показалась настолько пра-

вильной и исчерпывающей, будто являлась единственно верным ответом на любой вопрос.

Бард производил впечатление человека обаятельного и слегка сумасшедшего, но при этом совсем не выглядел высокомерным, в отличие от музыкантов холла в Ликирисе. Трепещущий свет факела отразился в лукаво блеснувших нефритовых глазах, и мне вдруг показалось, что я знаю Янира всю свою жизнь. Рядом с ним я не ощущал неловкости и не испытывал тревоги. Я чувствовал себя хорошо, почти идеально. И именно это заставило меня насторожиться.

— Ах да, не думаю, что нас представили друг другу, — бодро произнёс бард. Он прошёл вперёд и изящно опустился на скамью рядом со мной, закинув ногу на ногу. Я слегка отодвинулся. — Меня зовут Янир, но это ты, верно, уже знаешь. А ты? — И, не дав мне и шанса ответить, тут же продолжил: — Впрочем, если хочешь, могу продолжать звать тебя красавчиком.

— Не хочу, — процедил я.

— Вот как? — Казалось, Янир искренне расстроился. — Жаль. Лично меня бы такой вариант совершенно устроил.

По тону барда невозможно было понять, издевается он или нет. Я не урод, но и красивым меня назвать нельзя, особенно в свете последних событий и испытаний, выпавших на мою долю. Я представлял, как выгляжу сейчас, и это совершенно не утешало. К тому же, разве наземники не должны реагировать на мои особенности как-то иначе?

— А меня нет, — отрезал я, чувствуя, как к лицу приливает кровь возмущения. — Зови меня Кайриус.

— Кай-ри-ус, — пропел Янир, растягивая гласные. — Необычное имя. Очень сложное. Не уверен, что смогу произнести его верно. Надеюсь, ты не обидишься, если я вдруг допущу ошибку. А сейчас я должен кое-что спросить у тебя. Можно?

Прямой взгляд. Голос вкрадчивый, успокаивающий, бархатный. Точно у хищника, загнавшего добычу в угол и убеждающего, что будет совсем не больно.

— А что ты хочешь знать? — Я выпрямился и отодвинулся на самый край скамьи.

— Сколько тебе лет?

— Девятнадцать, — ответ вылетел из меня быстрее, чем я сам осознал суть вопроса. Тело налилось свинцовой тяжестью, и я почувствовал себя очень сонным.

— Ха, прямо как мне! Ну, точнее, только исполнится в месяц Жарких песен, но это мелочи. Как много у нас общего, а? — обрадовался Янир. Он придвинулся ближе и пощёлкал у меня перед лицом пальцами. — Эй-эй, не засыпай! Ещё вопрос: как зовут девушку, которая была вместе с тобой?

— Энора, — пробормотал я, изо всех сил стараясь держать глаза открытыми.

— А родовое имя?

Я промолчал. Я чувствовал непреодолимую, почти болезненную необходимость что-то сказать, но откуда я вообще

мог знать такие подробности?

— Что такое? — Янир нахмурился. — Не знаешь родовое имя своей сестры?

«Что ты несёшь? Какой ещё сестры?» — хотел спросить я, но язык словно прилип к нёбу.

— Переоценил свои силы? — прошептал Янир, обращаясь скорее к самому себе. — Так, ладно! Попробуем иначе. Назови своё родовое имя.

— Нет, — выдавил я. Это всё, на что меня хватило.

— Что значит «нет»? — жалобно переспросил бард.

— Нет, — повторил я, отчего-то не в силах объяснить, что я не могу дать ему то, чего он хочет, просто потому что у меня нет родового имени. Я знал, что так альвы называют часть своих полных имён, но у мерфолков есть только одно, личное. Все мы, по заветам Слышащих, дети Ольвидуса. Одна большая и недружная семья.

— Мне надо отдохнуть. — Янир зажмурился и потёр переносицу. Когда он открыл глаза, на его лицо вернулось прежнее весёлое выражение. — Что ж, друг мой, осталась самая малость. Прошу, не пугайся.

Бард крепко обхватил моё лицо руками. Его зрачки исчезли, а глаза засветились, ослепляя своей белизной.

— *Смотри.*

Я почувствовал, как в солнечном сплетении зарождается тепло. Не успел я насладиться этим приятным ощущением, как температура начала стремительно расти. Жар плавил

мои внутренности и пытался прожечь изнутри, будто что-то живое и яростное стремилось вырваться наружу. Янир не отпускал меня, удерживая на месте, но в этом не было никакой необходимости: что-то другое, невидимое, не давало мне пошевелиться. В глазах потемнело. Я только успел заметить, как барда оторвало от меня, отбросив к противоположному краю скамьи. Между нами закружилась густая графитовая дымка; в ней, сталкиваясь, плясали серебряные и золотые вихри, и невозможно было понять, каких больше. Внезапно я понял, что происходит. Давно забытое чувство из детства вернулось и принесло с собой беспомощность и отчаяние. К сожалению, Янир тоже понял.

— Ты маг, — восторженно прошептал он, как только всё успокоилось.

— Нет!

Скрывай ото всех. Не показывай свою силу никому, даже самому себе. Никому и никогда. Иначе научники заберут тебя. Терпи. Даже если поток уничтожит тебя — терпи. Сгори, рассыпься прахом, но не выпускай его.

Как часто я повторял эти слова? Не сосчитать. Они врезались в память, застряли намертво — не вытравить. Я так боялся, что магусы Ликириса обнаружат мой дар, что ни разу с тех самых пор, как поток пробудился, не позволял себе даже подумать о том, чтобы его использовать.

Осознание раскалённой иглой впилось в мозг, заставив почувствовать себя ещё гаже, чем минуту назад. Больше нет

никакого смысла скрывать силу. У меня не осталось семьи, и я далеко от Университета. Да и сомневаюсь, что магический дар так уж важен для наземников: вот он, Янир, прямо передо мной, свободный и весёлый.

Но почему же тогда так страшно?

Я почувствовал, что снова владею собой. Захотелось спихнуть Янира на пол, накричать на него и пинком отправить прочь из клетки. Но я не сделал ничего из этого.

— Я не маг, — хрипло пробормотал я и сам понял, насколько глупо это звучит.

— Да неужели? Хочешь сказать, зрение меня подвело, а? — Янир хмыкнул и покачал головой. — Интересный ты. Я ещё никогда не видел подобного — у альвов потоки золотые. И выг… — Он оборвал себя на полуслове, а затем резко придвинулся ближе и неожиданно накрыл мою ладонь своей. — Остановись.

Ладонь у Янира была ледяной, пальцы — мозолистыми, но мягкими. Я посмотрел вниз. Бинт, скрывающий порез, размотался и сполз, а сам я не заметил, как успел расчесать кожу вокруг плавника. Я высвободил руку и отодвинулся.

— Я должен попросить у тебя прощения. — Бард сжал ладони в кулаки и отвернулся, уставившись на противоположную стену. — Видишь ли, я единственный маг среди Вейнарменнир и вынужден делать некоторые неприятные вещи. Например, проверять всех наших гостей…

— Пленников, — не удержался я от укола.

— Пленников, — осторожно продолжал Янир. — Но сегодня я, кажется, не в форме. Даже не смог вытащить из тебя ваше с сестрой родовое имя.

Я молчал, радуясь, что бард смотрит в другую сторону, и надеясь, что растерянность не отражается на моём лице. «Сестра» — это, наверное, про Энору. Во имя чего она так назвалась? В это поверит только круглый дурак! Янир казался легкомысленным, но никак не глупым.

— Я его не знаю. Энора мне не сестра. Она, — я замялся, подбирая слово. И почему общий язык такой сложный и грубый? — моя кузина. Дальняя. Очень.

— Ах, вот оно что! — Янир хлопнул себя по коленям и повернулся ко мне. — Это совсем ничего не объясняет! К тому же ты так и не назвал своё родовое имя.

— У меня его нет.

— Хм. — Янир сощурился. — Что ж, ты не похож на альва, так что тут я, пожалуй, не удивлён. Но ты, если честно, вообще ни на кого не похож.

— Я пришёл издалека.

— И что же в твоём «издалека» используют вместо родового имени? Имя отца? Место рождения? Прозвище?

Я опустил голову, закрывая лицо волосами, и сглотнул. Надо срочно что-то придумать, чтобы не показаться странным. Ещё более странным, чем уже выгляжу.

— Я из Ликириса.

— Ликирис? — переспросил бард. — Не слышал о таком

месте.

— Это далеко отсюда.

— Ага, ладно, — протянул Янир. — Так что, расскажешь, что с тобой случилось? Куда вы с кузиной держали путь? Уж прости, но компания вы, мягко скажем, странная.

— Неудачный опыт магу… мага. Мы шли навестить родственника.

— А ты весьма краток. Дай угадаю: ты из тех, что предпочитают слушать, а не говорить? Что ж, буду честен — это мои любимчики. — Он подмигнул мне. — В любом случае, я не верю ни единому твоему слову.

Я вскинул голову. Янир сверкал своими клыками и выглядел так, словно его ничуть не волнует, сколько в моих словах правды.

— Зачем ты пришёл? — прохрипел я.

— Ох, неужто моё общество тебе наскучило? — Янир тяжело вздохнул. — Что ж, тогда к делу.

Бард понизил голос, и мне пришлось снова придвинуться к нему, чтобы расслышать, что он говорит. Как жаль, что мы не под водой — мой слух стал гораздо слабее.

— Вечером сюда придёт кто-то из наших людей и освободит тебя. Выведет через тайный ход. Можешь поспать сейчас, но не смыкай глаз ночью, жди. Видишь ли, есть основания полагать, что если мы не выпустим вас сегодня, то вы вообще отсюда не выйдете. Наш Видар заигрался. Истинным Вейнарменнир совсем не хочется поддерживать эту жесто-

кость.

Не дожидаясь моего ответа, он резко отстранился и потянулся.

— Ах, как жаль! Я так надеялся, что наше знакомство выйдет более длительным и близким, что мы сможем подружиться. Но обстоятельства, обстоятельства… Обидно покидать тебя так скоро, но у меня ещё есть дела. Прощай, красавчик из Ликириса.

Бард спрыгнул со скамьи и, махнув на прощание рукой, бодро поскакал к решётке.

— Стой! — выкрикнул я. Янир тут же послушался и обернулся ко мне с довольным выражением лица. — Сумки. Маленькие, поясные. Я должен их вернуть, там важная вещь. Синяя стекляшка.

— Ларсовы головорезы забрали, да? — Он понимающе закивал. — Не волнуйся, вернём. Что-то ещё?

Я хотел спросить, где мне искать Энору, но так и не решился, поэтому просто покачал головой. Янир окинул меня последним взглядом, отчего-то задержавшись на ногах, и его губы тронула мягкая улыбка.

— Возможно, судьба ещё распорядится, чтобы мы встретились, друг мой. И я с нетерпением буду ждать этого.

* * *

Уже знакомое белое пространство встретило меня чуточку дружелюбнее, чем в прошлый раз. Была заметна неуклюжая попытка создать нечто уютное: прямо посреди пусто-

ты возник камин, дымоход которого терялся в вышине в таинственном фиолетовом мареве. Внутри очага потрескивал огонь, который почему-то был зелёным и совсем не согревал. Над спинкой одного из резных кресел, расположившихся перед камином, краснела густая копна волос, увенчанная изогнутыми рогами. Свисающие с тонких цепочек чёрные кристаллы ловили своими неровными гранями отблески пламени.

— Не мог создать настоящий огонь? — Я плюхнулся во второе кресло, не дожидаясь приглашения.

— Зачем? Здесь не существует ни холода, ни тепла.

Я промолчал, неотрывно глядя на порхающие языки пламени. В голове роилась примерно сотня жалоб и упрёков, но я просто не знал, с чего именно начать. Ольвидус широко зевнул и заговорил первым:

— Что-то ты не торопился, парень.

— Знаешь, как-то не до сна было. Пытался спасти свою чешую, — процедил я, медленно переводя взгляд на бога. Тщательно сдерживаемое раздражение грозило вот-вот прорваться наружу. — Ты же обещал указать направление, но когда я тебя позвал — ты не ответил. И после тоже, — я не выдержал и повысил голос, почти срываясь на крик. — Меня могли зарубить топором!

— Да-а-а, неудобно вышло. Извини, парень, я был занят. Но ты же справился!

Ольвидус улыбался. Мне захотелось придушить его.

— Почему ты не сказал, что обязательно надо заснуть, чтобы поговорить с тобой?

— Потому что это не обязательно. — Бессмертный вытянул свои чешуйчатые ноги поближе к огню. — Давай-ка, расскажи, что там стряслось, и почему я чувствую Гребень в некотором отдалении от тебя.

Я быстро пересказал Ольвидусу последние события, стараясь как можно меньше упоминать Энору. Во мне крепла уверенность, что стоит немного отпустить контроль над словами и показать, что я увидел в ней не просто случайную знакомую, но испытал благодарность — Ольвидус непременно использует это против меня. Я не знал, как именно, но был уверен — последствия окажутся болезненными.

— «Неудачный опыт»? И он поверил? — С каждым смешком из узких ноздрей бога вырывались струйки дыма. — Ты, конечно, не образцовый потомок прекрасного меня, но чтобы так? Ещё и «стекляшка»? Ты действительно назвал реликвию своего народа «стекляшкой»?

— А что, по-твоему, надо было сказать? — разозлился я. — Что я, мерфолк, вопреки пророчеству, смог выбраться на Поверхность, да ещё протащил с собой реликвию, в которой сидит вредный бог? И вежливо попросить отдать её, чтобы я мог вернуться домой?

У меня совершенно не было настроения подбирать слова, но это только сильнее рассмешило Ольвидуса. Казалось, бог высасывает из меня силы. Чем злее и раздражённее я себя

чувствовал, тем более расслабленным и довольным выглядел он.

— Ну и ну, парень! А у тебя, оказывается, есть чувство юмора. — Он подался ближе ко мне и ухмыльнулся. — И как же ты теперь поступишь? Ты ведь не собираешься сидеть и ждать, когда людишки проводят тебя на выход, правда?

— Почему нет?

— Разве тебе не показалось это подозрительным? — Он вскочил на ноги и, приняв горделивую позу, торжественно произнес: — «Мы вас освободим!» — Рассмеявшись, бессмертный откинул волосы за спину и процедил: — Как благородно!

— Я же рассказал тебе всё. — Я поморщился. Очередное представление началось. — У людей есть свои проблемы. Одни просто хотят утереть нос другим.

— Ну-ну, — хмыкнул Ольвидус. — А что ты будешь делать, если этот болтун не сможет принести Гребень?

— Проберусь обратно и отыщу его сам. — Я неотрывно смотрел на зелёное пламя, скрестив на груди руки. — Я прекрасно помню условия нашей сделки: Гребень — Ирвингу, меня — домой.

— Нет-нет-нет, так не пойдет! — Бессмертный упёрся руками в подлокотники моего кресла. — Ты не можешь полагаться на других. Гребень надо забрать, и быстро. Выбирайся самостоятельно.

Я с силой потёр лицо ладонями. Каждое слово Ольвидуса

лезвием резало по ушам. Как у него всё просто! Я перевёл взгляд с огня на его лицо, которое оказалось очень близко из-за того, что бог навис надо мной. Золотые глаза напротив вызывали во мне с трудом сдерживаемое желание ткнуть в один из них ногтем.

— Есть одна проблема — это тебе не из верёвок вылезти. Отмычки остались в сумках.

— Хочешь убедить, что тебе нужны отмычки, чтобы вскрыть замок? Не смеши меня, парень. — Ольвидус оттолкнулся от подлокотников и отошёл к камину. Пламя, словно живое, доверчиво потянулось к его руке. — Я знаю, ты можешь обойтись руками.

— Ты за мной всю жизнь следил, что ли? — Я неловко рассмеялся, чтобы скрыть волнение. — Больше нечем было заняться?

— Я ведь говорил, что знаю о тебе больше, чем ты сам.

— Значит, ты знал и о том, что я магус? — Вопрос бездумно сорвался с губ. Я прикусил язык, но было поздно.

— Обожаю, когда ты спрашиваешь такие глупости. Даже буду скучать по этому, когда мы расстанемся. — Ольвидус обернулся ко мне, ядовито ухмыляясь. — Конечно, я знал. С такой богатой наследственностью иначе просто и быть не могло.

Между нами повисла неуютная тишина. В груди похолодело. Мне показалось, что я проваливаюсь глубоко под землю вместе с креслом. Фигура бессмертного вдруг отдалилась

и стала расплывчатой.

Сейчас я могу задать чрезвычайно важный для себя вопрос. Я уверен, что бог прекрасно знает на него ответ. Вертикальные зрачки неподвижно уставились на меня.

Он хочет, чтобы я спросил.

— Я же вижу — ты желаешь знать. — Его голос доносился до меня откуда-то издалека. — Я могу утолить твою жажду познаний. Неужели упустишь шанс?

Я покачал головой, молчаливо отказываясь от предложения. Столько лет жил в неведении — могу ещё подождать. Хоть всю жизнь. Всё лучше, чем узнать от него.

— Ладно. — Тень разочарования пробежала по лицу бессмертного. Он опустился в соседнее кресло и небрежно махнул рукой. — Тогда просыпайся и возвращайся к работе.

Я кивнул, чувствуя гордость за себя. Не поддался, выдержал! Это моя, пусть и небольшая, но победа. Осталось вернуться, затем найти…

— И да, забудь про девчонку. Она только задержит тебя.

Желудок свело болезненным спазмом. Я посмотрел на Ольвидуса. Бог всё ещё выглядел безразличным, но я заметил приподнятые уголки его губ.

Стоило догадаться, что он ни за что не позволит одержать над собой верх.

Именно этого я и страшился. Именно по этой причине старался не упоминать альву. Но что-то всё равно выдало меня. Я и сам подумывал о том, чтобы забыть про Энору, это

правда. После слов Янира о том, что освободят всех пленников, я вздохнул с облегчением. Ей помогут и без меня, так я подумал, и голос, твердящий, что я обязан вытащить её из темницы, согласно замолчал. Девушке, скорее всего, ничего не грозит.

Но отчего тогда так погано на душе?

— Хо-хо, парень, что я вижу? — Ольвидус шумно втянул воздух и облизнулся, явно наслаждаясь моим смятением. — Ты и правда готов рискнуть собой ради незнакомой девицы? Не думал, что какая-то подачка со стороны наземницы так тебя… воодушевит.

Я открыл рот, чтобы съязвить, но сказать ничего не успел. Под ногами тряхнуло. Сначала слабо. Затем ещё и ещё, с каждым разом всё сильнее и сильнее. Я недоумённо посмотрел на Ольвидуса. И то, что я увидел, мне совсем не понравилось: реакция бессмертного в точности отражала мою собственную.

— Это отголоски твоей реальности. — В голосе бога я уловил обеспокоенность. — Я тут ни…

Продолжение я не услышал. Только почувствовал, как неведомая сила выдернула меня из кресла и понесла прочь в темноту.

* * *

Толчки никуда не делись. Они не были частью сна или плодом моего воображения. Я не мог с уверенностью сказать, сколько времени прошло с ухода Янира — в измерении

Ольвидуса время не течёт.

Откуда-то доносился шум, но где его источник — прямо над моей головой или узкие подземные тоннели просто разнесли звук — понять было невозможно. Поднявшись, я подошёл к решётке и настолько далеко, насколько мог, выглянул в коридор. Пламя факела металось, будто под резкими порывами ветра. Но откуда бы тут взяться ветру?

Новый толчок едва не сбил меня с ног. На голову посыпалась каменная крошка. Послышался хруст и поначалу едва различимый треск, который через пару мгновений завершился грохотом где-то дальше по коридору. Перед глазами почему-то встали картинки разрушенных домов из старых кварталов Ликириса. Я нервно сглотнул — что-то случилось. Ждать возвращения людей попросту нет времени.

Сделав глубокий вдох, я ухватился за плавник и, не давая себе шанса передумать, отломил две косточки. Боль отдала прямо в нервы, заставив зажмуриться до пляшущих под закрытыми веками цветных кругов. Однажды я оказался в похожей ситуации, без отмычек под рукой, и именно это решение выручило меня. Однако я надеялся, что мне больше никогда не придётся прибегать к этому способу снова: ощущения всё же не из приятных.

Слегка согнув кончик одной из костей, я встал на колени перед решёткой. Мир сосредоточился на замке, боль и грохот над головой отступили. Как и всегда в такие моменты, отмычки стали продолжением меня. Слабый замок поддал-

ся мгновенно — приятный щелчок оповестил, что дверь открыта. Осторожно вытащив кости, я поднялся и толкнул решётку от себя, но не успел обрадоваться, как новый толчок, а затем почти сразу же ещё один, оба сильнее всех предыдущих, заставили меня пошатнуться.

Над головой раздался хруст. Медленно, будто малейшее движение могло привести к непоправимым последствиям, я задрал голову. По потолку во все стороны стремительно разрасталась трещина. Я попятился к двери, а через секунду уже бежал прочь. То место, где я был заперт всего мгновение назад, погребло под камнями, отрезав и проход к соседним клеткам.

Я бросился в сторону выхода. Вылетев на развилку, я на мгновение прикрыл глаза, вспоминая, по какому проходу вели меня люди, и свернул в левый. Я успел продвинуться довольно далеко, прежде чем наткнулся на новый завал, и похолодел — это был единственный путь, ведущий наружу. Надо срочно вернуться, иначе окажусь заперт.

Выбрав на этот раз другое направление, я пошёл вперёд. Тоннель постепенно расширялся, факелов на стенах становилось всё меньше, и вскоре я уже едва различал что-то дальше вытянутой руки, поэтому выдернул один факел из держателя. Уверен, здесь обязательно должен быть какой-то запасной выход.

Осветив пространство перед собой, я понял, что попал в какую-то, судя по всему, заброшенную часть подземелья.

Проход, ещё недавно такой широкий, что по нему легко прошла бы процессия Слышащих по четыре жрицы в ряд, резко сузился, и дальше я мог идти только пригнувшись.

Послышалось тихое журчание, и каждый шаг приближал меня к его источнику. Воодушевленный, я ускорился, но очень быстро почувствовал, что что-то не так. Отчётливо потянуло гнилью и металлом — запахи, к которым я успел немного привыкнуть, сидя в клетке, сейчас душили и заставляли глаза слезиться. Сделав шаг вперёд, я наступил на что-то мягкое и в омерзении отпрянул. Под ногами разлилась бурая и чуть вязкая жижа, от которой, видимо, и исходил этот отвратительный аромат. Влекомый нездоровым любопытством, я продолжил идти, желая во что бы то ни стало добраться до выхода. Но не успел.

Впереди раздался уже знакомый гулкий треск. К журчанию прибавился звонкий свист. Громыхнуло. Дробный рокот прокатился по каменному коридору и, толкнув меня, устремился дальше. Я застыл, не в силах пошевелиться. Разум вопил об опасности. Уговаривал бежать, но я не мог найти в себе сил, чтобы оторвать немигающий взгляд от темноты передо мной. Что-то ужасное приближалось, и я никак не мог это предотвратить.

А дальше меня с головой накрыло смрадной волной и, закрутив, понесло куда-то назад. Пламя, едва соприкоснувшись с водой, с шипением потухло. Бесполезный факел выскользнул из потной ладони. Тело отреагировало быстрее

мысли — руки метнулись к горлу, закрывая жабры, а сам я крепко зажмурился. Как оказалось, не зря: кожа тут же начала зудеть, словно жидкость неторопливо разъедала её. Я мог только надеяться, что скоро всё закончится, и до этого меня не размажет по ближайшей стене.

Наконец меня вынесло в самую широкую часть коридора. Я поднялся, с трудом держась на трясущихся ногах. Желудок сделал кульбит, и, не в силах больше терпеть, я согнулся пополам и зашёлся в кашле, раздирая пересохшее горло.

Вода плескалась под ногами, на её поверхности дрейфовали сгустки какой-то дряни. Погружение не прошло бесследно: всё тело чесалось, и местами на коже проступили серые пятна. Но сейчас было кое-что важнее моего самочувствия — поток и не думал останавливаться. Напротив, вода продолжала прибывать, и скорость, с которой она это делала, пугала. Я не знал, насколько велико это подземелье, но от основного коридора эта часть точно отрезана. Надежда осталась только на тайный ход, который упоминал Янир.

Мокрый и раздражённый, я развернулся и, держась рукой за стену, на нетвердых ногах поковылял обратно к развилке, надеясь, что интуиция, так часто спасавшая в прошлом, в конце концов выведет меня куда надо. Взгляд метнулся к стенам — последние факелы вот-вот погаснут, и дальше искать придётся наощупь. От мысли, что мерзкая жижа полностью заполнит подземелье, на спине выступил холодный липкий пот. Тогда даже рухнувший на голову камень пока-

жется проявлением милосердия.

По левой стороне нового коридора потянулись клети. Из последней раздавался громкий плеск и сдавленные ругательства. Я приблизился.

За решёткой стояла Энора. Правая стена обрушилась, каким-то чудом не придавив саму альву, а бурая вода стремительно заполняла пространство.

— Кайриус! — воскликнула она. — Ты… Что с тобой случилось? Почему ты здесь? Что там произошло? Я слышала грохот, потом стена обвалилась, но никто так и не пришёл…

Она подошла к двери, продолжая тараторить, а я стоял напротив, не способный вымолвить ни слова.

— Кайриус? — повторила она немного неуверенно, заметив, что я никак не реагирую на её вопросы.

Я продолжал молчать, не в силах отвести взгляд от её жёлтых, лихорадочно блестящих глаз, хотя и понимал, что то, что я собираюсь сделать, должно заставить меня смотреть куда угодно, только не на Энору.

Я медленно покачал головой, и на лице девушки отразилось понимание.

Так будет правильно. Я ничем ей не обязан. Наша встреча была нелепым стечением обстоятельств, досадной ошибкой. Сейчас я волен уйти, сделать вид, будто мы никогда и не встречались.

Энора отступила вглубь клетки и тяжело осела на скамью. Вода раздражающе хлопала по разрубленному голенищу её

сапога. За спиной грохнуло, и рёв сливающихся в один потоков воды наполнил пространство.

«Кажется, потолок обвалился», — безразлично подумал я.

Медлить нельзя. Надо развернуться и уйти. Это до смешного просто. Забыть о том, что видел. Я никому ничего не должен.

Отвернувшись от альвы, я побрёл назад. Каждый шаг давался с огромным трудом. Ноги словно врастали в пол, и оторвать их можно было только с мясом. Только оставив в этом коридоре часть себя.

«В Теролане все знают истории о кровожадных монстрах, запертых в подводной темнице».

Тогда я едва не задохнулся от возмущения. Мы совсем не такие!

«Забудь про девчонку. Она только задержит тебя».

Он хотел, чтобы я бросил Энору. И я бросил. Но… альва здесь. Она была рядом, когда мне грозила опасность. А где был Ольвидус?

«Я знаю о тебе больше, чем ты сам».

— Пошёл ты! — разозлившись, заорал я и бросился назад.

Энора сидела там же, где я её оставил, глядя пустыми глазами прямо перед собой. При моем приближении она резко вскинула голову.

— Что ты…

Я жестом остановил её и, присев перед дверью, решитель-

но вставил отмычки в замок. Успокоившись, я сосредоточился на открывании, зло прошипев себе под нос:

— Ни векса ты обо мне не знаешь, *Владыка.*

Я выведу её отсюда. Потому что я не такой, какими нас, мерфолков, воображают наземники. Не такой, каким меня считают соседи. Не такой, каким меня видит Ольвидус.

Старый замок поддался так же легко, как в моей клетке. Я открыл дверь и скомандовал:

— Пошли!

Кутаясь в какую-то мокрую шкуру, альва настолько быстро, насколько позволяла поднявшаяся уже по колено вода, поспешила за мной. Я затылком чувствовал её пронизывающий взгляд, но Энора не задавала вопросов, и я был за это безмерно благодарен.

Путь назад теперь перекрывал обвалившийся ранее потолок, но я не питал иллюзий, что это хоть как-то задержит воду. Казалось, она была везде, долгие годы таилась за каменными стенами, чтобы однажды поглотить это место вместе с его обитателями. Так что я решил попытать счастья в соседнем коридоре. И не ошибся — ухо уловило сбивчивое бормотание. Я невольно покрылся мурашками: тоскливый голос не оставлял сомнений, что говоривший потерял всякую надежду и теперь мог только молиться.

Я остановился и приложил палец к губам, предостерегая свою спутницу, а затем выглянул из-за угла. В воде, спиной ко мне, сидел юноша. Его светлая коса растрепалась, на во-

лосы налип ил. Я подошел ближе и осторожно тронул его за плечо.

— Я думал, ты помер. — Йонар обернулся, подняв на меня затуманенный взгляд.

— Пока жив, — пробубнил я в ответ. — Что делаешь?

— Да вот отдыхаю, — огрызнулся он. Но тут же тяжело вздохнул: — Снаружи всё плохо. Янир отправил за вами.

В Йонаре невозможно было узнать того угрюмого юношу, который ещё недавно был моим надзирателем. Он говорил тихо, а движения его выглядели как-то заторможенно. Казалось, парень до конца не осознаёт, где находится и с кем разговаривает. Он не отрывал взгляда от кучи камней, перед которой сидел. Не выдержав, я потряс его за плечо. Йонар встрепенулся, как от резкого пробуждения.

— Через святилище не пройти, так что остается только тайный ход, — наконец выдал он.

— Хорошо, — обрадовался я. — Показывай дорогу.

— Да тут проблема есть, — промямлил он и снова замолчал.

— Ты ранен? — Из-за моей спины раздался голос Эноры. Йонар покраснел и отвернулся.

У меня разболелась голова. Тоже мне, нашёл время для игры в загадки! Расселся тут... Неужели грязная вода не причиняет ему неудобств? Я присмотрелся: кожу парня усеяли синие пятна. Выглядело так, словно из пор вот-вот засочится кровь. Я сомневался, что это приносит ему удовольствие.

Значит, он почему-то не может встать.

Я присел возле Йонара и запустил руки под воду. Проблема обнаружилась быстро — правую ногу парня придавил небольшой камень. Я без труда сдвинул его, недоумевая, почему Йонар сам не справился. И тут моя рука наткнулась на что-то странное. Я ощупал предмет и отшатнулся, плюхнувшись в воду рядом с юношей и окатив его зловонной волной.

— Векс! — выпалил я, чувствуя, как внутри всё похолодело. — Там ноги!

— Это Том, — произнес Йонар бесцветным голосом. — Он пошёл со мной, но тут проход завалило. Он меня вытолкнул, а сам...

Том. Кажется, так звали того приветливого человека, которого мы встретили, когда спустились в подземелье. Он успел засыпать Ингрид десятком вопросов, прежде чем вручить ей ключ от моей клетки.

Я поднялся, желая убраться отсюда как можно скорее, и молча протянул Йонару руку. Несколько секунд он колебался, но всё же принял помощь, и я рывком поднял его на ноги. Лицо парня позеленело. Я подумал, что сейчас его стошнит, но он только прислонился к стене и расправил плечи. Вспомнив, как меня самого не так давно скрючило, я невольно позавидовал выдержке этого парня. Впрочем, мне совсем не хотелось узнать, какие условия так его закалили.

— Остальные там.

Пока я осмысливал наличие поблизости каких-то

«остальных», Энора первой подошла к соседней клетке, на которую указывал Йонар. Я поспешил за девушкой, заглядывая в помещение из-за её плеча.

Дверь была сломана и болталась на одной петле. Внутри обнаружились два альва. Первый, худой мужчина, лежал на скамье. Под его головой собралась большая бордовая лужа — кровь капала с края скамьи прямо в грязную воду. Рядом с мужчиной стояла дрожащая девушка. Её левая рука безвольно висела, а по щекам ручьями текли слёзы.

Моя спутница решительно прошла вглубь клетки и склонилась над мужчиной.

— Этот уже не жилец, — прошептал Йонар. — Мы с Томом нашли его таким. Пытались уговорить её уйти, — он кивнул в сторону плачущей альвы. — Но она отказалась оставить его.

— Она понимает? — спросил я.

— Не знаю. — Он пожал плечами. — Она только плачет и ничего не говорит. Мы уже хотели и её тут бросить, но тут обвал и…

Йонар махнул рукой и вышел из клетки. Энора обратилась к незнакомке:

— Синэ краэ наи сина фэль?[1]

— Краэ[1], — ответила альва и подняла на Энору свои зелёные глаза, казавшиеся огромными на её осунувшемся лице.

---

[1] Твоё сердце или твоя кровь? (альв.)

[1] Сердце. (альв.)

А дальше произошло что-то странное: девушка изменилась в лице и присела в неуклюжем реверансе. Энора подалась вперёд и потянула девушку за здоровую руку, заставляя выпрямиться.

— Каэрай, тира[1], — не унималась альва. Она показала Эноре своё запястье, на котором что-то ярко блеснуло, но я не разглядел, что именно. Моя спутница побледнела и кивнула.

— Кайриус, помоги мне. — Энора подошла к лежащему ничком мужчине и выжидательно посмотрела на меня.

— Серьёзно? — Я неверяще уставился на неё в ответ. Она что, правда хочет, чтобы я помог ей нести того, кто вот-вот испустит дух?

— Нельзя бросать его здесь, иначе ей тоже конец.

Я подошел к Эноре вплотную и прошептал ей на ухо:

— Это обязательно?

— Она *не сможет* уйти без него, — так же тихо, но с нажимом ответила альва. — Просто помоги мне. Прошу.

Я раздражённо вздохнул. Кое-как, кряхтя и ругаясь, я поднял мужчину и закинул безвольную руку себе на плечо. Энора подхватила его с другой стороны, и мы все вместе вышли из клетки. В коридоре нас встретил Йонар. Под неверным светом факела он рассматривал небольшой одноручный топор в своих руках. Увидев нас, он нахмурился.

— Вы сдурели совсем? У нас нет целителя, он даже до

[1] Помоги, госпожа. (альв.)

вечера не доживёт! Зачем…

— Куда идти? — перебила его Энора. В голосе девушки звенел металл, и стало ясно — альв пойдет с нами, и мнения Йонара, как и моего, по этому поводу никто не спрашивал.

— Дальний коридор, третья клеть слева. — Кажется, Йонар тоже почувствовал её воинственное настроение, а потому не стал спорить.

Я мысленно выругался. Выход был прямо у меня под носом, в соседней с Энорой клетке. Я мог отыскать проход самостоятельно и не тратить время.

Йонар сменил Энору. Вода, поднявшаяся уже по грудь, даже мне доставляла проблемы, что уж говорить о наземниках. Через плавающую на её поверхности грязь ничего не было видно, поэтому продвигаться пришлось медленно и практически на ощупь. Ногами я аккуратно проверял, не лежат ли на моём пути камни — или ещё что похуже — ведь стоит упасть, и я ненароком могу добить и так только чудом ещё живого альва. Энора о чём-то негромко переговаривалась со спасённой девушкой.

Мне же разговаривать не хотелось. Но у Йонара, не так давно пережившего не самые приятные моменты, было другое мнение.

— Эй, — бросил он из-за плеча нашей общей ноши. — Как ты выбрался?

— Замок вскрыл.

— Чем?

— Руками.

Я продолжал отвечать в том же духе, и в конце концов Йонар, недовольно поджав губы, отстал от меня. Я гадал, что же всё-таки произошло в лагере. Подробности волновали меня не сильно, но там остался Гребень. Я понятия не имел, можно ли реликвию уничтожить, но не жаждал проверять это, пока моё положение оставалось таким шатким, а будущее — неопределённым. Я решил подробно расспросить обо всём Янира, когда мы выберемся отсюда.

Если выберемся.

— Тихо! Я что-то слышу! — вдруг воскликнула Энора.

Она обошла меня, а затем резво поплыла вперёд, ловко протискиваясь между стеной и сломанной решёткой нужной нам клетки. Изнутри открыв дверь, которая, к счастью, оказалась не заперта, она пропустила нас внутрь.

Едва мы успели зайти в клетку, как погасли последние факелы, но пространство тут же заполнило мягкое золотистое сияние. Я оглянулся через плечо — спасённая девушка выпустила из ладони ещё один шар света, который завис под потолком рядом с первым.

Ну конечно. Снова магус.

Дома я встречал их не так часто. Такие, как священник Соррус, были скорее исключением: большинство магусов не покидало стен Университета. Однако иногда я видел их в центре Ликириса. Отрешённые от городской суеты, они мало говорили и вели себя отстранённо, но вокруг каждого, даже

на забитой торговой площади, всегда образовывалось свободное пространство — мерфолки попросту боялись вставать у них на пути. Мрачный вид и недобрые взгляды заставляли чувствовать себя лишним в этом мире, вызывая желание поскорее шагнуть за купол, чтобы облегчить им работу. Но, несмотря на неприятное впечатление, они вели себя весьма предсказуемо и настоящей опасности для простых горожан не представляли.

До сих пор Соррус казался мне самым необычным магусом, но Янир сломал все мои представления о нормальности. Поэтому теперь и на альву, ещё одну наземницу, я смотрел с некоторой опаской — вдруг и она что-то выкинет.

Я заставил себя отвернуться. Энора вела себя странно — она практически распласталась по противоположной от входа стене, прижавшись к ней ухом.

— Там Янир! Я слышу его, — закричала она.

В груди радостно ёкнуло. Вот он, тайный ход!

— Подержи, — попросил я, передавая бессознательного альва Йонару.

Не обращая внимания на недовольный бубнёж парня, я отправился на помощь альве. Оттеснив её, прошёлся пальцами по стене, пока не нащупал выпуклый кирпич где-то в районе пояса. С замирающим сердцем я нажал на него. Послышался щелчок.

И больше ничего не произошло. Я повторил действие. Снова щелчок — и снова ничего.

— Янир! — позвал я, надрывая горло. — Не открывается! Помоги!

С той стороны стены раздался голос, но я не смог разобрать ни слова.

— Он тоже не может открыть, — обречённо прошептала Энора. — Что-то мешает.

Вода практически полностью заполнила клетку. Я услышал хриплые вдохи за спиной и осознал, что раненые альвы долго не продержатся. А сколько выдержат Энора и Йонар? Представив себя плавающим в мутной воде вместе с четырьмя трупами, я судорожно зашарил руками по стене. Быть может, я смогу отыскать зазор и открыть дверь самостоятельно?

Я шагнул влево и, ударившись, поскользнулся и едва не ушёл под воду.

Вот в чём дело! То ли из-за темноты, то ли от волнения, но я сразу этого и не заметил, что в тонкой стене зияла огромная дыра. Большая часть обрушилась в бывшую клетку Эноры, но один особенно здоровый валун упал прямо перед замаскированной дверью. Именно он мешал механизму сработать.

— Янир, беги! — Я повернулся к Эноре, которая уже держалась на воде практически под самым потолком, судорожно хватая воздух ртом. — Там камень, сейчас уберу. — Не дожидаясь ответа, я нырнул.

Жабры тут же залепила какая-то скользкая дрянь, глаза защипало, но мне нужны были обе руки и зрение, чтобы

справиться с препятствием. Однако, он оказался слишком тяжелым и никак не хотел сдвигаться, как бы я ни старался.

Время стремительно утекало. Почувствовав движение, я обернулся. Вероятно, места без воды в подземелье не осталось. За моей спиной медленно оседал на пол Йонар, утягиваемый на дно бессознательным альвом, тонула и раненная девушка, а справа Энора. Альва зажимала рот и нос ладонями, но я понимал, что это не поможет. Наземники долго не протянут. Я и сам чувствовал, как начинает кружиться голова. Воздух в лёгких заканчивался, а жабры оказались бесполезны. Кожа не переставала зудеть и гореть. Несмотря на смертельную опасность, мне стало смешно. Подумать только, вчера, пробираясь вместе с Энорой через лес к озеру и гадая о причинах её помощи, я так радовался, что мерфолки устойчивы к ядам. Чувствовал своё превосходство хоть перед чем-то в незнакомом мире. Но вот с минуты на минуту меня прикончит родная стихия, и я не в силах этому помешать.

Я понимал, что и все мои спутники вот-вот погибнут, и даже не представлял, насколько в этой воде плохо им. Не хотел представлять.

По какой-то причине я взял на себя роль спасителя и, ожидаемо, подвёл их. Как когда-то подвёл маму. Я не способен защитить даже себя. Векс, если бы я только был сильнее!

«Ольвидус!» — мысленно воззвал я. — «Помоги! Сейчас не время для твоих выкрутасов!»

Бессмертный не ответил. Истерический хохот распирал изнутри, и я бы засмеялся, если бы мог. И на что я только надеялся, когда просил помощи? Ему всегда было наплевать. Он отвернулся от нашей семьи, отвернулся от своей савиргии, так почему же сейчас он не мог поступить так же? Почему я решил, что он не может заключить сделку с кем-то другим? С какой стати я почувствовал себя таким незаменимым?

Я снова посмотрел на Энору. Зачем мне захотелось что-то доказать? Зачем во мне поднялась губительная жалость к ней? Я должен был бежать один. Не видеть всего этого. Не брать ответственность.

Изо рта девушки вырвались пузырьки воздуха, и она, внезапно обмякнув, опустилась на пол.

В отчаянии я попытался воззвать к своей магии, вспомнить ощущение текущего по жилам потока, но всё, чего добился, — появления ползущих по рукам тонких, похожих на дым тёмных витков, которые тут же испарялись, даже не успев обрести форму.

— Маг, — услышал я приглушённый голос.

За мной, едва касаясь пола носками, покачивалась спасённая девушка. Её голова была заключена в воздушную сферу, и такие же переливались вокруг голов альва и Йонара, держащихся за её спиной. Альва дважды сжала и разжала кулак — сфера появилась и у Эноры, а я почувствовал, что снова могу свободно дышать и видеть.

— Маг, — повторила девушка, и я понял, что так она обращается ко мне.

— Ошибаешься. — Я покачал головой. — Я не маг.

— Но я вижу поток вокруг тебя.

— Я не умею им управлять, — горько усмехнулся я.

— Обязательно научись, — сказала она.

Слабая улыбка тронула губы альвы. На мгновение прикрыв глаза, она распахнула их снова, но теперь они светились какой-то внутренней решимостью. Девушка подплыла ближе и приложила узкую ладонь к моей груди.

Я понял, что она задумала, когда во мне поднялась горячая, практически обжигающая волна. Уже знакомая графитовая пелена застила взор, но на этот раз я и не подумал её останавливать. Я позволил потоку вести меня. Почувствовав тепло в ладонях, на самых кончиках пальцев, я развернулся и направил руки на валун. Тёмный, искрящийся золотом и серебром поток вошёл в камень, обращая его в ледяную глыбу. Лёд продолжал впитывать магию до тех пор, пока не начал трескаться, рассыпавшись пылью за считанные мгновения и наконец освободив проход.

Не позволяя магии угаснуть, я перевёл ладонь за спину. Я не знал, что именно хочу сделать, просто больше всего сейчас желал защитить своих спутников. И поток послушался. Мерцающий вихрь окутал всех нас. Чувствуя невероятную слабость во всём теле, я заставил себя дотянуться до кирпича. Дверь медленно открылась, но даже щели было достаточ-

но, чтобы вода нашла выход и вырвалась на свободу.

Я только успел притянуть и прижать к себе Энору, прежде чем стихия унесла нас навстречу неизвестности.

Глава 7 (Кайриус). Потери и принятие.

— Эй! Красавчик! — орал кто-то прямо в ухо. — Очнись!

Щека вспыхнула болью.

— Не лупи так сильно! — возмутился другой голос.

Но первому показалось, что он старался недостаточно. Неизвестный схватил меня за плечи и начал трясти так настойчиво, что на какое-то мгновение мне подумалось, что моя голова вот-вот оторвётся от тела и покатится прочь. Не открывая глаз, я оскалился и изобразил подобие рыка.

— Внушительно, — провозгласил голос и, наконец, отпустил меня.

— Я же говорила — не так сильно.

Я с трудом разлепил веки и увидел два обеспокоенных лица: надо мной склонились Энора и Янир. Я понял, что лежу на чём-то мягком, и тут же захотел снова уснуть, но у Янира были другие планы. Бард рывком притянул меня к себе и крепко обнял. Я застыл в замешательстве, почти не дыша и не понимая, как на этот порыв реагировать.

— Даже не знаю, завидовать или сочувствовать тебе, Кайриус. Меня он так не обнимал, — сдавленно пробормотала Энора. Выражение её лица застыло каменной маской, но дёргающиеся уголки губ выдавали, с каким трудом девушка

сдерживает смех. — Отпусти его, а то задушишь. Вон, он уже посинел весь.

Янир в самом деле послушался и отпустил меня. Получив свободу, я осмотрелся. Мы находились в лесу, утопающем в предрассветных сумерках. Кир только начал обгонять свою сестру, окрашивая янтарным огнём стелющийся над землёй туман. Капли росы блестели на резных листьях пыльно-зелёного папоротника и тонких паутинках, натянутых между стволами деревьев. Где-то высоко в ветвях робко зазвенели ноты первой песни птицы, радостно приветствующей новый день. Красоту момента портил только навязчивый запах гнили и металла, исходящий от бурой воды, лениво вытекающей из тоннеля неподалёку. Рядом плавал здоровенный кусок дубовой коры, который раньше, видимо, служил маскировкой для тайного входа в подземелье.

Над кронами деревьев поднимался густой чёрный дым. Пахло гарью.

— Какое облегчение, что вы живы, красавчик, — выпалил Янир. — Я едва не поседел, когда не смог открыть дверь. Конечно, это могло бы придать моей прекрасной внешности определённый шарм, но…

— Ничего, я смог, — перебил я болтовню барда, потирая ноющее плечо. Кажется, меня приложило об стену, пока несло по тоннелю. — И я просил не называть меня красавчиком.

Я посмотрел на свои руки и очень удивился, не обнаружив серых пятен — последствий соприкосновения с грязной

водой.

— Целительная магия никогда не давалась мне легко, но выводить всякую отраву умею, — пояснил бард. — Миледи успела рассказать, что с вами приключилось. Я и не представлял…

— А где остальные? — спросил я. Слова барда напомнили, что в темнице нас было больше.

Энора покачала головой, а Янир указал куда-то мне за спину.

Я обернулся и увидел их. Йонар сгорбился у покрытого грибами дерева. Он сидел, обхватив голову руками, и медленно раскачивался вперёд и назад. Перед ним лежали двое. Умиротворенные лица наводили на мысли, что альвы без сознания, только вот их грудные клетки оставались неподвижными. Во рту появился горький привкус, мыслями отправляя в тот самый роковой день, когда я видел свою мать живой в последний раз. Я снова не успел. Снова не справился.

Я почувствовал, как мою руку накрыла тёплая ладонь Эноры, и понял, что ещё не всё потеряно. Вот она, здесь, живая. Я сжал руку девушки в ответ, ухватившись за неё, как за единственный якорь, который не позволит мне провалиться в бездну. Я не имел права на её поддержку и сочувствие после того, как хотел с ней поступить, но сейчас не мог заставить себя благородно отказаться от этого.

— Мне жаль, — выдавил я и осознал, что сказал правду. Я совсем их не знал, но мне действительно было жаль и муж-

чину, так и не пришедшего в сознание, и храбрую девушку, потратившую последние силы на помощь нам.

— Их звали Ивара и Эвин, супруги Эллистир, ювелирных дел мастера из Лонар'аймеда, — поведала Энора. — Не кори себя. Эвин не пережил бы эту ночь, а жизнь Ивары была связана с его. Мы ничего не могли поделать.

— Ты с самого начала знала об этом. — Я вспомнил слова альвы, сказанные мне в темнице, и понял, что она с самого начала знала, что ювелиры обречены. Я в упор посмотрел на девушку. — Тогда зачем? Зачем мы потащили их с собой, если надежды не было?

Энора выдержала мой взгляд и твёрдо ответила:

— Надежда есть всегда, Кайриус. Я бы не смогла спокойно спать, если бы не попыталась. А ты? Сумел бы просто забыть?

Я не ответил. Ещё вчера я, ни секунды не сомневаясь, ответил бы утвердительно. Но теперь, глядя на хрупкие бездыханные тела, я не мог даже помыслить о том, чтобы сказать «да». Мне стоит перестать лгать хотя бы самому себе.

— Я тут принёс кое-что! — Янир вскочил на ноги, прерывая повисшую между нами тишину, и кинулся к дереву, у которого сидел Йонар. Не глядя на юношу, он подхватил что-то с земли, затем вернулся, неся в охапке бесформенную кучу, которая оказалась вещами Эноры.

Пока девушка проверяла содержимое своего заплечного мешка, бард выудил из сваленной груды невысокие сапоги и

поставил передо мной.

— Надеюсь, я угадал с твоим размером.

Обувь не была новой, но явно раньше принадлежала кому-то очень аккуратному. Левый сапог стоптался сильнее правого, но было заметно, что за ними ухаживали и регулярно чистили.

— Давай помогу. — Янир присел передо мной на корточки и выудил из-за пазухи моток ткани и шнуры. — Иначе мозоли натрёшь.

Я с интересом наблюдал, как бард оборачивает мою стопу, начиная от пальцев, и идёт вверх к лодыжке, накладывая ткань достаточно крепко, но не перетягивая. Остановившись на голени, он ловко подвязал обмотку шнуром. Я отобрал у него ткань, уверив, что со второй ногой справлюсь сам. Закончив с третьей попытки, я удовлетворённо хмыкнул. Получилось не так красиво, как у Янира, но кто там разглядит, что скрывается за сапогами?

— Сумки? — уточнил я, когда убедился, что обувь прекрасно сидит и не жмёт.

Янир замялся и взлохматил волосы на затылке.

— Понимаешь, тут такое дело — мы как раз искали их, когда… Кхм, — он вдруг поперхнулся. Прочистив горло, попробовал снова: — Когда…

Но его голос вновь сорвался. На лицо барда набежала тень, и он опустил голову.

— Что там произошло? — тихо спросила Энора. Она уже

успела немного привести себя в порядок и закрепила на поясе ножны с мечом. Единственная деталь выбивалась из прежнего образа девушки — каким-то непостижимым образом альва умудрилась сохранить шкуру и даже успела подсушить её и очистить от налипшей грязи. Серебристый мех застругился по плечам, придавая Энноре вид бесстрашной воительницы.

Янир молчал. Несколько раз бард порывался что-то сказать. Он открывал рот, и я ждал, что он сейчас поведает, что же случилось ночью. Хоть что-то, что могло бы объяснить произошедшее в темнице. Но, не вымолвив ни слова, бард снова плотно сжимал губы.

— Не могу, — наконец выдал он.

Я повернулся к деревьям и всмотрелся в поднимающийся к небесам широкий столб дыма. И так ясно, что ничего хорошего нас в лагере не ждёт. Но выбора у меня не было.

Голова до сих пор немного кружилась, в ногах поселилась слабость. Мне совсем не хотелось идти туда, где произошло нечто такое, о чём даже болтливый бард не хочет рассказывать, но страх за стекляшку оказался сильнее. Я был зол на Ольвидуса, но пока Гребень — единственный залог моего возвращения домой. Я мог только надеяться, что реликвия не сгинула вместе с остальным лагерем.

— Мне пора, — сказал я.

— Куда ты собрался? — Энора удержала меня, схватив за руку.

— Туда. — Я махнул рукой в сторону дыма. — За сумками.

— Я иду с тобой! — Глаза девушки пылали решимостью, а я пожал плечами. Со мной, так со мной.

— Значит, сами всё и увидите. — Янир поравнялся с нами и звонко хлопнул в ладоши. Его улыбка выглядела несколько натянуто и немного походила на оскал. — Должен предупредить — зрелище не из приятных. Йонар, тебе лучше остаться здесь. — Бросил он через плечо.

Я подумал, что парень его не услышал, но спустя пару мгновений тот едва заметно кивнул.

— Жди здесь, понял? — Янир добавил в голос строгости. — Я отправлю кого-нибудь за тобой.

Дождавшись от Йонара нового кивка, бард сделал нам знак рукой и первым направился в чащу.

— Ничего, что мы так его оставили? — спросила Энора, поравнявшись с Яниром. — Одного с мертвецами?

— Он крепкий парень. Справится.

— А где твой брат?

— В лагере. — Энора споткнулась, едва не рухнув ничком в куст влажного папоротника. Янир успел схватить альву за локоть. — Да не переживай ты так! Он в порядке. Мы бы увидели и услышали, случись с ним что, будь уверена.

Мы с девушкой переглянулись. «Что значит «мы бы увидели и услышали»?» — прочитал я немой вопрос в её взгляде, но только пожал плечами. Янир не спешил ничего объяс-

нять, а никто из нас так и не решился спросить, и в итоге мы просто продолжили путь в тишине.

Свет Кира золотил колючую траву и густые кроны деревьев. Лесные обитатели продолжали свой привычный распорядок: щебетали птицы, стрекотало одинокое насекомое, маленькие ночные животные шуршали в кустах, стремясь поскорее убраться в свои норы. Но чем ближе мы подходили к лагерю, тем тяжелее становилась обстановка вокруг. Звуки жизни постепенно заменял неясный гул, пока едва различимый, похожий на дыхание большого зверя. Воздух здесь пропитался едким запахом горелого дерева и ещё чего-то кисловато-горького.

— Кайриус, постой, — неожиданно позвала Энора и коснулась моего плеча.

Я приподнял бровь. Янир обернулся и окинул девушку непонятным взглядом. Затем, фыркнув, отошёл под ближайшее дерево и застыл там безмолвной статуей, продолжая прожигать дыру в альве уже оттуда.

Энора криво улыбнулась барду и повернулась, встав напротив меня.

— Я хотела поблагодарить тебя. За то, что вытащил меня.

— Не стоит. — Я поморщился, как если бы раскусил что-то горькое, и стыдливо отвёл взгляд.

— Но если бы не ты…

— Нет, — отрезал я, перебив её. — Не благодари меня. Я не собирался спасать тебя. Я хотел оставить тебя в клетке.

Я с вызовом посмотрел на Энору и опешил, наткнувшись на её мягкую улыбку.

— Знаю, — просто сказала она. — Но совершенно неважно, чего ты хотел. Важно, что сделал. Поэтому — вот, держи.

Альва протянула мне кинжал: навершие было похоже на голову птицы, расшитые золотой нитью ножны скрывали изогнутый клинок.

— Бери, — настаивала девушка. — У тебя ведь нет оружия.

— А ты? — глупо уточнил я, не отрываясь от разглядывания узоров на ножнах.

— А я и с мечом справлюсь с любой проблемой.

Довод оказался весомым. Дерусь я плохо и предпочту унести ноги, если встанет такой выбор, но иметь при себе хоть какое-то оружие будет не лишним. Я принял кинжал и поблагодарил альву кивком. Она подмигнула мне и поспешила к Яниру, заметно прихрамывая. А я, напротив, замедлился, крутя в руках первый в своей жизни подарок и пытаясь разобраться, что чувствую по этому поводу.

* * *

Очень скоро впереди показалась невысокая стена. Пять выщербленных ступеней вели к стрельчатой арке, оплетённой диким виноградом. В её проёме, как в картинной раме, высилась почерневшая груда камней, которая ещё недавно была святилищем. Обычные звуки лагеря, которые наполняли окружение прошлым утром, сменила тягостная тишина,

и лишь тревожно поскрипывали на ветру кованые ворота с толстыми металлическими прутьями.

Втроём мы застыли перед ними, стоя плечом к плечу, и никто из нас не решался сделать первый шаг. Наконец Янир раздражённо вздохнул, расколов заледеневший воздух, и решительно шагнул за ворота. Сбросив оцепенение, я последовал за ним.

В лагере царило пугающее безмолвие: ни звука, ни звона, ни голоса. По обеим сторонам тропинки ютились палатки. Порывы горького ветра задевали потрёпанную временем и непогодой ткань.

Идущий впереди меня Янир вдруг поскользнулся. Я невольно дёрнулся в его сторону, но бард удержал равновесие. С нехорошим предчувствием я поравнялся с ним. Скривившись, Янир вытирал подошву об траву, рядом багровела лужа, вытекшая из-под полога уцелевшей палатки. Солоноватый металлический запах не оставлял сомнений — это кровь.

Бард отвёл полог в сторону и проскользнул внутрь. Мрачно переглянувшись с Энорой, я последовал за ним. В дальнем углу на боку лежал мужчина. Окоченевшие руки продолжали сжимать распоротый живот, безуспешно пытаясь удержать внутренности. Рядом валялся короткий меч, но его клинок был чист.

— Ярвел, — процедил Янир и сплюнул в сторону трупа. — О, нет-нет-нет, миледи, в этом нет необходимости!

Он замахал руками, но Энора не послушала его. Суровая и собранная, она достала меч и, бросив нам короткое «пойду осмотрюсь», вышла из палатки. Я молча проводил девушку взглядом.

— Очень неприятно, когда женщина обнажает при тебе оружие, правда?

Я задумчиво кивнул. Вид альвы с мечом пробудил воспоминания о нашем знакомстве. Одно я знал точно — мне бы никогда больше не хотелось оказаться по острую сторону её меча.

— Последний раз такое произошло, когда я неудачно сделал комплимент, — вполголоса поведал бард. — Пришлось срочно уносить ноги.

— Что ты такого сказал? — полюбопытствовал я.

— Всего лишь отметил, какие изящные у неё запястья. Всё бы ничего, если бы это действительно была *она*… Оказалось, я ненароком оскорбил старшего сына наместника, и теперь в Вильтарсхейм мне путь заказан, — огорошил Янир, а затем, словно того признания было мало, добил: — В полумраке не разобрался, кто передо мной. С кем не бывает, верно?

Бард весело фыркнул. Он, очевидно, очень гордился этим приключением. Посмеиваясь, он вышел из палатки, оставив меня гадать, действительно ли комплимент был случайностью.

Опомнившись, я поспешил нагнать своих спутников. Це-

почка кровавых следов тянулась от палатки к палатке, словно кто-то заглядывал в каждую и безжалостно вырезал находящихся там людей. Альва заметно нервничала, до побелевших костяшек сжимая рукоять. Янир же беззаботно насвистывал, легко лавируя между кровавыми лужами, и в целом выглядел так, будто просто вышел на прогулку.

Я ощущал себя необычайно пустым, лишённым каких бы то ни было чувств. Реальность должна была наводить ужас, но я смотрел на всё как бы со стороны, оценивал, как чужой рассказ о событиях давно минувших дней. Словно всё это происходило не со мной. Я вспомнил, сколько человек присутствовало в святилище, когда решалась наша с Энорой судьба. А сколько ещё оставалось в лагере? У меня не было сомнений, что самое страшное ждёт нас впереди.

И очень скоро мои опасения подтвердились. Янир, вновь возглавляющий шествие, резко свернул налево, и нашим глазам открылась большая площадка, которая, видимо, раньше была местом отдыха. Здесь пиршество смерти предстало во всей своей мрачной красоте.

На землю словно сошёл огненный дождь. Кое-где ещё трещало пламя. Горели остовы палаток и шатров, разбросанных неподалёку, едко тлела плотная ткань. Раскалённый воздух моментально высушил кожу, и я понял, что придётся сегодня же снова окунуться в то злополучное озеро.

Но самое жуткое творилось прямо под ногами. Всё от того места, где мы стояли, до кромки леса было усеяно телами.

Обожжённые, перемазанные в грязи и крови, застывшие в неестественных позах.

Настоящая бойня.

Энора ахнула и шагнула назад. Я проследил за её взглядом и похолодел. В гуще трупов отчётливо выделялся серый доспех, хозяин которого два дня назад преследовал мою спутницу.

Я вдруг пожалел о том, что не расспросил Энору подробнее о ней самой. О том, что она совсем одна делала в той тёмной пещере. В голове всплыл наш разговор по дороге к озеру.

«Это… трудно объяснить. Я кое-что сделала».

Но что именно она сделала? Я был так обеспокоен своим состоянием, что в тот момент всё, что не касалось меня лично, казалось сущими пустяками. Подробности чужой жизни интересовали меня в самую последнюю очередь.

«Я убегала по морю. Украла лодку».

Я перевёл взгляд на Энору. Альва побелела, как полотно. Она повернулась ко мне и произнесла одними губами: «Не говори ему».

Я кивнул. Ещё бы! Стараниями самой альвы люди думают, что мы родственники. Если серые существа явились за Энорой — а я не видел других причин приходить в место, под завязку набитое воинами, — значит, и меня неизбежно свяжут с ними.

Готов поклясться, что услышал смешок Ольвидуса. Пе-

ред глазами всплыла мерзко ухмыляющаяся физиономия чешуйчатого гада, и я поспешил отмахнуться от навязчивого образа.

— Теперь расскажешь, что произошло? — спросил я безмолвно смотрящего на мертвецов барда.

— Они застали нас врасплох, — начал Янир после долгого молчания, когда мне казалось, что он снова не ответит. — Наши палатки расположены гораздо дальше, справа от святилища. Когда я услышал шум и выглянул из своей — всё только началось, но тогда я ещё не понял, что именно. Такой дружный смех грянул. Я поспешил к костру. Всё удивлялся, что так ребят развеселило, если никто в этой дыре не шутит так же хорошо, как я. — Уголки губ Янира приподнялись, намечая улыбку, но тут же опустились снова. — Я пришёл и увидел их: двадцать воинов в серых доспехах.

Энора издала какой-то сдавленный писк и зажала рот ладонью. Я не удержался и закатил глаза. Да мне и не придётся ничего никому рассказывать — она сама себя выдаст своим поведением!

— Тут у нас общий костёр был, они стояли во-о-он там. — Янир указал влево, откуда из-под тел валил особенно густой дым. — Ларс, как обычно, вышел вперёд. Громче всех смеялся, и ребята его не отставали. Да что уж там, даже мне было смешно. Подумать только, напасть на Вейнарменнир! Семьдесят шесть нас против двадцати безумцев. Ларсовы ребята взяли их в кольцо, а потом… Я, честно сказать, не понял,

что произошло. — Он шумно втянул воздух и закрыл глаза. Я был уверен — перед сомкнутыми веками барда картинками проносятся воспоминания. — Ларс, этот здоровяк, захрипел. Упал. Клянусь, я никогда не слышал такой тишины в нашем лагере. А вон он, кстати.

И Янир, грациозно огибая лежащие на земле тела, направился в самый центр площадки. Поражаясь хладнокровности барда, я поспешил за ним. Позади, спотыкаясь, плелась Энора.

Ларс лежал на спине. Его остекленевший взгляд был направлен в безмятежное небо. В полураскрытых ладонях лежали топоры, которые он так и не успел пустить в ход. Прямо по центру его груди расползлось огромное пятно. Кровь давно остановилась и даже успела засохнуть. На лице здоровяка застыло выражение лёгкого удивления. Никто из нас не наклонился, чтобы закрыть ему глаза.

— Как жил, так и умер — ничего не понимая, — заключил Янир. — Он был убийцей беззащитных, а теперь нам придётся предать его тело огню. Он не заслуживал благородной смерти в бою.

Я не знал, что сказать. Молчала и Энора. Янир ещё какое-то время изучал лицо Ларса, прежде чем продолжить рассказ.

— После его смерти будто рвануло что-то: все разом закричали и бросились на серых. Я уж было подумал — вот и всё, сейчас всё закончится. Но… — Он неопределённо по-

вёл рукой в воздухе. — Я не знаю, как описать это. Их движения — это не движения людей или даже альвов. Точные. Быстрые. Безжалостные. Тогда я к вам Йонара и отправил. Приказать ему спрятаться я не мог, это… не принято у нас так, в общем. — Он неловко почесал затылок. — Я как раз поручил ему искать ваши вещи. Представьте только, прибежал на сражение без оружия, зато с чужим барахлом. Ну и как я мог позволить ему биться? Придумал ему дело, думал, в темнице безопаснее будет. Кто же знал, что именно этим решением я его едва не угробил.

— А это как получилось? — Я кивнул подбородком на обугленные развалины святилища.

— Вот это было и правда страшно. — Его кадык дёрнулся вверх-вниз, и бард продолжил: — Один из этих серых отбросил оружие прямо посреди боя. Он будто взбесился: руки задрал и давай палить молниями во все стороны. В палатки, в наших, в землю. В своих тоже. Одна из молний угодила в башню: она рухнула, вход завалило. Но я всё ещё был спокоен за Йонара. Пацан знал, где тайный ход.

— Погоди, а сам-то ты тогда зачем туда пошёл? — вклинилась Энора.

— Это уже заслуга Ронара, — пояснил бард. — Когда святилище гореть начало, он меня нашёл и приказал срочно идти вытаскивать вас. У брата чуйка такая, — предупредил он новый вопрос альвы. — Он вообще у нас довольно одарённый.

Янир задержал взгляд на Эноре. Мои спутники погрузились каждый в свои мысли. А я внезапно почувствовал себя неловко. Чем мы вообще занимаемся? Стоим и как ни в чём не бывало общаемся в окружении огня и трупов.

— Сумки, — нетерпеливо напомнил я барду.

— Ах да, точно. — Янир указал на дальний палаточный островок. — Мы не нашли их ни в оружейной, ни у Ларса. Скорее всего, они у Видара. Если командир ещё жив, то наверняка Ронар за ним приглядывает.

* * *

По сравнению с основной частью лагеря, у палаток, куда привёл нас Янир, кипела жизнь. Отовсюду доносились голоса и топот множества ног. Мимо пробежал огненно-рыжий парень с огромным фингалом на левой скуле и длинным луком за спиной. Резко затормозив, он остановился, бегом вернулся и накинулся на Янира:

— Ты где был?!

— Выполнял приказ Ронара, — спокойно ответил бард. — Как тут дела?

— Хреново, — коротко отчитался рыжий. После упоминания Ронара он как-то сдулся и теперь с интересом косился на меня и Энору. — Трое пали в битве.

— Кто, кроме Рауда?

— Сван и Анна. — Янир побледнел, а парень продолжал: — Уже перенесли их в шатёр. А ещё Йонар пропал, пока не нашли.

— Йонар был со мной. Надо, чтобы кто-то сходил к тайному ходу из темницы и забрал его. — Янир посмотрел на Энору и добавил: — Там ещё два мёртвых альва, их тоже надо перенести сюда.

Рыжий округлил глаза. Его узкое лицо выражало крайнюю степень недоумения.

— Шутишь?

— Нисколько. Это люфскир[1] Йонара. — Глаза парня расширились ещё больше, и я всерьёз задумался, не выпадут ли они. — Видар?

— Ещё жив, но совсем плох. Ронар с ним, там. — Рыжий справился с собой и кивнул на крохотную палатку, стоящую позади остальных у самой кромки леса.

— Ты бы сходил к Ингрид, — сказал Янир, изучая перепачканное лицо парня.

— Сам иди! — неожиданно вспылил рыжий. — В любом случае, она искала тебя!

Барда, казалось, нисколько не смутила чужая вспышка. Он спокойно ответил:

— Ага, только вот у меня нет ни времени, ни желания выслушивать её нотации сейчас. И вот этого тоже нет. — И он ткнул собеседника пальцем прямо в налитый кровью синяк.

---

[1] Люфскир (сим.) — «Долг жизни». Людской обычай, согласно которому за свою спасённую жизнь человек становится должником спасителя, пока не представится случай вернуть долг (чаще всего своей же жизнью). Если спаситель погибает, то спасённый обязуется проводить его в последний путь со всеми почестями и с соблюдением всех необходимых ритуалов.

Парень зашипел и отшатнулся, но это несколько охладило его пыл.

— У неё и так полно дел сейчас, потерплю, — пробубнил он себе под нос. — Ну, я тогда пойду. Найду кого-нибудь, сходим за Йонаром.

Он умчался в ту сторону, откуда пришёл. Янир покачал головой, глядя ему вслед с каким-то озорным блеском в глазах. Сделав нам знак следовать за ним, бард направился к палатке, в которой мы должны были найти Ронара и Видара.

Перед входом он помедлил.

— Что бы вы ни увидели — не выходите, ясно? Не отходите от меня, пока не разделите пищу с Вейнарменнир. Ребята могут занервничать, если увидят вас здесь одних. — Он многозначительно посмотрел на уши Эноры, и щёки альвы вспыхнули.

— Будем рядом, — заверил я, прежде чем девушка успела что-то ответить.

В палатке стояла кромешная темнота. Воздух спёртый, пропахший травами, алкоголем и кровью, вызывал тошноту. Белый шар света вылетел из ладони Янира и завис под потолком.

На земляном полу валялась куча грязного тряпья и несколько пустых бутылок. В центре бардака стоял табурет, на котором в треснувшей миске густо дымилась связка сухих трав.

Могучая фигура Ронара сгорбилась у дальней стены.

Мужчина обернулся на звук шагов Янира. Его нос слегка увеличился в размерах, от переносицы в стороны расползлись красные пятна. Он медленно обвёл всех нас взглядом, а затем жестом велел подойти ближе.

У его ног, укрытый пушистыми шкурами, лежал Видар. Каждый вдох мужчины сопровождался жутким хрипом. Рука, на которой и раньше был шрам от ожога, покрылась свежими волдырями, кое-где кожа лопнула. Но сильнее всего пострадало лицо. Огонь сожрал практически всю левую половину головы командира. Пустая глазница покрылась чёрной коркой, ноздри и кончика носа не было. Сквозь щёку виднелись зубы, и через дыру с дыханием Видара вырывался тихий свист.

Янир молча встал рядом с Ронаром. Я почувствовал себя лишним, словно заглядывал в окно чужой спальни. Нестерпимо хотелось выйти и подождать снаружи, но, помня данное барду обещание, я заставил себя оставаться на месте. Своей влажной ладонью Энора сжала мою, даже не догадываясь, какое облегчение это мне приносит.

— Йонар?

— Жив.

Обменявшись короткими репликами, братья немного помолчали. Тишину нарушал только хрип Видара и мягкий звон от магического шара.

— У них был не один стихийник, — чуть гнусаво проговорил Ронар. — Огневик едва не спалил Видара живьём,

но Фрост исхитрился выстрелить ублюдку в горло. Ещё трое наших мертвы.

— Знаю.

— Всё думаю, что мог спасти их. — Ронар, не моргая, смотрел на свои раскрытые ладони. — Я мог.

— Ты поступил правильно. Всё грозило обернуться бóльшими потерями, — возразил Янир. — Не кори себя.

— Брат, — раздался тихий, как шелест ветра, шёпот.

По моим рукам пробежал неприятный холодок. Рядом шумно втянула воздух Энора. Видар очнулся. Уцелевший пронзительно-голубой глаз мужчины заволокло белёсой пеленой.

— Здесь, Видар, — отозвался Ронар.

— Я не вижу тебя, — Видар ненадолго замолкал после каждого слова. Очевидно, каждый звук давался мужчине с огромным трудом, и я не понимал, почему он всё ещё жив и даже может разговаривать.

— Не страшно. Тебе надо отдохнуть.

— Нет, — громким шёпотом возразил командир. — Я уже… Веди их дальше. Обещай.

— Обещаю. — Голос Ронара дрогнул.

— Я так виноват, отец. Так… — Видар выдохнул последнее слово и затих.

— Маннафатир лэйгир тюр а хаэр муинн[1], — негромко сказал Ронар и провёл рукой по лицу своего друга, закры-

[1] Да примет тебя Отец людей в войско своё. (сим.)

вая ему глаз. Он тяжело поднялся и коротко скомандовал:
— Идём.

Повторять не пришлось. Мы с Энорой вместе выскочили наружу. Я был рад покинуть пропитанную смертью палатку, и даже назойливый запах гари, окутавший лагерь, уже не так раздражал.

Братья молчали, но горе, объединяющее их сейчас, не нуждалось в словах. Мне было неловко вмешиваться, но кое-что до сих пор оставалось нерешённым. Засунув смущение поглубже внутрь себя, я дёрнул Янира за рукав.

— Мне надо в шатёр Видара, забрать вещи, — сказал бард, обращаясь к Ронару.

Мужчина рассеянно мазнул взглядом по брату, и вернулся к созерцанию зависших в небе Кира и Киры.

— Нет там больше ничего, сгорел вместе с святилищем. — С каждым его словом внутри меня поднимался холодящий душу ужас. — Только Армарстод…

Забыв обо всём на свете, я сорвался с места и побежал к развалинам.

* * *

Я мчался, едва успевая огибать препятствия. Позади торопливо и глухо стучали каблуки Янира, спешащего за мной по пыльной дорожке. Размазанным полотном мелькали палатки и люди. Несколько человек хотели окликнуть барда, но мы так быстро пробегали мимо них, что они обрывали себя на полуслове и торопились убраться с дороги.

Из ниоткуда выскочила Ингрид. Я обогнул девушку по широкой дуге, уверенный, что бард отстанет, но его шаги не стихли, а сам он на ходу бросил: «Позже поговорим!» Спиной я ещё долго чувствовал яростный взгляд девушки, будто это я был виноват в том, что Янир не остановился.

Мы миновали большой открытый шатёр, возле которого билась в истерике кудрявая черноволосая девушка.

— Ты не можешь взойти на костёр, Сварта, слышишь? Ты ещё не отомстила! — увещевала её, сжимая в могучих объятиях, полная блондинка.

— Кайриус, стой! Да постой же ты!

Кажется, терпение у барда иссякло. Но я добежал до развалин и только тогда остановился, повернувшись к нему лицом. Он тяжело дышал, губы были сжаты в тонкую полоску.

— Что, ютр возьми, ты творишь?! Я ведь просил не отходить от меня! — выдохнул он. — Ты даже дороги не знаешь!

Его слова отрезвили меня. Я сам пообещал быть рядом, но паника, вдруг овладевшая мной при мысли, что мой единственный пропуск домой мог быть уничтожен, совершенно затуманила разум.

— Прости, — выдавил я из себя тихое извинение и опустил голову.

— В сумках и впрямь что-то важное, да?

Я кивнул, всё ещё не глядя на Янира. Ужас понемногу отступал, сердце перестало колотиться, как бешеное, и я осознал, насколько глупо себя повёл. И к чему было так суетить-

ся? Ведь если Гребень уничтожен, то приди мы сюда через десять минут или через несколько дней — это бы ничего не изменило.

— Ладно, мы всё равно уже почти пришли. — Янир похлопал меня по плечу. — Сюда.

«Мне конец», — с пугающей ясностью подумал я, глядя на тлеющую ткань, засыпанную горячими потемневшими камнями.

— Ну… Да, — содержательно высказался Янир.

Мысли судорожно метались, пытаясь отыскать решение проблемы. Я посмотрел на свои руки, на высушенную горячим воздухом кожу, и сразу отмёл идею разгребать завал руками. Попросить помочь Янира? Но я и так уже принёс ему достаточно хлопот.

— Если бы у тебя там был, скажем, ручной крыс, я бы попытался нащупать его потоком. Правда, сомнительно, что он бы пережил такое, так что…

— Погоди! — Я перебил его. Руки затряслись от предвкушения. — Можно поискать с помощью магии?

— Конечно, — Янир выглядел немного удивлённым тем, что меня поразила такая очевидная вещь. — Но если у тебя там не животное, то ничем помочь не могу. Моя магия действует только на живых существ.

— А я? Я смогу?

— Хм, — Янир задумался. — Пожалуй, попробовать можно. Давай-ка для начала выясним тип твоей силы.

— Я… — я запнулся, борясь с самим собой, но всё же решился. — Думаю, я уже знаю. В темнице я превратил камень в лёд.

— Прекрасно! — Янир хлопнул в ладоши. — Значит, у тебя получится создать Нить поиска.

— Ладно.

Мы с Яниром выжидательно уставились друг на друга. Я тяжело вздохнул.

— Тебе придётся помочь мне. Я не умею призывать поток.

— О! Моя помощь тебе не понадобится. Ты сможешь сделать всё сам, ведь нет ничего проще, друг мой. — Бард встал рядом со мной. — Я научу. Для начала закрой глаза и расслабься.

Это заняло какое-то время. Было странно стоять так посреди разрухи и смерти и пытаться расслабиться. Но в конце концов я почувствовал, как сердце замедлило свой бег. В теле появилась небывалая лёгкость, и я не смог сдержать улыбки.

— Отлично! Теперь прислушайся. — Голос барда плавно обволакивал меня, и я мысленно поплыл за ним. — Мы привыкли не слышать себя за шумом этого мира. Но прежде чем отыскать поток в себе, ты должен почувствовать его вокруг. Выдели его, этот единственный звук среди тысяч других, и тогда будешь готов заглянуть внутрь себя.

— Как я пойму, что это нужный звук?

— Ты поймёшь. Он не похож ни на что из того, что ты

когда-либо слышал, и одновременно похож на всё.

И почти сразу я услышал его. Высокий хрустальный звон, в котором звучали и шелест запутавшегося в кроне дерева ветра, и ровное биение птичьего сердца, и капающая на землю роса. Почувствовал запах молодой зелени и ледяного родника. Узрел мерцающие искры всех существующих оттенков, слившихся в едином вихре. Я тянулся к этому новому, неизведанному, как к давно потерянному и вновь обретённому другу.

— Молодец, — похвалил Янир. — А теперь прислушайся к ядру. Вот здесь.

Пальцы барда легли поверх моего солнечного сплетения. Я обратился внутрь себя, в ту точку, где начал нарастать уже привычный жар, и едва не упал.

Низкий рокот наполнил каждую клеточку моего тела. Я представил себя балансирующим на самом краю земного разлома, в глубине которого, далеко внизу, что-то дышало и ворчало, словно гигантский зверь.

Но это же просто невозможно. Невозможно, чтобы мой поток звучал *так*.

— Ты что-то слышишь? — шёпотом спросил Янир.

Я кивнул, не в силах вымолвить ни слова. Сердце вновь зашлось в сумасшедшем ритме, грозя разрушить хрупкую иллюзию в моём сознании. Мне хотелось сбежать от разлома, но ещё сильнее я желал броситься туда. Расправить руки в стороны и лететь, лететь, лететь…

— Оставайся со мной, — напутствовал бард. — Что именно ты услышал?

— Зверя.

Одно слово, всего одно слово заставило нечто, годами сокрытое внутри меня, вырваться на свободу. Сказанное вслух, это слово приобрело вес, от которого впредь так просто не отмахнуться.

— Хорошо, прекрасно! — Я не видел его, но понял, что бард довольно улыбается. — Протяни ему руку, не страшись. Он — часть тебя.

Я послушался. Вытянув руку над обрывом, я застыл в ожидании милости или кары могучего существа.

Рокот стал громче и с рыком оскалил острые клыки.

— Прости, что не слышал тебя столько лет. — Слова сами ложились на язык, разливаясь рекой сожаления и раскаяния. — Прости меня. Клянусь, что больше не отвернусь от тебя. Больше нет нужды скрываться. Я принимаю тебя. Сможешь ли ты довериться и принять меня?

Мгновение тягучей тишины. И вздох облегчения.

Разлом взорвался золотом и серебром. Зашелестели широкие ленты водорослей, затрещал огонь в очаге, зазвенели светящиеся кораллы, захрустел ломкий лёд. Запахло солью и ещё чем-то сладким с примесью травяной горечи, чем-то смутно знакомым, будто я знал этот запах всю жизнь, но почему-то забыл.

Рокот не исчез, он так и остался звучать основной мело-

дией, ярче выделяя перезвоны. Но теперь я знал — мы сделали первый шаг навстречу. Наконец я признал, что сила во мне есть. Была всегда и будет до последнего вздоха.

Это далеко не конец, но сейчас поток доверился мне, подарив возможность отыскать мой обратный билет домой.

— Я больше не подведу, — пообещал я и обратился уже к Яниру: — Что дальше?

— Теперь сосредоточься на вещи, которую желаешь отыскать. Представь её, и чем подробнее, тем лучше.

Я представил себе Гребень. Представил, как снова держу его в руке, как по острой грани бежит серебряная полоса — то ли отблеск света, то ли магия. Представил каждый луч, каждую неровность, вспомнил глубокий синий оттенок стекла.

И нащупал его. Открыв глаза, я воззрился в то место, куда тянулась тонкая Нить. Но не успел обрадоваться, как поток вышел из-под контроля. Нить с громким хлопком оборвалась, а мои ладони опалило магией. Я подул на обожжённые пальцы, подумав, что предстоит еще много работы, прежде чем мы научимся всецело доверять друг другу.

— Ты бормотал что-то непонятное, — сказал Янир.

— Правда? — рассеянно откликнулся я. Похоже, нечаянно перешёл на аквальтик. Мне определённо стоит быть осторожнее.

— Ага. Ну да ладно, перенапрягся, такое случается. Довольно неплохо вышло с Нитью, кстати, — заметил он. —

Нет, паршиво, конечно, но для первого раза пойдёт.

— А ты? — спросил я, окрылённый даже такой сомнительной похвалой. Я направился к тому месту, куда указал поток, и сапогами принялся расшвыривать мелкие камни. — У тебя было так же?

— Нет, — засмеялся бард. — Мой поток пробудился в три года и сразу стал частью жизни.

— Тогда откуда ты всё это знаешь?

— Ты о звучании? О, у меня был хороший учитель. Самый лучший. — Я обернулся и увидел на лице барда мечтательную улыбку. — Моя мама.

Меня почему-то неприятно кольнули его слова. Грудь сдавило, и воздуха в лёгких на новый вздох катастрофически не хватало. Закашлявшись, я принялся с усиленным рвением убирать камни.

— Она научила меня слушать, — продолжал Янир, не замечая моего состояния. — Говорила, что каждый звук, окружающий нас, — это струна на музыкальном инструменте. И каждая звучит особенно: одна звонче, другая громче, третья тише. Мама научила меня слушать мир, а затем выделять в нём себя как отдельную, ведущую струну…

И снова это неприятное, будто пожирающее изнутри чувство. Я вспомнил свою мать и вдруг задумался: неужели ей совсем не было интересно, есть ли у меня дар? Почему она не проверила?

Я похолодел от внезапной догадки. Что, если она знала?

Но тогда почему ни разу не заговорила об этом?

Мои мысли неслись вскачь. Я представил, как могли бы проходить наши уроки, если бы она знала. Учила бы она меня тому же? Я едва не рассмеялся в голос. Нет, конечно нет. Мама точно не стала бы тратить время на то, чтобы научить меня слышать мир. А слышать себя? Это совсем что-то невообразимое. В Сафирее, где нет звука громче, чем Слово Ольвидуса и его Слышащих, я мог рассчитывать лишь на то, что меня отправят в Университет на пожизненную службу во благо общества.

— Ты чего завис? — Янир бесцеремонно вырвал меня из не самых приятных размышлений.

Я понял, что вот уже какое-то время стою без движения. На небо успели набежать тучи, делая день ещё более мрачным. Заморосило.

— Ничего. Просто вспомнил кое-что. — Я вернулся к своему занятию, замедлившись в надежде, что дождь поможет моей коже достаточно, чтобы не пришлось тащиться к проклятому озеру. И, сам не зная зачем, спросил: — Раз твой поток пробудился сам и давно, то откуда ты знал, что нужно делать мне?

— О, ну тут всё просто, — пробормотал Янир, поспешно натягивая на голову объёмный капюшон. — Ты, конечно, по моему мнению, уникальный, но такая проблема не у одного тебя. Я уже учил кое-кого.

Я нашёл, что искал, и пропустил последние слова бар-

да мимо ушей. В подпаленной ткани зияла огромная дыра. Ткань сумок, успешно справляющаяся с водой, огню противостоять не смогла — теперь она годилась только на выброс. Содержимое сумок было безнадёжно испорчено. От слепящего шара, который я так берёг, остались только осколки, как и от маленького зеркала, которое я использовал, чтобы избегать стражников; бинты и леска превратились в труху; чернила испарились; часть отмычек расплавилась, часть погнулась. И оттого среди покорёженных вещей совершенно невредимая реликвия выглядела особенно дико. Не тронутый ни пламенем, ни весом камней, Гребень выглядел столь же новым, каким я впервые увидел его на алтаре в Звёздном святилище.

— Ты это искал? — отчего-то шёпотом спросил Янир.

Я кивнул, уверенно поднимая Гребень. Не успела рука сомкнуться вокруг него, как ладонь пронзила острая боль. Реликвия извернулась, словно живая, и едва затянувшийся порез на ладони открылся снова. Кровь даже не успевала падать на землю — Гребень жадно поглощал её.

Я попытался разжать ладонь второй рукой, но безуспешно. Каждая попытка освободиться лишь сильнее загоняла стекляшку в мою плоть. Голова закружилась, и я покачнулся.

— Ты в порядке? — спросил Янир.

— Нет, — выдавил я. — Помоги мне.

Янир нахмурился, его зрачки побелели. Он направил поток на мои пальцы и тут же с криком отдёрнул руку. Его соб-

ственные пальцы покраснели, как от ожога, кое-где проступили волдыри.

— Какого?.. — начал он, но тут моя рука разжалась сама.

Насытившийся Гребень упал на землю, а в моей голове раздался полный удовольствия стон.

— *Наконец-то…* — протянул я чужим голосом. На губах расползлась мерзкая ухмылка.

— Ты что творишь?! — возмутился я, тут же возвращая контроль себе.

— *Наслаждаюсь свободой, пока ты опять всё не испортил, маленький зануда.*

— Кайриус?

Меня словно молнией прошило. Я медленно обернулся. Янир смотрел на меня со смесью смущения и настороженности.

— *Какая досада.*

Я резко поднёс руку к горлу и отключился.

* * *

Вексова комната разрасталась. Теперь возле камина валялись подушки всевозможных форм и расцветок. Огонь сменил свой цвет на пронзительно-красный, но языки его неподвижно застыли в воздухе. Справа от кресел стояло несколько стеллажей, забитых книгами. Все на неизвестном языке и напиханные как попало, будто Ольвидус, развлекаясь, просто швырял их на полки не глядя. Самого бессмертного видно не было.

Я решил не доставлять ему удовольствия и оставаться на месте, пока он сам не покажется. Едва я об этом подумал, как за стеллажами раздался громкий всплеск. С нехорошим предчувствием я отправился на поиски источника звука. И увидел то, что хотел бы увидеть меньше всего на свете.

Ольвидус отдыхал в громадной уродливой ванне. Причудливая форма и цвет наводили на мысль, что какой-то великан ударил кулаком в золотой шар и сотворил это безобразие. От воды поднимался густой пар и приторно-сладкий аромат.

Бог даже не поднял головы, так и лежал, запрокинув её к белой бесконечности. Ноги он вытянул на бортик, и мокрая чешуя на них поблёскивала в свете несуществующих свечей.

— Как тебе мой огонь? — лениво растягивая слова, поинтересовался он.

— Ещё бесполезнее, чем в прошлый раз. Но ничего, когда-нибудь ты научишься, — процедил я, чувствуя, как в груди поднимается злость. — Хотя на твоём месте я бы задумался о создании садового фонтанчика, Владыка воды.

Ольвидус фыркнул и наконец удостоил меня своим взглядом.

— Поздравляю с находкой Гребня, парень, — весело проговорил он. — Дальнейший план такой…

— Стоп! — перебил я. — Просто поверить в это не могу! Собираешься сделать вид, что всё в полном порядке? Что всё прошло хорошо? Вот уж не думал, что буду тем, кто станет

напоминать про изначальный уговор. Ты сказал, что УКАЖЕШЬ ДОРОГУ!

Я сорвался на крик. Перед глазами всё плыло то ли от пара, то ли от одуряющего запаха, исходящего от воды. Раздражение толчками выходило из меня, как гнилая вода из трещины в том злополучном подземелье.

— И что я получил? Ни векса! Ни направления, ни помощи! Я мог умереть по меньшей мере трижды! Знаю, что сам справился, слышал уже! — проорал я, видя, что Ольвидус открыл рот. — Но знаешь что? Я и дальше тогда справлюсь без твоих дурацких планов! Попрошу помощи у альвы или людей, останусь с ними, пока не дойду до твоего магуса, ясно? Ты не заставишь меня снова разгребать всё в одиночку, нет уж!

— Закончил? — поинтересовался Ольвидус. Мои слова его не разозлили, напротив, голос бога сочился довольством. — Я и не собирался тебя отговаривать, глупый ребёнок. Отправляйся с людьми, они приведут тебя точно в нужное место.

— Откуда ты знаешь? — спросил я, не зная, что меня покоробило больше: что Ольвидус назвал меня ребёнком или что опять оказался на шаг впереди, сделав вид, что идея изначально принадлежит ему.

— Божественная интуиция, — пояснил он, поднимаясь из воды. Я поспешно опустил глаза на носки своих сапог. Этот бессмертный совсем не знает, что такое приличие. — Тебе

пора возвращаться.

— Погоди! — Вскинулся я, тут же позабыв про смущение. — А как я объясню всё барду?

— Импровизируй, — усмехнулся Ольвидус и щёлкнул пальцами.

* * *

— Осторожно, красавчик, я могу к этому привыкнуть.

Я разлепил глаза и увидел над собой озадаченного Янира. Заметив, что я очнулся, он шумно выдохнул.

— Не спрашивай, — пробубнил я, садясь. Затылок тут же заныл. Я ощупал его и обнаружил набухшую шишку. — И прекрати меня так называть.

— Не могу, — непонятно на какую просьбу ответил Янир, а затем поднялся на ноги и протянул мне здоровую руку. — Извини, но прежде, чем мы вернёмся к моей семье, я хочу знать, что это было.

— Ничего, о чём бы стоило беспокоиться, — проговорил я, приняв его помощь и старательно отводя взгляд.

— Это связано со стекляшкой?

Наступила напряжённая тишина. Янир терпеливо ждал моего ответа.

«Покажи ему Гребень», — раздался холодный голос в моей голове.

— Чего? — воскликнул я. Лицо барда вытянулось в удивлении.

— Стекляшка, говорю. Она виновата? Что это такое во-

обще?

«Надо заставить его доверять тебе. Кровь укрепила нашу связь, теперь она не прервётся».

«Вот тут ты меня скорее расстроил», — подумал я и, опустив голову, процедил сквозь сжатые зубы:

— Чтобы ты в его голову переселился? Думаешь, я настолько глуп?

«Иногда меня посещает такая мысль, умом-то ты не блещешь. Но не переживай, парень. Я не могу, как ты выразился, переселиться в его голову. В болтуне нет ни капли моей крови. К сожалению, путь до магуса мне придётся провести исключительно в твоей компании».

— Эй, ты в порядке? — спросил бард, стараясь заглянуть мне в глаза.

— Да, — осторожно произнёс я. — Порядок. Я просто переутомился, наверное. — Понимая, как глупо звучит такое оправдание, я заставил себя продолжать: — Стекляшка ни при чём, можешь сам убедиться.

Я протянул Яниру Гребень. Он чуть помедлил, но в конце концов вытянул ладонь, и я уронил в неё реликвию. На поверхности стекла не было и следа крови. Вдруг Янир поднёс Гребень к уху и прикрыл глаза.

— Артефакт? — поинтересовался он. — Удивительно, никаких внешних признаков, но звук… Это не просто памятная вещица, верно?

— Что ты услышал? — поинтересовался я.

— Рёв пламени, звон монет и драгоценностей, а ещё шипение. Словно в клубке копошится тысяча змей.

«А болтун не промах!» — обрадовался Ольвидус и свистяще засмеялся.

— Ну да, — нехотя подтвердил я. — Слушай, я и сам до конца не понимаю, что это такое, но надо отнести это одному магу. Без этого я не смогу вернуться домой. Поэтому это так важно, понимаешь? И, — я на мгновение сильно зажмурился и выпалил: — Мне не помешает помощь.

— Ты помог Йонару, и я никогда этого не забуду. И остальные, уверен, тоже. После похорон обсудим всё с Ронаром, тогда расскажешь все подробности, и он примет решение. — Янир протянул мне Гребень. — Возвращаю.

— Ты не оставишь его? — удивился я.

— Держать при себе непонятный артефакт? Нет уж, благодарю, таскай его сам, — фыркнул он. — Идём, мы и так сильно задержались.

Договорив, он круто развернулся на каблуках и отправился в сторону лагеря. Я торопливо собрал с земли отмычки, которые ещё можно было использовать, и поспешил за бардом.

Дождь разошёлся, превращая и без того размытую дорогу в грязное месиво. Бард чуть ссутулился под тяжестью промокшей мешковатой одежды, его сапоги вязли в грязи. Непривычный к обуви, я тоже продвигался медленно, и с каждым шагом моя кожа всё больше исцелялась, напитыва-

ясь влагой. Я шёл за Яниром по пятам, немигающим взглядом уставившись на его ничем не прикрытую от воды лютню. Капли бежали по корпусу, повторяя цветочный узор и заставляя чёрное дерево сверкать, словно россыпь драгоценных камней. Удивительно, и как это он не боится испортить инструмент?

Неожиданно совсем рядом раздался пронзительный плач. Мы с Яниром одновременно остановились.

— Слышишь? — спросил я.

— Да, — ответил бард. — Слышал ещё когда мы сюда бежали. Но я думал, показалось.

Перед нами не было ничего, кроме стены дождя и развалин святилища. К последним мы с некоторой опаской и приблизились.

— Это невозможно, — пробормотал Янир. Глаза его на миг вспыхнули белым, из пальцев потянулась призрачная нить. — Там нет живых.

— Но мы же оба слышим это.

— Вильту-у-у-ур! — Плач стал ещё громче.

В моей голове раздался оглушительный хохот бессмертного, такой сильный, что заставил меня пошатнуться.

«Не думал, что ещё хоть раз услышу этот голос», — со злым весельем проговорил Ольвидус, отсмеявшись.

— Кто это? — спросил я.

«Она — давно минувшее. Преданная и позабытая самим мирозданием. Моя драгоценная кузина…»

— Аэллия, — едва слышно прошептал бард.

Глава 8 (Альрун). Истина рождается в битве.

— Только Армарстод и остался, — сказал Ронар, но окончание фразы услышала только я.

Безмолвно глядя вслед стремительно отдаляющимся от нас Кайриусу и Яниру, я пыталась понять, что делать дальше — бежать за ними или остаться рядом с Ронаром. И рядом с телом человека, который не далее как вчерашним утром отдал своему головорезу приказ убить меня.

— Куда собралась? — спокойно поинтересовался Ронар, едва я успела сделать шаг. — Неужели Янир не объяснил, что вам нельзя бродить здесь одним?

Мужчина стоял рядом, сложив руки на груди. Я упёрлась взглядом в его тяжёлые ботинки, не решаясь посмотреть в ледяные глаза.

О чём я только думала, когда решила вернуться сюда вместе с Кайриусом? Уж точно не о Ронаре и не о его словах, сказанных в темнице.

Следовало догадаться, что мейваары довольно скоро отыщут это место. Наверняка мы оставили кучу следов в лесу, и это чудо, что они не явились по мою душу сразу же.

Столько жизней загублено, и из-за чего? Да, эти люди были разбойниками. Да, они держали взаперти безобидных

альвийских ювелиров. Да, один из них едва не зарубил меня вчера. Тот, чью жизнь отняли прислужники моего отца и чей последний вздох поглотило равнодушное небо. Я бы солгала, сказав, что мне его жаль.

Но были и другие. Те, кто пришёл на помощь в час нужды. Так стоила ли моя свобода стольких жертв? И как теперь посмотреть в глаза тем, кто потерял близких по моей вине?

— Объяснил, — ответила я, не сумев скрыть досаду в голосе.

— Тогда не отходи от меня. Ни на шаг, поняла?

— А может… — Я запнулась, но, собравшись с духом, выпалила: — Может, мне лучше уйти сейчас?

— Если не терпится напороться на чей-нибудь клинок — милости прошу, ступай. Но знай: через пару часов в этих лесах опасность будет поджидать за каждым деревом. Уверена, что успеешь уйти достаточно далеко?

Позабыв о стыде, я вскинула голову. Ронар не шутил. Я поняла: если решу уйти сейчас — он не станет меня останавливать. Но будет ли правильно позволить себе погибнуть или попасть в руки мейвааров после того, что произошло?

— Послушай. — Лицо Ронара оставалось равнодушным, но в голосе промелькнула усталость. — Скоро будет общий сбор. Задержись до его окончания, а потом, если не передумаешь, ты вольна забрать своего брата и покинуть это место.

— Какое тебе дело, что с нами будет? — буркнула я, стараясь скрыть смущение. Любой на его месте махнул бы ру-

кой на чужачку, но отчего-то Ронару было не всё равно. И я хотела знать причину.

— Я слишком долго пытался вразумить Видара разговорами, хотя время их давно прошло. Вы попали сюда из-за меня.

— Мы попали сюда, потому что наткнулись на отряд Ларса, — возразила я.

— Мы с Ларсом служили одному хъёльвдину. Ошибка одного — ошибка всех Вейнарменнир. — Ронар поморщился и, немного помолчав, добавил: — Для нас, людей, честь и ответственность не просто пустые слова.

Мои брови взлетели в изумлении. Я не ослышалась? Ронар смотрел на меня сверху вниз, всем своим видом выражая превосходство и власть над ситуацией. Что это — игра света, или насмешка промелькнула в холодных глазах?

— Умный не вырубит яблоневый сад, если вдруг обнаружит парочку гнилых плодов, — процедила я. Я понимала, что он, вероятно, попросту не встречал таких сострадательных альвов, как Нисса, храбрых, как Алистиан, или верных, как Ренвик, но проглотить оскорбление молча не могла.

— Что ж, — тихо произнёс мужчина. — Выходит, хорошо, что я решил присмотреться и заполучил самое лучшее яблоко в саду.

Всё моё негодование будто смыло волной. И как это прикажете понимать?

— Так что, королевна? — Ронар громко кашлянул в ку-

лак. — Согласна остаться?

Помедлив, я кивнула. Лучше не испытывать судьбу сейчас. Вряд ли шавки отца вернутся в ближайшее время, а значит, сейчас здесь самое безопасное место во всей Теролане.

— Тогда идём.

— Мы что, так и оставим его? — Я указала на полог крохотной палатки, где остался Видар.

— Да. Сначала сбор. Давай-ка поживее.

Больше я ни о чём не спрашивала. Мы торопливо шли по пыльной дорожке. Палатки вдоль неё жались друг к другу покосившимися боками, словно пытаясь согреться. Нам попадались люди — часть лиц я помнила по святилищу, но большинство встретила впервые. Они молча уступали Ронару дорогу, становясь на обочину лицом к мужчине. Я вдруг подумала, что именно так, наверное, каждое утро чувствовал себя Ренвик, проводя смотр охраны поместья. Некоторые кивали, некоторые ударяли кулаками в грудь. Ронар сдержанно отвечал на редкие приветствия.

Завидев меня, многие тут же менялись в лице, взгляды становились злыми и презрительными. Уверена, не будь рядом Ронара — я бы не прошла и пяти метров, не угодив в неприятности. Досадно, когда твоя безопасность зависит лишь от доброй воли одного человека.

— Вижу, ты сохранила её.

— Что? — рассеянно переспросила я.

— Шкура. Ты сохранила её.

— Ах да! — С каким-то остервенением стянув с себя серебристую шкуру, я протянула её Ронару. Повеяло хвоей и клюквой, и я подумала, что было бы чудесно оставить эту вещь себе насовсем. — Благодарю тебя.

— Пока придержи у себя, — пробасил он. — Вернёшь вечером.

Только я успела набросить шкуру обратно на плечи, как из-за поворота вылетела девушка. На скорости врезавшись в Ронара, она отскочила от него, как мячик. Мужчина даже не пошатнулся.

— Чтоб тебя! — вскрикнула девушка, потирая ушибленный лоб. Она подняла голову, и я узнала Ингрид. — Ой! Прости, Ронар.

— Куда летишь? Что-то случилось? — спросил он.

— Нет, ничего такого, — покраснев, промямлила Ингрид. Тут она заметила меня, и её изумрудные глаза расширились. — Да это же!..

— Общий сбор в центральном шатре, — перебил её мужчина. — Зови всех, кого сможешь найти.

— Как прикажешь! — Кивнула девушка. Ронар отправился дальше, и я поспешила за ним, ещё долго чувствуя на своей спине изучающий взгляд.

* * *

Мы остановились у большого открытого шатра. Посередине были навалены меховые шкуры, и, присмотревшись, я увидела торчащие из-под них ноги. Кажется, это тела трёх

павших воинов, о которых говорил тот рыжий юноша.

На груди самого левого тела распласталась девушка. Она не плакала — выла, как угодивший в ловушку зверь, так жутко, что у меня волосы дыбом встали. Буйная копна её смоляных кудрей разметалась, руки судорожно хватались за шкуру. Рядом с ней на коленях стояла крупная блондинка с упрямо сжатыми губами и в бессилии теребила ремешок на своём предплечье.

— Хильде, — окликнул Ронар, и светловолосая подняла голову. — Общий сбор. Приведи её в порядок.

— Нельзя ли?.. — попыталась возразить Хильде. Синие глаза были полны непролитых слёз.

— У нас нет на это времени, — отрезал Ронар.

Кудрявая умолкла. Вскочив на ноги, она раздражённо сбросила с себя руку подруги, которая попыталась её остановить. Невероятную красоту девушки не портили ни красный нос, ни опухшие глаза, ни разбитая губа. В столь же чёрных, как её волосы, бездонных зрачках полыхал яростный огонь. Правильные черты белоснежного лица исказил гнев.

— Нет времени? — дрожащим и неожиданно низким голосом прорычала она. — Пошёл ты, Ронар! Почему *он* там лежит?! Где был *ты*, когда он умирал?! Отвечай!

Молниеносным движением девушка выхватила из-за пояса два коротких изогнутых клинка. Я потянулась за мечом, но понимала, что уже не успею ничего сделать — она слишком быстра. Рука Ронара легла поверх моей, останавливая.

Он едва заметно качнул головой, и я отступила. Шагнув навстречу девушке, мужчина упёрся грудью в остриё её оружия.

— Бей, — сказал он. — Если станет легче — бей.

— Сомневаешься, что смогу? — с вызовом спросила девушка, и я с ужасом поняла — сможет.

— Сможешь, — подтвердил Ронар. — Только Свана это не вернёт.

— Я пойду за ним.

— Я не могу этого позволить. — Покачал головой мужчина.

— Что мне делать, Ронар? Ты не понимаешь… — Рука девушки задрожала. — Не знаешь, каково это.

— Ты права, я не знаю. Но обещаю, что мы это так просто не оставим.

— Сварта, — подала голос Хильде. — Одумайся. Ронар не виноват в гибели Свана, ты и сама это знаешь. Прибереги свою ярость для наших врагов.

Бряц! Клинки со звоном упали на землю, девушка бессильно опустила руки. Ронар неловко приобнял её своей могучей рукой. Он выглядел слегка растерянным, словно не привык никого утешать. Возможно, так и есть.

— Ты Энора, да? — спросила Хильде, неожиданно вырастая передо мной. — Пойдём, подождём вместе с остальными.

Дождавшись кивка от Ронара, я согласилась пойти с девушкой. Место общего сбора располагалось всего в паре ша-

гов от шатра с мертвецами. Внутри оказалось достаточно просторно. Высокие прочные шесты, при ближайшем рассмотрении оказавшиеся срубленными стволами молодых деревьев, надёжно держали тяжёлую шерсть, дырявую от старости. Масляные лампы, подвешенные на хлипких верёвочных растяжках, бросали на земляной пол неровные полосы света, колеблясь от порывов ветра, проникающего через щели внизу шатра.

Напротив входа стоял большой круглый стол, к поверхности которого метательными ножами пришпилили детальную карту Тероланы. Чуть дальше стола громоздились большие сундуки, о содержании которых можно было только догадываться, и ровными рядами вытянулись стойки со всевозможным оружием.

Лишь одно выделялось из общей картины: яркий штандарт, закреплённый на бревне у дальней стены. Он выглядел совсем новым, будто тот, кто его повесил, только что закончил свою работу. Алое полотно с криво вышитым на нём рассечённым надвое золотым нарциссом.

Поймав мой взгляд, Хильде приобняла меня за плечи и увела к скамьям, накрытым облезлыми шкурами.

Там уже расположился мужчина, который сидел в самом углу так тихо и неподвижно, что я, несмотря на размер его фигуры, не сразу его заметила. Вытянув перед собой перебинтованную ногу, он читал книжку, которая выглядела до нелепого крохотной в его огромных ладонях.

— Это мой маленький брат Тарви, — представила мужчину Хильде.

«Маленький» Тарви поднял голову. Косматая борода, спускающаяся до груди, занимала большую часть его спокойного лица. Скользнув по нам незаинтересованным взглядом, он вернулся к чтению.

— Располагайся, остальные скоро подтянутся. — Хильде дружески хлопнула меня по плечу, от чего мои ноги подкосились, и я вынужденно села на ближайшую скамью. Девушка отошла к оружейной стойке и выдернула из неё изукрашенную плетёным орнаментом секиру. Грузно опустившись на скамью рядом со мной, она извлекла из-под неё оселок и стала методично водить им по лезвию.

— Да уж, в неудачное время ты к нам попала. Обычно тут веселее, — поведала она, не отрываясь от своего занятия. — Ты уж не думай плохо о Сварте. Горе способно уничтожить даже самых лучших из нас.

— Кто такой Сван? — брякнула я и тут же прикусила язык, испугавшись, что девушка посчитает мой вопрос слишком личным, чтобы делиться подробностями с незнакомкой.

Но Хильде отнеслась к моему любопытству спокойно.

— Близнец Сварты. — У меня внутри что-то перевернулось, а Хильде на мгновение уставилась в одну точку на противоположной стене и сказала: — Не представляю, как бы я повела себя, потеряв Тарви. А у неё… Не знаю, что и сказать.

Мне кажется, это как половину от себя отрезать и пытаться жить дальше.

— Она сказала, что пойдёт за ним. Как это? — спросила я, всё ещё пытаясь прийти в себя.

— На костёр. Погребальный. К тому моменту, как вы пришли, я её уж час как отговорить от этого пыталась. Бедняжка вбила себе в голову, что коль пришли в этот мир вместе, так и уйти тоже должны вместе. Ну ничего, Ронар её быстренько в чувство приведёт.

— Вы сжигаете покойников? А мы своих предаём земле или кладём в склеп, — рассеянно пробормотала я.

— Тьфу! Не в обиду тебе будет сказано, но как-то всё у вас, альвов, через одно место, — проворчала Хильде.

Разговор сошёл на нет. По навесу над нашими головами забарабанили тяжёлые капли. Шатёр начал понемногу заполняться. По двое, по трое люди заходили, отряхиваясь от заставшего их снаружи дождя, и занимали свободные места, но ни один из вошедших даже не приблизился к месту, где сидели мы с Хильде и её братом. Невидящим взглядом я уставилась на украшенное росписью золотых колец древко секиры моей новой знакомой. Никто в открытую не выразил недовольства моим присутствием здесь, но я всё равно напряглась и беспокойно заёрзала на месте под неодобрительными взглядами.

— Расслабься чутка, — посоветовала Хильде. — Пускай зыркают. Ты под защитой Ронара, никто тебя и пальцем не

тронет.

— И откуда они должны были это узнать? — спросила я, поглядывая на терзаемый порывами ветра полог. Надеюсь, Кайриус не вляпался в неприятности.

— На тебе шкура! — Девушка отвлеклась от своего оружия и посмотрела на меня взглядом, в котором так и читался вопрос, всё ли у меня с головой в порядке.

— А, ну да, — пробормотала я, по-прежнему ничего не понимая. И чего они все тут к этой шкуре привязались? — Скажи, Хильде, почему никто больше не подходит к нам?

— Ну вон те — Ларсовы прихлебатели… — Она махнула секирой в сторону людей у противоположной стены, но не рассчитала силу и снесла соседнюю оружейную стойку, которая с оглушительным грохотом повалилась на пол, растеряв всё своё содержимое. — Тьфу ты! А ну-ка сели! — неожиданно взревела Хильде.

Услышав грохот, многие повскакивали с мест, а один особенно нервный мужчина обнажил меч и завертелся на месте в поисках угрозы, но от окрика девушки все тут же притихли и успокоились. За моей спиной тяжело вздохнул Тарви.

— Вот дурни, честное слово! — ворчала Хильде, водружая стойку на место. Я поднялась, чтобы помочь ей собрать рассыпанное оружие. — У всех нервы ни к ютру… О чём я говорила-то? А, точно! Это остатки Ларсовых людей, в общем. Мы всегда с ними были не в ладах. Но ты подожди, сейчас ещё жена Ларса притащится...

— У Ларса есть жена? — Я едва не выронила всё, что успела собрать.

— Ещё какая! — Хильде разразилась очень приятным грудным смехом. — Правда, от жены там одно название. Пиявка, ни больше ни меньше!

Я хотела спросить, что это значит, но меня отвлекли. В шатёр ввалились — другого слова я подобрать не могу — Кайриус и Янир. Оба мокрые, грязные и какие-то взвинченные. Увидев меня, мерфолк застыл, и барду пришлось подтолкнуть его в спину.

— Уступите место поэту, дети мои, — торжественно-печальным тоном произнёс Янир, замахав рукой, чтобы мы с Хильде подвинулись. — И ты присаживайся, ученик.

Бард бесцеремонно потянул Кайриуса за руку, заставив сесть рядом. Что-то между ними произошло за это короткое время: на ладони мерфолка виднелся свежий порез, а рука барда покраснела, словно от ожога.

Янир тут же вступил в словесную перепалку с Хильде, а Кайриус, зажатый на скамье между мной и бардом, дёргал ногой и расчёсывал свой плавник.

— Вы что, подрались? — Перегнувшись через Кайриуса, я дёрнула Янира за рукав. Парни быстро переглянулись.

— С чего ты взяла? — вопросом на вопрос ответил Кайриус.

Я молча указала на их руки.

— Это случайность, — заверил Янир. — Ой, у тебя сейчас

взгляд прямо как у Ронара, когда он недоволен! Отвернись, пожалуйста, а то мне хочется выскочить обратно под ливень.

От незавидной участи его спасло появление новых людей. Первым в шатёр вошёл уже знакомый рыжий парень, которого мы встретили по прибытии в лагерь. За ним, согнувшись чуть ли не пополам, протиснулся здоровый мужик. Я вспомнила — да и как можно такого забыть — он был вчера в святилище. Вдоль голого черепа тянулся широкий шрам, а вытатуированные на каждом свободном участке кожи руны придавали ему вид устрашающий и недружелюбный. Следом за лысым вошли, держась за руки, незнакомые мне парень и девушка. Замыкали группу Ингрид и Йонар. Вся компания направилась к нам. Отделившись от своих товарищей, Йонар, к всеобщему удивлению, сел прямо на пол ровно между мной и Кайриусом.

— Вот так всю душу в детей вкладываешь, а они вырастают и выбирают новую семью, — раздался полный трагизма шёпот Янира. — До чего неблагодарное поколение… Оставь, я в порядке! — раздражённо отмахнулся он от бледной Ингрид, которая, выудив из поясного мешочка бинт и стеклянную баночку, пыталась ухватить барда за руку, и указал на мерфолка. — Ему лучше помоги, а мне хватит и мази.

— Привет! — радостно поздоровалась смуглая девушка, скинув мокрый плащ на стоящий рядом сундук. — Это из-за вас вчера в святилище пошумели, да? Эх, а мы на дежурстве были, всё пропустили, — посетовала она и ткнула локтем в

бок парня, с которым пришла. — Я…

— Позже познакомитесь, — шикнула на неё Хильде. — Времени будет навалом.

Девушка обиженно надулась, но возразить не успела. Как раз в этот момент многострадальный полог взметнулся вверх, и внутрь вихрем влетела Сварта. Её лицо краснотой могло посоревноваться с висящим на бревне штандартом. От девушки исходила такая убийственная аура, что замолкли все, даже бывшие люди Ларса. Быстрым шагом Сварта пересекла шатёр и села рядом с Тарви. Мы с Хильде переглянулись. Кажется, она думала о том же, о чём и я: что между Ронаром и Свартой пошло не так, если девушка выглядела ещё злее, чем когда мы только оставили её наедине с мужчиной.

Впрочем, долго гадать о причинах такого поведения не пришлось. Полог наконец сдвинулся в последний раз, пропуская преемника командира Вейнарменнир. Но он был не один. Высокая девушка шла рядом, прильнув к Ронару всем телом. Её руки тонкими змеями обвивали его руку. Она что-то шептала мужчине на ухо, и её голос звучал как шелест травы на ветру, едва различимый, но настойчивый. Тёмные и глубокие, словно ночное небо, глаза сияли восхищением.

Ронар же, казалось, изо всех сил старался игнорировать её близость. Лицо мужчины оставалось неподвижным, и только лёгкое подёргивание уголков губ выдавало его напряжение. Казалось, сожмись его челюсти чуть крепче — и по щекам

побегут трещины. И прежде холодный взгляд Ронара совсем заледенел.

У меня же от этой картины во рту появился кислый привкус, а желудок заболел, словно я залпом выпила стакан лимонного сока.

— А вот и Сигрид, жена Ларса. Или, вернее, теперь уже его счастливая вдова, — усмехнулась Хильде. — Эй, Тарви, ты должен мне два золотых!

— Вы поспорили? — спросила я, стремясь отвлечься от неприятного ощущения. — О чём?

— Как скоро Сигрид попытается охмурить нашего Ронара, — ответила она, пока Тарви доставал из кошеля монеты. — Тарви считал, что ради приличия она подождёт дня три. Мой братишка слишком хорошего мнения о людях. Только так тебе скажу — проще влюбить в себя альвийского наследного принца, чем Медведя.

Я едва не ляпнула, что кузена Аэлара охмурить не так уж и сложно — Его Высочество известен своим мягким нравом и, скорее всего, женился бы на любой, лишь бы его оставили в покое, — но вовремя прикусила язык, сообразив, что такие подробности Эноре Нэйдрин знать не положено.

— Сядь, — Ронар перебил щебетание Сигрид. — Поговорим после.

Без труда оторвав от себя цепкие руки, он занял место у центра стола и окинул взглядом собравшихся. Сигрид, недовольно поджав губы, торопливо обошла стол, проскользив

кончиками пальцев по его поверхности, словно хотела стереть слой невидимой пыли. Девушка заняла место позади людей своего покойного мужа. Она так и не села — осталась стоять, скрестив руки на груди, и её взгляд, обращённый на мужчину, ещё недавно восхищённый, теперь был полон раздражения.

Одна из девушек вскочила и принялась что-то торопливо нашёптывать ей на ухо, прикрываясь ладонью, но Ронар резко прервал её:

— Тихо!

Все тут же замолчали и выжидательно уставились на мужчину.

— Видар мёртв, — провозгласил он.

Слова сорвались с его губ, разлетаясь по шатру острыми осколками. Я быстро осмотрелась. Лица людей на нашей стороне омрачились, но никто не выглядел удивлённым, кроме Йонара. Юноша смотрел на Ронара так, словно готов бежать отсюда без оглядки. Не успев подумать, как расценят мой жест, я сжала его плечо. Йонар понурился, но руку мою не сбросил. Никто не обратил на нас внимания, возможно, решив, что проще сделать вид, будто ничего не произошло.

— Видар назвал меня своим преемником, — продолжал Ронар. — Я принимаю его волю! Кто хочет оспорить решение хъёльвдина — встаньте.

Ронар повернулся к нам спиной — очевидно, на этой стороне все поддерживали его главенство. На стороне Сигрид

же лица многих выдавали неуверенность, а некоторые, не скрываясь, качали головами. Сама Сигрид отвлеклась на девушку, которую ранее прервал Ронар. С каждым словом собеседницы вдова хмурилась всё сильнее.

— Смотрите-ка, будущие мертвецы, — усмехнулся Янир.

— О чём это ты? — спросил Кайриус.

— Несогласные должны бросить вызов преемнику, но теперь, когда Ларса больше нет, никто не станет этого делать. Они все Ронара терпеть не могут, но в открытую выступить против боятся. Так что либо удерут ночью, либо попытаются напасть на брата со спины, — радостно ответил Янир. — Но на предателей и дезертиров у нас тоже управа найдётся. Верно, Огден? Твоя работа на входе в лагерь?

— Работа Огдена, — довольно скалясь, подтвердил лысый здоровяк.

— Узнал руку мастера, — кивнул бард, а на мой недоумевающий взгляд пояснил: — Список причин не выйти на битву очень короток, миледи. На самом деле, тут всего два пункта: особое распоряжение командира или если у тебя ног нет. Как видишь, трусость в этот список не вошла.

— Можешь не продолжать, — сдавленно пробормотала я. Голос Янира звучал весело, но я не разделяла его настроение. Значит, это были не мейваары. Тех людей убили свои же. Казнили как предателей.

— Я стану говорить до костра. Некоторые вопросы не ждут. — Убедившись, что никто не осмелился выступить

против него, Ронар заговорил вновь. — Вы все знаете, какой путь я избрал и как долго пытался убедить Видара в его правильности. Мы потратили годы, отсиживаясь на границе и убивая альвийских путников, но ничего этим не добились. В наших краях уже много лет не появлялось никого выше обычных посланников. Те, кто разрушили наши дома и лишили нас семей, прячутся за крепкими стенами своих владений…

С каждым словом Ронара моя голова кружилась всё сильнее. Они планируют здесь… Что? Восстание против ан Аквилана? Это просто смешно! От толпы в восемьдесят человек осталось около тридцати, из которых только один маг, и на стороне Сигрид никто не выглядит воодушевлённым. Я неуверенно улыбнулась и оглянулась на своих новых знакомых. Но все, даже Янир, выглядели серьёзными и сосредоточенными. Кайлтэн, неужели они не шутят? Да их всех перебьют, едва они ступят на земли Гланлиморина!

— Но в одиночку нам не справиться, поэтому отправимся в Златоцветные луга, — словно прочитав мои мысли, подтвердил Ронар. — Я отыщу глав людского восстания и Вейнарменнир присоединятся к ним. Таково моё слово.

Повисла тишина, почти осязаемая в своей неловкости. Кто-то робко возразил:

— Это же просто слухи.

— Верно! — горячо поддержал его сосед. — Доподлинно неизвестно, что кто-то в самом деле поднимает восстание,

да ещё и прямо под носом короля! Так зачем рисковать и добровольно соваться к айльвурам, братья?

Толпа одобрительно загудела. Сигрид вышла вперёд. Мягкое выражение, которым она одаривала Ронара, окончательно стёрлось с её кукольного личика. Взгляд девушки, острый, как нож, был направлен прямо на меня.

— Позволь узнать, хъёльвдин, что здесь делают остроухие?

— Они — наши гости и находятся здесь по моему приглашению.

— Гости? — Девушка пронзительно рассмеялась. — Когда ты успел продаться нашим врагам, Ронар?

— Да как ты смеешь?! — рявкнула Хильде. Скамья с остальными седоками едва не опрокинулась, когда девушка вскочила на ноги. Её ладонь заскрипела на рукояти секиры. — Ты хоть понимаешь, кого вздумала обвинять в предательстве?

— О, и в чём же я не права, дорогуша? — Сигрид обращалась к Хильде, но продолжала смотреть на меня. У меня возникло ощущение, что я балансирую на краю обрыва, и хватит легчайшего дуновения ветра, чтобы сорваться вниз. — Айльвуры восседают здесь, словно равные нам, а тот, кто ещё и пяти минут не пробыл хъёльвдином, заявляет, что поведёт нас в королевство остроухих. — Она обвиняюще ткнула в меня пальцем и спросила: — Эй ты, в шкуре! Чем ты заплатила Медведю за защиту?

В ушах зазвенело. Жар накатывал волнами, сердце пустилось вскачь. Разум твердил, что надо просто пропустить её слова мимо ушей и успокоиться. Я понимала, что Сигрид провоцирует меня специально. Вот только уступать наглой девице не намеревалась.

Собрав всю свою волю в кулак, я заставила себя встать как можно медленнее. Расправив плечи, я неторопливо окинула Сигрид взглядом с головы до ног и показательно поморщилась.

— Мне, вероятно, послышалось, но, кажется, ты сказала, что мы равны? — Я, не моргая, смотрела прямо в её тёмные глаза. — Смешно. Уж прости, но я вполне способна защитить себя сама. *Мне* для этого не нужен мужчина.

Мгновение я наслаждалась, наблюдая за тем, как расширяются зрачки Сигрид, и закончила:

— Не переживай. Я обязательно обращусь к тебе, как только захочу узнать подробности, как и чем расплачиваются за защиту. Уверена, у тебя имеется весь необходимый опыт.

Повисла такая тишина, что было слышно жужжание слепо бьющейся в навес мухи. Рядом со мной кто-то, как мне показалось, одобрительно присвистнул.

И это стало последней каплей. Хрупкий мир рассыпался на тысячу осколков.

Всё пришло в движение. Сигрид выхватила пару одноручных топоров и уверенно зашагала ко мне. Бывшие люди Лар-

са пошли за его вдовой, а сторонники Ронара окружили нас с Кайриусом кольцом настолько плотным, что я даже не могла вооружиться, не рискнув поранить кого-то из них.

— Достаточно! — прогремел Ронар.

Тут же Янира окутал белый свет. Бард ударил по струнам лютни, но инструмент не издал ни звука. Зато я моментально почувствовала сонливость и ужасную слабость во всём теле. Чтобы не упасть, я опёрлась на плечо Кайриуса, который так и остался сидеть, растерянно хлопая глазами.

Странное происходило не только со мной. Так же быстро, как вооружились, все опустили оружие. Некоторые люди упали там же, где стояли, погрузившись в сон, некоторые находили опору в мебели или более стойких товарищах, но абсолютно все выглядели потерянными и слегка оглушёнными. Даже Ронар пошатнулся и вынужденно схватился за столешницу.

— Да чтоб тебя, Янир! — проворчала Хильде, тяжело повиснув на своей секире.

— Ой, не рассчитал, — неловко рассмеялся бард, повернувшись к нам. Его глаза лукаво блестели. — Приношу свои извинения.

— Я не потерплю оскорблений от кого-то вроде неё! — закричала Сигрид.

— От кого-то вроде неё? — переспросил Янир и тут же предложил: — А как насчёт меня? От меня стерпишь? Я недавно сочинил пару новых…

— Янир, умолкни! — прикрикнул Ронар. — Тебе придётся успокоиться, Сигрид.

— Ну уж нет! Я требую извинений! Пусть нас судит Маннафатир! — Голос девушки звенел от гнева.

— *Нидвёль! Нидвёль!* — заскандировали люди.

— Что это значит? — Я дёрнула Янира за рукав.

— Поединок чести. Заплати за оскорбление кровью или одержи победу и докажи, что твои слова правдивы.

— Это невозможно! — Ронар ударил кулаком по столу, заставив дерево жалобно затрещать. — Запрещаю! Она не знает наших законов и не долж…

— Согласна! — не успев как следует всё обдумать, выпалила я.

* * *

Место, которое Ронар выбрал для проведения поединка, прилично пострадало от дождя. Каждый шаг сопровождался чавканьем подошвы по вязкой грязи, оставляя в ней неглубокие следы. От земли поднимался лёгкий пар, окутывая ноги белёсой дымкой, из-за которой казалось, что я стою на облаке. Ливень приглушил последствия недавней резни, воздух наполнился ароматами свежей травы и прелого дерева. Казалось, всё вокруг дышит ожиданием нидвёля.

Я стояла напротив Сигрид в широком кольце, образованном Вейнарменнир. Между нами, сложив руки на груди, застыл Ронар. По лицу мужчины невозможно было понять, о чём он думает. После того как я необдуманно согласилась на

поединок, он больше не вымолвил ни слова. Ни одобрения, ни порицания, ни попыток отговорить — ничего. Он лишь одарил меня нечитаемым взглядом и покинул шатёр вслед за Сигрид.

— Ты ненормальная, знаешь? — только и сказала тогда Хильде. — Буду болеть за тебя.

Мои новые знакомые вышли из шатра вместе с Кайриусом под суетливые призывы Янира «поторопиться и занять лучшие места». Я решила, что осталась одна, но тут за моей спиной что-то шевельнулось.

Сварта не ушла вместе с остальными. Тьма в бездонных глазах, казалось, была готова поглощать всё живое вокруг, и мне захотелось спрятаться от её пронзительного взгляда.

— У тебя душа воина, — проговорила девушка хриплым голосом. — Поставь эту дрянь на место. Не подведи.

Я улыбнулась воспоминанию и отыскала в толпе её буйные кудри. Сварта выглядела совершенно чужой в окружении людей, смеющихся над шуткой Янира. Она сверлила взглядом Сигрид, и я всерьёз забеспокоилась, не захочет ли она выйти в круг вместо меня.

Шкура вернулась на плечи Ронара. Без умиротворяющего аромата хвои и клюквы мне стало тяжелее держать себя в руках. Нервное возбуждение накатывало волнами, а пальцы подрагивали в нетерпении. Выступила и потекла по спине предательская капелька пота. Я прикрыла глаза и глубоко вдохнула влажный после дождя воздух, успокаиваясь.

Сигрид же излучала уверенность. Она заранее считала себя победительницей. Я тут же почувствовала себя лучше. В конце концов, именно тех, кто недооценивает противника, в итоге всегда ждёт жестокое разочарование.

— Нидвёль до первой крови, — провозгласил Ронар. — Магия запрещена. — Ронар посмотрел на меня, а я едва не рассмеялась в голос. Это правило я точно смогу соблюсти. — Пусть Маннафатир решит, на чьей стороне правда.

— И думать нечего, — насмешливо фыркнула Сигрид. — Слышишь, дорогуша? Вы, остроухие, только отдавать приказы можете или скулить, когда смерть подбирается слишком близко. Так что готовься, я из тебя всю спесь выбью!

— До первой крови, Сигрид, — с нажимом повторил Ронар. — Хватит на сегодня смертей.

— Боишься за свою подружку, Медведь? Да ладно, может, дорогущий доспех хотя бы немного её защитит.

— Я пойду на небольшую уступку. — Я сняла куртку и, впихнув её в руки Ронару, неспешно закатала рукава рубашки. — Чуть облегчу тебе задачу. Однако моё умение измеряется бесконечными тренировками, а не одеждой. Твой же талант, очевидно, проявляется только при запугивании каких-нибудь безвредных ремесленников, которые не могут дать отпор. Посмотрим, как ты справишься со мной. Пролей мою кровь, если сможешь, *дорогуша*.

Вейнарменнир притихли в ожидании зрелища. Лицо Сигрид покраснело так, что казалось, сейчас кожа лопнет, как

шкурка перезревшего плода. Конечно, вывести противника из равновесия зачастую полезно, но сейчас я, кажется, слегка перестаралась.

Могла ли я вообразить, что первый бой за пределами поместья произойдёт так скоро? Меч покинул ножны, его рукоять приятно холодила ладонь даже сквозь перчатку. Вес оружия успокаивал, но предвкушение неотвратимо заполняло каждую клеточку моего тела.

И всё же глубоко внутри меня крылся и страх. Алистиан часто повторял, что бояться не стыдно. *«Если ты идёшь в бой без страха — значит, тебе нечего терять и не к кому возвращаться»*. Но было и другое, не менее важное замечание: *«Если не сможешь обуздать свои чувства — считай, ты уже проиграла»*.

Я не боялась ранений и травм. Я боялась дать слабину после всех нападок в мою сторону. Потерпеть поражение после услышанного казалось просто немыслимым.

— Начинайте! — скомандовал Ронар.

Сигрид ударила первой. Один из её топориков полетел мне прямо в голову. Я едва успела уклониться, но это был отвлекающий манёвр: пока я сосредоточилась на летящем в меня оружии, Сигрид стремительно сократила расстояние между нами, целясь мне в правый бок. Я выставила блок и вскрикнула от боли: удар заставил меня перенести весь вес на больную ногу.

Моя противница не медлила. Ловко перебросив топор в

другую руку, она нанесла молниеносный удар по моему левому предплечью. Я отскочила, чудом успев закрыться мечом, и удар пришелся на гарду, вскользь, но едва не задев мои пальцы.

— Что, испугалась? — ухмыльнулась Сигрид, поднимая с земли второй топорик и не сводя с меня насмешливого взгляда. — Это просто разминка.

Я отзеркалила её ухмылку. Ага, просто разминка. И только что, всего парой движений, девушка рассказала о себе всё.

Она точно умеет драться, и подозреваю, что опыта у неё побольше, чем у многих здесь. Она хитра, быстра и не стремится следовать правилам фехтования.

Но также она нетерпелива и вспыльчива.

Сигрид хотелось закончить всё быстро. Хотелось увидеть кровь противника и насладиться триумфом.

Но я не доставлю ей такого удовольствия.

Я молча выставила клинок перед собой, не делая попыток напасть. Девушка выше и сильнее меня, а значит, надо сосредоточиться на защите и уклонении. Рано или поздно Сигрид допустит ошибку или выйдет из себя.

Этот момент наступил очень скоро. Устав ждать от меня каких-либо действий, Сигрид рванула вперёд. Не добежав до меня, резко свернула вправо, стараясь зайти за спину. Я закружилась на месте, упрямо не выпуская её из виду. Сменив тактику, Сигрид нанесла удар, который я без труда заблокировала. Ещё удар — и блок. И ещё. Я отбивала все удары

противницы, не позволяя подойти ей ближе.

Потеряв терпение, Сигрид с криком бросилась вперёд. Но я больше не отступала и даже не попыталась заблокировать эту попытку. Она слишком предсказуема — лезвие топора полетело мне в голову с левой стороны. Я дёрнулась вперёд, навстречу девушке, и резко ушла вправо. Зайдя ей за спину, в момент, когда Сигрид разворачивалась, я ударила по её кисти лезвием плашмя, заставив выронить топор, и тут же взмахнула мечом, оставляя неглубокий порез на её предплечье.

Рукав моей противницы пропитался алым. Я опустила оружие, чувствуя небывалую лёгкость в голове. Губы сами собой расползлись в улыбке.

Но я слишком рано обрадовалась и слишком уж сильно поверила в людскую честь.

— Стой! — проревел Ронар, но было уже поздно.

Сигрид и не думала признавать поражение. Она бросилась на меня в отчаянной попытке вернуть себе позицию лидера.

Всё происходило как-то замедленно. Краем глаза я заметила, как поднял руку Ронар. Как Янир схватил лютню и как ладони Кайриуса вспыхнули золотом и серебром.

И я сделала единственное, что пришло мне в голову в тот момент, — упала на землю, прямо под ноги противнице. Не успев затормозить, Сигрид перелетела через меня, зацепившись сапогом за мой бок, который тут же вспыхнул болью. Игнорируя неприятное ощущение, я вскочила на ноги. Ис-

пуг медленно, но верно сменяла злость. Я подняла с земли меч и стремительно обернулась. Сигрид не только удержалась на ногах, но уже успела вернуться и подобралась ко мне очень близко. Я отшатнулась, но все равно почувствовала, как защипало щёку. Вспылив, я пошла вперёд, нанося Сигрид рубящие удары мечом. Где-то на задворках сознания билась мысль, что назавтра мои мышцы будут страдать, но желание проучить соперницу оказалось сильнее.

Закончилось всё внезапно и нелепо: отступая, Сигрид поскользнулась и шлёпнулась прямо в грязь, распластавшись на спине. Я тут же нависла над ней, прижав остриё меча к её горлу.

— Нидвёль до первой крови — таков был уговор соперниц, — сказал Ронар. Он остановился рядом со мной, но не спешил удержать от необдуманного поступка. — Вильтур рассудил, что Энора доказала правдивость своих слов. Сигрид нарушила условия, и теперь её жизнь в руках победительницы.

Никто не проронил ни слова. Я заметила, как страх овладевает Сигрид. Как подрагивают её губы, а глаза краснеют. Я почти ощущала, как в моей ладони испуганно и неровно бьётся горячее сердце. И я бы солгала, если бы сказала, что это не наполнило мою душу приятным трепетом.

Но по моей вине уже достаточно бед обрушилось на головы этих людей. Однако безнаказанной оставить Сигрид я тоже не могла.

— Я не убью тебя, — громко сказала я, обращаясь к ней, но так, чтобы меня было слышно всем.

Медленно отведя от её горла клинок, я отступила и резанула Сигрид по ноге. Ровно в том месте, куда в мою днём ранее прилетел топор Ларса.

— Я не могу вернуть должок твоему супругу, так что придётся тебе принять его, — произнесла я под пронзительный крик Сигрид.

— Кто желает проводить своих товарищей в Хальвор — разрешаю остаться до исхода дня, — обратился к стоящим в круге людям Ронар. Судя по растерянным лицам, многие ещё не успели осознать, что бой окончен, но обе соперницы остались живы. — Прочие вольны уйти сейчас.

— Я ни мгновения дольше не останусь рядом с прислужником айльвуров, — прошипела Сигрид. Она неловко поднялась, только сильнее пачкаясь в грязи, и, прихрамывая, подошла к Ронару и сплюнула ему под ноги.

Глаза мужчины сверкнули красным, но он ничего не ответил. Мне же захотелось рубануть нахалку и по второй ноге.

— Что, не хватило тебе, мерзавка? — крикнула Хильде, поднимая секиру. — Так подойди, я добавлю!

Сигрид даже не посмотрела в её сторону. Гневный взгляд вдовы был направлен только на командира.

— Ты гоняешься за фантазиями и несбыточными мечтами, Ронар. С таким лидером твоих людей ждёт только гибель, и я не собираюсь быть в их числе. Я пойду лишь за тем,

кто способен дать славу и богатство.

— Я обязательно приведу своих людей к свободе, но потребую безоговорочной верности взамен. Вейнарменнир более не рады тебе, Сигрид. Да не пересекутся наши пути вновь, или пусть следующая встреча станет для одного из нас последней.

Не ответив, девушка резко развернулась и поковыляла в сторону выхода из лагеря, гордо отвергнув протянутую руку своей подруги.

— Даже не проводишь Ларса к Вильтуру? — бросила Хильде ей вслед.

— Нет никакого Вильтура, — громко ответила Сигрид, не оборачиваясь. — Он бы ни за что не позволил победить отродью своего заклятого врага.

— Тьфу! Отбросы они отбросы и есть! Брата родного за горсть медяков прирежут. Ни чести, ни совести...

Хильде громко ругалась на уходящих прочь людей под дружное одобрение товарищей, а я подняла голову, чтобы увидеть Ронара, который вдруг оказался очень близко.

Это тяжело было понять из-за его бороды, но смеющиеся глаза не оставляли сомнений — мужчина улыбался. И так странно выглядело это, так чуждо, словно он и сам забыл, каково это — улыбаться, что я зависла, потеряв дар речи от изумления.

Пропитанный хвоей и клюквой воздух вокруг нас вдруг стал ещё свежее. Моего лица коснулось тепло, словно от по-

целуя солнечного луча. Ронар заговорил, и голос его звучал необычайно мягко и вместе с тем гордо:

— Благодарю, Энора. Я опасался, что избавиться от них будет гораздо труднее, но вышло всё как нельзя лучше.

Глава 9 (Альрун). Прощание.

Палатка, в которую перенесли тела супругов Эллистир, казалась настоящим островком уюта и спокойствия, невзирая на безрадостное событие, благодаря которому я оказалась внутри.

Свежая терпкость смеси для омывания щекотала ноздри. Мята бодрила, но я всё равно чувствовала себя выжатой. Толком не оправившись от прошлой ночи, меня затянуло в новый виток событий, наполненных смертью, кровью и смрадом. Сознание так и норовило соскользнуть в беспамятство, но я заставляла себя бодрствовать ради Йонара, который с лицом, белым как мел, следовал моим наставлениям и занимался подготовкой тела Эвина к погребению.

Мне сразу понравился этот смелый юноша. Йонар оказался старше, чем я думала, — в конце месяца Живых вод ему исполнилось шестнадцать, но он всё равно был младшим из Вейнарменнир. Я испытывала странную жалость к этому худощавому и нескладному парню и потому вызвалась помочь с похоронами альвов, которые по обычаям людей легли на его плечи.

Я бездумно водила пропитанным душистой смесью куском полотна по лицу Ивары, но мысли мои витали далеко. Вновь и вновь прокручивая в голове то, что случилось сразу после поединка с Сигрид, я чувствовала себя всё более рас-

терянной.

После благодарности Ронара моё хорошее настроение вмиг улетучилось, будто его и не бывало. Я всё ещё ощущала тот пронизывающий холод, сковавший позвоночник, и разлившуюся по телу тяжесть, на мгновение приковавшую меня к земле.

— Избавиться от них? — повторила я внезапно севшим голосом. Воздуха вдруг стало катастрофически не хватать. Ещё минуту назад хвоя и клюква освежали, заставляя чувствовать себя в безопасности, но теперь превратились в удавку, стремительно затягивающуюся на моей шее.

— Я был готов, что придётся выбивать их из лагеря силой. Но своим поступком ты спасла им жизнь. Хотя, признаюсь, твоё согласие на нидвёль едва не выбило меня из колеи.

Ответ Ронара больше путал, чем что-то объяснял. Какое-то смутное беспокойство неприятно копошилось внутри меня. Я продолжала прокручивать в голове каждое слово, сказанное им с момента нашей первой встречи, искать тайные смыслы и намёки — хоть что-то, что указывало бы на то, что меня попросту использовали в достижении какой-то неведомой цели.

Новый командир Вейнарменнир ни разу не спросил ни кто я такая, ни откуда пришла, словно ему и вовсе не было это интересно. Но он и не дал мне уйти, а попросил остаться на общий сбор, показал всем в лагере, что я под его защитой, а затем привёл к людям, которые ненавидят меня лишь за то,

что я альва.

А потом случилось то, что случилось.

Я уверена — Ронар мог остановить поединок ещё до его начала. Но он словно намеренно делал всё, чтобы нидвёль состоялся, причём без его явного участия.

Мне хотелось задать ему так много вопросов. Что, если бы я проиграла? Остановил бы он Сигрид, которая явно не собиралась оставлять меня в живых? И почему он просто не попросил меня о помощи?

Но я лишь натянула на лицо улыбку и сказала, что мне необходимо подготовить тела альвов к погребению. Я сбежала к мертвецам, лишь бы скрыть от мужчины то, что меня беспокоит. Чтобы ни один вопрос случайно не сорвался с пересохших губ.

И всё же какой-то крохотной детали не хватало, чтобы все кусочки витража составили картинку. Я с маниакальной дотошностью припоминала каждое изменение в настроении Ронара, каждое движение губ и зрачков. Моё долгое молчание определённо заставило мужчину почувствовать себя некомфортно. Его улыбка померкла, точно так же, как моя собственная, лицо приобрело растерянное выражение. Его взгляд постоянно метался куда-то мне за спину, словно в поисках чьей-то поддержки, но я, слишком уставшая и обескураженная, даже не потрудилась обернуться, чтобы понять, к кому так упорно обращается взгляд командира.

И именно это поведение заставляло меня сомневаться в

своих подозрениях. Мужчина выглядел как тот, кто скорее предпочтёт решать проблему напрямую, чем искать какие-то обходные пути.

— Нашла только такие, — сообщила запыхавшаяся девушка, складывая полотна желтоватой ткани и пару рубах на скамью.

— Ничего, они подойдут. Благодарю, Грай.

Та самая смуглая девушка, знакомство с которой ранее прервала Хильде, широко улыбнулась. Она сама предложила помощь: проводила к телам, забрала необходимые для омовения травы у Ингрид, нашла подходящие для захоронения дубы, а теперь и саваны.

Внешность Грай наводила на мысли о далёких землях Праведных — знойных песках, расположенных на юге Тероланы. Когда-то они принадлежали спелиотам, пока те не решили укрыться под землёй, в Драгоценных пещерах.

Я многое слышала об этой огромной пустыне от брата. Всякий раз, приезжая домой, он жаловался отцу на очередной отказ местных от переговоров с ан Аквилана. Столетия назад простые люди, не согласные с решением своих вождей о присоединении Ветреных равнин к Гланлиморину, покинули родные земли, предпочтя мнимую свободу на грани выживания зависимости от альвов. Каким-то чудом договорившись с необщительными спелиотами, они обосновались в пустыне и вот уже больше тысячи лет стояли костью в горле потомков Бриллаара, не желая идти на уступки и яростно

оберегая свои границы.

Кожа Грай была смуглой и напоминала растопленный шоколад, глаза блестели каплями гречишного мёда, а волосы… Пожалуй, тут пары слов не хватит, чтобы описать её причёску. Огромное нечто, возвышающееся на её макушке, выглядело как перепутанные между собой разноцветные шнурки. Получив разрешение посмотреть поближе, я поняла, что это пряди её жёстких волос, украшенные всевозможными нитями, перьями, бусинами и лентами.

— Нравится? — спросила она, явно польщённая моим интересом. — Это дреды. На родине моей матери все такие носят. Хочешь, и тебе заплету?

— Такое, пожалуй, пока слишком для меня, — отказалась я, нервно заправив за ухо прядь, но, заметив, что девушка расстроилась, добавила: — Может, позже заплетёшь мне косы? Мне бы хот…

— Ютровы проделки!

Я немедленно отвлеклась на Йонара. Юноша пыхтел, низко склонившись над Эвином, и что-то делал с его рукой. На запястье мертвеца ярко блеснул металл.

— Оставь, — облегчённо выдохнула я, сообразив, что он пытается сделать.

— Но ты же сама сказала, что на теле не должно остаться украшений.

— Верно. Но это не обычное украшение. Ты не сможешь его снять.

— Ой, у неё тоже такой есть, — заметила Грай, рассматривая запястье Ивары. — Какой красивый!

— Что это? — спросил Йонар.

Я вперилась взглядом в тонкую полоску золота, на которой, выгравированные инструментами альвийских мастеров, летели, связанные витой цепью, сокол и голубь. Я немного поколебалась, не зная, стоит ли приоткрывать людям тайны традиций моего народа, но всё же решила, что вреда от этого не будет.

— Это очень древняя магия. — Припомнив всё, что когда-либо слышала от наставницы, я начала рассказ. — В прежние времена без таких браслетов было невозможно провести ритуал сердец — только уверенные в себе и своём спутнике жизни осмеливались заключить вечный союз. Дело в том, что эти браслеты связывали души. С момента заключения союза супруги делили всё на двоих: горести и радости, здоровье и болезни, и даже саму жизнь. Поэтому, если умирал один, вскоре вслед за ним уходил и другой. — Я подняла глаза на Йонара. — Вот почему я не могла оставить Эвина там. Это означало бы, что я сознательно обрекла Ивару на смерть.

И так бледный юноша побледнел ещё сильнее и кивнул.

— Это был символ настоящей любви, — продолжала я. — Но со временем знатные рода опорочили эту прекрасную магию; они стали использовать эти браслеты, чтобы обезопасить себя и своё имущество от покушений со стороны само-

го опасного врага.

— Короля? — наивно уточнила Грай.

— Своей второй половинки. Это большая редкость, когда между аристократами заключается брак по любви, а не договорной. Я бы даже назвала такую ситуацию невозможной. Вот почему я так удивилась, когда Ивара показала мне браслет. Я считала, что этот обычай давно забыт.

Я приподняла запястье покойницы и указала на гравировку, хорошо заметную в свете белых кристаллов.

— Здесь всегда изображают птиц. Знатные рода используют своих гербовых, а обычные альвы — тех семей, которые правят в землях, откуда они родом. Вот сокол — владения ан Фалькана. — Я нервно сглотнула и торопливо опустила руку альвы обратно на деревянную поверхность, чтобы скрыть дрожь в собственных руках. — И голубь — земли рода ан Гальмана, последний глава которого погиб три года назад, не оставив наследников.

Голос дрогнул, вторя занывшему сердцу. Я замолчала, понимая, что ещё слово, и я просто позорно расплачусь прямо на глазах у Грай и Йонара. Перед глазами кружились в небе сокол и голубка. Я представила точно такие же браслеты на запястьях своих родителей — отца, главы рода ан Фалькана, и матери, младшей дочери ан Гальмана, — и тут же едва не рассмеялась в голос. Конечно, такого бы никогда не случилось, ведь мой отец не способен на любовь. Оба его брака были договорными — он не любил ни мать Алистиа-

на, ни мою. Он искал идеальных кандидаток для рождения идеальных детей, но просчитался в обоих случаях: его дочь родилась дис-вайлой, а сын вырос слишком амбициозным, настолько, что переплюнул в этом собственного родителя. Едва окончив Академию, Алистиан прошёлся по головам и стремительно взлетел прямо к подножию трона, став главным из дворцовых служащих — анэстиром, первым помощником короля. И именно этот головокружительный успех никак не давал покоя нашему дорогому отцу. Он пытался командовать сыном на расстоянии, отправляя письмо за письмом в Архинтиан, большую часть которых брат успешно игнорировал, а на некоторые отвечал настолько непочтительно, что не только обитатели поместья — сама природа замирала, опасаясь разгневать мэйстира ещё сильнее.

Я подняла голову. Йонар выглядел растерянным, а Грай — странно задумчивой. Девушка разглядывала браслет, словно старалась постигнуть магию, заключённую в полоске драгоценного металла.

— Ты так много знаешь, — с ноткой восхищения в голосе произнесла она.

— Да, — я неловко закашлялась и отвесила себе мысленный подзатыльник. Никогда не могу умолкнуть вовремя! Взяв со скамьи рубашки и перекинув одну из них Йонару, я начала облачать Ивару. — Давайте заканчивать.

Как жестока бывает порой судьба. Нет у этих альвов белоснежных саванов с золотым шитьём, и провожают их в по-

следний путь чужаки. Но они умерли, как жили — рука об руку, с полным пониманием, что уйдут в Моин'ардан[1] вместе. Я почувствовала совершенно неуместный укол зависти, вызванный горьким осознанием — мне предстоит пройти свой путь в одиночестве. Даже если бы я осмелилась попрать законы — божественные и альвийские[2] — не родился ещё тот, кто захочет связать жизнь с такой, как я.

— У нас почти всё готово. — По палатке прокатился голос Ронара, заставив меня вздрогнуть от неожиданности. — Прервитесь ненадолго. Сначала костры.

Я пропустила вперёд своих помощников и, бросив последний взгляд на альвов, покинула палатку. Ронар стоял сбоку от полога. Он дёрнулся ко мне, словно хотел что-то сказать, но я сделала вид, что не заметила его, и поспешила нагнать остальных, оставляя мужчину позади.

* * *

Для костров использовали всё, что смогли найти в лагере и его окрестностях. В ход пошли и свежесрубленные деревья, и старые, изъеденные насекомыми стволы, извлечённые из-под тентов, до сего времени служившие людям домами.

Вейнарменнир успели соорудить две платформы. На первую, поменьше, поместили всего четверых, но положили

---

[1] Моин'ардан (альв.) — Вечные луга. По поверьям альвов, это место, куда они отправляются после смерти.

[2] Альвийской знати разрешено заключать браки только с представителями своего сословия. Союзы с обычными альвами, а уж тем более с представителями других рас строго запрещены.

к ним такое количество вещей, что казалось, тел там гораздо больше.

На Видара, лежащего посередине, надели шлем, полностью закрывающий лицо, но сквозь хищные прорези для глаз всё равно виднелась обугленная кожа. По правую руку бывшего командира покоилось длинное копьё с большим зазубренным наконечником, под которым, привязанная к древку, алела длинная лента, и выглядела она так, словно пламя уже коснулось чуть влажного дерева. Огонь никак не хотел отпускать Видара, следуя за ним даже в посмертии.

Слева от мужчины лежала миниатюрная девушка, настолько внешне похожая на Ниссу, что мне стало дурно, едва я увидела ниспадающие с края платформы белокурые волосы. Я ни на мгновение не задумалась, откуда здесь вообще могла взяться моя подруга, и лишь приблизившись к платформе, поняла, что ошиблась, и смогла облегчённо выдохнуть.

На лбу девушки был нарисован вытянутый ромб цвета киновари. Он показался мне смутно знакомым, словно я совсем недавно уже где-то видела точно такой же. Правая рука погибшей лежала поверх покоящегося на её груди боевого цепа с витой рукоятью, а живот прикрывал круглый щит с изображённой на нём мордой красноглазого медведя со светлой шкурой и раскидистыми рогами, похожими на оленьи. Над головой девушки кто-то возложил небольшую деревянную фигурку волка, но, как и медведь на щите, зверь был

странным: у него был вырезан третий глаз, а хвост покрыт не шерстью, а тонкими острыми перьями.

Справа от Видара лежал парень, как две капли воды похожий на Сварту. В скрещённые на груди руки Свана вложили два изогнутых клинка — таких же, какие я уже видела у его сестры этим утром. В широком вороте его рубашки виднелся свежий рубец, лёгший на бледную грудь словно почётная перевязь.

А вот последнее тело… Я поняла, что передо мной мужчина, лишь благодаря одежде. Сам покойник был обуглен практически до костей, словно кто-то уже устроил ему традиционное погребение, но зачем-то решил переложить на другой костёр.

Под павшими расстелили вручную расшитое льняное полотно. Его покрывал грубоватый плетёный узор, а по углам вышили руны, вероятно, на древнем человеческом языке, столетия назад запрещённом одним из королей ан Аквилана. Я уже видела и слышала достаточно, чтобы понять — эти люди, как и их предки, и не думали соблюдать альвийские законы, упрямо храня свои традиции и передавая их из поколения в поколение.

Платформа ломилась от различных украшений и безделушек. Среди всякой ерунды я заметила даже еду и алкоголь.

— Мы отдаём всё, что может понадобиться им в новой жизни. И просто любимые вещи, — пояснила Сварта, аккуратно опуская резной гребень для волос рядом с головой сво-

его близнеца. Невесомо пригладив кудри Свана, она встала рядом с Грай, тайком баюкая руку, которой только что касалась своего брата.

На второй, большой платформе, сложили остальные тела. Здесь почти не было личных вещей — лишь оружие покоилось на груди каждого павшего воина.

Возможно, они звали братьями тех, кто покинул лагерь сразу после поражения Сигрид. Останься те люди здесь, и у этих мертвецов могли бы быть более достойные похороны.

Среди них лежал и Ларс. Во мне шевельнулась жалость. У этого человека было многое: сторонники, жена, высокое положение среди Вейнарменнир. Сложись всё иначе, и сейчас бы он, возможно, занял место Видара. Но даже Сигрид не осталась, чтобы проводить своего супруга в последний путь. И вот он, такой сильный и дерзкий при жизни, вынужден принять помощь от тех, кого презирал.

Я ещё раз пересчитала тела. Мне показалось, что их здесь гораздо меньше, чем погибших в лагере, о чём я и сообщила стоящей рядом со мной Хильде.

— Тут только те, кто сражался, — пояснила она. — А те, кого прирезал Огден, остались гнить в палатках. Они бежали от битвы, а значит, недостойны чертогов Хальвора.

— А что вы сделали с серыми? — спросила я, стараясь не выглядеть слишком заинтересованной. Я старательно делала вид, что мне ужасно интересно смотреть, как Кайриус и Янир удивительно слаженно катят по земле большую бочку

браги.

— Ничего. Лежат там же, где подохли. Не хватало ещё на них время тратить.

— Вы так и не выяснили, кто это? — осторожно поинтересовалась я.

— Не-а. — Хильде широко зевнула. — Пытались с них маски стянуть, капюшоны, доспехи — всё без толку. Сидят, будто кожа вторая.

Я нахмурилась. Слова девушки казались странными, ведь несколько дней назад — а кажется, что целую вечность — я без труда сняла с мейваара маску.

— И важного у них при себе ничего не было, только оружие. Но и от него проку нет никакого. Берёшь в руки — нагревается, держать невозможно, — продолжала Хильде. — Ну да ладно. Что они служили какой-то богатой шишке, и так по внешнему виду ясно, так что ничего нового мы не узнали. Но Ронар уверен, что недобитые вернутся. Вот тогда-то возьмём пленного и всё у него разузнаем.

Я представила, какое разочарование будет ожидать людей, если они провернут такое. Допрашивать немого — занятие интересное, но, должно быть, довольно утомительное.

— Обычно для каждого павшего сооружают свой костёр, — вполголоса произнесла Хильде. — Но сейчас тел слишком много, а времени слишком мало. Это неп…

Она резко замолчала, и, проследив за её взглядом, я поняла почему. В нашу сторону уверенно шёл Ронар. Сейчас в

мужчине чувствовалось что-то древнее, первобытное, словно сам Вильтур вернулся к своим созданиям, чтобы приветствовать их. Ветер трепал волосы и одежду Ронара, его неожиданные порывы заставляли пламя факела метаться, из-за чего оно практически касалось сурового лица. Глядя строго перед собой, мужчина прошёл мимо нас и остановился возле малой платформы.

— Слушайте меня, Вейнарменнир! — Голос командира рокотом прокатился над полем. — Сегодня наши братья Видар Гудбранд-йорнур, Сван Арнгрим-йорнур, Рауд Агнар-йорнур и сестра Анна Дагрид-эйрнир[1] — славные воины — отправляются в Хальвор. С ними Томас, что не был братом нам по крови, но стал им по духу, и мы принимаем его в свои ряды.

Йонар подошёл к Ронару и положил между телами своих товарищей небольшой одноручный топор.

— Мы принимаем его в свои ряды, — эхом отозвались Вейнарменнир.

— Мы провожаем славных воинов в последний путь. Достаточно было сражений, и немало врагов пало от их рук! Их оружие не знало страха, а сердца горели отвагой! Ни разу не дрогнули они перед лицом опасности, ни разу не бежали от битвы, ни разу не отвернулись от семьи! Так пусть Виль-

[1] Йорнур и эйрнир (сим.) — сын и дочь. У людей нет родовых имён, к именам личным прибавляется имя отца (для мальчиков) с приставкой йорнур или имя матери (для девочек) с приставкой эйрнир, т.е. буквально Видар, сын Гудбранда, Анна, дочь Дагрид и т.д.

тур достойно примет их в своих величественных чертогах! Пусть встретят их бесстрашные киранды[1], а Энгир Фьердланги[2] расскажет их жизни, и зазвучат эти баллады в вечности! Завершить то, что они не успели, отомстить тем, кому не успели они, — клянёмся!

— Клянёмся!

— Их долг — наш долг!

— Вёльскир[1]! Вёльскир! Вёльскир! — Каждый выкрик сопровождался ударом кулака в грудь.

— Ступайте, достойные дети бьёрна-айтюр. Маннафатир лэйгир вур а хаэр муинн[1]!

— Маннафатир лэйгир вур а хаэр муинн!

Ронар провёл факелом вдоль основания платформы, поджигая пучки сухой травы, проложенные между брёвнами.

---

[1] Киранда (сим.) — в мифологии людей Альберры одна из семи крылатых девоительниц. Киранды отбирали самых достойных павших воинов в Хальвор, зал славы и дом Вильтура.

[2] Энгир Фьердланги (Энгир Странник, род. в 969 г. эры Отречения — ум. предположительно в 1027 г. эры Отречения) — человек, сказитель и путешественник. Пропал без вести во время экспедиции в Неведомые воды, перед которой оставил близкому другу на хранение заметки о своих странствиях. Данные заметки были обнаружены магами Академии в 1387 г. эры Отречения и опубликованы как путеводитель по Теролане. Для людей Энгир стал очень значимой фигурой. Считается, что в своём последнем путешествии он отыскал врата в Хальвор, где Вильтур принял его, назначив своим главным сказителем. Люди верят, что самые достойные герои получают песнь о своих подвигах авторства Энгира, а значит, не будут забыты до скончания веков.

[1] Вёльскир (сим.) — долг чести.

[1] Да примет вас Отец людей в войско своё. (сим.)

Неохотно занималась чуть влажная древесина, но благодаря старым иссушенным стволам вскоре огонь окутал сооружение полностью.

Командир перешёл к Ларсу и остальным. Я ожидала такую же проникновенную речь, но мужчина лишь произнёс ту же фразу на людском языке, которую повторили за ним остальные, а затем поджёг и эту платформу.

Повисла тишина, разбавляемая лишь громким треском дерева и шорохом пламени. Стихия охотно пожирала своё угощение. Взметнулись ввысь языки огня, добравшись до фляг с брагой, загорчили травы, перекрывая запах палёной плоти.

В конце концов этому лагерю суждено было сгореть. Пламя, сотворённое врагами, принесло с собой лишь горе и смерть. Но теперь огонь нёс очищение. В нём отражалась не боль, но утешение оставшимся и обещание, данное ушедшим. Он обращал в пепел старое, чтобы Вейнарменнир могли возродиться. Чтобы они могли стать смелее, решительнее, достойнее.

Над полем полетел высокий голос Янира. Он пел протяжно и неспешно, даже не взяв в руки лютню. Но этой песне не нужна была музыка.

Грянул гром. Закаркали неведомо откуда прилетевшие вороны, завыли волки далеко в лесу и закричали лисицы. Казалось, сама природа решила проститься с павшими.

Напев подхватили и другие. Разноголосье слилось в уди-

вительную гармонию. Я изо всех сил сдерживала вдруг подступившие к горлу слёзы, но не скорбь стала их причиной, а торжественность момента. Вейнарменнир не оплакивали — они восхваляли, и я чувствовала удивительное единение с ними сейчас. Моё сердце стучало в унисон с их сердцами, моё дыхание стало единым с вечностью. И я закрыла глаза, растворяясь в древнем языке и ровном ритме несуществующих барабанов, эхом звучащих в моей груди.

* * *

Похороны альвов прошли тихо. Помимо меня, на них пришли только Йонар, возвращающий свой люфскир, и Кайриус, который помог нам перенести тела. Мерфолк вызвался сам. Он был чрезвычайно серьёзен и аккуратен, но ничем свой порыв не объяснил, а на мой вопрос только неопределённо пожал плечами и отвёл взгляд, словно стыдясь собственного решения. Янир, с присущим ему артистизмом, долго и громко сокрушался, что не сможет присутствовать при ритуале, — бард зачем-то понадобился Ронару в лагере. Чтобы хоть как-то утешить его — и заставить замолчать, — мне пришлось пообещать рассказать всё в подробностях позже.

Грай выбрала чудесное место. Дуб оказался настолько толстым, что мы втроём, взявшись за руки, вряд ли сумели бы обхватить его. Примерно на высоте двух с половиной метров над землёй ствол разветвлялся на несколько потоньше, но всё ещё довольно внушительных. Свет Кира заполнял

пустоту меж ветвей, рассыпаясь косыми лучами по молодой траве. Где-то неподалёку журчал ручей, а воздух полон пения птиц и стрекота насекомых. Пройдёт ещё совсем немного времени, и растущие рядом кусты дикого шиповника расцветут нежными бутонами и вспыхнут красными ягодами.

Эвин и Ивара нашли свой покой у самых корней могучего дерева. Сейчас только небольшой холмик и пара лежащих на нём полынных венков могли подсказать, что здесь находится чья-то могила, но со временем потревоженная лопатами земля осядет, а венки иссохнут и рассыплются в прах, стирая любые намёки об этом.

— Пора возвращаться, — неуверенно пробормотал Йонар, когда всё закончилось. Юноша всё ещё выглядел неважно, но на бледные щёки постепенно возвращалась краска.

Я согласилась, и вскоре мы вновь окунулись в суету лагеря. Хотя число людей здесь уменьшилось, но от этого менее шумно не стало. Необычайно серьёзный Янир раздавал указания, забравшись на большую, врытую в землю бочку, с которой непонятно как ещё не свалился при таком активном размахивании руками. Никто не обращал на него внимания, прекрасно справляясь со своими задачами и без наставлений, но неугомонного барда такая мелочь не останавливала. А вот Ронара нигде не было видно, что, признаюсь, не могло не радовать — я пока совсем не была готова к разговору. С каждым мгновением мне становилось всё тяжелее бороться со сном, и я надеялась выкроить пару часов отдыха

перед новым походом.

— Энора! — Я обернулась и увидела Сварту с мешком за спиной. — Иди за мной.

Девушка пронеслась мимо, не сбавляя шага. Я только успела бросить Кайриусу: «Увидимся позже», и поспешила за ней.

— Что-то случилось? — Сердце бешено заколотилось, прогоняя усталость. Ну что ещё приключилось, пока нас не было?

— Нет, — спокойно ответила она, уводя меня всё дальше от палаток, в ту сторону, откуда я только что пришла.

— Тогда что за спешка?

— Чтобы нас никто не остановил. Давай, поживее.

Больше я вопросов не задавала. К моему удивлению, мы вернулись к могиле альвов, но Сварта не остановилась — девушка нырнула прямо в заросли колючего шиповника. Присмотревшись, я поняла, что в кустах есть проход, который ни за что не заметишь, пока не подойдёшь к ним вплотную. Наклонившись, чтобы не собрать головой шипы на ветках, я шагнула вперёд и словно оказалась в другом лесу.

Всего в нескольких шагах впереди по покрытым мхом камням бежал ручей, который я уже слышала раньше, но не думала, что он находится столь близко. Вода искрилась в солнечных лучах, заставляя щуриться от яркости. Трава здесь казалась ярче, воздух — свежее. Пока я наслаждалась природой, моя спутница успела довольно далеко уйти, толь-

ко чёрные кудри мелькнули из-за деревьев. Спохватившись, я поторопилась за ней, следуя за широкой лентой ручья.

Вскоре дорога вывела меня к цветущему берегу крохотного озерца. Его зеркальная поверхность отражала бегущие по небу облака и окрестные деревья. Берег опоясывала высокая трава, уютно укрывающая это место от лишних глаз. Сварта уже ждала меня у самой кромки воды, поставив мешок на землю.

— Можешь отдохнуть здесь. В ближайший час тебя никто не побеспокоит. — Девушка запустила руку в поясную сумку и извлекла на свет небольшую баночку. — Это заживляющая мазь от Ингрид, обработай рану. В мешке кое-что от меня и других девушек. Твой меч и остальные вещи лежат у Хильде, заберёшь позже.

— Я не понимаю, — честно призналась я, принимая баночку и с интересом разглядывая узор на крышке.

— Считай это благодарностью. За помощь нашему Йонару. И за Сигрид. Я собиралась прикончить эту дрянь за то, что она сказала о Сване, но ты спасла мои клинки от её грязной крови. Теперь она наказана Маннафатир, а мой брат не унёс позор с собой в Хальвор. Я твоя должница. — Сварта опустила голову и совсем тихо произнесла: — Ну, мне пора возвращаться. Найдёшь обратную дорогу сама?

Я кивнула, а девушка, не сказав больше ни слова, удалилась. Прикрыв глаза, я какое-то время наслаждалась тишиной и исходящей от воды прохладой. Затем присела возле

мешка и, не церемонясь, высыпала содержимое на землю. Чего здесь только не было: чистое льняное полотно, гребень для волос, несколько мыльных корней, новое бельё и даже сапоги. Конечно, они ни в какое сравнение не шли с моими ксантовыми, но хлопанье разрубленного голенища меня уже порядком утомило, а обновка подошла по размеру и оказалась достаточно удобной.

Была здесь и новая рубашка — тёмно-серый лён со шнуровкой на груди и искусно расшитыми шёлковой нитью рукавами. Я посмотрела вниз, на свою рубашку, и щёки тут опалил жар. Некогда белую ткань покрывали размазанные пятна засохшей грязи, а ещё я где-то успела разорвать рукав, который уже истрепался и стал выглядеть как букет подвявших ромашек. И вот в таком виде я щеголяла перед людьми несколько часов? Дома мне бы обязательно сделали замечание за торчащую из ворота нитку, а тут никто не обратил на это внимания: то ли всем плевать именно на мой внешний вид, то ли местных вправду не интересуют такие мелочи, как грязная и рваная одежда. И я, взращённая в чистоте и привыкшая к ней, пока не могла решить, что лучше.

Но за рубашку мне было стыдно ровно до того момента, как я наконец увидела своё отражение в водной глади: торчащие во все стороны волосы, размазанные по всему лицу грязь и копоть и длинный, но, к счастью, неглубокий порез на скуле, оставленный топором Сигрид. Стоило мне увидеть рану, как она тут же начала саднить, словно только что по-

явилась.

Торопливо стянув с себя одежду, я зашла в озеро. Вода оказалась ледяной. Ступни обожгло, холод пополз вверх по телу, выбивая воздух из лёгких, но желание помыться оказалось сильнее. Не давая себе и шанса передумать, я пошла дальше, с трудом переставляя ноги и ощущая, как немеет каждая клеточка тела. Остановившись в самом центре озера, где вода доставала мне лишь до пояса, я зажмурилась и с визгом окунулась, погрузившись по шею.

Казалось, ещё немного — и я потеряю сознание от холода. Но ледяные уколы становились слабее, в конце концов оставив после себя приятную прохладу. Зубы перестали стучать, мышцы расслабились, и я наконец смогла выдохнуть. Вернувшись на берег, я промыла рану в ручье, но, уже зачерпнув немного пахнущей травами мази на пальцы, в нерешительности застыла. Нет, я не опасалась, что Ингрид замыслила недоброе и смесь как-то мне навредит, но я не была уверена, что мне хочется её использовать. Меня захлестнуло странное желание оставить на собственном теле напоминание о прошедшем поединке.

На альвах всё заживает очень быстро. Сотни ушибов, заработанных в детстве во время игр и исследования окрестностей Поместья, а также во время фехтования в более взрослом возрасте, через пару часов уже невозможно было разглядеть, а к вечеру проходили и неприятные ощущения. Но я ни разу за всю жизнь не резалась — на тренировках насто-

ящая сталь никогда не применялась, а столовые ножи были настолько тупыми, что с трудом справлялись даже с едой. Я попросту не знала, как скоро заживёт порез и останется ли после него шрам.

Какова была бы реакция отца, если бы он увидел его? Насколько сильно он бы разозлился от осознания, что кто-то — нет, не ранил его дочь, но пролил драгоценную благородную кровь? Да ещё и, словно насмехаясь, оставил след на самом видном месте? Это убедило меня окончательно — мне бы очень хотелось, чтобы шрам остался.

Я решила, что воспользуюсь подарком Ингрид только раз, а дальше пусть распоряжается судьба и моё собственное тело. Закончив с промывкой раны, я взяла мыльный корень и только успела вернуться на глубину, как услышала хруст. Словно у кого-то под ногой сломалась веточка.

Я тут же напряглась. Стараясь не выдать, что что-то заметила, я застыла на месте и прислушалась. По-прежнему щебетали птицы, шелестел ветер в листве, шумел ручей, и больше ничего необычного. Подождав ещё немного, я всё же решила, что мне показалось. Этот внезапный отдых должен был стать передышкой перед новыми испытаниями, но усталый разум решил сыграть со мной злую шутку и напомнить — я слишком рано расслабилась.

Я обманулась, убедив себя, что вижу окружающих насквозь. Решила, что понимаю причины поступков. Но правда в том, что эти люди не мои друзья, а я — не дома. Нет, в

поместье я также не чувствовала себя в безопасности — ни разу, начиная с пятилетнего возраста. Но дома любая опасность ощущалась привычно и знакомо. Здесь же всё мне было в новинку. Вернувшись мыслями к странному поведению Ронара, я почувствовала, как сердце сдавливает невидимая ладонь. Нет, так продолжаться не может!

Наспех закончив приводить себя в порядок, я побрела к берегу, твёрдо решив немедленно отыскать командира и обсудить с ним всё, что меня беспокоит. Я должна сделать это прежде, чем смогу отправиться в Архинтиан вместе с его людьми. Между нами не должно остаться недосказанностей.

Но сперва надо выяснить ещё одну вещь. Кое-что никак не давало мне покоя после разговора с Хильде. Поэтому, не утруждая себя обтиранием, я оделась, кое-как затолкала вещи в мешок и побежала обратно в лагерь.

По счастливой случайности я сразу же наткнулась на того, кто мне нужен. Кайриус выглядел заметно посвежевшим и даже немного счастливым. Кажется, ему тоже дали возможность передохнуть. К сожалению, придётся слегка подпортить ему настроение.

Блаженная улыбка ещё не сошла с лица мерфолка, когда я налетела на него, крепко ухватив за плечи.

— Что такое? — встревоженно спросил он.

— Мне нужна твоя помощь, — тихо ответила я. — Вернись со мной на место битвы. Я должна кое-что проверить.

* * *

— Это ничем хорошим не кончится!

— Ты ведёшь себя, как вредный старик! Прекрати ворчать и помоги мне!

Если бы я только знала, как всё в итоге обернётся, я бы ни за что не попросила его пойти со мной. Лучше бы нашла другого помощника или отправилась в одиночку. Вероятно, раньше, когда нас по пятам преследовали опасности, у Кайриуса щёлкал какой-то внутренний рычаг, делая его существом немногословным, но решительным. А сейчас, в более-менее спокойной обстановке, он превратился в невыносимого зануду.

Всю дорогу до точки назначения мерфолк бухтел, не умолкая ни на секунду, иногда не находя слов на общем языке и переходя на свой, плавный и мелодичный, но из-за своего носителя невероятно раздражающий. Очень скоро из-за того, что я пыталась за бесконечным ворчанием расслышать окружающую обстановку, у меня заболела голова. Я только могла надеяться, что все слишком заняты в лагере, чтобы тратить время на слежку.

И сейчас, когда я склонилась над телом одного из мейвааров, Кайриус громким шёпотом в красках расписывал мне, почему это такая плохая идея. Стараясь не обращать на него внимания, я осторожно поддела маску кончиками пальцев и без труда стянула её. Теперь даже мерфолк притих. На меня смотрело красивое лицо молодого мужчины — именно он пытался остановить меня в ночь побега. Зная характер моего

родителя, возможность отправиться на мои поиски — это не проявление милосердия. Скорее всего, если бы этому альву удалось вернуться к своему господину живым, он всё равно был бы казнён за свою предыдущую неудачу. Отец никому не предоставляет второго шанса, так почему позволил этому мужчине прожить чуть дольше?

У меня ещё будет время поразмыслить об этом позже, но сейчас важнее другое — Хильде говорила, что масок не снять. Возможно, дело именно в этой маске? Вещь запомнила меня тогда, в поместье, поэтому поддалась сейчас? Я вернула её мертвецу и подошла к другому мейваару.

Но и с ним никаких проблем не возникло. Растерянная, я позвала Кайриуса, и мы вместе подошли к следующему телу.

— Сними с него маску, — попросила я.

Кайриус пожал плечами и присел возле трупа. Ухватившись за край маски, он потянул её наверх. Вещь поддавалась неохотно, уступая напору понемногу, словно делая нам одолжение. Но вот маска оказалась у мерфолка в руках, а сам он недоумённо смотрел на меня снизу вверх.

Я шумно втянула воздух. Что ещё говорила девушка? Я осмотрелась и заметила блестящий в кустах полуторник, но, подняв его, ничего не почувствовала. Рукоять была ожидаемо холодной, как у моего собственного оружия. Я молча протянула клинок Кайриусу. Мерфолк принял оружие, и его лицо в удивлении вытянулось.

— Тёплый, — тихо заметил мерфолк.

Я перестала что-либо понимать. Услышав от Хильде о трудностях, с которыми столкнулись Вейнарменнир, я предположила, что отец мог таким образом защитить свои секреты от людей — это вполне в его духе. Но что тогда? Решил оставить такую возможность только альвам? Вероятность есть, но и она мала, ведь среди Ветреных равнин встречается немало разбойников альвийской крови.

И так я пришла к единственному разумному выводу — без последствий трогать экипировку мейвааров могут только те, в ком течёт кровь ан Фалькана. Но почему мерфолк смог делать всё то же, что и я? Пусть с небольшими затруднениями, но защита уступила, признав его… своим? Как это возможно?

Я поведала о своих размышлениях Кайриусу, надеясь, что вместе мы разберёмся с этим, но юноша неожиданно вспылил.

— Во что ты опять меня втянула? — Мерфолк сорвался на крик. — Нас поймают! Как ты всё объяснять будешь? Не думала? Почему ты не можешь сначала думать, а потом делать? Хоть немного? Наплела людям, что я твой брат, а ещё за тобой бегают серые, и…

— Замолчи-и-и-и, — прошипела я, больше не в силах терпеть в общем-то справедливые, но оттого ещё более обидные обвинения. Я на мгновение опешила, когда Кайриус повысил голос, но замешательство тут же уступило место холодной ярости. Слишком много событий за последнее вре-

мя, слишком много сдерживаемых эмоций, слишком много потерь. Вена на виске болезненно пульсировала, колотя по стенке черепа. Я схватила мерфолка за накидку и от души встряхнула, со злым удовлетворением наблюдая, как он растерянно хлопает глазами, даже не пытаясь освободиться. — Ты мёртвого доконаешь! Клянусь, если ты сейчас, к Кайлтэну, не умолкнешь — я тебя пну!

Лицо мерфолка как-то странно дёрнулось и потемнело. Губы расползлись в неприятной ухмылке, от которой мне стало не по себе.

— Ух, какая грозная госпожа, — издевательски протянул он. Голос тоже изменился — стал вкрадчивым, змеёй скользнул по коже. Юноша вдруг мёртвой хваткой сжал мои запястья, впиваясь длинными ногтями в кожу и не позволяя отстраниться. Я даже не успела испугаться, только удивилась, откуда в этом худом болезненном теле столько силы. Кайриус резко приблизился, практически касаясь своим носом моего, а я почувствовала, как предательски краснеют щёки. — Я бы слукавил, сказав, что меня не приводит в восторг идея побыть подставкой для чьей-то изящной ножки. Даже осмелюсь добавить, что предложение это весьма и весьма заманчивое. Но так уж вышло, что ты совершенно не в моём вкусе, Вриллаашэльв'нар[1].

Земля ушла из-под ног. Я рванулась изо всех сил, пыта-

[1] Вриллаашэльв'нар (альв.) — букв. «Бриллаарово отродье» в крайне оскорбительном смысле, намекающем на грязную кровь.

ясь освободиться. Мерфолк даже не шелохнулся и довольно рассмеялся, дёрнув мои запястья на себя. Теперь он обвивал мою талию, а я упёрлась свободной рукой в его грудь, стараясь сохранить между нами хоть какую-то дистанцию. Наверняка со стороны мы выглядели очень глупо — как парочка, вдруг решившая повальсировать среди трупов.

— Кто ты такой? — прошептала я, страшась того, что могу услышать, но и одновременно с этим отчаянно желая знать.

— Может, лучше поговорим о тебе? — Незнакомец вдруг заговорил на альвийском, окончательно убеждая, что передо мной стоит не Кайриус. — Что молодая аристократка делает так далеко от дома в обществе каких-то оборванцев?

Я похолодела. Уже не пытаясь вырваться, в ужасе смотрела в разноцветные глаза, стараясь разглядеть привычную задумчивость, но в них плескалась злая насмешка, и больше ничего.

— Здесь зверем несёт, не чувствуешь? — Он отвлёкся, принюхиваясь, и брезгливо поморщился.

— Ты знаешь, кто я? — Я боялась отвести взгляд. Что-то мне подсказывало, что сейчас от мерфолка можно ожидать чего угодно.

— Ну-ну, не стоит так пугаться. Подумать только, какая удача, что тебя окружают недоумки. — Отпустив вторую руку, он провёл острым ногтем по моей шее, вызывая нить мурашек. Незнакомец слегка приподнял моё лицо, словно же-

лая получше рассмотреть. — А я даже спустя столетия не могу забыть эти глаза, точь-в-точь как у моего дорогого брата. Кровь золотого ублюдка сильна, ничего не скажешь. Как считаешь, пошли вам, альвам, на пользу близкородственные браки?

Я не ответила. Руки, больше ничем не скованные, безвольными плетьми висели вдоль тела. Пальцы незнакомца болезненно впивались в мою талию, но от потрясения я не находила сил ни пошевелиться, ни возразить. Тут черты лица мерфолка смягчились, и он рассмеялся.

— Молчишь? Но ведь здесь совершенно нечего стесняться! В конце концов, вы, смертные, созданы по нашему образу и подобию. Низшие существа, вы всего лишь делаете то, что в вас заложено. — В мгновение ока притворное добродушие сменил оскал. — Ты спросила, кто я такой? Охотно отвечу. Я тот, кого ты так неосторожно и часто любишь вспоминать, глупая девчонка. Я…

— Что здесь происходит?

Я повернула голову на знакомый голос. Обычно бесстрастное лицо Ронара сейчас отражало слишком много чувств. Я, обескураженная поведением Кайриуса — того, кто притворялся им, — не могла прочитать большую часть из них, но горящие красным значки не оставляли сомнений — мужчина зол.

Я вновь посмотрела на мерфолка. Он не выглядел напуганным, скорее наоборот — казалось, он пришёл в восторг

от того, что у нашего странного разговора появились свидетели.

— Я же говорил — зверем несёт! — Он приблизился к моему уху и прошептал: — Если хочешь выжить среди чудовищ, придётся самой стать чудовищем, девочка. Надеюсь, ты, подобно своим сородичам, не боишься замарать руки. А сейчас мне пора. Оставим наше более близкое знакомство до следующего раза, когда нам никто не будет мешать. Тогда я надеюсь услышать твоё настоящее имя. И с удовольствием представлюсь сам.

Мерфолк подмигнул мне. По лицу прошла жуткая судорога, а через мгновение на меня смотрели уже совсем другие глаза, в глубине которых горел страх. Кайриус тут же отпустил меня и уставился на свои дрожащие руки. Я попятилась.

— Энора, — сдавленно позвал он.

Я продолжала отступать, а после сорвалась на бег. Я мчалась, не разбирая дороги, пока лёгкие не начали гореть, а усталое тело не заныло от боли, умоляя остановиться.

Ноги сами принесли меня к могиле супругов Эллистир. Я села прямо на землю, обхватив себя руками. Я чувствовала себя так, словно и не мылась вовсе. Но грязь и копоть — ничто по сравнению со скользкими прикосновениями незнакомца. В одном я была уверена: кем бы ни был тот, кто стоял передо мной — это не Кайриус. Слишком явной была перемена: другой голос, выражение лица, манера речи. Незнакомец говорил странные и пугающие вещи на альвийском с

такой лёгкостью, словно это его родной язык. Но юноша с трудом разговаривает даже на общем!

Я должна обсудить всё с Кайриусом. Наверняка он сейчас растерян и напуган не меньше меня. Только вот как понять, не притаился ли в глубине разноцветных зрачков незнакомец? Как знать, что он выкинет в следующий раз, когда я ослаблю бдительность и подпущу Кайриуса ближе?

Я так погрузилась в себя, что не смогла сдержать крик, когда на моё плечо опустилось что-то тяжёлое.

— Тише, королевна, а не то сейчас сюда весь лагерь сбежится.

— Что ты сделал с Кайриусом? — Я и не думала расслабляться. Ронар не видел того, что видела я. Мужчина мог всё неверно истолковать и навредить мерфолку.

— Ничего, — сказал командир, как мне показалось, чуть более резко, чем обычно. — Что между вами произошло?

— Мы просто разговаривали, и...

— Он тебя обидел?

— Нет, я…

— Ты можешь рассказать. Я с ним поговорю. Обещаю, что и пальцем его не трону.

— Я же сказала, что всё нормально! — Я сорвалась на крик. Какой смысл задавать вопросы и не давать возможности на них ответить?!

Между нами на мгновение повисла густая тишина.

— Я всего лишь хочу защитить тебя, — едва слышно ска-

зал Ронар.

— Так же, как защитил меня от Сигрид? — не удержалась я от укола. — Благодарю покорно, но я уже говорила — мне для этого не нужен мужчина. Ты и сам убедился, что я в состоянии решить свои проблемы сама. То, что произошло, это наше личное дело. Только моё и Кайриуса.

Только слова слетели с губ, как я тут же о них пожалела. Мне показалось, что Ронар сейчас прихлопнет меня, как надоедливое насекомое. Мужчина будто стал выше и шире, а зрачки его не просто покраснели — они пылали алым.

— Понимаю. Семейное дело. — Вопреки угрожающему виду, командир даже не повысил голос, но теперь в нём отчётливо сквозило разочарование. — Наслышан.

Я опешила. Ронар не стал дожидаться, пока я разберусь, что он имел в виду, и протянул мне какой-то предмет.

— Это твоё.

Он ушёл, не сказав больше ни слова и ни разу не обернувшись. А я так и осталась стоять среди весело щебечущих птиц, до скрипа сжимая в руках собственную куртку.

Глава 10 (Кайриус). Последний день. Часть 1.

Я не понимал, на кого злюсь сильнее — на Ольвидуса за то, что он воспользовался моей слабостью, или на самого себя за то, что утратил бдительность, прекрасно зная, что наша связь с бессмертным стала гораздо крепче.

Мы отправились в путь сразу после ужина, который прошёл в окружении беззаботного веселья, что совсем не вязалось с недавними событиями и моим состоянием. Человеческая еда вызывала в лучшем случае недоумение, а некоторая — даже отвращение. У меня то и дело проскальзывала мысль, что все люди здесь попросту свихнулись. Лично мне бы и в голову не пришло жарить мясо животных после того, как парой часов ранее огонь поглотил тела моих соратников. Так что я решил ограничиться чем-то, что люди называли хлебом и сыром, только вот кусок в горло не лез. С надеждой в сердце я поднимал голову на каждого вновь прибывшего к костру, но Эноры среди них не было.

Янир сидел рядом, треща без умолку. Я пропускал его словесный поток мимо ушей, слишком сосредоточенный на собственных переживаниях, и не обращал внимания ни на упорные попытки расшевелить меня, ни на предложенную уже в шестой раз кружку, до краёв наполненную какой-то

сладкой брагой.

Неожиданно бард умолк. Удивлённый такой резкой переменой, я проследил за направлением его взгляда и мгновенно пожалел об этом. Абсолютно неслышно и незаметно для обладателя такого большого тела, к костру вышел Ронар. Он в упор уставился на меня и выглядел так, словно сейчас для него нет желания сильнее, чем схватить меня за шею и зашвырнуть как можно дальше в лес. Я выхватил у Янира кружку и торопливо глотнул. Тягучая жидкость попала не в то горло, и я поперхнулся, расплескав брагу себе на колени и немного на барда.

Это слегка разрядило обстановку. Янир засуетился, активно хлопая меня по спине и звонко смеясь, а командир наконец прошёл вперёд, усаживаясь на свободное место. К счастью, подальше от меня.

Конечно, я догадывался, в чём дело. Ронар отправился за Энорой сразу же, ни секунды не потратив на то, чтобы допросить меня. Наверняка девушка всё ему рассказала.

Но ведь и она всё неправильно поняла! Энора убежала прежде, чем у меня появилась возможность объясниться. Я оцепенело уставился на взвивающиеся к небу языки костра. Как я вообще могу оправдаться, не раскрыв всей правды? Нельзя же просто заявить, что сумасшедший бессмертный может в любой момент занять моё тело! И именно он, а не я любитель распускать руки.

Да, такое оправдание прозвучало бы очень вдохновляю-

ще. Совсем бы не вызвало ни в ком желания немедленно нанизать меня на меч.

Я поёжился, вспомнив чувство полной беспомощности, которое определённо было ещё хуже, чем на Пустыре, когда вмешательство бога спасло мою жизнь. Как и раньше, во время очередной выходки Ольвидуса я чувствовал и осознавал всё, но совершенно ничего не мог с этим поделать. Незнакомые слова вылетали из моего рта, руки против воли делали больно той, кому я не желал навредить.

В глубине души я догадывался, что Ольвидус может устроить что-то подобное, но надеялся, что он не станет усложнять моё и без того непростое положение. Но я ошибался. Мало того, что он выставил меня чудовищем перед девушкой, которую я и так едва не погубил пару дней назад, так ещё и свидетелем этой сцены стал командир людей. Наверняка для него наша поза выглядела вполне себе однозначно. Я не мог винить Ронара за то, что он пришёл к неверным выводам. Но теперь это непонимание могло закончиться для меня очень и очень плохо — неизвестно, не решит ли командир, что лучше избавиться от меня прямо сейчас. Уверен, что все подчинятся ему без лишних вопросов. Даже Янир.

У меня перехватило дыхание. Мне совсем не хотелось представлять лицо барда, когда он услышит от Ронара или Эноры о том, что произошло, но воображение всё равно услужливо нарисовало подробную картину. Почему-то возможное разочарование барда било больнее, чем разочарова-

ние Эноры в реальности. Потерять хорошее отношение Янира казалось чем-то невыносимым и уж точно в свете последних событий совсем невыгодным. Надеюсь, я сумею придумать достойное оправдание прежде, чем предстану монстром и в его глазах.

Ещё одна вещь серьёзно волновала меня: мы так и не поговорили о том, что произошло у святилища. Когда я спросил, кто такая Аэллия, Янир как-то стушевался и заторопился в лагерь. От Ольвидуса я также ничего полезного не узнал — на вопросы он отвечал безудержным хохотом, в конце концов вызвав у меня приступ головной боли. Конечно, мне бы очень хотелось списать возможность слышать чужие голоса на присутствие вредного бога, но тогда что не так с Яниром? Он ведь тоже слышал плач той женщины. Быть может, дело в том, что мы оба маги?

Я хмыкнул и покачал головой. Это первый раз, когда я сам себя назвал магом. Пусть даже и в собственных мыслях, но до чего же странно и приятно принимать эту часть себя. Я чувствовал себя так, словно под ногами появилась дополнительная опора. К тому же это оказалось главным, что объединяет нас, хотя и ничего не объясняет — я никогда не слышал о способности слышать голоса у кого бы то ни было. Однако надежда получить ответ оставалась: поведение барда ясно давало понять, что он что-то знает. Прямо перед входом в общий шатёр Янир попросил меня не говорить ничего остальным и пообещал объяснить всё позже. Правда, когда

наступит это «позже», не уточнил.

Но больше всего вопросов у меня было к самому главному виновнику. Когда Энора и Ронар оставили меня одного, я попытался тут же добиться от него объяснений. Я звал, кричал, угрожал, но всё без толку. Единственным моим шансом оставалась личная встреча. Я не мог дождаться, когда смогу уснуть, чтобы всё выяснить. Я ещё не знал, как именно проверну это, но твёрдо решил, что без ответов из его уродливой комнаты и шагу не ступлю.

Альва всё же пришла к костру. Позже всех и в полном боевом облачении. Даже не взглянув в мою сторону, она присоединилась к компании других девушек. Я ещё какое-то время буравил её взглядом, но в конце концов сдался. Однако я был не единственным, кто жаждал её внимания. Ронар кивал на реплики успевшего незаметно пересесть к нему Янира, но взгляд его не отрывался от Эноры. Он хмурился и теребил косичку на своей бороде, но на командира, как и на меня, альва не смотрела. Это казалось странным. Если моя догадка о том, что девушка поделилась с Ронаром тем, что произошло, верна, то не должна ли она сейчас держаться к нему поближе? Тогда почему же она ведёт себя так, словно и командир успел её обидеть?

— Выступаем после ужина. — Ронар заговорил, как только голоса Вейнарменнир стали громче стука кружек. Все тут же умолкли, внимая его словам. — Сведений мало, так что отправимся прямиком в столицу.

— Через «Струну»? — поинтересовался Янир.

— Через «Струну», — подтвердил Ронар, и бард довольно оскалился. — Если где мы и получим подсказку, так это там. А вы? Куда держали путь?

Я сообразил, что мужчина обращается к нам с Энорой, но смотрел он при этом почему-то исключительно на меня.

— Я… — Я замялся, попросту не зная, как ответить на вопрос. Альва ни разу не упоминала, где надо искать Ирвинга.

— Мы тоже направлялись в Архинтиан, — громко сказала Энора, отвлекая Ронара на себя.

Сердце радостно ёкнуло. Меня обрадовало это «мы». Быть может, всё не так плохо, как я думал?

— Значит, решено. — Теперь эти двое смотрели только друг на друга, словно они тут одни. Однако сжатые кулаки командира и гордо вздёрнутый подбородок девушки выдавали появившееся между ними напряжение. — Даю пятнадцать минут на сборы. Надо успеть дойти до границы леса затемно.

На этом всё. Никаких подробностей, расспросов, уточнений. Мне на сборы хватило пары секунд. Чуть раньше Янир раздобыл для меня новые поясные сумки, в которых теперь лежали уцелевшие отмычки и Гребень. Чтобы хоть чем-то занять руки, я проверил их, а также заткнутый за пояс кинжал, подаренный Энорой. Убедившись, что все пожитки на месте, я в нерешительности застыл среди суетящихся людей.

Заметив, что я единственный налегке и ничего не делаю, рыжий парень, которого, как выяснилось за ужином, зовут Фрост, всучил мне здоровый мешок с провизией и спальник.

Теперь, когда мы пробирались по лесу, который с каждым шагом становился всё гуще и гуще, ведомые холодным светом Киры, я понял, как обманчиво бывает первое впечатление. Мешок казался лёгким, а сапоги весьма удобными, но спустя несколько часов беспрерывной ходьбы провизия словно стала раза в три тяжелее, а ступни превратились в две лепёшки. Но я, стиснув зубы, молча шёл вперёд. Меня грела мысль, что очень скоро я смогу лечь спать и, наконец, разберусь с Ольвидусом.

Энора продолжала избегать меня. Она уже почти не хромала и, вырвавшись вперёд ещё в самом начале похода, ни на мгновение не замедлилась и ни разу не обернулась. Здесь, в лесной глуши, альва выглядела очень гармонично. Девушка проявила невероятную стойкость, взвалив на себя вес больший, чем многие в группе, и с грациозной лёгкостью преодолевала овраги, жгучую траву и кустарники, постоянно попадающиеся на нашем пути. Глядя на мелькающий далеко впереди силуэт, я чувствовал себя развалиной. Отчаянно борясь с одышкой, я жалел, что по нашему маршруту не протекает река. «Вот тогда я бы показал вам всем, кто тут настоящий чемпион по скорости», — мысленно ворчал я, наблюдая, как Фрост суетливо скачет вокруг раздражённой Ингрид.

Но была ещё одна причина, по которой я старался дер-

жать темп: всякий раз, стоило только замедлиться, как я тут же оказывался ближе к Ронару, шедшему замыкающим. Его убийственная аура била мне меж лопаток, заставляя холодный пот струиться по спине. Я практически прилип к Яниру, ведь только так я мог почувствовать себя в относительной безопасности — присутствие барда чудесным образом ослабляло гнев его брата.

Спустя ещё два часа прозвучала долгожданная команда:

— Привал!

У нас не вышло добраться сюда вовремя. Чем меньше времени оставалось до рассвета, тем быстрее Вейнарменнир шли, поэтому последние два часа истощили мои силы окончательно. Сейчас я желал только упасть и уснуть. Какой-то особенно измотанной частью сознания я надеялся, что Ольвидус не пустит меня в своё измерение, и я смогу выспаться по-настоящему.

— Дозор несём парами, по очереди. Первые — я и…

— Я с тобой, — вызвалась черноволосая девушка. Сварта, кажется. — Не смогу уснуть сейчас.

Ронар посмотрел на неё долгим взглядом, но всё же кивнул.

— Хорошо. Хильде, Тарви, смените нас через четыре часа. — Брат и сестра кивнули. — Дальше очередь определите сами. Отдохните как следует, выступаем ночью.

— Зачем мы так торопились, если дальше пойдём только ночью? — шепнул я Яниру.

— Потому что мы опасно близко к пограничному посту, — пояснил бард. — И так не очень далеко были, но эту часть леса альвийские стражники прочёсывают постоянно. Надо было успеть добраться сюда, пока не наткнулись на них. Но причин для волнений нет, — он обезоруживающе улыбнулся. — Нам очень пришлось постараться в прошлом, чтобы патрули сюда лишний раз не забредали.

Он с нескрываемым удовольствием потянулся, и я поморщился, услышав хруст позвонков. Янир махнул рукой, указывая в сторону густой чащи.

— Дальше, прямо перед заставой, только пустошь. Укрыться практически негде, днём нас заметят, как только высунемся из леса, поэтому надо дождаться наступления темноты. — Во взгляде барда промелькнуло сочувствие, и он едва заметно подмигнул. — Постарайся выспаться. Зная моего брата, позже такой возможности не представится до следующего вечера.

Я обречённо кивнул. Все разбрелись по лагерю, но не слишком далеко друг от друга. Я поискал глазами Энору. Девушка уже забралась в спальник и легла лицом к лесу, так что я не видел её лица. Разочарованно вздохнув, я отправился искать место для сна. Даже если альва ещё не спит, не думаю, что она оценит, если я решу поговорить с ней сейчас. Придётся дождаться более подходящего момента.

Я нашёл место чуть в стороне от всех и, чувствуя себя весьма неловко, развернул спальник. Мне ещё никогда не

приходилось спать рядом с кем-то. Дома у меня была своя крохотная спальня, а за её стенами ночевать пришлось всего пару раз. Но тогда у меня и выбора не было — стражников обычно не сильно волнуют желания заключённых. Очевидно, сейчас от моего мнения также ничего не зависит. Эта мысль не вызвала во мне ничего, кроме досады.

С трудом стянув сапоги, я растёр усталые ступни и лёг. Казалось, стоит только закрыть глаза, и я усну. Но, к моему разочарованию, сон никак не шёл. Я ворочался с боку на бок, тщетно пытаясь отыскать удобное положение, но тут что-то шевельнулось в кустах за моей спиной и заставило меня оцепенеть.

Это Ронар.

Догадка стрелой пронзила сознание. Да, это точно он. Стоит заснуть, и я поставлю себя под удар. Командир со вчерашнего вечера жаждал добраться до меня, а сейчас такой удобный шанс: весь лагерь отдыхает, он в дозоре, а я так удобно устроился в отдалении от остальных…

Я вскочил на ноги, как ошпаренный, за секунду приняв единственное логичное решение. Прихватив с собой спальник и обувь, я на цыпочках двинулся вдоль спящих, осторожно перешагнул через соревнующихся в громкости храпа Хильде и Огдена и наконец остановился перед нужным человеком. Впрочем, тут моя решимость улетучилась. Не решаясь потревожить его, я просто стоял, разглядывая безмятежное, без привычного озорного выражения лицо, и молчал.

— Интересные у тебя увлечения, красавчик, — прошептал Янир, не открывая глаз.

— Это не… Как ты понял, что это я? — Я подавил желание начать немедленно оправдываться. Нелепое прозвище всё ещё раздражало, но уже стало в каком-то смысле привычным. Замечания никак не влияли на Янира, так что я решил придерживаться той же тактики, что и с Горцениусом — не обращать внимания. Уверен, как только бард поймёт, что меня это не задевает, то перестанет дурачиться и, наконец, выучит моё имя.

— По походке, — ответил бард. По лицу невозможно было понять, серьёзен он или шутит. — Так чем обязан?

— Не могу уснуть, — пролепетал я, борясь с вдруг нахлынувшим смущением.

— И пришёл ко мне? Польщён! — Бард наконец посмотрел на меня, самодовольно улыбнувшись. — Так уж и быть, оставайся. Только чур не пинаться!

— Угу. — Я не стал уточнять, что предпочёл бы спать рядом с Энорой и её мечом, а к Яниру пришёл только потому, что рядом с ним вероятность, что командир меня прибьёт, значительно снижалась. Вместо этого я молча расстелил спальник, с каждой секундой чувствуя себя всё более неловко.

— Ты слишком громко думаешь, — заметил Янир. — Расслабься, среди Вейнарменнир ты в безопасности.

— Не уверен. — Слова вырвались против воли. Да что со

мной такое сегодня? Осталось только поплакаться, что меня пугает его брат, чтобы почувствовать себя абсолютным ничтожеством.

Янир смерил меня долгим пронзительным взглядом. Дёрнув плечом, он снова закрыл глаза и пробормотал:

— Предоставь это мне, друг мой. Я разберусь с любой угрозой для тебя.

Слова звучали как хвастовство, но тон не оставлял сомнений — это сухой факт. Было странно слышать такое от Янира, но обещание подействовало на меня странным образом: не успев ничего ответить, я провалился в сон.

* * *

Я… выспался. Для того, кто всю жизнь спал очень чутко и подскакивал от малейшего шороха, это было явлением весьма необычным. Впрочем, причина выяснилась довольно быстро. Точнее, их было две.

Первая — уже смеркалось. Очевидно, никто и не думал о том, чтобы заставить меня нести дозор. Хотя я подозревал, что и здесь без участия Янира не обошлось.

И вторая — Ольвидус так и не удостоил меня аудиенции. Не думаю, что он раскаивался за свой поступок, скорее решил чуть подольше подержать меня в неведении или просто не счёл нужным поговорить. В любом случае, своего он добился. Хорошее настроение от отдыха сменилось раздражением, и все мои силы уходили на то, чтобы держать себя в руках и не грубить окружающим.

Несколько дней впроголодь тоже не делали лучше. Только вот переживания и некоторые запахи напрочь отбивали аппетит. Не успел я порадоваться тому, что костёр здесь разводить небезопасно, как выяснилось, что вяленое мясо ничуть не лучше жареного.

Меня замутило от насыщенного и резкого запаха. Я молча поднялся, отбросил протянутую Яниром руку и скрылся за ближайшими деревьями, упрямо игнорируя направленные на меня взгляды. Я сел, прислонившись спиной к стволу, и устало сомкнул веки.

Не знаю, сколько так прошло времени — минута или час, — но передышка совсем не помогла. Наоборот, стало только хуже. На тело накатила слабость, отдаваясь покалыванием в конечностях, из лёгких же словно выпустили весь воздух.

Надо признать — у меня ничего не получается. Я вяло стукнулся затылком об дерево. Всё пошло наперекосяк с тех пор, как я согласился на задание Уннур, но некоторых особенно неловких ситуаций можно было избежать, прими я парочку других решений.

У меня нет друзей в Ликирисе. Я держал других мерфолков на расстоянии — это было несложно. Даже мама в последние годы постепенно отдалялась от меня, и теперь я, кажется, понял, почему. Всё ради того, чтобы я пережил потерю как можно легче. Это было вполне в её духе, ведь она как никто другой понимала эту простую истину — привязанности разрушают.

Они сковывают невидимыми цепями. Лишают свободы. Заставляют страдать. В привязанности к другому существу увязнуть очень просто, но когда осознаешь, что попал в ловушку, будет уже слишком поздно. Так просто из этой ямы уже не выбраться.

Лишь раз в прошлом я совершил эту ошибку. Я считал себя умнее всех и хотел бунтовать. Наставления матери об осторожности и о том, чтобы полагаться только на себя, я с присущим мне упрямством игнорировал. Я наивно полагал, что со мной точно всё будет в порядке.

Ну да, конечно. Будто помимо предательства у этого мог быть иной итог.

Поранившись тогда, я поклялся, что в будущем стану осмотрительнее. Но то, что происходит сейчас, до боли похоже на то, что я уже испытывал когда-то.

Я прислушался к тихому веселью в лагере. Очевидно, никто моего отсутствия и не заметил. А чего я, собственно, ожидал? Что кто-то пойдёт и спросит, что со мной? Вот уж глупости! Я снова приложился затылком об ствол, на этот раз посильнее.

Сейчас идеальный момент. Я должен вырвать ростки, пока они ещё свежи и не успели как следует укорениться. Горький смешок слетел с губ и растворился в лесной чаще.

Я знал, что должен сделать. Но также понимал, что совершенно этого не хочу.

Рядом послышались чьи-то лёгкие шаги. Встрепенув-

шись, я обернулся на звук. Из-за дерева показалась Энора, держась на некотором расстоянии. Повисло неловкое молчание. Я так много хотел сказать ей, но альва застала меня врасплох, поэтому я просто уставился на неё, судорожно пытаясь подобрать подходящие слова.

— Ты… — хрипло начал я.

— Держи.

Альва перекинула мне какой-то предмет, и я инстинктивно поймал его. В нос ударил солоноватый запах, источаемый уже знакомой мне связкой вяленой рыбы.

— Ронар сказал, что привала не будет до завтрашнего вечера. Поешь. — И, не дожидаясь ответа, ушла.

Я проводил её долгим взглядом и с энтузиазмом впился зубами в угощение. Я наконец расслабился, ноги и руки постепенно согрелись. Даже если Энора пока не готова меня слушать, то, что она вообще заговорила со мной, — определённо хороший знак.

Произошедшее воодушевило меня. Я вылез из укрытия, ощущая себя гораздо бодрее, и как раз вовремя — лагерь активно сворачивался. Янира нигде не было видно, зато через наши несобранные спальники уже пару раз чуть не упала бегающая туда-сюда Грай. Чувствуя неловкость за своё поведение за ужином, я решил собрать и вещи барда. Когда я уже закончил и поднял голову, то успел увидеть его спину и отблеск холодного света Киры на цветочных узорах его лютни. Ведомый любопытством, я отправился следом.

Ступив под сень деревьев, бард словно в воздухе растворился. Пришлось, полагаясь только на свою интуицию, углубиться в лес, чтобы спустя несколько минут сомнений, верное ли это направление, обнаружить его горделивый силуэт. Я собирался подойти ближе, но вовремя остановился — Янир был не один. Сам не зная зачем, я спрятался за дерево и прислушался.

— Это ни к чему хорошему не приведёт! — В громком шёпоте девушки сквозило раздражение. — Как вы можете быть настолько слепы?! Они же обманывают нас всех! Маннафатир, я вас обоих не узнаю!

Бард молчал, а девушка распалялась всё сильнее:

— Почему ты так уверен, что Медведь не околдован? Вчера он спихнул все обязанности на тебя, а сам весь день таскался по пятам за альвой, словно щенок, просто чтобы вернуть ей куртку!

— Я уверен. Моего слова для тебя и остальных должно быть достаточно, — неожиданно жёстко произнёс бард. — Сделаю вид, что не слышал, как ты назвала хъёльвдина.

— А этот парень!..

— Ингрид, — позвал Янир, но девушка не остановилась.

— Нет, я скажу! Он из этих двоих самый странный! Альв, как же!

Я закатил глаза. Тоже мне, поразительное умозаключение! Только безмозглый не понял бы, что никакой я не альв. Но, несмотря на уверенность в собственной правоте, я пой-

мал себя на том, что практически перестал дышать, ожидая ответ барда.

— Неужели я похож на дурака? — За словами последовал тяжёлый вздох. — Конечно, я понимаю, что он не альв.

— Тогда почему?

— Потому что у него нет дурных намерений, я нутром это чую. Как и у альвийской девы. То, что они оказались среди нас, — не более чем совпадение. Я советую тебе не забивать этим голову! — Бард повысил голос. — Скоро мы так или иначе узнаем всю правду.

Тихо, словно разом лишилась сил, Ингрид произнесла:

— У меня сердце болит за тебя. Говоришь, чувствуешь, что у них нет дурных намерений? А я чувствую, что нам всем грозит опасность. *Тебе* грозит опасность.

Повисла тишина. У меня затекли ноги, и пока я думал, как бы перенести вес и не выдать себя неосторожным движением, Янир заговорил:

— Бедная моя Ингрид. — Нежное обращение отдавало какой-то едкой горечью. — Однажды ты неверно истолковала мою доброту. Я терпелив, но ты должна прекратить... Дослушай! — Видимо, девушка хотела возразить, но бард не предоставил ей такой возможности. — Мы с братом знаем, что делаем. Ты должна довериться нам, как и всегда.

— Ты не можешь запретить мне!..

— Могу. — Слово стрелой рассекло воздух, заставив замолчать даже ветер в кронах. — Но мне бы не хотелось за-

чаровывать тебя. Прошу в последний раз: остановись. Или Ронар узнает, что случилось с Киарном на самом деле.

— Ты не посмеешь! — Голос девушки был пропитан страхом. — Ты знаешь, что у меня не было выбора!

— Ложь, — шёпот прозвучал как приговор. — Выбор был, но ты решила разобраться самостоятельно. Это повлекло за собой кучу проблем и, по-видимому, ничему тебя не научило. Полагаю, на этом разговор можно закончить. Обдумай мои слова, Ингрид.

Мгновение ничего не происходило, а затем я услышал торопливо приближающиеся шаги и вжался в ствол дерева. Повезло — Ингрид пробежала мимо, только мелькнули её тёмные волосы. А вот Янир уходить почему-то не спешил. Я замер, размышляя, что делать дальше. Вокруг так тихо, что любой шорох выдаст моё присутствие. Может, стоит просто выйти к нему и сделать вид, что только что пришёл? Или лучше признаться, что всё слышал?

— Душа твоя сомненьями, словно огнём, объята — я не страшусь на то смотреть. Хоть ждёт меня за краткий миг тепла жестокая расплата, готов и я в том пламени, как мотылёк, сгореть, — проговорил бард в темноту леса и снова замолчал.

Я считал, что ситуация и так достаточно неловкая, но он ухитрился всё усложнить. Послышался смешок, и Янир спросил:

— Ты долго ещё собираешься с деревом обниматься?

— Давно заметил? — Я подошёл к нему, чувствуя себя до невозможного глупо, но вместе с тем испытывая облегчение.

— Достаточно. Ты довольно звонко стучишь пятками, — Янир мягко улыбнулся.

— Не привык к обуви, — зачем-то оправдался я.

Мы немного помолчали. Тишина оказалась очень уютной. Я понял, что бард не собирается порицать меня за то, что я подслушал чужой разговор, и неловкость постепенно отступила.

— Может, сейчас станет на одну тайну меньше? Что скажешь?

Я прекрасно понял, что он имеет в виду, но всё же покачал головой.

— Обязательно, — пообещал я. — Позже.

Конечно, я бы мог рассказать всё сейчас, но эти люди, кажется, даже не слышали о мерфолках, и я боялся, что в пару фраз уложить объяснение не получится. А это признание неизбежно повлечёт за собой разоблачение Эноры. Можно уповать на то, что альва как-нибудь выкрутится, но всё же будет лучше сначала обсудить всё с ней, чтобы ненароком не подставить её под удар. К тому же, Янир и сам задолжал мне разговор.

— Что ж, не жди, что я забуду о твоём обещании. А сейчас давай вернёмся, пока хъёльвдин не отправил отряд на наши поиски.

* * *

Ночной переход оказался весьма… Пожалуй, необычным — верное слово. Я был бесконечно благодарен Яниру, который остановил меня перед самым началом и отдал один из своих бесформенных балахонов, сопроводив это весьма расплывчатым намёком, что он мне очень пригодится. Тогда я только подивился, что он таскает с собой отдельный мешок, полный одежды и всяких безделушек, хотя перед уходом Ронар ясно дал понять, чтобы все брали с собой только самое необходимое. Что ж, видимо, в картине мира барда куча сменной одежды входит в список самых важных вещей. После лютни, разумеется.

Настало время пересекать местность перед пограничным постом, и всё встало на свои места. Когда накануне Янир говорил, что «укрыться практически негде», он не преувеличивал: сразу за кромкой леса серело голое поле, словно кто-то выжег здесь всю растительность, хотя, возможно, эта догадка недалека от истины. Единственным прикрытием оказались непонятно откуда взявшиеся валуны, поэтому передвигались мы короткими перебежками, а большую часть пути преодолевать пришлось ползком.

Примерно через час заморосил дождь и не утихал до самого рассвета. Он послужил дополнительным прикрытием от посторонних глаз, но когда мы добрались до спасительной сени леса на другой стороне поля, все выглядели далеко не лучшим образом. Но Ронар не дал нам перевести дух. Уже через пару минут, грязные и уставшие, мы поплелись даль-

ше.

Когда раздалось вожделенное «Привал!», было уже далеко за полдень. Стояла необычайная жара, небо, проглядывающее сквозь редеющие кроны, было мутным, словно перед грозой.

— Мы предупредим местных, — сказал Ронар. — Хильде, если через три часа не вернёмся — примешь командование.

— Слушаюсь, — прогремела Хильде, а братья безмолвно растворились в лесу.

Я и не думал, что ожидание окажется настолько тягостным. Каждый старался скрыть нервозность, но получалось плохо. Все маялись от необходимости оставаться начеку и вести себя тихо, так как вероятность, что сюда выйдет альвийский патруль, ещё сохранялась. Самыми спокойными выглядели стоящие в дозоре Огден и Фрост, а ещё Тарви, который уткнулся в какую-то книжку в яркой обложке и время от времени разражался довольным уханьем.

Сам я сел в сторонке, оперевшись спиной на вещи Янира. Посильнее надвинув капюшон, я обхватил руками колени и уткнулся в них лицом. Балахон пах чем-то свежим и кисловато-сладким. Во время перехода аромат бодрил и придавал сил, но теперь даже он не помогал. Глаза закрылись сами собой, и я задремал.

Мгновения слились в бесконечность. Я постоянно просыпался, дёргаясь от каждого дуновения ветра или шороха, поэтому чувствовал себя совсем разбитым. Когда отведённые

три часа почти истекли, из-за деревьев наконец появились знакомые силуэты. Взвился к небесам общий облегчённый выдох.

— Погодите, — прохрипел Ронар, усаживаясь прямо на землю, и с силой потёр лицо своими большими ладонями. С громким и протяжным: «Ох!» Янир плюхнулся рядом, практически падая на командира. Ронар только подтолкнул его в ответ плечом, но сделал это так вяло, что стало очевидно, как сильно он устал.

— Возникли проблемы? — спросила Хильде. Возвращение Ронара явно воодушевило её.

— Точно не знаю, — ответил командир, неловко поднимаясь на ноги. — Мы не заметили в деревне ни одного альва. Староста ведёт себя чудно. Возраст почтенный, но старик всегда обладал ясным умом. Да и сама деревня какая-то… — он замялся.

— Не такая, — помог Янир.

— И что это значит? — пробурчал Йонар.

— Трудно сказать. — Бард пожал плечами. — Там всё слишком не такое, чтобы точно понять, что именно.

— Обойдём их? — предложила Сварта.

— Нельзя. — Ронар покачал головой. — У нас почти не осталось провизии, а следующая остановка, где мы сможем пополнить припасы, — в землях альвов в неделе пути отсюда. Не протянем.

— Можно ведь охотиться, — подала голос Энора. —

Скудно, но зато пойдём налегке.

— Не в том дело, кор… — Ронар вдруг осёкся, его уши покраснели. Он откашлялся и продолжил: — Я бы принял такое решение, но нам идти через Гибельный лес.

Все замолчали. Я переводил взгляд с одного на другого: на лице каждого застыло одно и то же выражение обречённости. Кроме Эноры — девушка уставилась на командира огромными глазами, безмолвно открывая и закрывая рот, точно рыба. Видимо, один я здесь не понимал, что означает переход через Гибельный лес. Впрочем, судя по названию — ничего хорошего.

В наступившей тишине Ронар забрал у своего брата какую-то тряпку и протянул её Эноре.

— Капюшон не снимай, — напутствовал он. — Ни с кем не разговаривай. Не отходи от Хильде. И в глаза никому не смотри, иначе всё псу под хвост.

— Поняла, — сухо ответила Энора. Она накинула довольно потрёпанный, весь в заплатах плащ, избегая смотреть на командира. — Бриллаар, ну и вонь! Почему он пахнет навозом?!

— Потому что мы забрали его из загона с козами, — весело пояснил Янир.

— Вы что, украли это?! — воскликнула альва, повернувшись к барду.

— Не украли, а одолжили. На время. С намерением вернуть, — довольно протянул Янир. Не удержавшись, я зака-

тил глаза.

— Ты. Правила те же.

За прошедший день гнев Ронара поутих, и мой страх перед ним охотно отступил. Поразмыслив, я пришёл к выводу, что моё поведение в первую ночь было очень глупым. Такой человек, как Ронар, не стал бы заниматься подобной ерундой и нападать на меня исподтишка, но утомлённый разум сыграл со мной злую шутку. Сейчас голос мужчины звучал спокойно, и я уже не чувствовал, что он хочет меня прибить. Более того, он стал будто намеренно держаться от меня на расстоянии. Или это я настолько устал, что просто перестал обращать внимание на его присутствие? Признаться, это уже не имело никакого значения. Для себя я решил, что это можно считать временным перемирием, и Ронар, судя по всему, тоже. Я кивнул, соглашаясь с его приказом, и натянул капюшон пониже.

— Выступаем, — приказал Ронар. — Будьте начеку. Пока не выясним, что произошло, в деревне у нас друзей нет.

— Кайриус, — шёпот Эноры раздался у самого уха. Я вздрогнул, но не столько от неожиданности, сколько от аромата, исходящего от её плаща. Мне стало очень жаль девушку, ведь она должна будет ходить в этом, пока мы не отправимся дальше. — Держи.

Альва протянула мне какую-то вещь, которая оказалась мягкой маской, без труда прикрывшей нижнюю половину моего лица. Энора поспешила вперёд, а я, глядя ей вслед,

решил, что надо «одолжить» для неё плащ поновее, иначе серые отыщут Энору по одному только запаху.

* * *

Деревня с грубоватым названием Сидастагюр расположилась сразу за кромкой леса, на каменистом берегу бурной речки.

Гроза так и не случилась. Чем ближе мы подходили к деревне, тем больше прояснялось небо, хотя дело давно шло к вечеру. Жара превратилась в мучительный зной, воздух, душный и вязкий, забивал лёгкие. Кир нисколько не изменил своё положение на небосклоне — словно гвоздями приколоченный, он завис ровно над нашими головами.

Измотанные путешествием, мы друг за другом ступали на перекинутый через речку шаткий мост. Брызги ледяной воды, долетавшие до меня, только дразнили, совсем не даруя облегчение. Хотелось просто перелезть через верёвку и спрыгнуть вниз, и я бы так и сделал, если бы не шедший прямо за мной Янир, схвативший меня за ворот в самый последний момент.

Перебравшись на другую сторону, мы остановились перед квадратной аркой. Вероятно, когда-то на ней держались ворота, но те давным-давно сняли за ненадобностью. К опорным балкам были прибиты круглые щиты, окрашенные в серый и красный, но самой странной деталью был большой череп животного, прилаженный к самому верху арки ровно посередине. По центру его лба, явно вырезанная вручную, зи-

яла третья глазница.

Я оглядел своих спутников. Многие смотрели на этот самый череп с нескрываемым изумлением.

— Волчий, — тихо сказал Фрост.

— Фелгардрин, — прошептала Грай. — Они с ума сошли?

Янир совершенно не к месту рассмеялся, и все повернулись к нему.

— Этого тут не было. Они повесили его после нашего ухода, — нисколько не смутившись, пояснил бард.

Хмурый Ронар отвернулся от брата и пошёл вперёд. Мы отправились следом. Солнечный, болезненно-жёлтый свет заливал дорогу и окутывал сиянием бревенчатые приземистые домики. Внезапно я почувствовал, как приподнимаются волоски на затылке. Несмотря на невыносимую жару, меня пробрал озноб, а леденящий ужас впился в сердце своими острыми когтями.

Братья были правы — что-то с этой деревней не так. Стоило пройти через арку, как нас мгновенно окутала мёртвая тишина. Даже на мрачных улицах Ликириса не бывает так тихо. Исчезли все звуки, в загонах безмолвно паслись животные. Смолкла и грохочущая в нескольких шагах от нас река, словно высохла в одно мгновение. В воздухе повисло марево, искажая безмятежную даль и заставляя здания вдалеке плыть и подёргиваться. Само время застыло в томительном ожидании чего-то неотвратимого.

Но самым жутким оказалось другое: вокруг никто не ру-

гался, не делился с соседями последними сплетнями, не смеялись дети — будто все жители разом вымерли. Но это было не так. Местные стояли возле своих жилищ. Они высыпали на улицу поглазеть на гостей, но все, как один, молчали, только провожали нас странно пустыми взглядами и натянутыми улыбками.

— Слишком тут спокойно, — прошептала Энора. — Как в склепе.

Голос альвы развеял наваждение. Я удивлённо моргнул, когда мир вокруг ожил и наполнился звуками. Остальные, казалось, и не заметили никаких странностей. Я хотел задать вопрос Яниру, но не успел. Мы остановились перед большим домом в конце дороги. Высокие окна, роспись на стенах — всё указывало на то, что дом принадлежит кому-то важному.

— Что-то старик совсем забросил садик, — заметила Ингрид.

Я проследил за её взглядом. Забросил — слишком мягко сказано. От огороженного садика тянуло гнилью. Белая пушистая плесень ровным слоем покрывала почву, стебли поникли, с трудом выдерживая вес склизких серо-коричневых бутонов. За пределы заборчика эта дрянь не вышла, и меня снова посетило ощущение неправильности происходящего.

— Ульв, — окликнул Ронар. — Пойдёшь со мной.

Люди расступились, пропуская вперёд бледного парня. Нехотя отпустив руку Грай, он поравнялся с Ронаром. Сняв с головы капюшон, Ульв тряхнул длинными седыми волосами,

открывая лоб с пестреющим на нём ромбом цвета киновари.

— Покажешься старосте. Будешь говорить с ним от имени ульфра-айтюр[1]. Если волчьего защитника повесили они, старик будет сговорчивее.

Ульв только моргнул своими печальными глазами, безмолвно соглашаясь с командиром.

Один за другим мы прошли через дверь, настолько низкую, что даже Эноре пришлось пригнуться. Внутри дом оказался гораздо меньше, чем снаружи. Воздух был пропитан чем-то свежим, морозным, но одновременно очень резким. Узкий мрачный коридор разветвлялся, уводя в комнаты, но рассмотреть убранство в них было невозможно. Я привлёк внимание альвы, которая, щурясь, вглядывалась в темноту помещений, и поочередно указал на свои глаза и на ближайший чёрный дверной проём. Но девушка только отрицательно покачала головой и отвернулась.

В дальней комнате, вход в которую был убран тонкой тканью, горел тусклый свет. Чем ближе мы подходили к ней, тем сильнее щекотал ноздри металлический запах.

— Чувствуешь? — Я ткнул стоящего рядом Янира локтем в бок.

— Что? — спросил он, морщась.

— Запах странный.

— Странный? — Янир пожал плечами. — Это киранта-рин, слеза киранды.

---

[1] Ульфра-айтюр (сим.) — род волка.

— Чего? — Настала моя очередь удивляться.

— Напиток такой. Крепкая зараза, — пояснил бард. — Неудивительно, что старикан не в себе. Как бы не окочурился раньше срока, столько принимать…

— Нет же! — прошипел я. — Кровью пахнет.

Но Янир не успел и рта раскрыть. Ронар отодвинул полог в сторону, открывая вид на измождённого старика, сгорбившегося на стуле с высокой спинкой. Места перед человеком было немного. К нему уверенно вошёл командир, за ним бледной тенью следовал Ульв, а замыкал группу вездесущий Янир. Не раздумывая зачем, я проскользнул за ним до того, как ткань вернулась на место.

Старик не обратил на нас никакого внимания. Я бегло осмотрелся. На первый взгляд в комнате всё было в порядке. Скромная обстановка: стол с несколькими глиняными мисками и сальными чадящими свечами, старый сундучок в углу комнаты и завешенное окно. Обычный деревенский дом, у нас и в трущобах таких достаточно. Только вот подоконник был уставлен почерневшими цветами, а земля в горшках была покрыта той же плесенью, что и в саду.

Янир не выдержал первым. Он демонстративно кашлянул, привлекая к себе внимание.

— А-а-а, Ронар, мой мальчик. — Старик встрепенулся, словно очнулся от глубокого сна, и натянул на лицо ту же неестественную улыбку, которой нас встретили другие жители деревни. На нас с бардом и Ульвом он даже не взглянул,

словно кроме командира в комнате больше никого и не было. — Уже вернулся?

— Почтенный Дрегар, — Ронар чуть склонил голову. — Благодарю за тёплый приём.

Стоящий практически вплотную ко мне Янир насмешливо фыркнул.

— Ну что ты, что ты. Вы столько для нас сделали. — Дрегар вяло махнул рукой. — Останешься на ночлег?

— Да, — подтвердил Ронар и указал рукой на нас. — Но нас много.

— Ничего, ничего. — Дрегар закивал, по-прежнему глядя только на командира. — Приводи своих друзей, мой мальчик. Приводи.

Староста вдруг с силой застучал по стене, заставив меня вздрогнуть.

— Вот так, вот так. Бут всё подготовит.

— Благодарю. — Сжатые кулаки выдавали, что командир теряет терпение. — А что альвы, староста? Альвы не против нашего присутствия?

— Альвы? — Староста впервые с момента нашего прихода моргнул. — Нет, нет. Не против. Вызвали их, вернутся нескоро. Да, нескоро…

— Может, вам нужна помощь? — попробовал Ронар. — Мы готовы…

— Нет, — перебил Дрегар. Я прикрыл глаза и шумно выдохнул, держась из последних сил, чтобы не вылететь из ком-

наты вон. Невозможно медленная манера речи старикана и привычка повторять слова ужасно раздражали, а вот странные паузы между словами пугали и внушали тревогу. К тому же металлический запах, к которому примешивалась гнильца, никуда не исчез, но в полумраке отыскать его источник не получалось. Я почувствовал руку барда на своём плече и слегка расслабился. — Нет. Сегодня вы наши гости. Да, сегодня большой праздник…

— Тогда мы пойдём, — прогудел Ронар, перебивая бубнёж старика.

— А где Агнес, папаша? — внезапно выкрикнул Янир, ни капли не заботясь о вежливости.

Повисла тишина. Застыли все. Я не понимал, о ком идёт речь, но тоже невольно задержал дыхание в ожидании ответа.

— Агнес? — переспросил Дрегар. В подслеповатых глазах наконец промелькнуло что-то осмысленное. Голос его дрогнул: — Ушла она. С другими девками ушла. Венки плести. Глядишь, к вечеру вернётся. Сегодня ведь большой праздник…

— Ага, понятно. — Янир круто развернулся на каблуках и покинул комнату, не попрощавшись. Ничего не понимая, я поспешил за ним.

Остальные, все как один с мрачными лицами, ждали нас на улице. Но они были не одни. Чуть в стороне от группы скромно стоял сутулый мужичок неопределённого возраста.

Его левый глаз непрерывно подёргивался, а зрачок закатился так, что его практически не было видно.

— Староста сказал. Отвести гостей. П-п-пошли за мной, — выдавил он, заламывая руки, и тут же засеменил прочь.

Никто не заговаривал до тех пор, пока мужик не привёл нас в место ночлега — старый деревянный амбар. Похоже, им давно не пользовались. Затхлый влажный воздух тут же вырвался на свободу через приоткрытые створки ворот. Горячий ветер задувал в стенные прорехи, уныло завывая и гоняя облачка пыли и мелкого мусора. На полу прела желтовато-серая трава, пружиня под сапогами, а из углов тянуло протухшими овощами, и я поплотнее прижал маску, стараясь вдыхать через раз.

Как только провожатый, прихрамывая, ушёл, Ронар отправил Огдена охранять вход, а сам собрал нас в самом центре постройки. Мы столпились вокруг командира, практически соприкасаясь лбами друг с другом.

— Ну что там? — звучным шёпотом спросила Хильде.

— Ничего, — прогудел Ронар. — Но ульфра-айтюр не при чём.

— Как ты понял? — не сдержавшись, полюбопытствовал я. Сам-то я ничего не понял.

— Дрегар даже не взглянул на Ульва, — пояснил Янир вместо брата. — Понимаешь, кровь волков сильна, и, увидев ульфра-айтюр однажды, уже ни с кем не спутаешь. Старик не мог не обратить внимание, если в самом деле встречался

с ними. Так что череп не знак протекции волков, а скорее…

— Попытка оклеветать их, — нетерпеливо закончила Сварта, перебив барда. — Но за каким ютром деревенским это надо? Волки присматривают за этими землями.

— Это связано с пропавшими альвами, — уверенно сказал Ронар. — В столице скоро сообразят, что они перестали отвечать на послания. Отправят сюда свои отряды, выйдут на волков, а дальше… всё повторится.

Под дырявым потолком словно сгустились грозовые тучи. Люди напряглись и помрачнели ещё больше. Я удержался от вопросов, чувствуя, что они сейчас будут крайне неуместны.

— Подождите, — тихо проговорила Грай, сильнее сжимая ладонь Ульва. — Всё равно не понимаю. Дрегар всегда был в хороших отношениях с кланами. Как он мог пойти на такое?

— Думаю, у него нет выбора. — Янир в задумчивости закусил нижнюю губу. — Я спросил у старика про Агнес. Ну вы помните её, младшая внучка старосты…

— Это которой ты стихи под окном читал, а её братья потом до утра гонялись за тобой по всей деревне с вилами и мотыгами? — ехидно уточнил Фрост.

Мгновение все молчали, а после грянул дружный хохот. Со смехом из людей выходила накопленная за последние дни тревога. Даже я, представив эту картину, не удержался, радуясь, что маска и капюшон надёжно скрывают моё лицо.

— Детали! — Янир выглядел крайне довольным собой и смеялся громче всех. Когда все, наконец, успокоились, улыб-

ка барда немного померкла. — Да, та самая. Я думал, если упомяну её — старик вспылит. Он каждый раз при встрече предупреждает меня держаться от неё подальше. Но я ошибся. Кажется, он даже не сразу вспомнил, о ком я спрашиваю. Ставлю свою Мэрит на то, что Агнес сейчас вовсе не венки с другими девицами плетёт.

Все вновь погрузились в тягостное молчание. Никто не хотел говорить этого вслух, но было ясно, что ничего хорошего с девушкой не произошло. Ронар хлопнул в ладоши, заставив всех вынырнуть из невесёлых мыслей.

— Разойдитесь по деревне, разузнайте о случившемся. Любую мелочь. Кто-нибудь да проговорится. В одиночку не ходить. — Он тяжело вздохнул и устало произнёс: — Это уже не тот Сидастагюр, который мы знали.

* * *

К вечеру деревенские устроили празднество. Ни один дом не мог вместить столько людей, поэтому столы вынесли прямо в поле. Кажущийся бесконечным день резко уступил место ночи, словно по щелчку пальцев, но облегчения это не принесло. В сумерках вымученные улыбки и показная доброжелательность местных казались ещё страшнее, а одуряющий зной и не думал уходить, заставляя кровь закипать, а меня — обливаться потом.

Вейнарменнир подтягивались к застолью постепенно, с такими удручёнными лицами, что без слов становилось ясно — никому ничего выяснить не удалось. Даже Ронар выгля-

дел несколько растерянным. Я прекрасно понимал их, ведь и сам весь день безрезультатно таскался за Яниром.

Барда одолевала злость от бессилия. Юноши и девушки, которые раньше бросали свои дела и мчались со всех концов деревни лишь бы послушать его баллады, теперь либо старательно избегали беседы, либо и вовсе не показывались. Янир вполголоса называл имена тех, кого никак не мог найти. С каждым новым именем я всё больше падал духом, ведь по подсчётам выходило, что около тридцати молодых людей просто бесследно исчезли, а те, кто остались, или молчали, или повторяли байку о каких-то венках.

— Так сейчас же месяц Танца гроз, — рассеянно пояснил Янир, когда я спросил его, о каких венках все вокруг толкуют. — Как раз неделя гуляний идёт. Девушки гадают на любовь, парни соревнуются в силе и ловкости. Каждый вечер — танцы и хороводы. В шестой день плетут венки из полевых цветов, а вечером собираются и ищут похожие на свой. Считается, чем больше у венков общего, тем меньше ждёт разногласий в семейной жизни.

Всё это казалось очень любопытным. В Сафирее браки заключаются с благословения священника, которое, стоит заметить, получить не так-то просто. Считается, что брак должен одобрить сам Ольвидус. Хотя лично я сильно сомневаюсь, что этому сумасшедшему вообще есть дело до того, кто там на ком женится.

Я попытался представить, как такие гуляния выглядели

бы в Ликирисе, но не смог. Нет, наверняка и под водой нашлось бы что-то красивое и символичное для подобных обрядов, но вот сами мерфолки в радостную картинку никак не вписывались.

Что ж, возможно, мы просто не созданы для счастья.

Так ничего и не узнав, мы поплелись на ужин. Впрочем, совсем бесполезной нашу прогулку назвать было нельзя. Подкравшись к Эноре, я положил на её колени свёрток.

— Переоденься, — шепнул я и ушёл прежде, чем она успела ответить.

Стащить новый плащ не стоило никаких усилий — я просто стянул его с бельевой верёвки в каком-то дворе под одобрительные реплики Янира. Было даже как-то обидно, ведь я и не пытался скрываться. Я был уверен, что кто-то наблюдал за мной из окна, но не остановил. Впрочем, большинство местных вели себя так же странно, как и их староста, поэтому к вечеру я немного привык и перестал обращать внимание на их чудачества.

Издалека стол выглядел богато, но, сев за него, я брезгливо поморщился. Пища выглядела несвежей: зеленоватый плесневелый хлеб, размякший от жары сыр, подвядшая зелень. По мясным и рыбным блюдам ползали мухи, и я в очередной раз порадовался, что на мне маска. Сегодня я окончательно убедился, что что-то произошло с моим обонянием, когда я поднялся на Поверхность. Я улавливал ароматы задолго до того, как мы с Яниром приходили на место

— бард кривился только при приближении к источнику. Это несколько развеселило, поэтому какое-то время я от всей души потешался над ним, затеяв игру в угадайку. Надо ли говорить, что я победил? Бард, нисколько не расстроившись, со смехом принял поражение и согласился, что теперь должен мне услугу.

Впрочем, некоторые фрукты и овощи выглядели вполне съедобно. Я уже пробовал такое в лагере и знал, что желудок не взбунтуется. Но не успел я обрадоваться, как появилась новая, крайне нелепая проблема — я попросту не мог поесть. Даже Энора, низко опустив голову, скромно грызла яблоко, не привлекая лишнего внимания. Но не для того я весь день внимательно следил за тем, чтобы длинные рукава полностью закрывали руки, чтобы сейчас выдать свою природу перед всеми. Мне совсем не хотелось напугать местных длинными жесткими ногтями и чешуёй.

Живот предательски заурчал. Янир, сидящий рядом, пихнул меня плечом.

— Чего не ешь? — спросил он, практически не размыкая губ.

— Не знаю как, — процедил я в ответ.

Бард застыл, словно статуя, а через мгновение звонко шлёпнул себя по лбу и вскочил на ноги. Сидящие рядом Вейнарменнир немедленно повернулись к нему. Напряжённые позы выдавали, что они готовы кинуться и заткнуть Янира, если он вдруг решит сморозить очередную глупость.

— Староста! — громко позвал он, привлекая внимание старика, и хлопнул меня по плечу так, что я, не ожидавший такой силы, едва не стукнулся об стоящую передо мной кружку. — Благодарю за угощение, но нашему брату нездоровится, я должен проводить его.

— Да, да, мой мальчик, — рассеянно ответил Дрегар, глядя куда-то мимо Янира. — Возьмите с собой что-нибудь, вдруг проголодаетесь. И вина, вина обязательно. Обязательно…

Под глухое бормотание старика бард, ни капли не стесняясь, набрал полные руки еды, прихватил флягу с вином и, насвистывая какую-то мелодию, поскакал в сторону ночлега. Я, ссутулившись, плёлся следом, изо всех сил изображая больного.

— Поедим здесь. — Бард плюхнулся на землю прямо у стены амбара и потянул меня за рукав.

Я охотно стянул маску и принялся за скромный ужин. Янир же, напротив, к еде почти не притрагивался. Задумчиво глядя вдаль, он тихонько наигрывал на лютне печальную мелодию, прерываясь только для того, чтобы хлебнуть вина.

— Скажи, — обратился я к нему. Бард, не отрываясь от игры, слегка склонил голову набок, показывая, что слышит меня. — Кто такая Аэллия?

— Она была супругой Вильтура. — Мелодия стала тише, не в силах смолкнуть, но и словно боясь спугнуть миг откровения. — Богиней, прекрасной и крылатой, повелитель-

ницей воздуха и ветров. Мореплаватели и путешественники, воины и охотники — её покровительства искали многие. Уберечь в пути. Послать в подмогу попутный ветер. Скрыть присутствие от врагов и дикого зверя.

— Я никогда не слышал о богине с таким именем, — пробормотал я.

Можно было допустить, что от мерфолков по какой-то непонятной причине что-то скрывали, но ведь и в книгах Поверхности не встречалось ни единого упоминания о ней. А я прочитал их за свою жизнь немало.

Богов всего девять. Всегда было девять.

— Не поверишь, но я тоже, — невесело усмехнулся Янир. — Я узнал о ней всего три года назад, когда мы обосновались у Пепельного озера. Знаешь, это ведь я нашёл новое место для Вейнарменнир. Когда в старом лагере уб… — Тревожно задребезжала струна, и бард осёкся. — В общем, тогда нам пришлось срочно сниматься с места, и тропы вывели меня к святилищу. Стоило мне только войти туда — бах! — Янир с силой ударил по струнам, заглушая их. — И мне открылось всё.

Бард замолчал, уставившись в одну точку на горизонте. Я заёрзал на месте в нетерпении.

— Что открылось-то? — чуть раздражённо спросил я, когда молчание затянулось.

Янир резко повернулся ко мне. Нефритовые глаза лихорадочно блестели в сумерках. В них отражалось так много:

решимость, страх, нетерпение. Надежда. Я, словно загипнотизированный, смаковал эти эмоции, как терпкое вино, и почти перестал дышать.

— Ты когда-нибудь ощущал себя изгоем? Чужим среди своих же?

Я поперхнулся и потянулся за флягой, чтобы запить вставший в горле кусок помидора. Жидкость неприятно обожгла горло. За сладостью я различил едва уловимую горечь. В голове тут же поплыло.

— Постоянно, — тихо ответил я, решив быть честным.

— Вот и я, — пробормотал он. — Что?

— Ничего. — Я отвернулся, скрывая свой неверящий взгляд. Невозможно, чтобы такой, как Янир, вообще знал, что значит быть изгоем.

— Не веришь. — Он вздохнул и лёг на спину. — Но это правда. В четыре года я впервые услышал мужской голос. Он просто появился прямо в моей голове и с тех пор рассказывает столько всего, что в памяти удержать невозможно. О богах, о старых временах ещё до эры Раскола. О погибших землях за Неведомыми водами. О том, о чём я сам никак не мог узнать.

У меня по спине пробежал холодок. Это немного напоминает меня и Ольвидуса. Но такого ведь просто не может быть, верно?

— Я долгое время думал, что я сумасшедший, — продолжал бард. — Когда это только началось, я делился эти-

ми историями со всеми подряд, не скрывая, откуда их взял. Тогда-то старейшины клана и всполошились. Решили, что я одержим злыми духами. И обвинили во всём мою мать.

— Почему?

— Из-за её силы. Понимаешь, мама происходила из семьи главы рэйвра-айтюр, лисьего рода. Она была очень талантливой женщиной. Настолько, что её старший брат, едва став новым вождём, нашёл ей мужа за пределами родного клана. Опасался, что она отберёт у него власть. Отец любил маму без памяти, а вот старейшины её побаивались. Так что мои рассказы стали отличным поводом, чтобы избавиться от неё.

— И они… — Я замялся, не в силах произнести это вслух. Мне живо вспомнилась моя собственная мать. Я прекрасно знал это чувство всепоглощающей тоски и безысходности: косые взгляды, шепотки, несправедливые обвинения.

— К счастью, тогда всё обошлось. — Я облегчённо выдохнул, а Янир грустно улыбнулся. — Я сказал всем, что каждый мой рассказ — выдумка. И про голос в том числе. За мной присматривали ещё какое-то время, а потом маму оправдали. Ох и разозлились же тогда старейшины! Мало того, что переполошил весь клан, так ещё и лишил шанса вернуть мою мать обратно к лисам. Почти все дети переняли настроение родителей, поэтому из друзей у меня остался только брат. А сам я уяснил, что лучше ни с кем больше не делиться, что я слышу чей-то там голос, даже с родными. Но ты… — Он приподнял голову и пристально посмотрел на меня. — Ты

как я, верно? Ты ведь тоже слышал. Тогда, у святилища. Ты слышал Аэллию.

— Я слышал женщину, — осторожно ответил я, стараясь не выдать волнения.

— Это была она.

Уверенность барда вкупе со словами Ольвидуса заставляли поверить, что богиня в самом деле когда-то существовала, так что я не стал спорить. Но всё же теперь меня больше волновал загадочный голос, рассказывающий барду… что? Сказки? Или прошлое этого мира?

Я бросил взгляд на своего нового друга. Вино и усталость сделали своё дело — Янир задремал, обнимая лютню. Лицо его было таким умиротворённым, что я не смог сдержать улыбки. Поднявшись, я растормошил барда и протянул ему руку. Мы зашли в амбар, и я, бросив последний взгляд на далёкие огни деревенского праздника, плотно прикрыл за собой скрипучую створку ворот.

Глава 11 (Кайриус). Последний день. Часть 2.

— Впервые вижу барда, который засыпает от собственных историй.

Этот голос… Нахальный, скользкий, мерзостью проникающий в самые глубины души. В ушах зазвенело. Заревел поток, с готовностью окутав ладони покалывающим теплом.

Я даже не успел поднять руки. Порыв ветра, смазанная вспышка красного — и мои ноги оторвались от ковра. Я захрипел. Заскользил ногтями, под корень ломая их о золотой браслет, но чужая хватка на шее стала только сильнее. Ольвидус оглушительно расхохотался.

— Ты что удумал? — Несмотря на до омерзения радостную физиономию, голос бога полнился угрозой. — Неужели и вправду решил, что сможешь причинить мне вред, смертный?

Лёгкое движение кисти, миг полёта. Спину пронзила боль, волной прокатившись по всему телу. От удара с книжных полок на мою голову с грохотом посыпались увесистые тома. Мир загудел, перед глазами заметались тёмные точки.

— Прелюбопытный экземпляр! — Когтистые ступни медленно, но неумолимо приближались. Я скорчился среди рассыпанных книг, не в силах ни подняться, ни даже толком

вдохнуть. Слова доносились до меня словно сквозь вату. — Столь неожиданный результат так интригует, так возбуждает интерес!

Сильные руки оторвали меня от пола и куда-то потащили. Я попытался воспротивиться, но когтистая ладонь лишь крепче сжалась на моём плече. Сначала я услышал его — мерзкий хруст, — и только потом почувствовал ужасную боль. Из глаз сами собой брызнули слёзы, а из горла вырвался крик.

— Не драматизируй! На твоё тело это не повлияет, так что перестань ныть!

Ольвидус остановился прямо перед камином и отпустил меня. От очага исходил нестерпимый жар, источаемый невидимым пламенем. Растянувшись на спине, я судорожно глотал обжигающий воздух. Горячая кровь пропитала накидку, левая рука онемела, и я оставил бесполезные попытки заставить её двигаться. Бессмертный снова поднял меня и усадил в одно из своих уродливых кресел, которое подтянул вплотную к огню. Уперевшись руками в подлокотники, он угрожающе навис надо мной и зашипел:

— Не забывайся, мальчишка! Ты слишком жалок и слаб, чтобы навредить мне. Я великодушен, но не советую и дальше испытывать моё терпение. Твоё тело в моей власти, и это, — он надавил на моё плечо, и я забился в хватке, захлебнувшись воплем, — может стать твоей реальностью. Я обещал помочь тебе вернуться домой, но что-то не припоми-

наю, чтобы в нашем соглашении был пункт о твоей невредимости. Уверен, пара незначительных переломов не задержит тебя, но зато научит вести подобающим образом. Считай это предупреждением. Последним.

Я нашёл в себе силы кивнуть, с трудом разбирая суть слов. Думать о чём-то, кроме раздробленного плеча, не получалось. Меня мутило от ощущения движущихся под кожей осколков кости, но я только покрепче сжал зубы, чтобы ни один стон, ни один звук больше не вырвался на свободу.

— Хочешь что-то спросить? — поинтересовался Ольвидус откуда-то сбоку.

— Нет, — прохрипел я, закрывая глаза.

Злость угасла, вытесненная болью. Я просто хотел убраться отсюда. Мысленно я молил кого-нибудь из Вейнарменнир случайно пнуть меня во сне и вырвать из объятий кошмара.

— И правильно, — протянул бог. — Ведь у тебя совсем не осталось времени, парень. Впрочем, если хочешь, чтобы все твои новоиспечённые друзья умерли с тобой в один день, то можешь задержаться и поболтать со мной.

— Снова угрожаешь? — Я распахнул глаза, с ненавистью глядя на ухмыляющуюся физиономию.

— Угрожаю? Я? — Бог рассмеялся, запрокинув голову. — Ни в коем случае! А вот деревенский люд с гостеприимством покончил.

— Ронар наверняка выставил дозорных, — промямлил я и с трудом сглотнул вязкую слюну. — Они бы уже подняли

тревогу.

— Только если эти дозорные ещё способны что-то видеть. — Ярко сверкнули золотые глаза в обрамлении красных ресниц. — Давай-ка лучше поторопись и взгляни сам. И на сей раз постарайся развлечь меня, парень!

* * *

— Да проснись же ты! — Звенящий голос разрезал воздух, эхом отскочив от стен.

С судорожным вдохом я распахнул глаза. Тело покрылось холодной испариной, а лицо, напротив, горело так, словно вся кровь в теле вскипела и разом прилила к нему. Сердце грохотало где-то в горле, перед глазами плыло. Я только успел перевернуться на бок, прежде чем меня вырвало.

— Вриллаагоэран[1]! Наконец-то!

На мою спину легла дрожащая ладонь. Из тумана вынырнуло взволнованное лицо Эноры. Скулы и нос девушки раскраснелись, в глазах стояли слёзы, и у меня защемило в груди.

— Что такое? — прохрипел я и с опаской пошевелил пальцами. Ольвидус оказался прав: плечо ныло, но, к счастью, было цело. Эта боль — лишь отголосок кошмара, в который я бы никогда не хотел вернуться.

— Не знаю! — Энора помогла мне сесть. — У меня получилось разбудить только тебя!

Я обернулся. Нахмуренные брови Янира и крепко сжатые

[1] Вриллаагоэран (альв.) — Хвала Бриллаару.

челюсти на искажённом мукой лице ударили больнее, чем слёзы альвы. Убрав мокрые спутанные волосы с его лба, я коснулся его напряжённой шеи. Пульс колебался, то тревожно замедляясь, то стремительно пускаясь вскачь. Дыхание барда, поверхностное и быстрое, растворялось в духоте амбара.

— Эй, — позвал я и легонько потряс его за плечо. Не дождавшись даже малейшей реакции, потряс сильнее. — Янир!

Чем больше я прилагал усилий, чтобы разбудить его, тем сильнее грохотало в чужой груди. На бледных висках блестел пот, потрескавшиеся губы посинели, и я оставил тщетные попытки, испугавшись, что тело барда просто не выдержит.

Остальные Вейнарменнир выглядели не лучше Янира, а некоторые и хуже. Белая кожа Сварты посерела. Фрост хрипел, его приоткрытые веки обнажили покрасневшие белки. Йонар скорчился прямо на полу, жалобно поскуливая. Ульв растянулся на животе, лишь на какую-то кроху не дотянувшись до пальцев Грай своими.

Дело — дрянь.

Пошатываясь, я поднялся на ноги. Пол поехал куда-то в сторону, голова неистово кружилась, будто меня затянуло в подводную воронку. Больше всего на свете мне хотелось снова лечь, но страх за жизнь оказался сильнее.

— Я услышала шум снаружи, — торопливо рассказывала Энора, удерживая меня от падения. — Ронар остался в дозо-

ре. Кайлтэн, я же сказала ему, что нужен ещё один человек! Почему он не послушал?

— Энора! — одёрнул я, вложив в голос всю твёрдость, какую мог. — Сосредоточься!

— Прости, — выдохнула она, спрятав лицо в сгибе локтя. — Я попыталась отворить ворота, но не смогла. А ещё… Нет, лучше взгляни сам.

Я послушался и перевёл взгляд на полусгнившие створки ворот. В месте, где должен был висеть замок, чернела дыра. Прямо из центра пустоты торчала рукоять с навершием в виде языка пламени. Я подошёл ближе. Чернота, удерживающая клинок, подёргивалась и текла, словно вода в реке.

Во рту стало сухо. Я знал, что это такое.

— Ха! А деревенщины-то затейники! Припрятали магусов, ну надо же!

Вовремя, как и всегда. Взгляд метнулся к Эноре, но девушка была занята, пытаясь разбудить Хильде, и я отвернулся, прислонившись лбом к трухлявому дереву.

— Магусов? — переспросил я. — Их несколько?

— Всему-то тебя учить! — веселился Ольвидус. *— Парочка точно: один держит барьер, другой усыпляет дражайших гостей. Ты должен быть благодарен, парень, ведь только благодаря мне ты не валяешься при смерти в компании своих друзей. Именно я защищаю твой разум! А вот подружка твоя не перестаёт удивлять, надо же…*

Игнорируя жизнерадостный бубнёж, вырывающийся из

моего собственного рта, я изучал переливчатую поверхность барьера. Что же делать? Хоть я и определил, что это такое, но всё же понятия не имею, как его снять!

— Разбей его.

— В смысле? — Я моргнул, приходя в себя. Кажется, последнее я произнёс вслух, случайно перебив словоохотливого бога.

— Ты мыслишь чересчур узко, — нетерпеливо пояснил бессмертный, и я ясно представил, как он в раздражении машет рукой. *— Не думай о том, как снять его. Думай о том, как выбраться. Сломай его. Влей поток, заморозь и разбей. И лучше поторопись, мне не терпится посмотреть, что происходит снаружи!*

Я невидящим взглядом уставился в дыру. Противно признавать, но он прав. Это почти не отличается от того камня в темнице, принцип один. Но хватит ли мне сил?

Энора подошла ближе. С выражением безрассудной решительности на лице она попыталась выдернуть застрявший в барьере меч. Я вновь посмотрел на Янира.

В груди заревело. Сила вспыхнула яркой искрой, которая мгновенно разрослась во всепоглощающее пламя. Магия распирала изнутри, и я понял, что если сейчас же не выпущу поток, то он попросту разорвёт меня на части.

Обхватив запястье Эноры, я потянул его назад. Оружие с лёгкостью последовало за рукой хозяйки, освобождаясь из плена чужой магии. Не медля более ни секунды, я поднял

ладонь и позволил густому графитовому вихрю вырваться на свободу.

* * *

Грохнуло! Барьер рассыпался мириадами ледяных осколков, наполнив пространство высоким звоном.

Раздался ликующий смех. Я не сразу понял, что он вырывается из моего горла, и не был уверен, кому он принадлежит: безумному богу или опьянённому силой мне. Чувства обострились и так тесно сплелись между собой, что разобрать, где заканчивается моё и начинается его, оказалось невозможно.

— С ума сойти можно, — выдохнула Энора, застывшая рядом со мной, плечом к плечу. Я с удовольствием отметил, что она не отстраняется, а смело смотрит в ответ и улыбается.

Жёлтые зрачки девушки горели азартом. Или то было отражение отблесков пламени?

Окрылённый маленькой победой, я не сразу заметил, что мы не одни. Чуть поодаль собралась молчаливая толпа. Казалось, деревенские просто вооружились всем, что под руку подвернулось: вилами, лопатами, косами. Некоторые держали факелы, мерцающие зловещим чёрно-фиолетовым пламенем, и доски, по-видимому, выдранные из ближайшего забора. Людей здесь собралось гораздо больше, чем мы встретили сегодня днём.

Эйфория понемногу угасала, сменяясь тревогой. Подул

тёплый, почти не успевший остыть к ночи ветер, принеся с собой тошнотворно-сладковатый запах разложения. Я зажал нос ладонью, изо всех сил сдерживая рвотный позыв. Откуда взялось это зловоние?

Напротив толпы, спиной к амбару, возвышалась одинокая фигура с копьём в руке.

— Королевна? — Ронар смотрел на нас из-за плеча с выражением крайнего удивления на обычно бесстрастном лице.

— Что происходит? — влез я, не дав альве ответить. Я до рези в глазах всматривался в живую стену перед нами, но в полумраке разглядеть ничего не смог. Факелы не только не помогали, но и отбрасывали искажённые тени на лица, превращая их в обтянутые тонкой кожей черепа.

— Да если б я знал! — Командир сплюнул себе под ноги. — Откуда ни возьмись купол вырос, тут же эти заявились и встали, а чего хотят — не говорят. А вы-то как выбрались? Что с остальными?

— Живы, — поспешила успокоить его Энора. Девушка остановилась по левую руку от Ронара, взяв меч на изготовку.

Тут от толпы отделилась сухая фигура и, жутковато подёргиваясь, зашаркала вперёд.

— Ни шагу дальше, Дрегар! — Ронар предупреждающе вскинул копьё, но старик не останавливался до тех пор, пока наконечник не уткнулся ему в грудь, прорвав нарядную

рубаху, как бумагу.

Правая нога старосты, согнутая под странным углом, носком упиралась в рыхлую землю. Дрегар с усилием разомкнул челюсти, издав противный чавкающий звук, каким сопровождается выдёргивание сапога из вязкой грязи.

— Вот что значит… не в то… время не в том… месте. — В горле Дрегара забулькало, и по его длинной бороде потекла густая чёрная жижа. Волоски на моей шее зашевелились, а сам я невольно отступил на шаг. Копьё Ронара дрогнуло, сильнее разрывая ткань старостиной рубахи. — День, только лишь… один день… последний…

Толпа зашевелилась. Не отрывая от людей напряжённого взгляда, я слепо нащупал кинжал за поясом и покрепче обхватил рукоять. В бессвязном бормотании старика не слышалось прямой угрозы — в нём вообще тяжело было что-то разобрать, — но я чувствовал, что драки не избежать.

— Вино твоё дрянное, папаша! — послышалось насмешливо-злое за моей спиной.

Облегчение тёплой волной прокатилось по позвоночнику, и я, улыбнувшись, обернулся на знакомый голос.

Окутанный белым светом с ног до головы, в воротах амбара стоял Янир. Длинные пальцы слегка подрагивали над струнами лютни, выдавая нетерпение.

— Кто ж так с гостями обращается, а? Со скотиной и то лучше, — продолжал он, приближаясь к нам. За спиной Янира неторопливо появлялись и другие Вейнарменнир: бледн-

ные, измотанные и до одури злые. — Думаю, вам пора *спать*.

Минорный аккорд, тихий и печальный, сорвался со струн. Поток засиял, превращая барда в ослепительную звезду. Я зажмурился от яркости, а когда вновь открыл глаза, понял, что ничего не изменилось. Деревенские продолжали стоять напротив нас как ни в чём не бывало.

— Что за ютр? — Нахмурившись, Янир вглядывался в лицо Дрегара. — *Спать!*

Ещё удар по струнам. Сгусток потока, теперь направленный только на старосту, беспрепятственно вошёл в сухую грудь. Секунда, две. Мы ждали, затаив дыхание, но больше ничего не произошло. Тогда Янир выпустил из ладони шар света. Проплывая над головами деревенских жителей, он освещал облик каждого. Обнажённые кости. Лоскутами свисающая с них кожа в зелёных и чёрных пятнах. Обрывки полуистлевшей ткани. Гниющая плоть.

— Да быть не может, — пробормотала Хильде.

Кто-то из наших грязно выругался. Я вспомнил, как ещё днём учуял запах крови в доме старосты. Вспомнил гниль в садике возле его дома и в цветочных горшках. Стал очевиден и источник давешней вони, и куда же исчезли знакомцы Янира.

— Агнес, — простонал бард севшим голосом, подтверждая мои опасения.

Шар осветил черноволосую девушку в неуместно жизнерадостном платье ярко-оранжевого цвета. На голове — под-

вявший венок. На шее, словно ожерелье, чернел глубокий порез, заставляющий отринуть надежду на то, что Агнес ещё жива.

Здесь были и совсем свежие тела, и почти скелеты, чьи кости удерживались вместе лишь волей своего хозяина-магуса.

— Соберитесь! — прогрохотал Ронар, заставив живых вздрогнуть. — Им уже не помочь! Сечь без жалости! Ищите мертвячего, эта мерзость где-то рядом!

Зазвенел металл секир и копий, вторя шороху извлекаемых из ножен мечей. Янир, по-прежнему прижимая к себе лютню, поймал мой взгляд и печально улыбнулся. У меня защипало в носу. Бедняга! Даже понимая, что его магия бесполезна против мертвецов, он не может сменить сталь струн на клинок. Для меня жители деревни чужие — случайные знакомые, которых, как оказалось, я даже в живых не застал. А бард вынужден смотреть в остекленевшие глаза тех, кто когда-то любил слушать его баллады.

Повинуясь порыву, я протянул руку, чтобы ободряюще сжать плечо друга. И тут началось.

Мертвецы судорожно, как по команде, дёрнулись и резво бросились вперёд. Первая волна разбилась о поднятое оружие Вейнарменнир. Не успев толком сориентироваться, я круто развернулся и взмахнул кинжалом перед собой, а в следующее мгновение моё тело само метнулось в сторону, уходя от удара лопатой.

— Веселье только начинается, так что не вздумай поме-

реть сейчас! — радостно гаркнул Ольвидус, швыряя меня в противоположную от пары раздутых конечностей сторону.

— Отвали! — огрызнулся я, но бессмертный уже отпустил меня, и я едва успел уклониться от пролетевшего прямо рядом с моей головой факела. Запахло палёным волосом и зловонным дыханием мертвяка. Шаг вправо, поворот, быстрое движение клинка — и кисть обидчика с глухим стуком упала на землю.

— Вот это ловко! — крикнул невесть откуда выскочивший Янир. Он пригнулся от рассёкшей воздух ржавой косы, а я пальнул потоком прямо в лицо его преследователя, залепив то ледяной коркой.

Я отбивался и уклонялся от гнилых рук, ног и зубов так активно, что давно должен был выдохнуться. Мимо снова пронёсся бард. С самого начала заварушки он не переставал играть. Из-под пальцев, чуть ли не высекая искры, вылетала задорная мелодия, а сам Янир умело уходил от мертвяков, передвигаясь по полю бодрыми скачками.

Наконец я сообразил, что он делает. Не сумев воздействовать на мёртвых, он направил свои способности на помощь живым. Стало ясно, откуда у меня, совершенно не привыкшего к сражениям, взялось столько сил, и почему люди, ещё недавно еле стоящие на ногах, успешно дают отпор.

Но что произойдёт, когда выдохнется бард? Подстёгиваемый этой тревожной мыслью, я помчался за ним.

Время летело. Всё слилось в бесконечную вереницу зво-

на, стука и яростных выкриков живых, щедро приправленную музыкой Янира. Казалось, мертвякам конца и края нет. Некоторые выдерживали десяток ударов, прежде чем наконец падали и больше не поднимались. Несмотря на старания барда, Вейнарменнир, ослабленные несколькими днями непростого путешествия, всё же начали замедляться.

В какой-то момент всё остановилось. Уцелевшая горстка потрёпанных мертвецов сбилась в кучу чуть поодаль. Мы растерянно переглянулись. Стало очень тихо. Бард, которого я всё же нагнал и пусть немного неуклюже, но прикрыл от парочки деревенских, тяжело дышал мне в затылок, а я лишь сильнее сжимал в дрожащей от напряжения руке кинжал, по самую рукоять покрытый коричневой жижей. У меня появилось нехорошее предчувствие, что это не передышка, а начало самого худшего.

— Столько… проблем… столько… усилий… — натужно прохрипел один из мертвяков, захлёбываясь вязкой слюной. — Месяцы… жатвы-ы-ы-ы…

Последняя буква растянулась, прервавшись громким хрустом. Нижняя челюсть мертвеца рванула вниз, практически повиснув на желтоватых полосках кожи.

— Слишком медленно. — Из мёртвой глотки, словно из трубы, раздался голос. — Сколько же от вас проблем, живые. Столько месяцев тонкой работы, и всё насмарку. Вы хоть представляете, как сложно тихо и незаметно провести жатву?

Такие упрёки впору бы прокричать, яростно брызжа слюной. Но голос незнакомца был холодным, точно лезвие ножа, лишённым оттенков настолько, что даже определить, кому он принадлежит — мужчине или женщине, — было невозможно.

— Кто ты? — прокричал Ронар, тыча копьём в сторону мертвяка. — Чего надо от нас?

— Не стоило приводить своих людей в Сидастагюр, молодой хъёльвдин. Вы здесь совсем не ко времени. К несчастью для вас, но к моей большой удаче.

В ближайшем подлеске что-то двинулось. Большое и неотвратимое, оно шуршало и шумело, знаменуя приближение угрозы более опасной, чем трупы деревенских жителей. Из-за деревьев, словно вышедшие прямо из стволов, появились фигуры — хорошо вооружённые и, судя по всему, тоже мёртвые. Но это оказалось не самым страшным.

С ними пришли звери. Крупные, по пояс Ронару, с угольно-чёрной шерстью, но с невыносимо белыми черепами вместо голов. Только в глазницах пылал чёрно-фиолетовый огонь, точно такой же, как на факелах.

— Душегонцы, — прошептал Янир.

— Воистину, для большинства из вас это последний день. Последний день в Сидастагюр. Как поэтично. Ты не находишь, бард? — Я спиной почувствовал, как Янир дёрнулся, но ничего не ответил. — Фирвендир и весцелий будут жить. А уж ты, чаровник, не обессудь. Кое-кому ты очень не нра-

вишься, так что на лёгкую смерть не рассчитывай.

Удивлённо встрепенулся Ольвидус. Я и сам вздрогнул, услышав знакомое слово на аквальтике. Весцелий — вместилище.

— Ольвидус?.. — начал я, но в следующее мгновение меня бросило в жар и столь же резко обдало холодом.

Утробно рыча, на меня пошли звери. С их зубов капала ядовито-фиолетовая слюна и, касаясь земли, с тихим шипением разъедала её. Я отшатнулся и наступил на ногу застывшему позади меня Яниру. Бард сдавленно охнул и вцепился в моё предплечье.

— Есть идеи? — процедил я.

— Нет, — шёпот барда был не громче шелеста ветра. — Ничего не могу сделать. Псы тоже мертвы.

Я медленно моргнул и плотно сжал губы. Растерянность в голосе Янира совсем не радовала.

«Тебя не тронут», — проснулся Ольвидус.

Я проигнорировал его, не отрывая взгляд от подобравшегося непозволительно близко душегонца.

«Они пришли за болтуном», — продолжал нудеть бессмертный. *— «Отойди в сторонку».*

Я оцепенел. У меня перехватило дыхание от возмущения, которое тут же сменилось горячей злостью.

— Пошёл ты! — выплюнул я, вложив в слова всю обиду на бога.

«Я считал, что поступка глупее, чем нападение на бога,

совершить просто невозможно, но ты продолжаешь удивлять меня каждую секунду своей никчёмной жизни. Прекрасно, бездействуй! Я всё сделаю сам!»

Как здорово было бы закрыть глаза, а открыть их уже в своей крохотной спальне и с облегчением понять, что всё это — просто дурной сон. Что не было на самом деле никакого Ольвидуса, Примы, ольвициев. И плана о краже Гребня тоже не было. Как было бы прекрасно оказаться дома, где я провёл непростые, но такие чудесные девятнадцать лет, сначала во всём полагаясь на мать, а после следуя приказам Уннур. Я совершенно не умел командовать сам и не желал обременять себя никакой ответственностью. И хотел, чтобы так продолжалось всё отведённое мне в этом мире время.

Однако за те несколько дней, что я провёл в Теролане, меня уже несколько раз, точно нарочно, швыряет в такие ситуации, где я вынужден спасать не только свою, но и чужие жизни. Ещё ни из одной передряги мы не выбрались без потерь, и это пугало до дрожи в коленях. Но так уж сложилось, что эти люди и альва меньше чем за неделю неожиданно стали мне ближе корифенов, с которыми я провёл бок о бок три года.

Я просто не могу сдаться сейчас.

Наша борьба походила на перетягивание каната. Палец, кисть, рука, шея. Понемногу я отвоёвывал самого себя у наглого бессмертного, и с каждым мгновением становилось всё проще и проще. Ольвидус напирал, но как-то лениво,

неохотно. Словно… у него не осталось сил?

— Что, не выходит? — оскалился я и с удивительной лёгкостью окончательно подавил его волю, уловив напоследок проблеск чужой досады.

«Выпутывайся сам, гадёныш! И не вздумай сдохнуть, иначе я собственноручно сгною твою душу в Бесцветных Глубинах!» — прошипел бог и исчез.

Я широко улыбнулся, совсем как ребёнок, победивший друзей во всех уличных забавах. И пусть этого ребёнка больше не звали играть, но сладкий вкус победы определённо того стоил. Больше я никому не позволю решать, как мне поступать.

И пусть опыта у меня нет, зато есть излюбленная тактика, которая ещё ни разу не подводила.

— Отступаем, — тихо скомандовал я.

Мы пятились. Медленно, шаг за шагом, пока Янир не упёрся спиной в дерево. Псы вели себя странно. Они скалились, рычали, но нападать не спешили. Я выставил перед собой кинжал, прекрасно понимая, что это ничем не поможет, если душегонцы кинутся вперёд. Конечно, отравление я переживу, а вот если руку до кости разъест — как потом пользоваться отмычками? Векс побери, о чём я вообще думаю?!

— Оставь меня, — проговорил Янир.

— Что ты несёшь? — резко спросил я. Пожалуй, даже слишком резко. Но Янир вторил словам Ольвидуса, и я всерьёз забеспокоился, не перебрался ли бессмертный нахал в

голову барда.

— Ты слышал мертвячего. Они по мою душу пришли. Им нужен чаровник. Им нужен я. Отойди.

— Уж прости, друг мой, но придётся пожить ещё. Сегодня я не в настроении смотреть, как тебя загрызут, — раздражённо процедил я. — На меня они не нападают, если ты не заметил, и я готов простоять тут хоть вечность. — Набрав в грудь побольше воздуха, я безрассудно прокричал, надеясь, что загадочный мертвячий услышит: — С места не сдвинусь!

Душегонцы продолжали осторожно кружить чуть поодаль. Я бросил мимолётный взгляд вперёд, на остальных. Вейнарменнир скрылись за плотной стеной мертвецов. В центре, судя по звукам, шла ожесточённая битва. Плохо дело. Остальные нам не помощники, а без магической поддержки Янира скоро всё закончится. Очень трагично для всех нас.

Тут из самой гущи боя раздался нечеловеческий рёв, в котором я с трудом узнал Ронара, а следом полный ярости крик Эноры.

Бахнуло! Мертвяки полетели во все стороны, словно щепки из-под топора, образовав в стене нежити брешь. В просвете показалась могучая фигура командира, с белым, искажённым от гнева лицом и совершенно безумным взглядом горящих алым глаз.

— Уходите! — прокричал Ронар. Он словно стал ещё выше и шире и выглядел точно как вставший на дыбы медведь.

— До первой… — он прервался, чтобы обрушить копьё на здоровенного мертвяка, проломив тому череп. — До первой стоянки!

— Нет! — Тон барда не терпел возражений. — Отказываюсь! Я приму смерть рядом с моими братьями!

Я опешил. Ушам своим не верю!

— Я тут помирать не собираюсь! — рявкнул я, едва удержавшись от того, чтобы повернуться к Яниру и встряхнуть его от всей души.

К счастью, Ронар желание своего брата поскорее отправиться на тот свет тоже не разделял:

— Это приказ твоего командира! Уходите!

— Ты слышал. — Этого было достаточно. Резко крутанувшись на месте, я оторвал бледного Янира от дерева и, втолкнув его в лес, заорал: — Бежим!

* * *

Мы уносили ноги под вой мёртвых гончих. Тошнотворный запах разложения вытеснила ночная свежесть, пропитанная влагой и древесной смолой. В любой другой ситуации этот аромат мог бы успокоить, но сейчас лишь отвлекал, окружая нас иллюзией безопасности.

Не было слышно ни зверей, ни насекомых, даже листва оставалась недвижимой, и всё же проклятый лес казался пугающе живым, словно обладал собственным сознанием и отчаянно желал угробить нас.

Поначалу редкий, он становился всё гуще и мрачнее по

мере того, как мы углублялись в него. Каждый шаг был мучением: переплетающиеся корни деревьев ставили подножки, внезапно вырываясь из-под рыхлой земли. Я забыл сапоги в амбаре, и жгучая трава хлестала по голеням, превращая мои ноги в пятно боли. Ветви деревьев тянулись со всех сторон, словно костлявые пальцы, преграждая путь и замедляя нас.

Передо мной маячила спина барда, который и выбирал направление: мне оставалось лишь довериться и следовать за ним. Свет звёзд почти не проникал сквозь плотные кроны, и я, ориентируясь лишь на слабый отблеск цветочных узоров лютни, следил, чтобы псы не зашли с боков и не отрезали Яниру путь к отступлению. Звук их приближающихся шагов эхом отдавался в тишине. Усталость одолевала меня, но осознание, что промедление может означать конец, подстёгивало и заставляло двигаться дальше.

В ушах нарастал гул. Поначалу едва слышный, но теперь за ним я не слышал даже собственного дыхания. Справа что-то мелькнуло — свет Киры окрашивал воды бурной реки в холодное серебро. Подул прохладный ветер, швырнув мне в лицо ледяные капли.

Отвлёкшись, я не заметил, что бард остановился, и с разбегу налетел на него. Янир не удержал равновесия и, нелепо взмахнув руками, с криком полетел вперёд. Я бросился за ним. Распластавшись на животе, я пребольно ударился подбородком об камень, но всё же успел схватить чужое запястье, вцепившись в него мёртвой хваткой.

Голова наполнилась звоном, сквозь который с трудом прорывались приглушённый шум воды, ругань Янира и рычание почти нагнавших нас душегонцев. Я осторожно выплюнул вязкий сгусток крови и поднял взгляд, сморгнув выступившие от удара слёзы.

Воды ледяной реки, достигая края земли, с диким рёвом срывались в темноту. Могучий поток в полёте дробился на мириады сверкающих капель, оседающих мелкими брызгами на коже. Далеко внизу, где водопад встречался с крохотным озером, вода пенилась и бурлила, убегая вдаль широкой серебряной лентой.

Янир висел над пропастью, удерживаемый от падения лишь моей влажной от пота рукой.

— Крепче держись, — проговорил я, еле двигая разбитой губой.

— Будто у меня есть выбор, — со смешком ответил бард.

Тут глаза Янира расширились, в нефритовых зрачках мелькнул ужас. Я почувствовал смрадное дыхание рядом с ухом и дёрнулся от неожиданности. Ладонь предательски поехала на мокром камне, и вместо того, чтобы спасти барда, я упал вслед за ним, успев в последний момент ухватиться за острый выступ в скале, сдирая кожу и сломав несколько ногтей.

Я взвыл от боли и заскользил измученными ступнями по камням, пытаясь нащупать дополнительную опору. В отчаянии попытался призвать поток, но не почувствовал даже ма-

лейшего отклика. Внутренний зверь молчал, а мне захотелось одновременно закричать, заплакать и, пожалуй, ещё кого-нибудь ударить. Себя, например. За слабость. За недальновидность. За неспособность никому помочь.

— Отпусти. — Голос барда звучал спокойно. Слишком спокойно для висящего над пропастью человека.

— Сдурел?! — Я опустил голову и с негодованием уставился в светлые глаза Янира. Не удержавшись, мельком посмотрел за его плечо, и этого мгновения хватило, чтобы понять, что падения мы, скорее всего, не переживём.

— Ты нас обоих не вытянешь. — Он усмехнулся и дёрнул подбородком вверх. — Да и некуда.

Тяжело и часто дыша, я с трудом задрал голову. На самом краю обрыва застыли душегонцы, терпеливо ожидая развязки: они-то в любом случае останутся в выигрыше. Он прав — даже если бы я смог подтянуться вместе с бардом или хотя бы закинуть его наверх, Янира неминуемо ждёт гибель от ядовитых зубов и когтей.

— Далеко лететь? — буднично поинтересовался бард, словно узнавал, как у меня дела.

— Нет, — соврал я.

— Лжец! — Он звонко рассмеялся, сверкнув своими длинными клыками. — Впрочем, неважно. Я всё равно плавать не умею.

И разжал пальцы.

Чужая ладонь медленно выскользнула из моей ослабев-

шей хватки. Не раздумывая, я собрал остатки сил, оттолкнулся ногами от скалы и прыгнул вслед за другом.

Мощный поток ветра ударил в лицо. Он обжигал лёгкие и слепил глаза, и моя первая попытка поймать Янира окончилась неудачей. Пытаясь восстановить равновесие, я исхитрился перевернуться и устремился вниз, словно пущенная стрела.

Я наугад выбросил руку вперёд. Когда мои пальцы встретились с его, я почувствовал лёгкий толчок и рывком притянул барда к себе.

Время замерло. Мы парили в воздухе, словно птицы на расправленных крыльях. Мгновение я наслаждался ощущением невероятной свободы, прежде чем вода приняла нас в свои холодные объятия.

Глава 12 (Альрун). Последний день. Часть 3.

Они лежали на земле. Стояли, невидяще смотря прямо перед собой мутными глазами. Неспешно выходили из леса, гремя оружием.

Умертвия.

Их смрад плёнкой осел на коже. Их разложение отпечаталось на внутренней стороне век. Их безмолвный вой — отголоски страданий сотен невинных душ, что эхом боли звучат во мне.

— С места не сдвинусь!

Исполненный злости крик Кайриуса прорезал воздух, заставив меня вздрогнуть. Невольно обернувшись, я не заметила, как над моей головой завис меч. Заминка едва не стоила мне жизни. Послышался лязг, а следом вскрик. Сварта, поняв, что я не успею отразить удар, бросилась наперерез врагу, приняв меч на один из своих парных клинков. Но чужое оружие, скользнув по изогнутому лезвию, резануло девушку по предплечью.

Брызнувшая из её раны кровь встала пеленой перед моими глазами, ослепляя и искажая привычный мир. Она разрасталась, пока не окрасила всё в багряный. Пока вокруг не осталось ничего, кроме крови и смерти. В ушах зазвенело,

из горла хищной птицей вырвался яростный вопль. Я подняла полуторник и ринулась вперёд, оставшись лишь безучастным наблюдателем в собственном теле.

— …ра!

Я колола, резала, пронзала мёртвые тела, не ведая усталости, но они всё никак не заканчивались.

— …нора!

Бриллаар, пусть всё это прекратится. Я больше не могу.

— Энора! Стой!

Клинок вылетел из ослабевших пальцев, а сама я оказалась обездвижена. Воздуха катастрофически не хватало. Не желая сдаваться, я забилась в ловушке, изо всех сил пытаясь выбраться из неё.

— *Королевна.*

Рык раздался возле самого уха, заставив замереть. Меня словно окатило ледяной волной. Ловушка оказалась всего-навсего Ронаром. Нет. Ловушка оказалась целым *Ронаром*. Жар прилил к щекам, гнев тут же сменился неловкостью. Мужчина, согнувшись пополам и тяжело дыша, сжимал меня в могучих объятиях, и это его я сейчас лягнула, приняв за неведомую угрозу.

— Всё закончилось.

Действительно, всё вокруг уже стихло. Тела ковром покрывали землю: то ли не осталось ни одного способного удержать магию, то ли сам некромант ушёл так далеко, что больше не мог контролировать своих жутких созданий.

— Очнулась? — В голосе командира не слышалось упрёка, только беспокойство.

Голова неистово кружилась, и если бы не Ронар, я бы уже распласталась на земле. Во рту пересохло, а грудь сдавило так, что, казалось, ещё немного, и рёбра просто сломаются под этой тяжестью. Сил совсем не осталось, но я заставила себя кивнуть и еле слышно произнесла:

— Я в порядке.

— Хорошо. — Мужчина немедленно отстранился, а я отвернулась, от смущения не в силах взглянуть ему в глаза. — Пойдём к остальным. Нам всем нужен отдых.

* * *

— А что некроманты? Откуда они вообще взялись?

Стоял знойный полдень, слишком жаркий для месяца Туманных Сумерек. Дождь не шёл уже два дня, но проклятые гиацинты, как и всегда, невыносимо благоухали и портили настроение. Мы укрылись в тени деревьев, прямо на границе с гаванью поместья. Я вытянула босые ноги, зарываясь пальцами в белый песок.

Алистиан немного помолчал, раздумывая над ответом. Глядя на лазурный залив, он сделал большой глоток из фляги и, передав её Ренвику, наконец повернулся ко мне.

— Морвэйн Лэйстир. Тебе знакомо это имя?

— Конечно! — Я недовольно фыркнула. — Великий Магистр-Целитель, один из избранных Аэльвиндом ан Аквилана.

— Точно по «Хроникам»[1]. — Алистиан даже не улыбнулся. — Но ты права: он был целителем, и весьма талантливым. Морвэйн родился в непростое время, на исходе пятьсот девяносто девятого года эры Раскола. Это был период затишья: боги одолели порождений хаоса и спасли Альберру от гибели, но цена оказалась слишком высока. Тогда погибли десятки тысяч невинных, и мир ещё не успел оправиться от потерь, поэтому Морвэйн рос в недоверии. Тяжело остаться отзывчивым, когда даже собственные родители смотрят на тебя с подозрением, но он смог. Никакой Академии тогда и в помине не было, и юный маг учился всему сам. Он странствовал по всей Теролане, исцеляя нуждающихся в обмен на еду и ночлег. Так продолжалось, пока Аэльвинд, сын Бриллаара, не явился в мир смертных и не отыскал Морвэйна, призвав его на службу. Вместе с другими восемью Великими Магистрами он помог Аэльвинду основать королевство Гланлиморин. Разумеется, с благословения Золотого Отца…

— Вья-гит, Тиан! — воскликнул Ренвик. — Ты вызубрил «Хроники» и решил похвастаться? Это знают даже младенцы!

Мне давно не доводилось видеть друга таким: беззаботным и немного дурашливым. Я печально улыбнулась, спрятав лицо в ладонях. Прошло уже четыре месяца с тех пор,

[1] «Хроники королевства Гланлиморин» — общедоступное собрание исторических материалов в тридцати двух томах с описанием событий от основания Аэльвиндом королевства и до современности. Включает в себя и жизнеописания выдающихся альвов.

как предыдущего начальника охраны казнили по приказу отца за мою ошибку, и Ренвику пришлось принять бремя командования. Он и раньше был достаточно серьёзным мужчиной, а с появлением новой ответственности стал совсем беспощадным: вечно в напряжении, не позволяя расслабиться ни на мгновение ни себе, ни своим подчинённым. Только с возвращением Алистиана он стал хоть немного походить на прежнего себя. Жаль, что брат пробудет в поместье всего пять дней, а затем вновь отправится в Архинтиан на неопределённый срок — мне бы очень хотелось, чтобы Вик чувствовал себя таким свободным чаще. И я тоже.

— Это то, что пишут историки. Одобренная ан Аквилана чушь. — Брат даже голоса не повысил, но Ренвик тут же перестал скалиться и сел прямее. Я навострила уши. Я и вправду слышу критику королевской семьи от анэстира короля? — Жизнь Магистра до принесения присяги Аэльвинду описана правдиво, а дальше — сплошь выдумки. Уверен, вы и сами замечали, насколько сведения о его деяниях отрывочны.

Я мысленно перебрала всё, что когда-то читала о целителе. До момента встречи с первым королём жизнь Морвэйна изложена в мельчайших подробностях, вплоть до любимой сладости, а после — лишь общие фразы вроде «неоценимая помощь страждущим», «поддержка и укрепление власти ан Аквилана», «великие свершения» и прочая ни о чём толком не сообщающая ерунда.

— Как же так вышло? — поинтересовалась я и напряглась, как перед прыжком со скалы.

— Летописцам было что скрывать. А вот почему они не сочинили взамен сокрытого что-то более приличное — не знаю. Думаю, когда приказ был отдан, им попросту времени не хватило, а их преемники решили, что и так сойдёт. Скажу вам так: то, что вы знаете как «Хроники королевства Гланлиморин», это на самом деле «Краткие хроники».

— Краткие? Тридцать две толстенных книги? — спросила я, ошеломлённо уставившись на точёный профиль Алистиана. — Сколько же их тогда на самом деле?

— Сто семьдесят три, — произнёс брат так, словно разница была несущественной. У меня спёрло дыхание, а Ренвик закашлялся, подавившись вином. — Именно столько хранится в Ледяной комнате. Истина без прикрас.

— И ты, конечно, читал их? — пробормотал Ренвик.

— Конечно, — просто ответил Алистиан.

Мы замолчали. Тиан продолжал созерцать горизонт, Вик вновь припал к фляге, а у меня в голове воцарился настоящий бардак. Теперь вопрос о происхождении некромантов уже не казался таким значительным. Подумать только — столько спрятанных от собственного народа сведений. Нет, конечно, я не настолько наивна и понимала, что альвы, не приближённые к королю, многого не знают, но разница в сто сорок один том кажется мне более чем значительной.

Я вновь взглянула на брата. Едва заметная тень легла

на его лицо, сжатые губы выдавали напряжение. Жалеет, что сказал лишнего? Несмотря на знатное происхождение и близость к королевскому роду, Алистиан никогда не был осторожен в выборе слов. Могу представить, как тяжело ему порой приходится в столице, и совершенно не удивлена, что, почувствовав себя в безопасности, он сорвался. Несмотря на распирающее меня любопытство, я вовсе не желала ставить его в ещё более неловкое положение, поэтому решила вернуться к изначальной теме.

— Так и? Что произошло с Морвэйном на самом деле?

— Морвэйн… — Алистиан едва заметно выдохнул. — Талант стал его величайшим благословением, но и тяжелейшим из испытаний. Представьте себе сосуд, до краёв наполненный смесью из обострённого чувства справедливости и безрассудной сострадательности. А теперь добавьте туда непомерные амбиции и признание бога. Одна война разорила мир, в который пришёл Морвэйн, а другая взрастила в нём стремление спасать. Это не могло закончиться иначе. Магистр Морвэйн был не только первым Великим Магистром-Целителем, но и первым некромантом.

Мой взгляд метнулся к Ренвику в поисках поддержки, но друг выглядел таким же потрясённым, как и я. Тиан, не замечая нашей реакции, продолжал:

— Не успел он толком распробовать своё новое положение, как началась Вторая Божественная Война. Козни Кайлтэна. Столетие Предательства. Аэльвинд, как старший

сын Бриллаара и Ис… — Брат вдруг закашлялся и, отобрав у Ренвика вино, сделал большой глоток. — И Хексы, оказался на пересечении двух огней. Он отказался принять чью-либо сторону и приказал своим верным сторонникам помогать смертным вне зависимости от их происхождения. Так и было. Год за годом Магистры безропотно выполняли свой долг, но конец приходит всему. И терпению великих — тоже. Устав от несправедливости и бесконечной крови, Морвэйн обратил свой взор на главного врага.

Мы с Ренвиком одновременно подались вперёд.

— Хексу?

— Кайлтэна?

— Смерть, — ответил Алистиан и с тяжёлым вздохом возвёл очи к небу. — Он не питал иллюзий, что так закончит войну, лишь хотел помочь невинным и очень скоро нашёл множество сторонников. Но всё шло не так, как Морвэйн задумывал: мёртвые не оживали на самом деле, ведь никакая магия не способна вернуть ушедший в Моин'ардан дух, а та малая часть, что остаётся в теле после смерти, всего лишь возвращала часть воспоминаний почившего. Телесная оболочка разлагалась, воскрешённые не жили, но повторяли действия, которые привыкли совершать при жизни. Ещё было не поздно остановиться, но Морвэйн и его сподвижники не желали сдаваться. Словно одержимые, они поднимали павших снова и снова, невольно истязая души, запертые в гниющей клетке. Такое не могло пройти бесслед-

но. В конце концов, скверна, порождённая чужими страданиями, изменила Магистра: она затронула его тело и, что самое страшное, душу, очернив её и иссушив до дна.

— И никто не пытался остановить его? — прошептала я.

— Нет. Взоры живых были увлечены войной, и никто попросту не заметил того, что происходило прямо у них под носом. Так бы и продолжалось, если бы Морвэйн сам не пришёл к Аэльвинду. Хотел ли он просить помощи или продемонстрировать свои достижения — то неведомо. Никто не присутствовал при их разговоре, но итог известен: король страшно разгневался, лишил Морвэйна титула и всех привилегий и приказал перебить его сподвижников. Магистру удалось сбежать и найти защиту у Кайлтэна, который высоко оценил его способности и заинтересовался некромантией. Вместе со своим новым хозяином Морвэйн и сгинул в конце эры Раскола, а его уцелевшие союзники затаились, тайно набирая учеников и продолжая омерзительное дело своего мастера. Вот так некогда благое намерение обратилось во зло, принеся бед нашему миру больше, чем Божественные Войны.

— Поучительная история, — прохрипел Ренвик, когда Алистиан закончил рассказ и замолчал. Напускная весёлость в голосе не смогла скрыть напряжённого взгляда начальника охраны, направленного на его лучшего друга. — Но был ли ты вправе раскрывать нам такое? А вдруг я донесу

на тебя?

— Не смеши! — брат громко фыркнул. — Из тебя доносчик, как из меня цветочная леди! Я знаю, что ты терпеть не можешь писать письма и заснул бы, только накорябав приветствие!

— На твоём месте я бы таких заявлений не делал, дружище. Уверяю, тебе только платья не хватает, и хоть сейчас в закатные сады[1]. Со спины так и вовсе не отличишь! Конечно, если во всей Теролане сыщется платье, которое налезет на твои плечи…

Мы дружно рассмеялись. Тиан хохотал громче всех. Он упал прямо на землю, раскинув руки в стороны, и походил на расправившего крылья сокола.

— И всё же? — Золотистые волосы Тиана разметались по траве, и, не удержавшись, я взяла прядь и заплела короткую косичку на самом её кончике.

— Вы мои самые близкие души в этом мире, и только с вами я могу быть откровенным. Я хочу, чтобы вы знали правду, какой бы неприглядной и непростой она ни была. Всё не то, чем кажется, и лжи в нашей истории гораздо больше, чем истины. Когда-нибудь я смогу поведать вам больше. Но не сегодня.

---

[1] Закатные сады — общепринятое название для домов отдыха, в которых работают цветочные девушки и юноши. Они развлекают гостей беседами, игрой на музыкальных инструментах, изящными танцами и театральными постановками. Основаны семьёй ан Филомелана — единственным матриархальным знатным родом Гланлиморина.

— А как справиться с умертвиями? Расскажешь?

— Расскажу. — Он приподнялся на локтях и с мягкой улыбкой потрепал меня по голове, ломая причёску, старательно уложенную Ниссой утром. — И всё же надеюсь, что эти знания тебе никогда не пригодятся, Сверчок.

* * *

Мне жаль, Тиан, но они пригодились.

Я тряхнула головой, стараясь освободить разум раньше, чем всплывёт очередное воспоминание, и сосредоточилась на том, что происходит вокруг меня.

Не было никакой необходимости оборачиваться на приближающиеся шаги — я знала, кто идёт. Ронар сел рядом. Слишком близко, прижимаясь своим плечом к моему. У меня невольно промелькнула мысль, что в альвийском высоком обществе подобное проявление близости сразу бы осудили. Такое поведение вне дома даже для супругов считалось недопустимым. Отец бы под землю провалился, увидев, что его дочь как ни в чём не бывало по доброй воле сидит вот так рядом с человеком. Представшая в воображении картина разверзшейся под ногами родителя земли подарила умиротворение. Прикосновение Ронара успокаивало, да и я находилась не на светском приёме, а среди разрухи в деревушке на краю Гибельного леса, поэтому не только не стала отодвигаться, но сама прижалась теснее.

Серебристый мех. Хвоя и клюква. Мужчина, перепачканный в крови мертвецов, но жаркий и живой. Ну как можно

было не узнать его и принять за угрозу? Я всё ещё чувствовала некоторую неловкость за произошедшее, но сил на переживания ещё и об этом не осталось. К тому же Ронар, казалось, совсем не злился.

После битвы мужчина привёл меня к остальным Вейнарменнир. Они успели расположиться в одном из домов неподалёку. Места в комнатах не хватало, но разделяться после пережитого казалось немыслимым. Все приветствовали меня радостными криками. Кроме Ингрид — девушка даже не обернулась, занятая перевязкой раны на ноге до неприличия довольного Фроста. Ещё двое вели себя странно: Тарви добродушно ухал и хлопал по плечу Хильде, которая, взглянув на меня, а затем на вошедшего сразу за мной Ронара, густо покраснела и отвернулась. Я предположила, что эти двое снова о чём-то поспорили, и сделала мысленную пометку расспросить об этом Хильде позже.

Я увидела Сварту. Её состояние беспокоило меня сильнее всех, но, как оказалось, зря: рана девушки оказалась неглубокой. Растрёпанная, с перевязанным желтоватым бинтом предплечьем, она поднялась и немного неловко сжала мою ладонь.

— Не думала, что ты способна на такое, — только и сказала она, и я впервые увидела на её лице улыбку. Слабую, чуть кривоватую, но очаровательную. — Настоящая киранда.

Облегчение тут же сменила тревога. Одобрительные реплики о моём стиле боя делали только хуже: я отчего-то не

могла признаться, что совершенно ничего не помню. Всё от ранения Сварты и до самого окончания битвы прошло мимо меня, и я совершенно не заслуживала похвалы, как бы «превосходно» не сражалась. К горлу подступила тошнота. Я скомкано извинилась и покинула дом. Ноги сами принесли меня на поляну с обратной стороны проклятого амбара. Отсюда я не видела тел, а ветер, к счастью, дул в другую сторону, унося запах смерти в сторону Гибельного леса.

Не знаю, сколько я так просидела, предаваясь воспоминаниям о былом, прежде чем Ронар снова отыскал меня.

— Порядок? — спросил он.

— Насколько возможно, — тихо ответила я и почти не соврала.

Я думала, ничего страшнее картины, представшей в лагере Вейнарменнир, мне в ближайшее время видеть не доведётся. Но я ошибалась. Там гибли люди, привыкшие держать оружие. Там в крови и грязи не лежали старики. Не лежали юноши и девушки, толком не успевшие вкусить радости и горести жизни.

— Я уже видел такое. Хотел бы я сказать, что с каждым разом будет легче. Но нет, не будет.

Я было подумала попросить его рассказать подробнее, но быстро отогнала эту мысль. Это было бы крайне некрасиво с моей стороны: никому не захочется проживать подобное заново, пусть даже в воспоминаниях, и пытаться облегчить своё состояние, втягивая в яму уныния других, я не собира-

лась.

— Умеешь ты утешить, — невесело усмехнулась я.

— Не хочу тебе лгать.

Мы помолчали ещё немного. Небо, затянутое тучами, грозило пролиться водопадом на наши головы, но пока только гремело где-то вдалеке.

— Скажи, — неуверенно начала я, сглотнув плотный ком в горле. — Что именно произошло во время битвы? Честно признаться, я совсем ничего не помню.

— Ты была великолепна, — ответил Ронар так тихо, что я с трудом разобрала его слова. Я задрала голову, желая проверить, не шутит ли он, и пристально всмотрелась в суровый профиль мужчины, но не увидела и намёка на веселье.

— Брось, — пробубнила я. — Моей заслуги в этом нет.

— Есть, — отрезал командир. — Ты стала дьюркиром, как настоящая киранда.

— Прости, но… — Я слегка растерялась от незнакомых слов. — Сварта назвала меня кирандой, но я не знаю, что это такое. И что такое дь… дье… это, второе, тоже.

— Сварта права. — Ронар улыбнулся себе в бороду, и у меня внутри что-то перевернулось. — Наши предания хранят легенды о девах-воительницах, кирандах, сильных и бесстрашных. В пылу битвы они могли обращаться в дьюркиров, становясь практически непобедимыми: ещё сильнее, быстрее, выносливее. Они не чувствовали боли и не успокаивались, пока замертво не падал последний враг. Леген-

ды гласят, что они приобретали черты, свойственные их филюрам — духам могущественных животных, дарованных им Вильтуром. Отсюда и название: дьюркир — зверь-защитник. Наш язык довольно прост.

— Понятно. — Я совсем не была согласна с последним утверждением, но всё равно кивнула. — Получается, и я была похожа на какого-то зверя?

Внезапно повисшая тишина заставила напрячься. Я медленно повернула голову, услышав тихое «угу», и с удивлением обнаружила, что командир покраснел.

— И на кого же? — Я понимала, что зря спрашиваю, но любопытство в очередной раз пересилило здравый смысл.

— На медведицу, — промямлил Ронар, неловко прикрыв огромной ладонью ярко-малиновое ухо.

* * *

— Нашли? — спросил Ронар.

Я покачала головой. Там, на поляне, всё было слишком: крепкое плечо, тепло чужого тела, неизменные хвоя и клюква. Сама не знаю почему, но сравнение с медведицей совсем выбило меня из колеи. Не успев остановить себя, я просто вскочила на ноги и сбежала, оставив мужчину в одиночестве.

Бродить по опустевшей деревне долго не пришлось — я наткнулась на Грай, которой нужна была помощь. Я с готовностью согласилась, но тут же пожалела об этом: растянув губы в ехидной улыбке, девушка отправила меня к обратно к командиру с отчётом.

— Это к лучшему, — сказал мужчина. — Мертвячему дети без надобности, это мне известно наверняка. Если тел нет, значит, они успели спастись.

— И куда бы они пошли? — спросила я, с недоверием косясь на кромку деревьев вдалеке.

— Дрегар был мудр. Посмотри, — Ронар обвёл рукой полукруг, указывая на бревенчатые домики. — Жизнь здесь суровая. С одной стороны альвы с бесконечными инспекциями, не предлагающие никакой помощи и защиты, с другой — Гибельный лес. Это Сидастагюр. Ты знаешь, что означает это название? — Я покачала головой, а мужчина пояснил: — На симейгир это означает «Последний день».

— Какое-то мрачное название, — заметила я.

Ронар покачал головой.

— Звучит так, но на деле всё иначе. Сидастагюр всегда служил пристанищем для тех, кто готовился перейти в Златоцветные луга через Гибельный лес. Местные прятали путников от альвийских наместников, давали кров и еду. Последний день отдыха перед опасным и, возможно, смертельным путешествием. В таких условиях волей-неволей думаешь наперёд. Уверен, в случае угрозы дети должны были уйти в другое поселение.

— Надеюсь, ты прав, — вздохнула я. — Жаль, что предусмотрительность не спасла жителей от некроманта.

— Хитрый враг — самый опасный враг. Я предпочитаю сражаться с теми, кто машет оружием. Остальное оставляю

Яниру.

— Тревожно за него? — Это был первый раз с прошедшей ночи, когда командир упомянул имя брата. Внешне мужчина оставался невозмутимым, но я ощущала исходящее от него волнение.

— Да, — честно признался он. — Но я знаю, что он справится. Этот парень выкрутится из любой ситуации. К тому же, с ним твой брат.

Я невольно напряглась, вспоминая нашу ссору. Мы так и не поговорили о произошедшем в лагере, но по тону было непохоже, что Ронар упомянул Кайриуса потому, что настал момент всё обсудить, и это почему-то расстраивало. Во мне вспыхнуло необъяснимое желание признаться, здесь и сейчас, что Кайриус не мой брат. Что я знаю его немногим дольше самого Ронара. Что он вообще не альв и никогда не должен был оказаться в Теролане. Что и я сама не та, за кого себя выдаю, и всё, что командир знает обо мне, даже имя — ложь. И что за правду о моём происхождении он может прямо сейчас взять в руки копьё и пронзить моё сердце.

Я мысленно выругалась. Сейчас совсем не время для подобных признаний. Только вот наступит ли когда-нибудь подходящее?

— Верно. С ним мой брат. — Я выдавила из себя кривую улыбку, прячась за ней, точно за крепостной стеной. — Вместе они справятся с чем угодно.

* * *

Языки костра взвились к небу. Мир наполнил горько-кислый запах горящей плоти, точь-в-точь как пару дней назад. Только вот сейчас не было ни прощальных речей, ни платформ. Было решено сжечь все тела, чтобы некромант, если решит вернуться, больше не смог ими воспользоваться.

Помимо деревенских жителей, в огне сгорали и те, кто, по мнению Вейнарменнир, не должен был удостоиться такой чести.

Итоги осмотра тел стали для всех нас неприятным сюрпризом. В темноте и в пылу битвы было не до того, но сейчас, при свете дня, мы смогли хорошенько рассмотреть, против кого сражались прошлой ночью.

— Знакомая рожа, — протянула Хильде, трогая носком сапога лежащий у её ног труп.

Я присмотрелась и с удивлением поняла, что и мне человек знаком. Только вот откуда?

— Огден убил.

Мы повернулись на растерянный голос. Здоровяк бегал от одного тела к другому, повторяя:

— Убил. Хъёльвдин приказал — Огден убил.

— Чего ты там бормочешь? — Фрост схватил Огдена за руку, с трудом удерживая от дальнейших метаний.

— Убил уже. — Повторил он, тыча пальцем в трупы. — В лагере.

Я ахнула. Перед глазами, как в калейдоскопе, закружились воспоминания. Ржавые ворота, увитые диким виногра-

дом. Дымящиеся развалины святилища. Лужа крови возле палатки. Лежащий внутри мужчина с распоротым животом. Дорожка и труп с рассечённой до самого позвоночника спиной. Все они теперь покоились здесь. Те самые казнённые за трусость Вейнарменнир.

Но большее потрясение у меня вызвали не они, а тела мейвааров. Я узнала их по серым доспехам. Маски больше не скрывали их лиц, да и самих лиц больше не было — вместо них чернела обугленная кожа и спёкшаяся кровь. Кажется, некроманту сначала пришлось разрушить магию, наложенную моим отцом, и сделать это получилось только с помощью огня.

— Ярвел! — рявкнула Хильде. — Шёл за нами от лагеря!

— Невозможно, — неожиданно для самой себя возразила я. Мысленно сопоставив пройденное нами расстояние и длительность путешествия, уже более уверенно продолжила: — К нашему приходу все здесь уже были мертвы. Учитывая, что мы останавливались в пути, некромант мог нас обогнать. Но успеть провести жатву, да ещё и успеть прибраться? Либо мы имеем дело с кем-то невероятно ловким и быстрым, либо…

— Мертвячих несколько, — мрачно закончил Ронар.

Сердце ухнуло куда-то вниз. Это предположение было худшим. Даже один некромант являлся огромной проблемой, а несколько, да ещё и действующих сообща? Последний раз некроманты работали вместе ещё во времена Морвэйна.

Гордыня и чувство собственного превосходства не позволяет им объединяться и сотрудничать. Единственное исключение — учитель и ученик, но, как правило, ученика некромант берёт только тогда, когда чувствует, что его собственная кончина близка. И знания передаёт уж точно не в масштабах целой деревни.

Если предположить, что какие-то некроманты всё же объединились, то у нас очень большие проблемы.

Ронар ударил древком копья по земле, привлекая внимание.

— Даю час. Быстро пройдитесь по деревне, соберите всё полезное, что сможете найти. Тарви, сними череп с ворот и выкинь в реку. Ингрид, на тебе травы…

— А со скотиной чего делать? — спросила Хильде, поглядывая на пару молчаливых овец в загоне.

— Оставь им еды и открой ворота. Я отправлю ворона волкам, сообщу о том, что здесь произошло.

— Может, лучше гонца? — неуверенно начал Ульв. — Я мог бы…

— Нет. Нас и так мало, больше разделяться нельзя. Ворон долетит, а волки и сами разберутся, без нашей помощи. Не падать духом! Пусть мертвячие следят за нами, но в Гибельном лесу все равны. Мы ещё посмотрим, кто кого!

* * *

Ровно через час все были готовы. Я поправила ремешок потяжелевшего заплечного мешка и окинула Сидастаг-

юр прощальным взглядом. Распогодилось. К лазурному небу ещё поднимался чёрный дым от костра, заслоняя собой перламутровые облака. От тел остались лишь обугленные кости, и Ронар приказал затушить остатки пламени, заверив, что волки обязательно завершат начатое.

Больше медлить нельзя. Я с готовностью повернулась лицом к зловещему лесу. Обманчиво-ласковая прохлада коснулась лица, и я вдохнула полной грудью, заполняя ею лёгкие. Ступив под сень деревьев следом за Ронаром, я дала себе мысленное обещание, что обязательно добьюсь справедливости для погибших здесь и обагрю кровью виновных лезвие своего меча.

Глава 13 (Кайриус). Тени прошлого.

Поскальзываясь на мокрых камнях, я выбрался из речки, волоча за собой Янира. Едва ноги ступили на зеленовато-серый мох, я осторожно опустил барда на землю. Точнее, попытался.

— Извини, — крикнул я обиженно загудевшей лютне, после того как, не церемонясь, стянул ремешок через голову Янира и отбросил её в сторону.

Уложив барда как следует, я прильнул ухом к его груди, но услышал лишь гнетущую тишину. Холод окутал желудок и пополз вверх, к горлу, неотвратимо наполняя меня. Я отшатнулся и схватился за голову.

Не верю. Всё не может закончиться вот так.

Внезапно Янир распахнул глаза. Зрачки цвета расплавленного серебра невидяще смотрели прямо перед собой. В следующий миг бард судорожно втянул ртом воздух, а затем перевернулся на бок и с кашлем исторг воду, которой наглотался во время нашего совместного заплыва.

С трудом сбросив оцепенение, я порывисто подался вперёд и, обхватив ладонями чужое лицо, повернул его к себе. Несколько секунд я всматривался в покрасневшие глаза, мой взгляд бегал от одного нефритового зрачка к другому. Я мог бы поклясться, что мне не показалось. Бард медленно выдохнул и издал какой-то непонятный звук — то ли смешок,

то ли всхлип. Это отрезвило. Я отпустил его и упал рядом.

— Я решил, что ты умер, — сдавленно прошептал я. — Твоё сердце не билось.

— Брось! Тебе от меня так просто не избавиться, красавчик, — хрипло рассмеялся он, а я устало закрыл глаза.

Тошнота подступала к горлу. Только теперь я начал понимать весь ужас произошедшего.

То, что мы оба остались живы, — настоящее чудо. Время после падения не ускорилось, напротив, будто замедлилось ещё сильнее. Я запомнил всё до мельчайших подробностей: как мы погрузились под воду, едва не разбившись о камни; как бурный поток понёс нас дальше; как я изо всех сил боролся со своевольным течением, потому что Янир, вцепившийся за мои плечи, внезапно ослабил хватку и обмяк.

— Не смешно, векс тебя побери! — рявкнул я, рывком садясь.

Ухмылка тут же сошла с бледного лица. Синие губы, испарина на лбу, мелко подрагивающее тело — бард выглядел поистине жалко. Стало стыдно за свою вспышку, ведь это Янир тут пострадал больше всех и едва не погиб. Этот парень и раньше в любой ситуации находил повод для шутки, так почему сейчас должен вести себя иначе?

— Прости, — тихо произнёс он.

— Не извиняйся. — Я поднялся на ноги и осмотрелся. — Где мы вообще?

Тишина вокруг разбавлялась лишь шумом воды. Место,

где мы оказались, выглядело крайне тоскливо — казалось, из окружения попросту вытянули все краски. Чёрные листья застыли на таких же чёрных кривых ветвях. Кроны деревьев заслоняли небо и были настолько густыми, что практически не пропускали свет, и понять, ночь сейчас или день, было возможно только по отблескам на поверхности реки.

— Сократили так сократили, — присвистнул Янир, вертя головой. — Мы недалеко от первой стоянки. А где моя лютня?

— Ага. Ну, насчёт этого, — я замялся и неловко почесал затылок. — Она мне мешала. Я…

— Чего ты там бормочешь? — Янир нахмурился. — Где моя Мэрит, Кайриус?

Значит, он всё-таки запомнил, как меня зовут. Только вот это меня совсем не обрадовало. Почему-то моё имя из уст барда прозвучало так… угрожающе? Я почувствовал себя нашкодившим ребёнком. Все оправдания о том, что ситуация была критической и в тот момент я думал только о его спасении, что инструмент, очевидно, и так не пережил речного приключения, застряли в горле. Я только тяжело вздохнул и обречённо поплёлся к многострадальной лютне.

— Послушай, я виноват. Ещё не знаю как, но я всё исправ… — я осёкся, держа в руках совершенно целый инструмент.

— Ах, моя драгоценная Мэрит, — мечтательно проговорил бард и, приняв лютню, запечатлел звонкий поцелуй на

её грифе. Взглянув на меня, он прищурился и спросил: — Что это с тобой? Тоже хочешь? Ну, так уж и быть. Заслужил, в награду за моё спасение. Иди сюда.

— Чего? Вот ещё! — возмутился я.

— Шучу-шучу! — Замахал руками бард. — Хотел разбавить обстановку, а то ты выглядишь так, словно призрака увидел.

— В каком-то смысле. Она… — неуверенно начал я, кивая на лютню. «Она» что? Не разбилась? Не разбухла от воды? Почему-то выглядит как новая?

— Я догадываюсь, о чём ты хочешь спросить, но ответа у меня нет. Отец принёс Мэрит из какого-то похода, когда мне было четыре года. С тех пор чего я только с ней не делал: и на камни ронял, и в грязь, и в костёр. Даже от стаи ворон однажды отбивался, как дубиной, и хоть бы что, ни царапины. Струны тоже ни разу не менял, они всё так же прочны, как в день, когда я впервые взял её в руки. Помню, когда только начал играть, пальцы в кровь стирал, но ни пятнышка не осталось. Она словно впиталась вся.

— И тебе не было интересно, откуда она взялась?

— Было, конечно, но об этом знал только отец. Он всегда отмахивался, мол: «Расскажу, когда подрастёшь». Только вот когда этот момент наступил, спрашивать было уже не у кого, — Янир вздохнул и запрокинул голову. — Что толку теперь гадать? Главное, что она не раз выручала меня из передряг. Я могу творить магию и без Мэрит, но с ней всё

проще и чары выходят раза в два сильнее. Она точно подсказывает мне и направляет.

Бард замолчал, любовно огладив пальцем цветочный узор. Я безуспешно пытался отмахнуться от нелепой догадки, но она набатом била в голове. Эта лютня удивительно напоминала мне Гребень. Если не считать последнего пункта — Ольвидус больше вредил, чем помогал. И хоть бы какой-то отклик от бессмертного, но он продолжал хранить молчание: то ли до сих пор обижался, то ли не считал слова барда чем-то достойным внимания.

— Так, посмотрим.

Бард дёрнул нижнюю струну. Она тихонько задрожала, порождая слабое свечение. Поток, извиваясь тонкой нитью, немного повисел в воздухе и полетел вдоль реки.

— Чуть на восток пройти, — произнёс Янир. — Там валун такой приметный, через пару часов будем на месте…

В груди ёкнуло от нехорошего предчувствия. Меня насторожила слабость в голосе барда; слова, утонувшие в шуме реки, и к концу предложения превратившиеся во что-то совершенно неразборчивое. Я обернулся как раз вовремя, чтобы заметить, как Янир попытался подняться на ноги, но колени его подогнулись, и бард осел на мягкий мох. Я тут же опустился рядом.

— Погоди. — Янир оттянул ворот своего балахона, точно ему было тяжело дышать. — Что-то мне…

Я дотронулся до чужого лба и едва не отдёрнул ладонь —

кожа Янира пылала.

— Х-холодно, — выдохнул он, отчаянно стуча зубами.

Этого только не хватало. Я завертел головой и, заметив в стороне небольшой кустарник, начал подниматься, но бард вцепился в рукав одолженного мне балахона, проявляя невероятную для своего состояния силу.

— Я разведу огонь, — проговорил я, пытаясь оторвать его от себя. — Надо согреть тебя.

— Нельзя! Н-никакого огня. П-п-привлечёшь кого н-не надо. Не ходи…

— Тебе надо согреться, Янир, — повторил я, проговаривая слова медленно и чётко, словно стараясь объяснить очевидную вещь ребёнку.

— Нет! — Глаза барда лихорадочно блестели. — Не ходи! П-пообещай, что не уйдёшь!

— Хорошо-хорошо, — вынужденно согласился я, потому что хватка барда начала причинять нешуточную боль.

— Безопасно только у воды, — прошептал Янир и потерял сознание.

* * *

«Сделай мне одолжение, парень, — закрой глаза или отвернись».

Голос бога раздался словно гром среди ясного неба, заставив вздрогнуть от неожиданности. Прочистив горло, я поинтересовался:

— Чем обязан? Мне казалось, ты немного обижен на ме-

ня.

«Во-первых, не обижен, а зол, ты, непочтительный змеёныш. Во-вторых, ты уже третий час пялишься на болтуна. Сил больше моих нет видеть эту рожу».

— Ну так не смотри, — огрызнулся я.

«Не могу, — нехотя признался бог после короткой заминки. *— После укрепления нашей связи моё зрение связано с твоим сильнее, чем я бы желал. Но правда, лучше снова сходи во-о-он к тому кусту, это было весело!»*

Тяжело вздохнув, я закатил глаза. Да, невероятно весело.

Я довольно скоро понял, почему Янир пытался удержать меня от исследования подлеска, но за эти сведения пришлось заплатить.

Конечно, я не собирался просто сидеть и смотреть, как моего друга лихорадит. Людям купание в ледяной воде явно не на пользу, и разведение огня стало моей задачей номер один. Убедившись, что Янир дышит, я поспешил к кусту, который заприметил ранее.

Высотой он едва доставал мне до колена, среди нежной зелени трепетали, источая сладкий аромат, золотые бутоны, и я, отбросив сомнения, потянулся к ветке. Но стоило мне слегка задеть один из цветков на самой верхушке, как кисть обожгло болью. Перед глазами всё поплыло, стало мутным. Окружающие звуки стихли. Я поднёс непослушную ладонь к глазам — всю её тыльную сторону покрывали мелкие и очень тонкие шипы.

А затем зрение покинуло меня.

Левая половина тела онемела. Я больше ничего не слышал, кроме собственного дыхания и неровного биения сердца, и не видел ничего, кроме темноты. Опустившись на землю там же, где стоял, я принялся ждать, когда мне полегчает.

К счастью, это не заняло много времени, и довольно скоро я почувствовал, что снова могу свободно двигаться. Вернувшись к Яниру, я убрал из ладони шипы и неприязненно покосился на проклятый куст. Его ветки могли бы стать идеальным топливом для костра, но испытывать на себе чудеса местной природы я больше не собирался. Пришлось повозиться, но в конце концов я смог ободрать растущее у самой воды безобидное дерево. Сложив ветви в пирамидку, я решительно навис над ней.

Я много раз наблюдал, как Вейнарменнир разжигают огонь, и даже выпросил у Фроста кремень на всякий случай, так что, вооружившись им и кинжалом, я приступил к делу.

Спустя бесчисленное количество тщетных попыток я сдался — вексов кремень никак не хотел высекать искру. Я бросил это бесполезное занятие и как раз размышлял, как быть дальше, когда бессмертный нагло прервал меня. Правда, судя по его замечанию, я слегка увлёкся.

— Лучше бы совет дал, а то только и делаешь, что насмехаешься. Никакой помощи.

«Мог бы уже привыкнуть, — вздохнул бог. — *Ладно, так уж и быть. Тебе надо…»*

— Бросать Янира я не собираюсь, — я перебил Ольвидуса, нутром чувствуя, что он собирается сказать.

«Да за кого ты меня принимаешь, парень? Я бы ни за что такое не предложил», — очень правдоподобно возмутился он.

Я живо представил, как он показательно хватается за сердце — или то место, где оно должно находиться у нормальных живых существ, — и втянул воздух сквозь сжатые зубы. Мне сейчас для полного счастья не хватает только снова поцапаться с Ольвидусом.

«Вообще-то я хотел предложить воспользоваться потоком. Не понимаю, почему ты сам не сообразил».

— Мой поток обращается в лёд, — процедил я. — Просто напоминание на случай, если ты забыл. Янира надо согреть, а не заморозить окончательно.

Бог немного помолчал, а когда заговорил снова, мне сквозь землю захотелось провалиться от его снисходительного тона.

«Общаясь с тобой, я всё больше убеждаюсь, что начитанный не значит умный. Что ж, устроим небольшую проверку знаний. Назови мне основные типы магии».

— Влияющая на окружение и влияющая на души, — тут же выдал я.

«Что-то не наблюдаю в этом невероятно длинном списке заклинателей льда», — фыркнул Ольвидус.

— К чему ты клонишь?

«Подумай».

Отличный совет. Голова совершенно отказывалась работать. Я снова уставился на барда, словно он мог дать мне подсказку.

«Ты не ограничен заморозкой, — не выдержал бессмертный. — Разожги костёр, высуши одежду, воздух нагрей, в конце концов».

— В этом нет никакого смысла! — возразил я.

«Ещё как есть! — рявкнул Ольвидус, и я невольно закрыл уши, будто это могло помочь. — *Твоя магия тяготеет к стихийной, но это не означает, что ты не можешь обучиться чему-то ещё, например, перемещаться в пространстве или ставить щиты. А уж создание огня вообще не должно вызывать у тебя сложностей».*

— У тебя же вызывает, — буркнул я, припоминая «комнату» бессмертного и жалкое подобие пламени в очаге.

«Это другое! — огрызнулся бог, и волна чужого возмущения прокатилась по моему позвоночнику. — *Вы, смертные выдумщики, нарекли меня Владыкой Глубин и повелителем воды, но это не означает, что я и в самом деле ею повелеваю».*

Я медленно моргнул, обдумывая услышанное. Неудовольствие Ольвидуса заворочалось во мне, словно змея, намекая, что он нечаянно сболтнул лишнего.

— Всё равно не понимаю, — пробормотал я. — Разве в Университете не обучают чему-то одному?

«В Университете, — насмешливо протянул Ольвидус. — *Научники занимаются тем, что необходимо мерфолкам. При зачислении каждого магуса привязывают к своему корпусу. Нельзя позволять им распылять свою силу на всё подряд».*

— И поверить в себя тоже, — тихо добавил я.

«Сам догадался или подсказал кто? — усмехнулся бог. — *Верная мысль. Но ты-то не в Университете, парень, и не ограничен чем-то одним. И я, по праву старшего и мудрого, настаиваю на развитии твоих способностей не только в стихийной магии, потому как вижу огромный потенциал. Так что перестань придумывать отговорки и сосредоточься на преодолении своего предела. Ну же, постарайся!»*

До чего же странно получать от вечно язвительного Ольвидуса пусть и скудную, но поддержку. И более чем подозрительно. Однако я решил пока не забивать себе голову и не пытаться отыскать причину очередной внезапной перемены в чужом настроении, а просто последовал совету.

С разжиганием огня всё равно ни векса не вышло. Поток, вновь обратившись зверем, ворчал, вяло огрызался и никак не хотел формироваться. Сжалившись надо мной — или просто устав смотреть на мои безнадёжные потуги, — бессмертный снова вмешался.

«Ты сейчас лопнешь. Это, безусловно, меня развлечёт, но ненадолго, — устало проговорил он. — *Прекрати гипнотизировать ветки, они от этого не загорятся. Вернись к осно-*

вам, парень. Неприятно признавать, но этот человечек перед тобой задал верное направление, так что вспомни, чему он тебя учил».

Я закрыл глаза и выдохнул, расслабляясь. Стоя на самом краю уже знакомого разлома, я протянул руку вперёд.

И ничего не произошло. Зверь ворочался где-то глубоко внутри, но показываться не желал. Я просил, уговаривал, даже, отчаявшись, пытался угрожать, но всё без толку.

«Похоже, я ошибся. Всё же ты ни на что не годишься».

У меня перехватило дыхание. Разлом загорелся, и из него показалось нечто — я не смог толком разглядеть его, но в ладонь ткнулось что-то тёплое и гладкое, похожее на чешую. Зверь фыркнул, опалил моё лицо горячим дыханием, и я наконец почувствовал, как сила наполняет меня.

Распахнув глаза, я представил на месте кучи веток физиономию бессмертного и, направив поток на неё, спалил дотла в считанные мгновения.

«Поздравляю!» — расхохотался Ольвидус.

— О, замолчи! — простонал я, глядя на кучку пепла у своих ног.

Бросив тоскливый взгляд на уже ободранное дерево, я покачал головой. Даже чтобы заполучить несколько штук, пришлось изрядно попотеть. Неизвестно, сколько попыток мне понадобится, чтобы добиться успеха. Лучше попробую что-то ещё. Как там говорил бессмертный? Высушить одежду?

Я решил сначала потренироваться на собственной накид-

ке, которая и так уже походила на старую половую тряпку. Стянув её с себя из-под балахона, я начал учиться.

Спустя кучу прожжённых дыр, когда от накидки по сути осталось лишь несколько кусков ткани, я наконец нащупал идеальный уровень тепла.

«Продолжай в том же духе, малец», — подбодрил Ольвидус, пока под моими ладонями от одежды барда поднимался лёгкий пар.

Я упражнялся, пока не почувствовал себя истощённым. Подняв голову, я какое-то время смотрел, как играет серебро на речной воде. Дело близилось к ночи, а я даже не заметил, как пролетело время.

Янир так и не пришёл в себя, но дыхание его выровнялось, кожа не плавила воздух вокруг себя, а лицо приобрело нормальный для человека оттенок.

— Ольвидус, ты ещё здесь? — позвал я.

«Я всегда рядом».

— Да неужели? — усмехнулся я.

«У меня, знаешь ли, особо нет выбора, — кисло проговорил бог. — *Иначе я бы с превеликим удовольствием покинул тебя и связался с кем-то повежливее. Иногда я просто не хочу разговаривать с тобой, но это не значит, что я не наблюдаю».*

— Зачем ты напугал Энору? — спросил я, проглотив замечание о том, что ещё надо посмотреть, кому из нас избавление от другого доставит большее удовольствие.

«Напугал? Ты драматизируешь. Я захотел познакомиться, и мы немного поболтали, только и всего».

— Ну конечно! Я, может, и не понял, о чём вы говорили, но зато прекрасно видел лицо Эноры. Ты напугал её, и я хочу знать зачем.

«О, да нет никакой особенной причины. Просто захотелось её встряхнуть. — Ольвидус зевнул. — *Девчонка использует одно из моих имён как ругательство. Это задевает, знаешь ли».*

— И откуда ты только такой чувствительный взялся? — вспыхнул я, не веря своим ушам. Подумать только, бессмертное существо обиделось на такую ерунду! — Поставил меня в неловкое положение!

«Брось! Эта альва не дура, сразу сообразила, что не ты с ней разговариваешь. А вот на то, как ты будешь выкручиваться и объяснять, кто это был на самом деле, я взгляну с превеликим удовольствием. Этот момент обязательно настанет, и я жду его с нетерпением».

— Даже не сомневаюсь, — вздохнул я. — А что насчёт весцелия?

«Не понимаю, о чём речь», — лениво протянул бог.

— Всё ты понимаешь. Мы связаны, помнишь? Я почувствовал — ты знал, о чём говорил тот некромант.

Ольвидус хранил молчание, а я продолжал настаивать:

— У псов была примерно сотня шансов разорвать меня, но они так и не напали. Это ведь я, верно? Весцелий. Речь

шла обо мне?

«Какой же ты выдумщик, парень, — рассмеялся он. — *Влияние болтуна сказывается? Я уже сказал, что не понимаю, о чём ты. А сейчас, если не возражаешь, я отдохну. Ты даже мёртвого своими расспросами утомишь».*

* * *

«Мы шли на север от той деревеньки, так? Значит, это один из притоков Мудреца. Много вдоль него стояло поселений, по большей части альвийских. Не знаю, когда провели такую чёткую границу между Златоцветными лугами и Ветреными равнинами — по крайней мере, до конца эры Раскола её не было. И кто именно делил владения — мои братья или их смертные создания — сказать не могу. Но здесь совершенно точно не было никакого леса».

Прошло уже три дня. Янир не просыпался, и мы с Ольвидусом коротали время за разговорами. После нашей неудачной беседы о весцелии я не горел желанием общаться, но бессмертного, кажется, и впрямь одолевала смертная скука, поэтому вчера утром он просто начал рассказывать мне совершенно не связанные между собой истории о Теролане — ну прямо дед, вспоминающий свою молодость.

«Этот лес не так прост. Здесь всё пропитано магией, но она слишком хаотичная. Не складывается в единый поток. Линии то обрываются, то возникают снова в совершенно другом месте. Что-то здесь произошло уже после моего ухода».

Я проглотил ехидный смешок. *Уход.* Как красиво он называет изгнание.

— Я ничего такого не чувствую.

«Твоя сила только начинает по-настоящему пробуждаться. И пока ты столь неопытен, не советую пытаться прощупать местные потоковые линии. В лучшем случае с ума сойдёшь».

Я не стал спрашивать, что случится при худшем раскладе. И так понятно, что ничего, что могло бы мне понравиться.

— Как думаешь, остальные уже обогнали нас? — задумчиво проговорил я, вглядываясь в темноту леса. — Есть ли у нас шанс нагнать их?

— Шанс есть всегда, красавчик.

Я резко опустил голову. Голос был таким слабым, что я сначала решил, что мне показалось. Но нет — бард встретил меня шумным выдохом и неизменной улыбкой, а я почувствовал, как с души падает острый камень.

— Прости, но если ты разговаривал со мной, то это единственное, что я услышал.

— Как ты? — взволнованно спросил я, бегло осматривая его.

— По мне будто табун лошадей проскакал, — хмыкнул он и поморщился. — Ничего, не привыкать. Пить только очень хочется.

Я кивнул и, уже почти не напрягаясь, притянул из реки шарик воды размером с кулак. Бард уставился на него круг-

лыми глазами и закашлялся.

— Как долго я спал?

— Три дня. — Я сосредоточился на воде. Она на мгновение забурлила, согреваясь. — Мне было скучно.

— Я вижу. — Янир кивнул и в пару глотков осушил шарик, а затем утёр губы рукавом. — Хотя я очень рад, что ты никуда не пошёл. Этот лес опаснее, чем кажется.

— Да я уже понял, — пробубнил я и нехотя поведал, как меня одолел цветочный куст.

К моему удивлению, Янир не посмеялся надо мной, даже не улыбнулся. Он сел ближе и, обхватив мою ладонь своими, с беспокойством осмотрел её.

— Это медовая роза, — пояснил он. — Красивая, дрянь, и пахнет привлекательно, но стоит задеть цветок — стреляет отравленными шипами. В свой первый переход через этот лес я тоже первым делом нарвался на неё. Дурак, хотел розы понюхать! Всё лицо мне истыкала. Я тут же ослеп и оглох, и остаток пути Ронар тащил меня на себе. А ты так быстро пришёл в себя… Впечатляет.

— Так получилось, что яды на меня почти не действуют, а к незнакомым я быстро приспосабливаюсь. А вот с тобой что? Я ещё ни разу не видел, чтобы кому-то так резко поплохело на ровном месте.

Бард бросил быстрый взгляд на речку и вздрогнул. Когда он заговорил, голос его дрожал. В глазах мелькнул и тут же пропал страх, сменяясь тоской.

— Старая история. Мне было года четыре. — Янир ненадолго задумался. — Или пять? Да неважно, я уже и сам не помню. Едва не погиб тогда. Провёл почти полдня вот в такой же речке, в ледяной воде — прятался. Думал, околею. Обошлось, как видишь, но, — он зажмурился, — с тех пор боюсь заходить в воду. Плавать так и не научился. А ещё заработал эти шрамы, как вечное напоминание о моей слабости.

Янир повернул голову. Я опустил взгляд ниже, на его губы, на бледные тонкие линии шрамов, спускающиеся к груди, и с трудом сглотнул плотный ком в горле. Кто мог оставить их?

— Жив остался, и ладно. Пока в воду лезть не надо, всё в порядке. А шрамы даже нравятся моим поклонницам. — Бард оскалился своими длинными клыками и подмигнул мне. — Правда, я вынужден пить отвар — это чтобы вот таких приступов не случалось. Сначала его варила для меня травница нашего клана, а теперь Ингрид. Только лекарство осталось в моих сумках, но, думаю, ничего страшного. Надеюсь, парни не забыли мои вещи в Сидастагюр. И не потеряли Ингрид. С них станется.

Последнее явно было преувеличением — после резни в лагере Ронар будет бороться за каждого Вейнарменнир, — но я не стал заострять на этом внимание.

— Тогда поспешим. — Я поднялся и протянул руку барду. — Надо нагнать остальных.

— Ты прав. Я пойду вперёд. — Янир принял помощь и, поднявшись, потянулся до хруста костей. Он бросил взгляд на мои босые ноги. — Ты за мной, шаг в шаг. Понял?

Мой друг не преувеличивал — каждый кусочек Гибельного леса, оправдывая нерадостное название, таил в себе смертельную опасность. Оказывается, ярко-красный мох, покрывающий стволы деревьев и камни под ногами, назван кровожадным не за свой цвет: одно касание — и сотни отростков проникают под кожу, парализуя и иссушая свою жертву за считанные минуты. А вон тот папоротник-переросток, похожий на гигантскую паутину, плотояден — листья его прочнее стали, и заключённая в кокон добыча обречена быть переваренной заживо в течение пары дней.

— Здесь постоянно всё меняется. Этого гиганта тут не было в наш прошлый переход всего два месяца назад, — пропыхтел Янир, аккуратно огибая огромные серповидные шипы необычайно высокого дерева — тернового великана. — Не торопись и смотри не наступи на корни. Они выпускают сонный газ.

Медовая роза оказалась не единственным растением, убивающим своей красотой. Пр***о***клятый бутон, цветок с пурпурными лепестками, питался в основном насекомыми и мелкими животными, но, по заверениям Янира, не побрезговал бы и чужими пальцами.

И всё же для меня самыми противными оказались гнилостные плоды — грибы, колонию которых я умудрился за-

деть ногой, когда перешагивал через трухлявый пень. Стопу тут же обожгло, а затем заморозило. Кожа моментально покрылась зелёной сыпью и гнойными нарывами, и если бы не помощь Янира, меня, по его словам, ждали лихорадка, судороги и скорая смерть.

— Как я уже говорил, безопасно только у воды. Почему так — понятия не имею, но лишь ручьи, реки и озёра в этом лесу всегда остаются на своих местах, по ним и ориентируемся. А ещё рядом не растёт ничего странного, разве что цветы. И хищники не приближаются. К слову, охотиться тут тоже не советую — скорее сам станешь добычей или отравишься. Можно только рыбу ловить.

Я кивнул, молчаливо соглашаясь. Именно рыбой я и питался все дни, что Янир пробыл в отключке. Впрочем, есть ли в этом мире что-то лучше рыбы?

Жаль, идти вдоль реки всё время мы не могли. На пути то и дело возникали буреломы, доверху заросшие обнимающим плющом овраги, непроходимые кусты пылающей крапивы. Один раз мы всё же наткнулись на хищника, теневого разрывателя — зверя, похожего на крупного волка с полупрозрачным телом. К счастью, сражаться не пришлось — Янир заставил его убраться с помощью магии.

— Повезло, что мы в довольно тёмной части леса, потому что когда светло, его заметить почти нереально, — произнёс бард, обмахиваясь рукавом своего балахона. — Мы оба были бы сожраны до того, как поняли, что на нас напало.

И хорошо, что это была не химера: на этих тварей мои чары действуют с трудом, приходится прилагать много усилий. Возможно, они просто слишком тупые, чтобы воспринимать магию, хоть и имеют две башки.

Несмотря на все трудности, в конце концов мы добрались до первой стоянки. Она и впрямь оказалась не так далеко от места, где мы выбрались из реки, и если бы я не запаниковал и позволил течению пронести нас чуть дальше, то мы бы спокойно дождались остальных здесь, а не пытались опередить время в погоне за ними.

Я потряс головой, выбрасывая из мыслей лишние сожаления. Яниру требовалась помощь. Я поступил правильно.

Это место напоминало берег Пепельного озера, только, в отличие от него, внушало лишь тревогу. Сам лес словно боялся этого места. Между его ядовитой зеленью и бесцветной приречной травой пролегала чёткая, словно прочерченная мечом граница. Прямо у воды чернел круг от костра.

— Опоздали, — с досадой произнёс Янир, опускаясь на колено возле него и трогая пальцами золу. — Давно остыл.

— Нагоним?

— Думаю, да. А если нет — отправимся сразу в «Струну», рано или поздно братья объявятся там, — Янир выпрямился и похлопал меня по плечу. — Предлагаю немного передохнуть, до границы леса стабильных мест больше нет.

За все три дня у меня так ни разу и не получилось создать огонь, поэтому, вручив Яниру кинжал и кремень, под вор-

чание проснувшегося Ольвидуса я отправился к озеру. После короткого отдыха и рыбного ужина мы продолжили путь вдоль кромки воды.

Вейнарменнир точно набрались сил после отдыха и оставили довольно ясный след — мы практически шли по звериным трупам.

— Ого, химеру зарубили! — воскликнул Янир, присаживаясь возле крупной и премерзкой твари с туловищем быка, двумя чешуйчатыми рогатыми головами и изогнутым хвостом с жалом на конце. Её труп лежал в луже зеленоватой склизкой жижи, которая зашипела и пошла пузырями, стоило Яниру ткнуть в неё подобранной рядом палкой. — Рана большая, точно чем-то двуручным. На секиру не похоже, значит, дело рук Ульва — он единственный сражается зубастым мечом ульфра-айтюр. Видишь, тут рваный край…

— Ты погляди, как на тебя похожа, достопочтенный Владыка! Очередная потерянная родственница? — еле сдерживая смех, пробубнил я себе под нос. Ольвидус промолчал, но я почувствовал всё, что он думает о моей шутке, через ослепляющую вспышку головной боли.

«Доиграешься, парень».

Намёк был более чем прозрачным. Больше я не отвлекался.

Дело близилось к ночи, когда мы наконец обогнули озеро и снова вышли к извилистой ленте реки.

— Выход недалеко, сразу на той стороне, — поведал

Янир.

В отличие от предыдущего безумного потока, здесь течение вело себя спокойно — проблем возникнуть не должно. Я кивнул сам себе и решительно зашёл в реку. Вода даже в самом глубоком месте доставала мне лишь до пояса, и, без усилий добравшись примерно до середины, я оглянулся.

Янир не сдвинулся с места. Он так и продолжал стоять на берегу, переминаясь с ноги на ногу и опустив голову, как стеснительная девица. Заметив, что я на него смотрю, бард густо покраснел и замахал рукой.

— Сейчас-сейчас! — прокричал он. — Дай мне минутку.

«Или две. Или час», — хмыкнул Ольвидус.

Мысленно закатив глаза, я побрёл обратно.

— Залезай, — предложил я, поворачиваясь к нему спиной. Не дождавшись ответа, посмотрел через плечо и наткнулся на растерянный взгляд.

— Чего? — хрипло переспросил бард.

— Забирайся на спину, я перенесу тебя на другую сторону.

— Ещё чего! — возмутился Янир.

— На руках не понесу, и не мечтай, — отрезал я. — Либо полезай на спину, либо перебирайся сам как можешь. Но если снесёт течением, я не могу обещать, что успею тебя вытащить. — Тут я слукавил. Я бы успел, но барду знать об этом совсем не обязательно. Мне и правда проще помочь, чем смотреть, как он вновь подвергает себя испытанию.

Взгляд Янира лихорадочно метался между рекой и моим лицом. Я отчётливо видел, как внутри барда желание сохранить остатки гордости борется со здравым смыслом. Наконец, состроив страдальческую гримасу, Янир кивнул, соглашаясь.

«Ну вы только посмотрите! — расхохотался бессмертный. — *Как интересно! Парень, да ты настоящий рыцарь!»*

— Умолкни! — прошипел я под новый взрыв смеха.

Янир не обратил на моё замечание никакого внимания — видно, так был напуган близостью воды. Где-то на трети пути хватка барда стала совсем невыносимой, и я почувствовал, как скрипят под давлением мои рёбра.

— Если ты меня придушишь, то точно утонешь, — просипел я.

— Извини, — пробурчал Янир и заёрзал, устраиваясь поудобнее.

— И копыта свои убери, — бросил я, подтягивая его повыше. — А то дырку мне в животе продавишь.

Я хлопнул его по голени и неожиданно получил такой подзатыльник, что искры из глаз посыпались, а сам я едва не рухнул ничком прямо в реку.

— За что?!

— За копыта! — рявкнул бард.

— Но они и правда!.. — Я осёкся и медленно выдохнул. Ольвидус уже не смеялся — громко икал, изредка постанывая: *«Во даёт!»* Я живо представил, как бог утирает когти-

стым пальцем выступившие от смеха слёзы, и почувствовал, как жар приливает к лицу. Надо сворачивать этот балаган, я его развлекать не нанимался! — Зачем ты вообще их носишь? Это же неудобно.

— Это красиво. Девушкам нравится, — протараторил Янир.

— Серьёзно? Лишь из-за этого? — изумился я, пытаясь понять, каких именно девушек он пытается очаровать, гоняясь целыми днями по лесам Тероланы.

— Ну… Ладно, на самом деле нет.

Янир вздохнул. Он перестал цепляться за меня, словно утопающий за бревно, и я пошёл быстрее.

— Я отличаюсь от остальных в нашей семье.

— Да у вас кто во что горазд, — не удержался я, вспоминая разношёрстную компанию. Вроде все из одного клана, а выглядят совершенно по-разному, даже Ронар и Янир. Если бы они сами не назвались родными братьями, я бы ни за что на свете не понял, что их связывают такие близкие узы. Они же вообще не похожи. Разве что одинаковыми носами.

— Не о внешности речь, — возразил Янир, сразу сообразив, что я имел в виду. — Точнее, не только о ней. Я не боец — ни с одним оружием управляться не умею. Несколько раз чуть сам себя не прирезал, и с тех пор Ронар вообще запретил брать мне в бой что-то помимо лютни. Телесные упражнения тоже не для меня: только бегаю хорошо, пожалуй. Но тут у меня и выбора-то не было, пришлось научиться, коли

клинок не помощник. Вот и ростом я тоже не вышел, даже Йонар уже догнал меня. Хотя тут я, пожалуй, не удивлён: парень в дядю пошёл.

— В дядю?

— Ну да. Йонар — мой кузен. Чистокровный медведь, оба родителя из бьёрна-айтюр. Думаю, очень скоро он будет как второй Ронар. Брату, видишь, тоже повезло: он во всём похож на отца, а я — весь в мать. Ты не подумай, я любил её больше всех на свете, но для мужчины это как-то… В общем, пришлось мне приспосабливаться.

— То есть ты носишь их просто для того, чтобы казаться выше?

Мы достигли другой стороны. Я выбрался на берег и присел, чтобы бард мог спуститься на землю. Выпрямившись, я внимательно посмотрел на человека передо мной. И правда, Янир даже в своих сапогах был чуточку ниже меня, а если снимет их, пожалуй, будет всего на пару сантиметров выше Эноры.

— Обещай, что никому не расскажешь.

Я вопросительно приподнял бровь, а бард сжал мой рукав. Лицо его приобрело упрямое выражение, а голос — жёсткие нотки.

— Об этом даже Ронар не знает — считает, что это очередная придурь артиста. Пусть так и останется. Прошу ещё раз — не говори никому. Не заставляй меня пожалеть о доверии к тебе.

Я кивнул, но пообещать как следует не успел. Громогласный рёв сотряс деревья, переполошив ютящихся на кривых ветвях птиц. Быстро переглянувшись, мы с бардом помчались на шум под тревожное хлопанье крыльев.

Деревья расступились, и мы очутились на большой поляне. Перед моими глазами развернулось сражение: пятеро неизвестных, облачённых в чёрные доспехи, теснили превосходящих их численно Вейнарменнир. Каждый нападающий бился одновременно с двумя-тремя людьми. Двигались незнакомцы стремительно, но, как мне показалось, лениво, словно всё происходящее было для них не более чем игрой. Промелькнула мысль, что, будь они чуть посерьёзнее, мы бы с Яниром не застали своих товарищей в живых. Моё внимание привлекло стремительное движение слева. Я перевёл взгляд туда, да так и застыл, раскрыв рот.

Энора и Ронар дрались с самым рослым незнакомцем: он был на голову выше командира, а альва и вовсе едва доставала ему до бедра. Движения Медведя и моей подруги напоминали смертоносный танец. Каким-то невероятным образом они предугадывали каждое движение друг друга, словно годами сражались бок о бок и могли общаться без слов. Нападавшему приходилось несладко: остриё копья Ронара и сверкающая сталь меча Эноры непрерывно сменялись, не позволяя врагу перевести дух.

Янир схватил лютню и встал рядом со мной. Струны загудели, посылая волну силы в толпу. Все — и свои, и чужие

— на мгновение застыли, а бард, всё ещё слабый после болезни, опасно покачнулся. Я подхватил его, помогая восстановить равновесие. Встряхнув волосами, Янир упрямо сжал губы и выпрямился. Окутанный ослепительно-белым потоком, он коротко приказал:

— *Стой.*

Поток ударил в плечо одного из чужаков. Он неловко застыл на месте, и этого мгновения хватило, чтобы Грай обвила его своим гибким стальным кнутом, а Ульв, размахнувшись, нанёс последний удар.

Кровь окропила бледное лицо Волка. Голова неприятеля, описав в воздухе широкую дугу, шлёпнулась прямо мне под ноги. Пару раз качнувшись из стороны в сторону, она замерла, а я порадовался, что незнакомцы все как один носят маски и я не вижу выражение чужого лица.

«Твою подружку сейчас убьют».

Я оторвал взгляд от происходящего передо мной и успел заметить промелькнувшую за спиной Эноры тень. К счастью, альва тоже почувствовала чьё-то присутствие и круто развернулась, отражая удар. Девушка тут же схлестнулась с новым противником, пока Ронар продолжал сражаться всё с тем же рослым воином.

Их разделяли.

Противник Эноры достал второй кинжал. Ловко и быстро уходя от меча альвы, он поднырнул под её руку и нанёс удар в живот. Клинок плавно вошёл в тело моей подруги, и её лицо

исказила гримаса боли.

У меня закружилась голова. Альва покачнулась. Её лицо покрылось бисеринками пота, а лицо побелело. Она схватилась за рану, а затем отняла руку и поднесла к глазам ладонь, покрытую густой чёрной кровью. Незнакомец, поигрывая оружием, уже приближался к ней, чтобы нанести решающий удар.

Позабыв обо всём на свете, я рванул вперёд, на ходу извлекая из ножен свой кинжал. Янир крикнул что-то мне вслед, но я не смог разобрать ни слова. Да и не пытался. Только бы успеть! Я услышал яростный рёв и метнул взгляд в сторону: расправившись наконец со своим врагом, к Эноре уже бежал Ронар. Но я понимал — он находится дальше и не успеет.

«Слишком медленно».

Ольвидус ворвался в моё сознание, и на этот раз я не сопротивлялся. В этот момент я был готов отдать свои тело и душу бессмертному насовсем — что угодно, лишь бы спасти её!

— Меня надолго не хватит, парень, — прокричал он. — *Как только отпущу — бей!*

«Понял!»

Бог обогнал время. В мгновение ока я оказался перед Энорой, закрывая её, и, обхватив рукоять обеими руками, выставил оружие прямо перед собой.

Всё произошло мгновенно. Не успев остановиться, враг насадился горлом прямо на изогнутое лезвие. Раздалось

бульканье. Не моргая, я смотрел в округлившиеся от удивления глаза в прорезях маски, а в следующее мгновение из них исчез блеск, и тело, легко соскользнув с оружия, с глухим стуком упало на землю.

Меня обдало холодом. Все звуки, кроме пронзительного звона, стихли. Я продолжал стоять, вытянув перед собой дрожащие руки и до боли в пальцах сжимая окровавленный клинок.

Я что… только что отнял чью-то жизнь?

Мир поплыл. Я обнаружил себя в каком-то тесном помещении и с трудом узнал в нём комнату моей матери. Передо мной, в мрачном сиянии светочных камней, замерла девушка. До чего знакомое лицо! Сердце болезненно сжалось и заныло. В её глубоких, цвета морской волны зрачках ещё витал призрак веселья, который в следующее мгновение сменился недоумением.

Девушка опустила голову, и я инстинктивно повторил её движение. Из её рвано вздымающейся груди торчала рукоять.

Мы одновременно подняли глаза друг на друга.

— Кайриус, — выдохнула она, и из уголка её рта потекла струйка голубой крови.

Нет, это какая-то ошибка.

— Мирай, — насмешливо ответил я.

Я знал это имя. В груди шевельнулось что-то тёплое и тут же разбилось.

Я знал эту девушку. Она предала меня.

— Кайриус, — мягко улыбнулась она и обхватила моё лицо липкими от крови ладонями.

Я на мгновение прикрыл глаза, наслаждаясь прохладой её рук. Я знал, что она сделала. И должен был ненавидеть её за это. Но не мог.

— Кайриус! — Правильные черты её лица исказила ярость, а ногти впились в мои щёки, раздирая кожу и срывая чешуйки.

Оцепенение спало с меня, и я судорожно попытался сбросить с себя чужие руки.

— Это твоя вина! — закричала она. — Ты убил меня!

Убил? Ерунда. Этого не может быть. Мирай жива. Её отца назначили главой магистратуры Эхоса, и они отбыли из Ликириса сразу после нашей с ней ссоры. Я сам видел, как её семья зашла в дилижанс: отец, мать, тётя, две младших сестры, кузен, сама Мирай… Погодите. Поднялась ли на борт Мирай?..

Голову сдавило железными тисками. Я не помню. Не могу вспомнить.

— Ты убийца!

Нет. Это не я!

— УБИЙЦА!

Я не убийца!

— Кайриус, чтоб тебя!

Кинжал вылетел из моих рук. Щёку обожгло болью. Удар

был такой силы, что моя голова дёрнулась в сторону и перехватило дыхание. Я удивлённо моргнул, приходя в себя. Наваждение развеялось. Лицо Мирай подёрнулось сизой дымкой и исчезло, являя взору обеспокоенного Янира.

— Прости! Прости меня, но ты не откликался, и чары не помогли, у меня не было выбора. — Он крепко сжал мои предплечья. — Ты в порядке?

— Энора? — прохрипел я, пытаясь заглянуть за спину барда.

— Жива.

Звуки хлынули в уши с новой силой, будто стали раза в три громче.

— Ингрид, сделай что-нибудь! — это Ронар, сжимая в своих руках раненую альву, с несвойственной ему тревогой в голосе звал травницу.

— Кто ваш хозяин? — это Сварта давила ногой на грудь одного из нападавших, но ответом ей был только хриплый булькающий смех. — Отвечай!

— Этот готов. — это сапоги Фроста прочавкали по окровавленной траве.

Всё это было слишком. Желудок болезненно сжался. Отцепив от себя руки Янира, я рухнул на колени, и меня вырвало. На мою спину легла узкая ладонь барда. Я почувствовал расходящееся от неё тепло и окутывающее душу умиротворение.

— Порядок. — Я втянул воздух сквозь сжатые зубы и вы-

тер губы рукавом. В горле комом встали непрошенные слёзы, но я яростно отмахнулся от них. Нашёл время нюни распускать!

— Уверен?

— Да, — твёрдо ответил я и, опираясь на руку Янира, поднялся на ноги. — Нужно помочь остальным.

«До чего же весело! — воскликнул Ольвидус, опаляя меня своей неуместной радостью. — *Я сейчас расплачусь от гордости, малец! Ты моё лучшее творение!»*

Глава 14 (Альрун). Нет ничего тайного, что не сделалось бы явным.

Моя кровь кипела — я чувствовала разъедающий вены жар. Кожа же, напротив, словно покрылась коркой льда. Живот превратился в одну сплошную рану, пульсирующую и воспалённую. Судороги, похожие на разряды молнии, прокатывались по телу подобно приливным волнам. Бриллаар, если переживу это, больше ни за что не сниму куртку во время привала. Даю слово.

Всё было хорошо. По правде сказать, даже слишком. Мы продвигались по Гибельному лесу без задержек, с лёгкостью огибая особо опасные зоны, а встреченные нами хищники испускали дух раньше, чем успевали рыкнуть.

Отсутствие следов Янира и Кайриуса тоже не было таким уж плохим знаком. Ронар сказал, что его брат знает, как нас найти, а я не стала спорить и настаивать на том, чтобы дождаться их. После трагедии в Сидастагюр я незаметно для самой себя сблизилась с командиром. Мы много разговаривали в пути, а во время стоянок тренировались. До этого я и помыслить не могла, сколь стремительным может быть копьё в умелых руках.

Спустя четыре дня мы добрались до границы леса. Никто

не мог поверить такой удаче, ведь за всё время пути ни один из нас не пострадал. Ронар объявил привал. Настоящий, без дозорных. Сказал, нет таких дураков, что сунутся за границу этого места. И он оказался прав, дураков не было. А вот мастера в лице Ойхинаэр[1] зайти в лес не побоялись. Мы только успели вооружиться, и завязалась битва.

Я точно знала, у кого достаточно денег и связей, чтобы нанять стольких убийц сразу, и когда на меня попытались напасть со спины, с пугающей ясностью поняла — время, отведённое на мои поиски, подошло к концу. Я перестала представлять хоть какую-нибудь ценность для отца, и он предпочёл устранить проблему, вместо того чтобы ещё раз попытаться всё исправить.

Ойхинаэр пришли по мою душу. Уверена, они бы перебили нас во время отдыха, но Фрост со своей невероятной наблюдательностью заметил неладное и тут же поднял тревогу.

Потом были отравленный кинжал, пронзительная боль и агония. Внутри меня точно бурлил жидкий огонь, и я подумала, что, наверное, так чувствует себя форма, в которую кузнец заливает металл — такой же раскалённой и беспомощной.

Последнее, что я помню, — это спина невесть откуда возникшего Кайриуса. А затем мир закружился, утягивая меня в душную темноту. Сон, если его можно так назвать, принёс

---

[1] Ойхинаэр (альв.) — «Тень золота». Профессиональная гильдия наёмных убийц, услугами которых пользуются даже ан Аквилана.

лишь новые мучения. В бреду я видела Алистиана, Ренвика и Ниссу, но все трое постоянно ускользали от меня: дымкой растворялись от прикосновений, уходили так далеко, что я никак не могла догнать их, как бы не старалась.

Иногда мне казалось, что я тону, и лёгкие горят от попавшей в них ледяной воды, и тогда я ненадолго приходила в себя. У меня не выходило ни пошевелиться, ни разомкнуть веки, ни застонать, но я чувствовала щекочущий лицо мех, пахнущий хвоей и клюквой; сильные руки Ронара; ускоряющийся бег сердца мужчины каждый раз, когда у меня на мгновение перехватывало дыхание от боли, а ему, наверное, казалось, что я совсем перестала дышать.

— Уже почти пришли, — бормотал он. — Слышишь? Скоро станет легче, только продержись ещё немного, королевна. Не вздумай помирать.

Кажется, только это и заставляло меня делать новый вдох и бороться дальше.

Иногда мне прямо в горло вливали горькую настойку и тут же зажимали нос и рот, заставляя глотать лекарство, а следом сквозь мои веки пробивался ослепительно белый свет, и я понимала, что это Янир пытается очистить мою кровь от яда и подарить короткий миг покоя.

Я ловила какие-то обрывки разговоров, но почти ничего не понимала и даже не могла разобрать, кому принадлежат голоса — страдающий мозг превращал слова в неясный набор звуков.

Не знаю, сколько это продолжалось, но в очередной раз вырвавшись из небытия, я поняла, что мне стало гораздо лучше. Почти идеально, если не считать слабости во всём теле. Я лежала, и не в каком-нибудь спальнике, а в самой настоящей постели: под головой мягкие подушки, под пальцами чуть шершавая простынь, а на мне — тяжёлое уютное одеяло. Раньше я и представить не могла, как сильно буду радоваться такой простой вещи, как кровать.

Я приоткрыла глаза, щурясь от яркого света. Мне удалось рассмотреть очертания стула в изножье; по правую руку от меня стояла тумба, а у дальней стены расположились кресло и длинный стеллаж с книгами.

— Проснулась?

Ронар стоял, прислонившись спиной к двери и скрестив руки на могучей груди. На нём не было привычной шкуры, а свою одежду он сменил на простую тунику с коротким рукавом и штаны, какие обычно носят рабочие люди в альвийских поселениях. Я улыбнулась и хотела поприветствовать его, но тут же поняла, что что-то не так. Желваки на скулах мужчины дёргались, ледяные глаза смотрели в упор, и по моим ногам пробежали неприятные мурашки. Бриллаар, даже в день нашей встречи он не смотрел на меня с таким разочарованием.

— Хочешь пить?

Я неуверенно кивнула. Ронар пересёк комнату в два широких шага, приблизившись к тумбе. Только сейчас я заме-

тила стоящие на ней графин и высокий стакан. Плеснув в последний немного воды, мужчина поднёс его к моему лицу. Я не стала возмущаться: мои руки сейчас и вилку бы не удержали. С трудом оторвав голову от подушки, я жадно припала сухими губами к стакану.

— Каким из девяти знатных родовых имён я должен называть тебя, леди?

Вопрос застал меня врасплох. Не успев проглотить воду, я поперхнулась и выплюнула всё обратно, облив и себя, и Ронара, но мужчина не сдвинулся с места. Мне показалось, что в моём желудке закручивается воронка.

— О чём ты говоришь? — спросила я, мысленно проклиная себя за дрожь в голосе.

— Не юли! — рявкнул Ронар и сжал стакан в кулаке. По стеклу побежала трещина. Мужчина с громким стуком поставил его на тумбу, а я вжалась в подушки, словно это могло спасти меня от гнева командира. — Больше никакого притворства! Ты не та, за кого себя выдавала всё это время, и мы оба знаем это. На этот раз я хочу слышать правду. Говори! Не заставляй меня приводить сюда Янира.

Казалось, Ронар сейчас воспламенится от злости. Его зрачки начали краснеть — верный признак, что командир постепенно теряет контроль над собой. Сжимая уголок одеяла негнущимися пальцами, я судорожно пыталась придумать себе оправдание, но чем дольше смотрела на Медведя, тем яснее понимала, что сейчас меня спасёт только откро-

венность. В конце концов, я сама порывалась рассказать всё раньше. Дотянула, и вот к чему это привело.

— Альрун, — промямлила я.

— Полное имя!

Мужчина продолжал угрожающе нависать надо мной. Глубоко вдохнув, я выдавила:

— Альрун Маэла ан Фалькана.

Тишину между нами нарушали только беззаботно поющие за окном птицы. Ронар отступил на шаг, затем ещё на один.

— Всё же ты?..

Я нахмурилась. Командир выглядел так, словно я отвесила ему оплеуху. Не переставая сверлить меня взглядом, он нащупал стул и, притянув поближе к кровати, тяжело опустился на него.

— Ты дочь Эурина?

— Да, — еле выдохнула я.

— Младшая сестра анэстира?

— Да, — повторила я одними губами.

— Племянница короля?

Я просто кивнула, не в силах ответить.

— Охренеть, — наконец произнёс Ронар, а затем засмеялся. Громко, надрывно. Очень страшно.

Я застыла, боясь лишний раз пошевелиться. Малодушно захотелось накрыться одеялом с головой, а ещё лучше оказаться где-нибудь подальше отсюда. Чтобы не видеть и не

слышать *такого* Ронара.

Резко, словно у него вдруг закончились силы, командир умолк. Смех оборвался, но его горькое эхо продолжало звучать в моих ушах.

— Почему именно ты? — глухо спросил мужчина, обращаясь скорее к самому себе, чем ко мне.

— Ронар, — позвала я, надеясь, что он меня выслушает. Не получив приказа замолчать, я продолжила: — Понимаю, как всё это выглядит, но я не шпионка и ничего о ваших планах не знала. Я скрыла своё имя из страха быть обнаруженной отцом. Мне пришлось сбежать из дома. Это не прихоть избалованной леди — мне не оставили выбора. И даже если ты сейчас думаешь о том, сколько спросить с богатого папаши за возвращение беглой дочурки, лучше сразу убей, потому что он не даст за мою жизнь ни гроша. Я… дис-вайла. Во мне нет магии.

Мой голос дрогнул. В горле запершило. Я закашлялась и спрятала лицо в сгибе локтя. Какого Кайлтэна со мной не так? С пяти лет живу с осознанием, кто я такая, ещё не хватало разреветься именно сейчас! Краем глаза я уловила, как Ронар дёрнулся вперёд, но, будто опомнившись, остался сидеть на месте. Я же предпочла сделать вид, что ничего не заметила.

— Серые воины, заявившиеся в ваш лагерь, шли по моему следу, — вновь заговорила я, переведя дыхание и немного успокоившись. — Искали, чтобы вернуть домой. А те, в

чёрном, у границы Гибельного леса, — рука невольно метнулась к животу, где под тугой повязкой скрывалась рана, — ассасины, нанятые, чтобы убить меня. Мы оба понимаем, что это значит. Отцу я больше не нужна, и он пойдёт на всё, чтобы убедиться, что я замолчу навсегда. Мне жаль, что я не рассказала обо всём раньше, — я перешла на шёпот, но заставила себя смотреть мужчине прямо в глаза. — Жаль, что твоя семья пострадала по моей вине. Но я попала в ваш лагерь случайно. Это роковая ошибка, которая принесла боль всем нам. Мне так жаль, Ронар.

Командир молчал. Его ярость поутихла, и напряжение между нами тоже немного спало. Он долго изучал меня взглядом, что-то обдумывая, а затем неожиданно поинтересовался:

— Кто такой Кайриус?

— Он… не мой брат и не жертва неудачного опыта. Я познакомилась с ним за два часа до того, как мы наткнулись на Ларса. Кайриус — мерфолк. — Мужчина нахмурился и открыл рот, но я не дала ему перебить себя. — Об остальном лучше спросить его самого. Я больше ничего не знаю.

— Ясно. — Ронар надавил пальцами на переносицу и тяжело вздохнул. — Пусть Янир сам с ним разбирается. Что-то ещё, о чём я должен знать?

Я покачала головой. Самое важное было открыто, а оправдываться я не собиралась — достаточно с меня на сегодня позора.

— Тогда я пошёл, — сказал Ронар, поднимаясь на ноги.

— В смысле? — опешила я.

— Мне надо всё обдумать. Ты остаёшься здесь. Ждёшь меня. К тебе скоро заглянет хозяин этого места — будешь выполнять все его указания.

— Хорошо, — легко согласилась я, решив не спорить. Сначала посмотрим, что там за хозяин такой.

— Бежать не советую, — бросил командир, уже стоя в дверях. — Я тебя везде отыщу.

Это предупреждение было лишним — я едва бы смогла сесть на постели без посторонней помощи, ни о каком побеге и речи не шло, но всё равно кивнула. Мужчина смерил меня последним нечитаемым взглядом и ушёл. Но долго скучать мне не пришлось. Не прошло и пары минут, как раздался стук в дверь.

— Войдите!

По обстановке в комнате я уже догадалась, что мы находимся в одном из городов Гланлиморина, так что не очень удивилась, увидев на пороге комнаты альва. Мужчина согнулся в глубоком поклоне.

— *Фаэльтар, тира,* — медленно, почти по слогам поприветствовал он. — Иссар анэм Берриан Тилла'нар. Ис…[1]

Он замялся. Слова давались мужчине с трудом, как будто родной язык чужд ему.

— Вы можете говорить на общем, авир, — быстро прого-

[1] Здравствуй, госпожа. Меня зовут Берриан Тилла'нар. Я… (альв.)

ворила я. — Прошу, входите.

Он едва заметно выдохнул и выпрямился, подняв на меня взгляд.

— Ваши глаза! — вырвалось у меня. — Вы…

— Чей-то бастард, полагаю. — Он на мгновение приподнял уголки губ.

— Полагаете? — ошеломлённо переспросила я, напрочь позабыв про вежливость.

— Точно знаю. Но предпочту не обсуждать это, если вы не против. Не самая моя любимая тема для знакомства.

Опираясь на трость и заметно прихрамывая, мужчина прошёл в комнату, прикрыв за собой дверь. Я разглядывала его, точно произведение искусства, которое альв напоминал всем своим видом — высокий, с заплетёнными в традиционную альвийскую косу[1] чёрными как смоль волосами, узким лицом и чётко очерченным острым подбородком. От него веяло строгостью: от простых серых одеяний до сжатых в тонкую линию губ и неглубокой морщинки, пролегающей меж густых бровей. Моё внимание привлекли длинные изумрудные серьги в его ушах, не столько своей яркостью и полным несоответствием образу альва, но, что важнее, своим значением: лишь целители, окончившие Академию, имеют право носить этот камень.

Альв неторопливо опустился на стул и застыл с идеаль-

[1] Подразумевается причёска, в которой пряди у лица заплетаются в тонкие косички и затем вплетаются в общую косу на затылке.

но ровной спиной, точно статуя. Вблизи его тёмно-янтарные глаза казались ещё пронзительнее, и я нервно сглотнула.

— Простите, — пролепетала я. Бриллаар, какой позор! Когда я научусь вовремя замолкать?

— Ничего. Ваше любопытство вполне оправданно, но я связан обещанием главе рода. — Он окинул меня пытливым взглядом и удовлетворённо кивнул. — Вы выглядите гораздо лучше.

— Полагаю, это вам я обязана своей жизнью?

— Это мой долг, — произнёс он без капли надменности. — Но если бы не помощь ваших друзей, боюсь, нам бы вовсе не довелось познакомиться.

— И всё же я благодарю вас, авир.

— Прошу, зовите меня Берриан.

Я перевела на него удивлённый взгляд. Внешность и манеры мужчины сбивали с толку. Мне казалось, что я разговариваю с настоящим аристократом, и называть его вот так просто по имени спустя всего пять минут знакомства — это вопиющее нарушение всех мыслимых и немыслимых правил поведения. В памяти возник образ престарелой наставницы с длинным ивовым прутом в руке, который опускался на мои раскрытые ладони за каждую ошибку во время уроков этикета, и я невольно сжала кулаки. Что ж, очередное напоминание, что ничего хорошего в высшем обществе и их глупых правилах нет.

— Хорошо, Берриан, — согласилась я, с удовольствием

отметив, как сверкнули глаза альва, когда я произнесла его имя. — Тогда и вы можете звать меня…

Я осеклась, не зная, как представиться. Ронар наказал слушаться хозяина, но можно ли доверять этому альву? Я даже не знаю, что вообще связывает этого целителя с Вейнарменнир.

Заметив моё замешательство, Берриан мягко улыбнулся и покачал головой.

— Понимаю. Ваш статус весьма… хрупок. Уверен, в будущем мы познакомимся с вами как подобает. А сейчас прошу простить, госпожа, — он грациозно поднялся и вновь поклонился. — Я зашёл поприветствовать вас, но теперь должен вернуться к своим обязанностям. Если вам что-нибудь понадобится — просто постучите по стене рядом с собой. Мой кабинет располагается прямо под вашей комнатой, я услышу.

Берриан задержал взгляд на тумбе и нахмурился. Я посмотрела туда же, на треснувший стакан и растёкшуюся под ним лужу воды, и почувствовала, что краснею.

— Попрошу заменить посуду. Отдыхайте.

Я благодарно кивнула. Разговор с альвом отнял у меня последние силы, так что после того, как он ушёл, тихо прикрыв за собой дверь, я обессиленно откинулась на подушки и моментально провалилась в спасительный сон без сновидений.

* * *

Теперь каждый мой день начинался с мягкой постели и

яркого света Кира, проникающего в комнату сквозь резное окно второго этажа лечебницы.

Поначалу я не могла подняться с постели без посторонней помощи, и Берриан приставил ко мне свою ученицу — человеческую девушку с огромными в пол-лица небесно-голубыми глазами, которая по непонятной причине отказывалась со мной разговаривать. Она всё делала молча и с поразительным упорством игнорировала мои вопросы и даже приветствия. Сначала я решила, что девушка немая, но когда спросила об этом заглянувшего справиться о моём самочувствии альва, он помрачнел.

— Нет, моя госпожа, Астрид не немая. И такое поведение совсем на неё не похоже. Я обязательно выясню, в чём дело.

Больше Астрид не приходила. Мужчина не стал раскрывать причину неприязни девушки ко мне, лишь заверил, что переживать не о чем, и вечером того же дня объявил, что лично займётся моим лечением. К этому моменту я окрепла достаточно, чтобы самостоятельно перемещаться по комнате, так что альв был избавлен хотя бы от лицезрения немощной аристократки. И всё же я чувствовала невероятный стыд от того, что Берриан вынужден останавливать свою работу в лечебнице и нянчиться со мной.

— Перестаньте! — строго сказал альв, когда я попыталась обсудить это с ним. — Ваше выздоровление в приоритете, и Астрид прекрасно об этом осведомлена. Целитель должен уметь отделять личные чувства от своих обязанностей. В по-

ведении моей ученицы вашей вины нет. Лишь моя ошибка как наставника.

Берриан стал посещать меня каждый день, утром и вечером, чтобы напоить лекарством и очистить кровь.

— Очень коварный яд, — задумчиво протянул мужчина во время очередной процедуры. — Распространяется, словно грибные споры, каждый раз нахожу его остатки. Впервые с таким сталкиваюсь.

— Меня ранил член Ойхинаэр, — поделилась я, морщась от неприятных ощущений. Отрава отчаянно сопротивлялась удалению и в ответ на магию Берриана будто выпускала сотни острых коготков, цепляясь за меня изнутри.

— Вы уверены?

— Дайте подумать… С ног до головы в чёрном, с нашивками в виде золотых кинжала и дубового листа? — Я сделала вид, что задумалась, но тут же зашипела от особенно болезненного спазма. — Да, я уверена.

— У вас опасные враги, моя госпожа, — произнёс альв, бросив на меня мимолётный взгляд исподлобья. — Но это объясняет, почему я так долго пытаюсь определить составляющие. Ойхинаэр — настоящие мастера своего дела. Осмелюсь предположить, что вы единственная, кто смог пережить воздействие этого яда. Это непросто, но уверен, я сумею создать антидот. — Закупорив флакон с чёрной мерцающей жидкостью, он продолжал: — А что касается раны… Конечно, можно исцелить её за один раз, но тогда обязательно

останется рубец. Но у нас есть время, и я бы предпочёл не спешить, если вы не против.

Я только пожала плечами, хотя, Бриллаар свидетель, мне было совершенно всё равно. Но мне совсем не хотелось расстраивать Берриана, для которого отсутствие следов на моём теле, казалось, было гораздо важнее, чем для меня.

— А что насчёт этого? — спросила я, указывая свою скулу.

— Вы позволите? — Берриан приблизился. У меня внезапно пересохло в горле, и я через силу кивнула. Альв осторожно обхватил мой подбородок, а пальцами другой руки с нажимом провёл по шраму. Чуть повернув моё лицо к окну, он ещё какое-то время внимательно осматривал уже затянувшийся порез. Я отчего-то задержала дыхание и намертво вцепилась в многострадальное одеяло — удивительно, как оно ещё не порвалось под таким натиском.

— Мне очень жаль, но с этим я ничего поделать не могу. — Целитель покачал головой и отстранился. Я рвано выдохнула, немного расслабляясь — то ли от того, что дышать сразу стало легче, то ли от смысла сказанного. — Есть только один выход: придётся срезать этот слой и заживить новую рану с помощью… Вам дурно?

— Нет, — прохрипела я и, откашлявшись, повторила уже громче: — Нет, всё в порядке. Я бы хотела, чтобы он остался. Это… напоминание.

Какое-то время Берриан молча смотрел на меня безо вся-

кого выражения, а затем улыбнулся, широко и искренне.

— Всем нам необходимо что-то подобное, верно?

Понимание во взгляде его тёмно-янтарных глаз преследовало меня ещё долгое время.

* * *

Спустя неделю под присмотром чуткого альва я стала чувствовать себя лучше: периоды моего бодрствования увеличились, равно как и время, которое я могла проводить на ногах, не уставая, и Берриан предложил показать мне лечебницу.

Это было просторное двухэтажное здание со стенами кремового цвета и множеством окон. Лечебница оказалась поделена на два крыла, приёмное и жилое, поэтому я могла свободно гулять по последнему, не опасаясь наткнуться на кого-то из пациентов. Здесь были просторная кухня, личные комнаты работников и гостевые, и даже уютная библиотека, в которой я предпочитала проводить большую часть времени.

В лечебнице принимали всех. Уверена, во всём Гланлиморине не сыскалось бы второго такого места. Даже в поместье у нас было два целителя: один для альвов, другой — для людей. Не существовало закона, запрещающего лечить всех, как делал Берриан, но это был самый настоящий плевок в лицо многовековым традициям. Я в очередной раз восхитилась мужчиной и задумалась, какая семья так покровительствует ему. Альв интриговал и возбуждал моё любопытство одним

своим существованием, однако он с лёгкостью увиливал от всех моих вопросов о своём прошлом, а ещё я очень хорошо запомнила слова целителя, произнесённые в день нашего знакомства, и на некоторое время решила умерить свой пыл. Ничего, когда-нибудь я обязательно получу ответы на все свои вопросы.

Всё шло своим чередом. Дни мои были наполнены покоем, однообразием и мучительным бездействием. Была лишь одна странность, которая приносила хоть какое-то разнообразие в мою нынешнюю жизнь — однажды в моей комнате появились цветы.

Впервые я обнаружила их на четвёртый день моего пребывания в лечебнице, в самое обычное, не предвещающее ничего интересного утро. Они стояли на моей тумбе в пузатой стеклянной вазе, пламенея в солнечных лучах. На самом деле, цветы эти больше походили на траву: длинные толстые стебли, на которые, словно жемчуг на нить, были нанизаны маленькие бутоны — жёлтые, с тонкими, похожими на шипы лепестками. Я решила, что они совсем немного напоминают одуванчики, если бы их пушистые шапочки росли не каждая на отдельном стебле, а на одном в ряд друг над другом. Горьковато-медовый запах цветков странным образом успокаивал меня, прогоняя тревоги и защищая от кошмарных снов.

Сначала цветы приносили во время моего сна, а после стали дожидаться, когда я покину комнату. Во времени никакой закономерности не наблюдалось — новый букет мог по-

явиться как на следующее утро, так и через два дня. У меня никак не получалось поймать неизвестного, и в конце концов я решила пойти на хитрость. В один из дней, сделав вид, что ушла в библиотеку, я затаилась в другой гостевой, расположенной напротив моей комнаты, и принялась ждать.

Каково же было моё удивление, когда я увидела Грету, служанку Берриана и по совместительству младшую сестру Астрид, которая, совершенно не таясь, шла ко мне с охапкой свежих цветов и что-то напевала себе под нос.

— Ой! — громко воскликнула она и едва не уронила вазу, когда я вошла в свою комнату, громко хлопнув дверью. — Госпожа, а я думала…

— Что это, Грета?

— Цветы, — ответила девушка и сочувственно посмотрела на меня, словно я не в своём уме.

— Я вижу, что цветы! — раздражённо произнесла я. — Зачем ты их принесла?

— Меня просят носить, госпожа, и я ношу.

— Кто просит?

— Мужчина. — Круглые щёки девушки порозовели. — Высокий, красивый… Но больше не спрашивайте — не скажу! А то меня накажут.

— Ты с ума сошла?! — не выдержала я.

Грета захлопала своими длинными светлыми ресницами. Я заглянула в её горящие наивностью глаза и осознала — служанка совершенно не понимает, почему я возмущена.

Грета — девушка из далёкой деревни на границе с землями Праведных. Откуда бы ей знать, что цветы незамужней альве мужчина дарит только когда собирается свататься?

Я выдохнула, успокаиваясь. И чего я так переполошилась? Кажется, надо отправить отцу весточку, что наставница всё же преуспела в моём воспитании вопреки её собственной убеждённости в обратном. Стараниями этой строгой альвы у меня не получается жить без оглядки на подобные бессмысленные мелочи.

— Ладно уж, — пробормотала я. — Что это хоть за цветы, ты знаешь?

— Конечно! — обрадовалась горничная, сообразив, что я не собираюсь её ругать. — Это горечавка[1]. Мастер Берриан часто получает её от травника, а Астрид сушит для всяких отваров, только почему-то в моей комнате! Мол, у неё места нет, представляете? Ну сами посудите, госпожа, у нас спальни одинаковые…

Дальше я болтовню Греты не слушала. Присев на край кровати, я задумалась. Лечебное растение, значит. И передал мужчина. Высокий и красивый мужчина.

Вывод напрашивался один — это Берриан. Но почему?..

Что именно «почему» я и сама понять не могла. Почему он выбрал именно такой странный цветок? Почему отправляет свою служанку менять букеты тайно? Бриллаар, зачем

---

[1] Речь о горечавке жёлтой (Gentiana lutea). Внешне сильно отличается от обычной.

он вообще дарит мне цветы?!

И всё же что-то не давало мне покоя. Я не очень хорошо успела узнать Берриана, но что-то мне подсказывало, что это совершенно не в его характере. Но тогда кто, если не он? Не Ронар же, в самом деле!

Только от одного воспоминания о Медведе у меня от горечи свело скулы. Подходила к концу вторая неделя моего пребывания под заботой Берриана. Целых семнадцать дней прошло[1], а от Ронара не было вестей, как и от других Вейнарменнир, и даже от Кайриуса.

Чем он вообще, Кайлтэн его побери, занят?! Неужели принятие решения действительно может занять столько времени?

После нашей последней встречи меня захлестнул ворох тоскливых мыслей и переживаний. В глубине души я понимала, что всё, что успело выстроиться между нами — хрупкое доверие и то необыкновенное взаимопонимание, возникающее с полувзгляда, — обратилось в прах в момент моего признания. Я усмехнулась. Нет, на самом деле всё было разрушено, не успев начаться, ещё когда я назвалась чужим именем. И пусть тогда это казалось единственным верным решением, у меня была сотня возможностей открыть правду. Кайлтэн, я могла сказать хотя бы Кайриусу!

Неудивительно, что никто так долго не приходит за мной. Может, все они попросту забыли обо мне? Предпочли сде-

[1] В мире Альберры в неделе девять дней.

лать вид, что никакой альвы с ними никогда и не было? Может, командир наконец понял, что я вообще не стою его времени и сил? Просто отмахнуться от внезапно возникшей мысли не вышло, но вместо радости, что мне не придётся проходить через ещё один тяжёлый разговор, я почувствовала злость.

Я злилась, что он ушёл, оставив меня в неведении. Я злилась, что он подарил мне надежду своим обещанием вернуться за мной.

Я ненавидела себя за то, что поверила ему. Я ненавидела себя за то, как сильно привязалась к человеку. Я ненавидела себя за собственную слабость.

Я поняла, что плачу, только когда перепуганная Грета схватила меня за плечи и начала трясти, словно тряпичную куклу.

Бриллаар, лучше бы он позволил мне умереть той ночью в Гибельном лесу.

* * *

Мой сон прервался глубокой ночью. Я подскочила на кровати, пытаясь отдышаться и поскорее прогнать остатки кошмара. Кажется, в этом сновидении я предстала перед Вейнарменнир, и они смотрели на меня с презрением и отвращением. А затем Ронар коротко огласил приговор, и жизнь внутри меня оборвалась.

Отбросив одеяло в сторону, я потянулась к прикроватной тумбе за графином и обнаружила, что он пуст. Тяжело вздох-

нув, я вытерла мокрый лоб рукавом. Что ж, придётся прогуляться до кухни.

Я не стала обуваться. Босые ноги неслышно ступали по деревянному полу, когда я прошла к выходу. Перемещаться по лечебнице ночью никто не запрещал, но случайно разбудить Берриана или кого-то из его работников всё же не хотелось.

Спустившись по лестнице на первый этаж, я миновала комнату Астрид, но остановилась, услышав знакомые голоса, доносящиеся из внутреннего дворика. Подкравшись чуть ближе, я затаилась и прислушалась.

— Ты знал! — Сердце подпрыгнуло и пустилось вскачь. Это Ронар. Он вернулся! Но с кем мужчина разговаривает таким тоном?

— Наверняка не знал! — Рот сам собой раскрылся от удивления, и я тут же зажала его ладонью, чтобы случайно не выдать своего присутствия. Янир! И, судя по голосу, он раздражён не меньше старшего брата.

— Брось свои уловки! Ты проверял её. Ты не нашёл в ней потока и солгал мне! Ты. Солгал. Мне!

— Ну какова была вероятность, что это та самая девушка?!

— В мире так много беглых аристократок без магического дара?! — Послышался грохот, а затем торопливые шаги, сопровождающиеся глухим стуком.

— Друзья, прошу, успокойтесь!

Я осторожно выглянула из-за угла. В самой середине сада, прямо под любимым раскидистым вязом Берриана, собрались трое мужчин. Грозная фигура командира Вейнарменнир угрожающе застыла напротив барда с лютней в руках, а между ними последней преградой стоял альвийский целитель, навершием трости упираясь Медведю в грудь. Воздух вокруг гудел от напряжения. За спиной Янира валялись обломки скамьи, на которой я отдыхала ещё сегодня утром. Бриллаар, Ронар что, в самом деле голыми руками вырвал её из земли и швырнул в своего брата?!

— Прекрати увиливать! — взревел Ронар. — Я знаю тебя как облупленного! Признай вину!

Янир никак не реагировал на крики командира и в целом вёл себя так, словно желал вывести мужчину из себя ещё сильнее: он молчал и со скучающим видом рассматривал свои ногти. Ронар шумно выдохнул и чуть тише продолжил:

— Ютр тебя дери, Янир! Я доверял тебе больше, чем себе самому. Только вот что мы таскаем с собой аристократку, мне сообщил не ты, а Берриан. Просто посмотрев ей в глаза! Как ты там их назвал?

— Очи Бриллаара, — тихо напомнил альв, отступая в сторону.

— Отличительный признак благородной крови! Самый верный! — рявкнул мужчина и, шагнув вперёд, встал вплотную к Яниру. Какое-то время братья смотрели друг на друга, а затем командир усмехнулся и произнёс: — Ты и об этом

знал.

— Такие глаза и у незаконнорождённых бывают. Без обид, дружище.

— Понравилось делать из меня дурака? Маннафатир, как же я был слеп!

— *Был ослеплён её красою небывалой…* — пропел бард, а я невольно зажмурилась. Этот парень совсем не боится смерти…

— Заткнись, если не хочешь, чтобы я тебе врезал!

— Ладно! Хорошо! — Янир тоже внезапно перешёл на крик. — Я знал с самого начала! Догадался сразу же! Доволен?!

Ронар не ответил, только продолжал сверлить юношу взглядом, а бард одним движением закинул лютню за спину, а затем с силой толкнул командира. Впрочем, мужчина даже не пошатнулся.

— И что бы случилось, скажи я тебе ещё тогда? А, брат? Не хочешь отвечать? Ничего, сам озвучу, потому как и я тебя знаю лучше, чем себя самого. Ты бы убил её в тот же миг своими же руками, вот что бы ты сделал! Что, прав я или нет?

Молчание сказало гораздо больше, чем могли бы передать слова. Мне внезапно захотелось рассмеяться. Я знала, что была близка к смерти, но не подозревала, что настолько. И он ещё смел упрекать меня за то, что солгала?!

— Я не желал смотреть, как ты умираешь, ясно? Посту-

пил по совести и просить прощения за это не собираюсь! А теперь возьми себя в руки, пока он снова не вылез. Мне хватает и этих шрамов.

Я инстинктивно подалась вперёд, надеясь услышать больше, но тут на моё плечо опустилась чья-то холодная рука, и я едва не заорала от испуга. Резко обернувшись, я нос к носу столкнулась с Кайриусом. Мерфолк прижал указательный палец к губам, а затем одними глазами указал на лестницу. Я сдержанно кивнула, хотя, видит Бриллаар, вместо этого очень хотела дать ему по шее!

Кайриус зашёл в комнату следом за мной и прикрыл дверь. Мы прошли в середину и в нерешительности застыли друг напротив друга: взгляд мерфолка бегал по обстановке, а я изучала его лицо — не проявятся ли снова чужие черты?

— Ну… присаживайся, — нерешительно предложила я, когда молчание стало совершенно невыносимым. — Где ты пропадал всё это время?

— С Яниром, — ответил Кайриус, забираясь на стул с ногами. Готова поклясться, что он облегчённо выдохнул. Кажется, мерфолк чувствовал себя в моём присутствии так же неловко, как и я в его. — Пришлось разделиться по парам, чтобы незаметно войти в город. — Он немного помолчал и добавил: — Тот альв сказал, что тебе лучше.

Я кивнула. Моё лечение подходило к концу: этим утром Берриан наконец дал мне противоядие. Сказал, что ещё пара дней под наблюдением, и я перестану считаться его паци-

енткой. Повезло, что Ронар вернулся, иначе что бы я делала в таком месте со своей свободой?

— Я бы предложила тебе воды, — пробормотала я, махнув рукой в сторону пустого графина. — Но до кухни не дош…

— Послушай, — перебил меня Кайриус, а я внутренне напряглась, предчувствуя, что грядёт непростой разговор. — У нас не было времени обсудить то, что произошло в лагере. В общем, — он нырнул рукой в поясную сумку, — вот.

Он протянул мне полупрозрачную синюю стекляшку, вылитую в форме рыбьего гребня. В вещице не было ничего особенного, но мне вдруг захотелось отшвырнуть её в сторону, да так, чтобы она разбилась. Мне вдруг показалось, что вместо стекляшки на моей ладони копошатся скользкие дождевые черви. Я почувствовала, как от омерзения сжимается желудок, а по коже бегут мелкие холодные мурашки.

— Что это за?.. — шёпотом спросила я, проглотив ругательство.

— Причина, по которой я здесь, в Теролане. И причина моего отвратительного поведения в тот день. — Я непонимающе уставилась на него, а мерфолк посинел и отвернулся. — Я долго думал, как всё объяснить, но так ничего и не придумал, поэтому решил сказать правду. Тогда с тобой разговаривал не я.

— Об этом я и сама догадалась, Кайриус, — чуть раздражённо ответила я, возвращая стекляшку. Прикасаться к ней

стало совсем противно. — У меня не было иллюзий, что ты в совершенстве знаешь альвийский.

— Да уж, — усмехнулся юноша. — Это был… Ну… В общем, это… Векс, я не могу! Ты решишь, что я свихнулся.

— Это чей-то дух? — предположила я. Звучало безумно, но не более, чем мерфолк, сумевший пройти за Пелену.

— Можно и так сказать.

— Он опасен? — Я вспомнила крепкую когтистую хватку на своей талии и поморщилась.

— Нет, не думаю. — Кайриус покачал головой. — Он только языком чесать горазд… Ай!

Лицо мерфолка скривилось, и он схватился за голову. Я уже решила, что загадочный дух выбрал идеальное время, чтобы вылезти поздороваться, но Кайриус вскинул руку.

— Всё в порядке. Этот мелочный, злобный… — Мерфолк втянул воздух сквозь зубы. — Он пока не может вылезать и безобразничать. Только мне жизнь портит от безделья.

— А кто-нибудь ещё о нём знает?

— Только ты. И вообще, я хотел попросить, чтобы и ты никому не рассказывала.

Я кисло посмотрела на Кайриуса. Меня скоро могут казнить за то, что скрыла своё настоящее имя, а он вываливает на мою голову ещё одну тайну и просит никому не говорить.

Мерфолк заглянул мне в глаза и состроил жалобную мину. Кайлтэн, не думала, что он способен на подобное ребячество!

— Ладно. — Я на мгновение зажмурилась, надеясь, что и в самом деле каким-то образом забуду о духе из синей стекляшки. — Но что-то сказать Вейнарменнир всё же придётся, потому как мне пришлось признаться Ронару, что мы с тобой не родственники.

— Знаю. — Кайриус только рукой махнул. — Братья меня уже допрашивали. Они, как и ты, были удивлены, что я не безмозглый монстр из морских глубин. — Мерфолк закатил глаза, а я смущённо опустила голову. — В общем, я сказал им то же, что и тебе: я ищу магуса Ирвинга, чтобы он вернул меня домой. И это правда, просто некоторые детали я оставил при себе.

— Я сохраню твой секрет, — проворчала я. — Но теперь твой черёд. Я тоже хочу кое-что открыть до того, как об этом узнают все. Откровенность за откровенность.

У меня было достаточно времени подумать, кем я хочу быть. На самом деле, мысль остаться Энорой — свободной альвой без семьи — казалась необычайно соблазнительной. Оставить то бессмысленное существование за спиной и начать всё с чистого листа — это ли не самый верный путь?

Но не означало ли это, что я готова потерять саму себя? Оставить в прошлом не только печали и горечь, но и счастливые минуты? Забыть Алистиана, Ренвика, Ниссу. Забыть маму и просто бросить её в том проклятом доме взаперти до конца её долгих дней. Спустить отцу с рук все его злодеяния. Разве поступить *так* будет правильно?

Это решение далось мне непросто, но я больше не хочу бегать от самой себя. Я желаю справедливости. Желаю мести.

И просто так не отступлюсь.

— Альрун. — Собственное имя легко сорвалось с губ данным самой себе обещанием. — Меня зовут Альрун, не Энора.

— Как скажешь. — Мерфолк пожал плечами. — Чего?

— Ты не понял, что я сказала? Я не Энора. Я солгала тебе.

— Ага. А ещё связала и приставила меч к моему горлу до того, как назвалась выдуманным именем. За это ты что-то извиняться не торопишься, — он широко улыбнулся, демонстрируя свои острые зубы.

— Это… — я судорожно пыталась придумать себе оправдание, но Кайриус громко рассмеялся и поднял руки.

— Да шучу я, шучу! Буду звать тебя как захочешь. Энора, Альрун — это на самом деле неважно.

— Пожалуй, остановлюсь на своём настоящем имени. Но ты можешь звать меня Рун.

— Ещё одно? — фыркнул он. — Я скоро начну путаться. Ты уж определись.

— Ещё одно? — переспросила я. — Нет. Это то же самое, только короче. Близкие зовут меня так.

— А что, так можно? — Улыбка медленно сползла с его лица и сменилась выражением крайнего изумления.

— Ну да, — как-то неуверенно подтвердила я. — На са-

мом деле, и тебе бы не помешало использовать что-то попроще.

Мерфолк не сводил с меня ошалевшего взгляда. Юноша выглядел так, словно только что весь его мир перевернулся с ног на голову.

— Может, Кай? — осторожно предложила я. — Как тебе?

— Кай? — эхом повторил он. — Кай. Да. Мне нравится. Можешь звать меня так, — разрешил мерфолк.

И в следующее мгновение согнулся пополам с надсадным кашлем.

— Я в порядке, — прохрипел Кайриус. — В порядке. Этот… дух бесится. Не обращай внимания.

— А ещё я отвергнутая, — неожиданно для самой себя выпалила я, хотя вообще-то в этом признаваться сейчас не собиралась. Видимо, первая удача так воодушевила меня, что я не смогла удержать язык за зубами. Кайриус нахмурился.

— Кем?

— Бриллааром.

Мерфолк покачал головой, всё ещё не понимая.

— Я не владею магией.

Между нами повисла неловкая тишина. Кайриус смотрел на меня с ничего не выражающим лицом.

— И? — не выдержал он.

— Тебе… Тебя это не удивляет? — изумилась я.

— А должно?

— Вообще-то да! — От возмущения у меня заболела голова. — Я альва без магии! У моего народа это считается… — Я понизила голос, и последнее слово вырвалось из меня жалким шёпотом: — уродством.

— Ну и дурь! — фыркнул Кайриус и тут же поспешил исправиться: — То есть, извини, я про последнее. Просто у нас в Сафирее магия — это скорее проклятье. Если обнаружился дар, считай, твоя жизнь больше тебе не принадлежит. Тебя разлучат с семьёй и до самой смерти заставят работать на общее благо. Так что тут тебе скорее повезло, вот что я думаю…

В дверь негромко постучали, а затем, не дожидаясь ответа, в комнату вошёл гость. Не могу сказать, что неожиданный.

— Так и знал, что найду тебя здесь! Доброй ночи, миледи. — Янир шутливо поклонился мне и хлопнул Кайриуса по плечу. — Час поздний, предлагаю оставить беседы на завтра. Даме надо отдохнуть, да и мы путь проделали неблизкий. Идём, красавчик, златоглазка выделил нам комнату.

Кайриус кивнул, но, прежде чем уйти, опустился передо мной на колени. Его ладонь потянулась к моей, но в последний момент он передумал и сжал её в кулак.

— Я на твоей стороне и относиться к тебе иначе не стану, будь ты хоть трижды отвергнутой.

Непрошенные слёзы тут же подступили к горлу. Не желая расплакаться у всех на виду, я подалась вперёд, на мгнове-

ние сжала мерфолка в объятиях и тут же отстранилась. Выражение растерянности на лице Кайриуса сменилось неловкой улыбкой. Не сказав больше ни слова, он вышел за дверь.

— Поспи, — посоветовал Янир, прежде чем покинуть мою комнату. — Медведь зайдёт за тобой утром. И не переживай, я уверен, что всё будет хорошо.

* * *

Слова Янира, призванные успокоить меня, возымели обратный эффект — до самого рассвета я не сомкнула глаз. Ронар, явившийся за мной утром, нисколько не удивился, застав сидящей на постели полностью одетой и готовой отправиться в путь.

— Собирайся, — приказал он, пропустив ненужную часть с приветствиями.

— Какой сегодня день? — спросила я, не отрывая взгляда от окна.

— Тридцать шестой Танца гроз, — немного неуверенно ответил командир. — А что?

— Буду готова через пару минут, — заверила я, проигнорировав его.

Ронар ещё немного потоптался у двери, а затем вышел, не сказав больше ни слова.

Я выдохнула, пытаясь унять дрожь в ногах и вновь поднявшуюся внутри тревогу. Тридцать шестой день Танца гроз. День рождения Алистиана. Брат всегда справляет его в столице, но через восемь дней он будет дома — король

Аэрон всегда разрешал своему любимому племяннику возвращаться до середины месяца Жарких песен. Через восемь дней Алистиан узнает, что я сбежала, а его лучший друг, возможно, мёртв. Интересно, что будет твориться в поместье?

С этими мыслями я вышла из комнаты и тут же наткнулась на спорящих Ронара и Берриана.

— Это совершенно неприемлемо!

Ни разу за две недели я не видела целителя в таком дурном расположении духа. Альв свёл густые брови к переносице, его ладонь, сжимающая навершие трости, побелела.

— У меня нет времени на твою ерунду, Берриан!

— Это не ерунда! Лечение ещё не закончено! Я не могу отпустить её.

— Напомни-ка, друг, о чём я тебя просил, когда принёс её сюда? — неожиданно ровным голосом спросил Ронар.

— Это не…

— О чём. Я тебя. Просил? — медленно повторил командир.

Берриан замолчал, всматриваясь в лицо Ронара, а затем его лицо скривилось в усмешке.

— Ты просил позаботиться о ней.

— Да, как целителя. Я просил поставить её на ноги, а не становиться рыцарем на белом коне.

— Рыцарем? Я? — Берриан запрокинул голову и рассмеялся. — А сам? Будь добр, объясни, что *ты* устроил. Я великодушно закрывал глаза на то, что ты отвлекал…

Тут Ронар заметил, что я стою всего в нескольких шагах от них. Широкая ладонь мужчины с невероятной скоростью сжала нижнюю половину лица альва, заставив его замолчать. Берриан в долгу не остался и ударил командира тростью по ноге. Мужчины пару мгновений прожигая друг друга взглядами, продолжая свой молчаливый диалог. Наконец Ронар отступил, а Берриан, напоследок раздражённо зыркнув на Медведя, брезгливо вытер рот рукавом, а затем поклонился мне.

— Доброе утро, моя госпожа.

— Доброе утро, — ответила я на приветствие с неловкой улыбкой.

— Надевай. — Ронар бесцеремонно отпихнул Берриана в сторону и протянул мне свёрток, в котором я узнала новый плащ с изящной вышивкой. — Готова?

Я накинула плащ на плечи и кивнула.

— Идём. Я уже достаточно времени здесь потерял.

— Минуту! — Целитель торопливо подошёл к нам. — Я бы хотел попрощаться с госпожой.

Ронар не сдвинулся с места, сверля альва покрасневшими радужками.

— Не переживай, я провожу госпожу к выходу. Я бы хотел…

— Я уже слышал, — перебил его командир. — Прощайся. У тебя ровно половина минуты.

Альв смерил командира снисходительным взглядом и по-

вернулся ко мне.

— Я оставил инструкции по приготовлению укрепляющего отвара Яниру. Продолжайте принимать его ещё два дня. И помните — если этот зверь вздумает вас обидеть, вы всегда найдёте здесь защиту.

— Поверьте, Берриан, я могу за себя постоять. — Я искренне улыбнулась и протянула ему руку. — Благодарю за всё.

— До встречи, моя госпожа.

Берриан бережно обхватил мою ладонь своей и, глядя мне прямо в глаза, легко коснулся губами костяшек пальцев. Мне вдруг стало очень жарко, и я подумала, какое, должно быть, у меня сейчас глупое выражение лица.

— Ну всё, время вышло! — Ронар схватил меня за плечи, развернул в сторону лестницы и слегка подтолкнул в спину. — Бывай, Берриан.

— Ты грубиян, знаешь? — тихо бросила я в крепкую спину, пока мы спускались на первый этаж.

Командир остановился и, не оборачиваясь, в тон мне ответил:

— Я очень мил с теми, кто не пытается меня дурить. Советую запомнить это раз и навсегда, королевна.

Он продолжил движение, а я поспешила за ним, про себя радуясь, что Ронар не заметил мою вспыхнувшую от такого знакомого обращения улыбку.

Мы вышли на улицу. Несмотря на ранний час, жизнь в

городе кипела. Я приложила ладонь козырьком ко лбу и посмотрела на Кира: светлое солнце только начало сменять тёмное, окрашивая светлые крыши домов и нежно-зелёные кроны в золото.

— Я полагала, выходить на улицу при свете Кира небезопасно.

— Безопаснее некуда, — уверенно сказал Ронар, бегло осмотревшись по сторонам. — Ночью путники способны вызвать куда более нездоровое любопытство у местных, нежели утром. А сейчас для всех мы лишь одни из многих спешащих на службу. В этом люди и альвы похожи — мы совершенно не видим очевидных вещей, творящихся прямо у нас под носом.

Укол подействовал. Я поджала губы, но сдержалась и ничего не ответила. В одном Ронар был прав: альвы и люди спешили по своим делам, не обращая на нас совершенно никакого внимания.

— Когда ты собирался рассказать, что мы в Лонар'аймеде?

Ронар споткнулся и тут же выругался себе под нос.

— Я же просил этого…

— О, Берриан сдержал слово, так что мне пришлось спросить у его служанки. — Я бросила взгляд на напряжённое лицо командира и тяжело вздохнула. — Неужели ты и впрямь думал, что я не узнаю?

— Я не желал тебя волновать.

— Правда? — У меня вырвался смешок. — Отказ Берриана говорить, где располагается его лечебница, лишь разжёг во мне ещё большее любопытство. Знай, что даже если бы ты подговорил всех работников ничего не рассказывать, я бы всё равно узнала. Мне прекрасно известны все выходы из лечебницы.

— Ты бы не ушла. Я приказал тебе ждать в лечебнице.

— Да? И как бы ты меня остановил? — ехидно поинтересовалась я. — Тебя две недели не было.

— Если ты меня не видела, это не значит!.. — Ронар осёкся, так и не закончив фразу. — Много тебе дало это знание?

— Достаточно. Только вот понять не могу, как тебе вообще пришло в голову притащить меня во владения моего отца.

— Я доставил тебя к единственному, кто мог спасти твою жизнь. Так совпало, что пока Берриан подданный ан Фалькана. К тому же, хочешь что-то спрятать — положи на самое видное место. Здесь Эурин не станет тебя искать, я уверен.

Какое-то время мы шли молча, а затем Ронар заговорил снова:

— Берриан хороший мужик, хоть и альв. — Я закатила глаза на это замечание, но командир ничего не заметил. — Я бы доверил ему свою жизнь. Но я бы всё равно хотел, чтобы ты впредь держалась от него подальше.

— Это ещё почему? — удивилась я. За время, проведённое рядом с Беррианом, он показался мне самым надёжным

альвом во всей Теролане, и слова Медведя только подтверждали это.

— Он чокнутый, — коротко ответил Ронар, но, прежде чем я успела ещё что-то спросить, объявил: — Пришли.

Мы дошли до конца улицы и свернули в неприметный переулок между двумя одноэтажными домами. Ронар уверенно толкнул дверь одного из них и вошёл внутрь. Не медля, я проскользнула за ним.

Я скинула капюшон, и обомлела. Мне захотелось выскочить назад, под тёплое утреннее солнце Гланлиморина, но ноги словно приросли к полу.

Я стояла на пороге чьей-то большой и тёмной гостиной. Везде стояли фиолетовые кристаллы, а под потолком сиял магический шар, но этого всё равно было мало, чтобы я могла рассмотреть обстановку. Хотя сейчас она как раз интересовала меня меньше всего, потому как в комнате мы с Ронаром были не одни. Каждую свободную поверхность — диван в середине, кресла, столы — занимали Вейнарменнир. Все они смотрели на меня. Я рвано выдохнула. Точь-в-точь как в моём сне.

Я поняла — они всё знают. Но я тщетно пыталась прочитать на их лицах хотя бы намёк на их решение.

У одной из стен я заметила Кайриуса. Он методично расчёсывал кожу вокруг своего плавника, но, заметив меня, прервал своё занятие и с неуверенной улыбкой приподнял ладонь в приветствии.

Не успела я ему ответить, как Ронар развернулся ко мне лицом, закрывая своим телом от меня остальных.

— Я открыл Вейнарменнир правду о тебе, — начал он без предисловия. Командир вёл себя так, словно между нами не было никакого разговора всего минуту назад и всю дорогу сюда мы проделали в тишине. Я похолодела, предчувствуя неладное. — Всё, что узнал сам, и всё, что поведала мне ты. Ты скрыла своё настоящее имя и происхождение. За тобой шли охотники, и в битве с ними погибли четверо Вейнарменнир, но, что ещё важнее, они были бьёрна-айтюр. В этой комнате находятся все, кто остался от моего клана, и потеря каждого — невосполнимая утрата. Ты дочь одного из злейших врагов моего рода.

Я заставила себя не отводить взгляд от Ронара. Меня пробирала дрожь, и я впилась ногтями в ладони, стараясь отвлечь себя болью. Я понимала, к чему всё идёт, но во что бы то ни стало решила принять свою судьбу со всем достоинством, какое смогу сейчас собрать.

— Однако, — продолжал командир, и я с трудом могла разобрать, что он говорит за грохотом собственного сердца. — Ты доверилась незнакомцу. Ты помогла тем, кто оказался в беде, хотя знала, что это бессмысленно, и могла пройти мимо. Ты сражалась с нами плечом к плечу и разделила с Йонаром его люфскир. Ты много раз могла сбежать, даже от Берриана, но не сделала этого. Многие назвали бы твои поступки глупостью, но я… Мы считаем это невероятной сме-

лостью. Ты человечнее, чем многие люди.

Любой альв, услышав подобное, оскорбился бы сильнее, чем от намёка на грязную кровь или родство с гъялврэхэр, но по моему лицу расползлась дурацкая улыбка, которую, как я ни пыталась, скрыть не смогла. Глаза Ронара восторженно вспыхнули.

— Мы приняли решение. Большинство выступили за то, чтобы ты продолжала путешествие вместе с нами. Что скажешь, королевна?

Я не верила своим ушам. Ронар широко улыбался мне, а за его спиной всё нарастал одобрительный гул, слышались радостные выкрики, и я, не в силах вымолвить ни слова, просто кивнула.

— Может быть, — подал голос Янир, — расскажешь нам свою историю?

— Тебе лишь бы побездельничать. — Фрост широко зевнул. — За каким ютром меня подняли в такую рань…

— А я тоже хочу послушать, — сказала Грай, толкая Фроста в плечо. — Иди отсюда, если не интересно!

Я оглядела всех собравшихся — шутливо спорящих, смеющихся и таких искренних — и привлекла к себе внимание громким кашлем.

— Надеюсь, у нас есть в запасе лишний час. — Я поймала взгляд Ронара и пообещала: — Больше никакой лжи.

И я рассказала всё. О решении отца выдать меня замуж, о моём несогласии и побеге, о помощи Ниссы и Ренвика, о том,

как встретила Кайриуса. Плавно рассказ перетёк в более старые времена: я поведала, как родитель раз за разом использовал свои иллюзии для наказаний, как каждый день старался сделать мою жизнь всё более невыносимой, как единственным моим защитником с самого детства был мой старший брат, и как я нашла отдушину в фехтовании.

Слова текли из меня неостановимым потоком. Я захлёбывалась в них и непролитых слезах, но заставлять себя молчать больше не могла. Я чувствовала, как нарыв наконец вскрылся, и вместе с правдой и кровью из раны вышел гной, годами отравлявший мою душу.

Никто меня не перебивал. Все слушали внимательно, и периодически я замечала вспыхивающий на лицах гнев и готовность прямо сейчас пойти и наказать моих обидчиков, но никто не смотрел на меня с жалостью. И я была благодарна за это. В этом все Вейнарменнир — жалость не поможет одолеть врага.

Когда я закончила, слово взял Ронар. Его рассказ сопровождался звенящей тишиной и практически телесно ощутимой болью, исходящей от его товарищей.

— Я много раз говорил, что мы последние из бьёрна-айтюр. Мы жили уединённо, на той части суши меж Тихим морем и Серебристым проливом.

— Но это же прямо на границе с Тенистыми лесами! — воскликнула я.

Все альвы ненавидели это место. Ненавидели и втайне бо-

ялись. Владения Хексы, куда она сбежала зализывать раны и увела остатки своих отродий. По сей день до Гланлимори-на доходят слухи о существах, больше похожих на зверей, нежели на альвов, похищающих детей из человеческих поселений. Многие альвы считают это выдумками, а аристократы предпочитают делать вид, что ничего не знают, полностью возлагая ответственность на людей. В этом вся суть моего народа: нам проще убедить самих себя в том, что всё хорошо, чем встретиться лицом к лицу с собственными страхами.

— Верно, королевна. Кошмары из Тенистых лесов бывало забредали к нам, но редко. А когда такое случалось, то наши воины заставляли их пожалеть об этом, — Ронар невесело усмехнулся. — В общем, такое соседство нас не смущало, к тому же мы были самым крупным из шести кланов-хранителей. Но однажды случилось… что-то. Девять лет назад на наше поселение напали. Никому из нас тогда ещё не исполнилось шестнадцати, поэтому нам не позволили остаться и сражаться вместе со всеми. По приказу старейшин мы бежали в Стиллустадр, ближайшую деревню.

Мужчина отхлебнул из протянутой Тарви фляги и продолжил:

— Всё произошло слишком быстро. На следующий день мы с Видаром, как самые старшие, вернулись. Пытались найти выживших, но нашли только трупы. Трупы тех детей, что не успели сбежать вместе с нами. А вот тел взрослых не было.

— Но это же прямо как… — Я не договорила, содрогнувшись от внезапной догадки.

— В Сидастагюр, да, — подтвердил командир. — Так я и узнал, что мертвячим дети не нужны — их тела попросту не выдерживают такой поганой магии. Правда, тогда я ещё не знал, чьих рук это дело. На самом деле всё встало на свои места, только когда мы оказались в Сидастагюр.

— Всё ещё не понимаю, при чём здесь мой отец, — пробормотала я. — Он та ещё сволочь, но, насколько я знаю, некромантией не увлекается. Он никогда не носил перчаток, я бы заметила.

— Я к тому и веду. Мы с Видаром успели разгрести завалы и вытащить тела его сестёр, когда заметили воинов. Во главе с твоим отцом, королевна. Вместо того, чтобы узнать о причинах гибели двух сотен человек, они сравняли мой дом с землёй. — Он нетерпеливо подался вперёд. — Королевство по какой-то причине решило сокрыть преступление, и мы хотим знать почему. Присоединение к восстанию даст нам эту возможность.

— Понимаю, — заверила я. Теперь многое встало на свои места. Отговаривать их от противостояния ан Аквилана не имело смысла — эти люди просто не могут остаться в стороне. Я почувствовала, что и сама теперь завязла в этой истории по самые кончики ушей.

Мой отец отвратителен. Он высокомерен, эгоистичен и совершенно не способен на любовь. Но связь с некроманта-

ми?.. Произошло ли это с попустительства Его Величества Аэрона или мэйстир ан Фалькана ведёт свою игру? Я просто не могу позволить себе сделать вид, что ничего не слышала.

— За эти две недели я нашёл связных и обо всём договорился. Нас уже ждут в «Струне». Сейчас твой последний шанс уйти, королевна. — Мне показалось, что глубоко в глазах мужчины поселился страх. — Я отпущу тебя. Поверю твоему слову, что ты не выдашь нас.

— Я иду с вами, — твёрдо ответила я, прерывая его. — У меня есть сведения, которые могут оказаться полезными. И я собираюсь встретиться со своим братом в столице.

Уверена, Алистиан не знает о связи нашего родителя с некромантами, но если кто и сможет помочь пролить свет на эту историю, так это он. В моей голове уже зрел план, как воспользоваться натянутыми отношениями между отцом и братом, и я хищно улыбнулась.

— Ну а ты? — Ронар обратился к Кайриусу, всё ещё скромно стоящему в стороне.

— Я с вами, пока не найду Ирвинга, — пожал плечами мерфолк. — Всё равно понятия не имею, где искать, а с вами вроде как безопаснее.

— Зато честно, — весело отозвался Янир.

— Решено! — Ронар хлопнул в ладоши, привлекая общее внимание. — Выступаем сегодня же. Чем раньше будем на месте, тем лучше. Чего расселись? Просыпаемся, за работу!

С радостными криками и смехом все пришли в движение,

но тут громко Янир обратился ко мне, перекрывая общий шум.

— Погоди-ка, миледи! Как нам теперь называть тебя?

— Рун, — рассмеявшись, ответила я. — Зовите меня Рун.

Глава 15 (Кайриус). Танцующая струна.

«Позор!»

— Прекрати, — устало выдохнул я, даже не потрудившись проверить, шагает ли кто-то рядом.

«Позволил дать себе кличку, как какой-то ручной зверюшке! Отвратительно!»

Я надавил кончиками ногтей на виски и на мгновение зажмурился, надеясь, что это поможет унять тупую непроходящую боль.

Стоило в тот злополучный вечер покинуть комнату Эноры… Нет, не Эноры, а Альрун, альвы благородных кровей. Я всё ещё путался и иногда по привычке окликал её выдуманным именем. Каждый раз девушка вздыхала и мягко поправляла меня, но, к моему большому облегчению, ни капли не обижалась.

В общем, с того вечера прошло уже шесть дней, и всё это время Ольвидус изводил меня всеми доступными ему способами. Шесть дней я вынужденно терпел нытьё, угрозы и оскорбления, но самое невыносимое начиналось с наступлением темноты. Каждый раз, когда Ронар объявлял привал, Ольвидус замолкал, позволяя мне устроиться на ночлег, а после затягивал в свою «комнату» и всячески показывал

своё недовольство.

В первую ночь бог испытывал меня на прочность. Проверял, сколько я могу выдержать прежде, чем сломаюсь и стану молить о пощаде. Много, как оказалось. Я снова не сумел дать бессмертному отпор и в какой-то момент просто сдался, сжавшись в комок страданий и безостановочно убеждая себя, что всё происходит не по-настоящему. Что скоро я проснусь и со мной всё будет в порядке.

Был ли я и в самом деле в порядке? Едва ли. Весь следующий день в моих ушах стоял влажный хруст моих же костей и разносилось эхо резких щелчков, с какими рвались мои мышцы.

Помня об ужасах предыдущей ночи, во вторую я решил бодрствовать и напросился в дозор вместе с Фростом. Ольвидус позволил мне поверить, что я в безопасности: до самого утра он не проронил ни слова, и я наивно понадеялся, что, наказывая меня, он потратил последние силы. Но не тут-то было. Как только мы свернули лагерь и отправились в путь, бессмертный разразился бранью и не умолкал, пока мы вновь не остановились на ночлег.

Мгновения растянулись в бесконечность, полную моих криков и безумного смеха Ольвидуса. Пытки он остановил, только когда я замолчал, перестав что-либо чувствовать, — просто болеть больше было нечему.

Урок был крепко усвоен — больше я не пытался обмануть бессмертного и отправлялся к нему добровольно. С каждым

разом я справлялся всё лучше и лучше, и в конце концов ночи перестали пугать меня.

Только вот и днём бессмертный покоя мне не давал: он не замолкал ни на минуту, путая мысли и терзая вспышками головной боли. Вести себя как ни в чём не бывало с каждым часом становилось всё сложнее. Иногда мне казалось, словно моя душа парит над телом и я смотрю на всех сверху вниз, чувствуя необычайную лёгкость. Такое случалось, когда бог то ли сам уставал, то ли понимал, что ещё немного — и я отключусь прямо посреди дороги, а сам я невольно начинал прокручивать в голове то, что происходило со мной по ночам, зачем-то припоминая подробности и смакуя их с каким-то извращённым удовольствием. И именно в такие моменты со мной происходили разные неприятности: я через шаг спотыкался и падал на ровном месте, постоянно во что-нибудь врезался и не слышал обращённые ко мне слова товарищей, находящихся на расстоянии вытянутой руки.

Альрун вопросов не задавала, только смотрела сочувственно и старалась уберечь от очередного позорного падения, а вот Янир… Если бы не Ронар, которому постоянно требовалась помощь брата, бард бы, скорее всего, привязал меня к себе верёвкой и не выпускал из вида ни под каким предлогом. Я же избегал Янира, как мог, и, в особенности, разговоров наедине — не желал лгать ему больше необходимого.

И столько проблем из-за такой ерунды! Я знал, что Оль-

видус, этот скользкий урод, обидчив, но и предположить не смел, что подобная мелочь может настолько вывести его из себя. Только вот, несмотря на все его старания, я оставался непреклонен. То, что бог упорно продолжал называть кличкой, для меня было чем-то особенным и очень личным. Чем-то, что не принадлежало ни ему, ни Сафирее — только мне. Как, обретя такое сокровище, я мог даже помыслить о том, чтобы от него отказаться?

Оправившись от очередного приступа, я проморгался, ослеплённый слишком ярким для моих уставших глаз солнцем. С трудом подняв потяжелевшую голову, я поймал встревоженный взгляд Альрун. Жестом показав ей, что всё в порядке, я дождался, когда девушка продолжит путь, взял бурдюк и вылил часть ещё прохладной воды себе на макушку. Стало чуть легче.

— Уймёшься ты наконец? — грубо поинтересовался я.

«О, непременно, — елейно протянул Ольвидус и оглушительно рявкнул: — *Как только ты перестанешь позорить меня! Я вырву этой дряни её поганый язык, если только она посмеет ещё раз исказить данное в мою честь имя!»*

— Да? — хмыкнул я. — Что ж ты до сих пор этого не сделал? Неужели Владыке Глубин так нравится унижаться?

Как я и ожидал, бог не ответил, вызвав у меня довольную ухмылку. После сражения в Гибельном лесу он ни разу не пытался захватить контроль надо мной. Я не знал причин, но догадывался, что на самом деле сил у Ольвидуса осталось

не так много, как он отчаянно пытался показать.

Мой череп словно насквозь прошила стальная стрела. На мгновение я задохнулся от боли и сбился с шага, а когда пришёл в себя, обнаружил, что все уже ушли далеко вперёд. Больше не пытаясь скрываться, я раздражённо выпалил:

— Сделай так ещё раз, и я выкину вексову стекляшку в овраг!

«Тогда не сможешь вернуться домой», — спокойно парировал бог, а я живо представил, как он откидывает за спину волосы с выражением полного превосходства над всем сущим на бледной физиономии, и не на шутку разозлился.

— Плевать! — отрезал я. — Больше месяца прошло, скорее всего, меня даже Уннур уже не ждёт. Так что, пожалуй, задержусь в Теролане. Не нагулялся.

Я ощутил, как Ольвидус напрягся, и уже более уверенно продолжил:

— Неизвестно, когда я отыщу магуса. На это могут уйти годы. И что прикажешь, терпеть нападки всё это время? — Я презрительно фыркнул. — У меня есть идея получше: я сейчас закопаю Гребень где-нибудь, да хоть у корней во-о-он того дерева. Думаю, через какое-то время наша связь ослабнет настолько, что я даже слышать тебя перестану. Но не волнуйся — я непременно вернусь, когда найду этого твоего Ирвинга. Но мне ведь и в самом деле совсем не обязательно всё время таскать тебя с собой.

Бессмертный подозрительно притих. Я глубоко вдохнул,

приготовившись к новой вспышке головной боли, но её не последовало.

«Твоя взяла, поганец! — Ольвидус расхохотался. — *Я собирался закончить твоё воспитание после третьей ночи, но ты так хорошо держался! Очень уж было интересно, сколько ты ещё вытерпишь. Ломать тебя — одно удовольствие, однако я знаю, когда остановиться. Ладно, оставляй себе эту глупую кличку, парень, раз так хочется. Дозволяю!»*

— Благодарю покорно! — воскликнул я и, не удержавшись, отвесил пустоте глубокий поклон. — А то не знаю, как бы я дальше жил без твоего разрешения!

— Репетируешь?

Весёлый голос, внезапно раздавшийся за моей спиной, мог принадлежать только одному человеку. Приблизившись, Янир закинул руку мне на плечо и заговорщически прошептал:

— Или у тебя есть воображаемый друг, о котором я не знаю?

— Просто не выспался. — Пытаясь скрыть смущение, я чуть грубее, чем желал, скинул с себя руку барда. — Ты что-то хотел?

— Хотел. Я всегда чего-то хочу. — Янир зачем-то подмигнул, заставив меня в очередной раз закатить глаза. — А ты, видимо, хотел потеряться. Иначе я не понимаю, почему ты вдруг остановился посреди большака и начал болтать сам

с собой.

Я резко обернулся. Вейнарменнир превратились в размытые силуэты на горизонте. Векс, я и вправду мог попасть в неприятности, если бы они не заметили, что кого-то не хватает.

— Извини, — пробормотал я и с силой потёр лицо ладонями. Усталость от изматывающих ночей разом навалилась на меня, придавливая к земле. — Размышлял вслух и слегка увлёкся.

— Бывает. Хорошо, что я такой внимательный, да? — Янир поднял руку и помахал остальным. Вейнарменнир продолжили путь, а бард ободряюще похлопал меня по спине. — Мы уже совсем рядом со «Струной». Снимем комнаты, там и отдохнёшь. Всё равно связной появится только вечером.

Мы нагнали остальных и минут через двадцать были на месте, выстроившись перед приветливо распахнутыми воротами. Над ними висела огромная вывеска, где золотой, мерцающей на солнце краской было изящно выведено:

Танцующая струна
осн. в 7659 г. эры Изобилия

Я неверяще уставился на дату и, не удержавшись, крепко зажмурился и потряс головой. Ошибка, или этому месту и правда уже больше пяти тысяч лет? Надо будет позже спросить у Янира. Отчего-то я был уверен, что бард знает об этом месте больше, чем кто-либо ещё. Название же вызвало у меня щекочущее чувство узнавания. Казалось, я уже где-то его

слышал, но никак не мог ухватить ускользающую мысль за хвост.

Возможности вспомнить мне так и не дали. К нам спешил, неся с собой запах сена, навоза и пота, невысокий молодой человек. Он отчаянно щурился и часто моргал, словно силясь разглядеть перед собой хоть что-нибудь дальше собственного острого носа.

— Опять пешие. — Человек недовольно скривился, тряхнув собранными в высокий хвост волосами, и сплюнул себе под ноги. — Чего встали на проходе? Правил не знаете? Сдавайте свои железяки в сторожку и добро пожаловать, ютры проклятые!

Моё дыхание вдруг показалось слишком громким в наступившей тишине. На всякий случай я призвал поток, готовый в любой момент возвести между молодым безумцем и моими спутниками стену льда. Ещё не хватало вляпаться из-за этого дурака в новые неприятности.

— Новенький, да? — наконец спросил Янир, немного снижая общее напряжение, и принюхался, брезгливо наморщив нос. — Конюх, как я понимаю. Тебя как звать?

— А тебе что за дело? — огрызнулся глупец.

— Да вот решил посоветовать хорошенько запомнить лица завсегдатаев «Струны». — Бард улыбался, но голос его приобрёл угрожающие нотки, от которых у меня побежали мурашки вдоль позвоночника. — А имя хочу узнать вот из-за него. — Янир ткнул пальцем в Огдена, который показа-

тельно разминал шею и хрустел пальцами, недобро уставившись на парня перед нами. — Большинство из нас понимает, что ты пошутил, а вот у Огдена с этим есть проблемы. Не ровен час придётся твоё имя корябать на поминальной табличке, а мы, вот незадача, не знаем его.

Конюх на мгновение застыл, а затем, видимо восприняв совет барда как призыв к действию, забегал взглядом по нашим лицам. Правда, стоя на некотором отдалении и явно не решаясь подойти ближе.

— Асгер меня звать. — Он гордо вздёрнул подбородок и сложил руки на груди. — В следующий раз приводите лошадей и поглядите, чего я стою. Лучшего конюха вы во всей Тролане не сыщете. Я возвращаюсь к работе, больше не приставайте ко мне.

— Так ты же сам к нам подошёл! — крикнул Янир вслед удаляющемуся к конюшне Асгеру. Тот даже не обернулся. — Вот чудик. Где Торгал их набирает? С каждым разом всё страннее и страннее.

— Забудь, — устало выдохнул Ронар. — Давайте уже сдадим оружие и пойдём внутрь. Мне надо выпить.

— Сдадим оружие? — переспросила Альрун. — Зачем?

— На таверне висит проклятие, — начал объяснять Фрост, пока мы шли к небольшому деревянному домику, приютившемуся слева от ворот. — Или благословение, это уж с какой стороны посмотреть. Захочешь устроить заварушку — сам больше всех и огребёшь. Задумаешь ранить

кого — получишь такую же рану, пожелаешь убить и… Ну да, вы поняли.

— Не всем нужно оружие, чтобы кого-то прибить, — пробормотал я, многозначительно кивая на Огдена и Ронара. Если такой кулак, как у них, прилетит в голову — пиши пропало.

— Ты прав, — согласился лучник. — Но чтобы даже соблазна кого-то прирезать не возникало, придумали такое правило. Впрочем, здесь уже давно собираются только те, кто не испытывает ненависти к ближним. А если конфликты возникают, их решают за пределами двора в рукопашной схватке. Поэтому хъёльвдин и согласился на встречу здесь. Безопаснее места во всём мире не найдётся.

— Похоже на выдумки, — неверяще протянул я. — Кто-то вообще проверял, существует ли это проклятие на самом деле?

— Сам как думаешь? — хмыкнул Фрост. — Проверяли, и не раз. Раз в пару лет обязательно находятся умники и успешно подтверждают, что проклятие всё ещё держится. А ты чего так заинтересовался? Хочешь стать очередным проверяющим?

— Воздержусь, пожалуй, — пробормотал я.

Подошла наша очередь. Пока Альрун неохотно снимала ножны с пояса, мой взгляд зацепился за табличку, гласящую: *«Путники, предупреждаем! На «Струну» первым владельцем и основателем наложено заклятие. Коли захотите ко-*

го покалечить, ранить или убить, то ваше дурное намерение обратится против вас же. Дабы не соблазнять тёмные порывы души, оставляйте оружие здесь и наслаждайтесь отдыхом». И чуть ниже приписка: *«А ежели желаете помереть — просим уйти и убиться где-нибудь подальше отсюда. Не добавляйте хозяину лишней работы!»*

Устало вздохнув, я положил перед скучающей за прилавком загорелой женщиной свой кинжал. Ни рассказ Фроста, ни предупреждения на табличках не произвели на меня впечатления. Как вообще можно поверить в то, что магия первого владельца не развеялась спустя пять тысяч лет? Всем известно, что любые, даже самые могущественные заклятия со временем теряют силу и, если их не подпитывать, исчезают. Загвоздка в том, что поддерживать магию заклятия может только тот магус, который его и сотворил. Основатель таверны должен быть давно мёртв, наверняка даже его прах уже превратился в ничто. Не бог же построил эту таверну, ну в самом-то деле?

Да и вообще, кому бы в здравом уме пришло в голову сотворить что-то подобное в эру Изобилия — эру гармонии между всеми живыми созданиями. Эру без войн, раздоров и насилия. Не мог же этот магус заранее знать, что ждёт наш мир всего через пару тысяч лет. Или?..

— Надо снять все свободные комнаты, — звучный голос Ронара прервал мои размышления. — Не разбредайтесь. Торгал наверняка придержит лишние ключи, если мы не

явимся к нему всей толпой.

Я и не заметил, что мы уже подошли к дверям таверны. Последним переступив порог, я застыл как вкопанный. Я понял, почему мне было знакомо название, ведь это была та самая таверна, воспоминание о которой показал мне Ольвидус в день нашей встречи.

Позабыв обо всём на свете, я отделился от Вейнарменнир и пошёл вдоль столов и лавок, мимо доски объявлений и дальше. Здесь совершенно ничего не изменилось, разве что список правил стал длиннее на пару десятков пунктов. Народу в этот ранний час было немного, и никто не обращал на меня внимания. Под моими ногами шуршали влажные опилки, наполняя ноздри терпким древесным запахом, смешанным с запахом алкоголя. Я остановился в середине зала и задрал голову, рассматривая круглые люстры с множеством свечей и гирлянды сушёных трав, растянутых между потолочными балками.

«Добро пожаловать в лучшую таверну на свете, парень! — гордо произнёс Ольвидус, будто я к нему в гости пришёл. *— Надеюсь, они всё ещё подают нифеидский нектар. Обязательно попробуй».*

— Кай, — Альрун осторожно тронула меня за локоть, вырвав из странного, вызванного узнаванием оцепенения, — ты в порядке?

— В полном, — успокоил я, игнорируя очередной приступ недовольства бессмертного. — Немного увлёкся.

Остальные во главе с Ронаром уже сгрудились у стойки трактирщика. Мы протиснулись мимо Тарви и встали по обе стороны от Янира. Трактирщик, загорелый человек средних лет с сеткой старых шрамов на крепких предплечьях, окинул нашу компанию цепким взглядом и вернулся к протиранию столешницы.

— А, это вы. Три комнаты свободны, — неприветливо сообщил он. — Размещайтесь как хотите. Не устраивает — валите в другое место.

— Устраивает, — в тон ему ответил Ронар, высыпая из мошны несколько монет прямо на деревянную поверхность. — Берём все.

Трактирщик кивнул, сгрёб деньги и достал из-под стойки три ключа.

— Четвёртый, восьмой и одиннадцатый. В комнатах мебель не ломать, в ботах не спать, из окон не прыгать…

«Бери четвёртую. Там очень живописный вид из окна».

— Торгал, — перебила бубнёж трактирщика Сварта. — Баня открыта?

— Открыта, — подтвердил мужчина. — Дорогу знаете, сами разберётесь. А теперь идите уже отсюда, работать мешаете!

Я обернулся и окинул взглядом нескольких посетителей, тихо жующих свой завтрак или спящих прямо за столами. Да, сразу видно — работы у Торгала полно.

— Какие приветливые люди тут работают, — пробормо-

тала Альрун, как только мы отошли от стойки.

— Не обращай внимания, миледи, — сверкнул клыками Янир. — Просто мы заявляемся сюда чаще, чем Торгал бы того желал. А вот конюх…

— Неудивительно, что он так расстроился, — перебила его Сварта. — Парень явно шёл на запах. От нас несёт, как от лошадиного табуна. Вы как хотите, а мы в баню.

Она выхватила из руки Ронара ключ с кожаной биркой, на которой была выжжена цифра *«8»*, и, возглавляя других девушек, широкими шагами направилась к выходу.

— Почему это вам восьмую? — крикнул им вслед Фрост.

— Оставь, — строго сказал Ронар, разворачивая лучника к лестнице и подталкивая в спину. — Восьмая самая большая и с несколькими кроватями, а их пятеро. Прояви уважение к сёстрам.

На второй этаж мы поднялись без Ульва и Тарви — они, коротко переглянувшись, увязались за девушками. Я же, как бы соблазнительна ни была мысль помыться и освежить кожу, никуда не пошёл — спать хотелось сильнее.

— Кто куда хочет? — великодушно поинтересовался Ронар.

«В четвёртую! Четвёртую!» — очнулся Ольвидус.

— Я в четвёртую.

— В четвёртую.

Мы с Яниром уставились друг на друга. Бард неловко засмеялся, а Ронар, нахмурившись, спросил:

— Я чего-то не знаю? Что такого в этой комнате?

— Из окна вид красивый.

— Ага, — подтвердил я, слушая, как Ольвидуса разрывает от смеха.

Ронар медленно моргнул и шумно выдохнул, а затем кинул ключ Яниру.

— Скройтесь с глаз моих, шутники. Тарви и Ульв будут спать с вами.

— Повезло! — радостно сообщил Янир, закрывая за нами дверь. — Огден храпит так, что стены трясутся. Видел, как Йонар на нас посмотрел? Уверен, он бы многое отдал, лишь бы поменяться с кем-то из нас.

Я согласно хмыкнул и скинул мешок с вещами и спальник на пол. Комната была небольшой, и в середине стояла всего одна кровать. Зато какая! Я не сомневался, что мы с лёгкостью уместимся на ней вчетвером, даже с Тарви.

Подойдя к окну, я убедился, что Ольвидус меня не обманул — вид действительно оказался живописным. Прямо под окнами расположился небольшой огород, где уже трудился кто-то из местных работников, и выложенный камнем колодец, а сразу за ними простиралось цветочное поле, пестревшее всеми цветами радуги. Совсем близко, деля поле надвое, текла река. Её кристально-прозрачные воды сверкали звёздной россыпью в свете Кира. Прикрыв глаза, я полной грудью вдохнул сладость цветов и леденящую свежесть воды. Это совсем не было похоже на подводные пейзажи Сафиреи. Со-

вершенно ничего общего с саницеевыми полями, колониями светящихся кораллов и величественными постройками, вынужденно оставленными за пределами защитного барьера, но всё ещё хорошо видными.

Совершенно ничего общего с моим домом, но сердце защемило от светлой тоски, словно я после долгого путешествия наконец вернулся в родные края.

Я вдруг пожалел, что не умею останавливать время — мне бы хотелось остаться в этом мгновении навсегда.

— Красиво, правда? — тихо произнёс Янир, остановившись прямо за моей спиной. Я просто кивнул в ответ, хотя «красиво» — слишком блёклое слово, чтобы описать картину перед моими глазами. — Эта комната всегда была моей любимой. Даже когда я пришёл в «Струну» в первый раз, я знал, что хочу только сюда и никуда больше. Кстати, а почему ты решил пойти именно в эту комнату?

Заворожённый, я не сразу понял, что Янир задал мне вопрос. Ему пришлось повторить его, а я так растерялся, что ляпнул первое, что пришло в голову:

— Да так, интуиция. — Я широко зевнул. — Не знаю, как ты, а я с ног валюсь.

Не дожидаясь ответа, я быстро прошёл мимо барда и, не разуваясь, рухнул на кровать. Мне никогда раньше не доводилось лежать на чём-то столь же воздушном. Создавалось впечатление, что я парю где-то под небесами на пушистом облаке. К тому же за прошедшие дни я очень устал, так что

ничего удивительного, что меня тут же сморило.

Уже сквозь дрёму я почувствовал, как с меня стянули сапоги, а затем кровать прогнулась под весом Янира. Нога барда задела мою, но возмутиться я не успел — сон окончательно затянул меня в свои тёплые объятия.

* * *

Я открыл глаза и тут же понял, что что-то не так. Пошарив ладонью по кровати, я обнаружил, что лежу в ней один. Ни Янира, ни Ульва с Тарви в комнате не было, зато у окна, спиной ко мне, стоял Ольвидус.

— Да ты издеваешься, — простонал я.

Вытянув из-под головы подушку, я швырнул её в бессмертного. Ольвидус слегка отклонился в сторону, только звякнули цепи на его изогнутых рогах, а подушка птицей вылетела в открытое окно.

— Меткий бросок, — похвалил бог, оборачиваясь ко мне с широкой ухмылкой на тонких губах. — Но советую поработать над скоростью, парень.

— Чего ещё тебе от меня надо? — устало спросил я, пряча лицо в сгибе локтя. — Я думал, мы обо всём договорились.

— У меня есть просьба.

— Просьба?!

Я широко распахнул глаза и рывком сел на кровати. Ольвидус, прислонившись к стене и сложив руки на бледной груди, с какой-то тоской наблюдал за бегущей по оконному косяку чёрно-красной ящеркой. Нет, ерунда какая-то. Мне

точно послышалось. Этот бессмертный не просит — только берёт.

— Да, просьба, — едва слышно подтвердил он, подставляя ящерке когтистую ладонь. К моему удивлению, она послушно перебралась на его руку и, свернувшись кольцом, застыла.

— Ты заболел? — на всякий случай уточнил я.

— Оставь при себе свои безусловно ценные замечания, парень, — вяло огрызнулся бог. — Я хочу твоё тело.

— Чего? — опешил я, поперхнувшись воздухом.

— Ты настолько уверенно угрожал мне сегодня утром, что я ненароком запамятовал, какой ты на самом деле бестолковый. — Ольвидус бросил на меня сочувствующий взгляд. — Я прошу тебя уступить мне место. На пять минут.

— Но зачем?

Бог какое-то время буравил меня взглядом, а затем вздохнул и нехотя пояснил:

— Хочу подышать и осмотреться не через тебя, а самостоятельно. Это место… Скажем так, оно весьма важное для меня. Навевает воспоминания.

— Удивил, — честно признался я, немного помолчав. — Раньше ты не утруждал себя просьбами, и сейчас мог просто занять моё место, как обычно. Что поменялось?

— Проникся нежными отеческими чувствами к бедному сироте, — ухмыльнулся бессмертный, а я потянулся за другой подушкой. — Ладно, шутки в сторону. Видишь ли, на

таверну действительно наложено могущественное заклятие. Снять его я сейчас не смогу, да и не хочу этого делать. Но беда в том, что оно может расценить насильный захват твоего тела как угрозу и убить нас обоих.

— И ты туда же? — фыркнул я. — Веришь в эту глупую байку?

Ольвидус даже не улыбнулся. Он смерил меня долгим взглядом и коротко проговорил:

— Верю.

Повисла тишина. Бог не собирался ничего объяснять, а я задумался, мог ли он знать того, кто наложил заклятие на это место? Если даже он верит в такое, значит, что-то в этом и вправду есть.

— Время идёт, парень, и драгоценные минуты твоего отдыха утекают, — напомнил бог. — Решайся.

— Допустим, я уступлю тебе, — кивнул я, помедлив. — А что получу взамен?

— Вздумал торговаться со мной, щенок?

Стороннему наблюдателю могло бы показаться, что бог разозлился, но я успел узнать его достаточно, чтобы понимать — он доволен, что я не согласился с ним просто так.

— У всего есть своя цена. — Я пожал плечами, подавив улыбку. — Во что ты оцениваешь свою же просьбу?

— Я позволю тебе выспаться.

— Позволишь мне выспаться и больше не станешь призывать к себе, если от этого не будут зависеть наши жизни.

— Может, не такой уж ты бестолковый, — процедил Ольвидус и тут же расслабленно рассмеялся. Ящерка в его ладони вдруг вспыхнула и обратилась в пепел, на мгновение ярко осветив комнату и вырисовывая странные тени в углах. — По рукам!

— У тебя пять минут, не больше, — напомнил я. — И ты не станешь подставлять меня перед Яниром и остальными.

— Слушаю и повинуюсь! — Бессмертный шутливо поклонился и оскалился своими острыми как бритвы зубами. — Ты даже не успеешь ничего понять.

* * *

Первый раз за шесть дней я почувствовал себя отдохнувшим. С удовольствием потянувшись, я открыл глаза. В комнате царил полумрак, лишь горела одинокая свеча на подоконнике, и её пламя трепыхалось на лёгком ветру. Я бросил взгляд на окно — небо утопало в розово-фиолетовых вечерних сумерках. Кажется, я умудрился проспать весь день.

— Ну ты и соня, — донёсся голос из кресла, стоящего напротив кровати. — Тебя даже дневная гроза не разбудила.

Янир поднялся и подошёл ближе, а затем зачем-то склонился надо мной, как алхимик над пробиркой.

— Не знал, что ты страдаешь снохождением.

— Снохождением? — недоумённо переспросил я и тут же понял, что это, должно быть, был Ольвидус. Векс, а я ведь даже не проснулся! — Я делал что-то странное?

— Нет. — Янир пожал плечами, распрямляясь. — Под-

нялся, прошёлся по комнате, а потом встал у окна. У меня была кузина, которая ходила во сне, и у тебя были точно такие же стеклянные глаза, как у неё.

— И долго я так стоял?

— Минут пять. Тарви и Ульв тогда ещё не пришли, так что ничего не видели, не переживай.

Что ж, по крайней мере, Ольвидус сдержал своё слово. Повезло, что свидетелем новой странности в моём поведении стал только Янир, а он, как обычно, сам придумал объяснение происходящему.

— А сейчас они где? — спросил я, садясь на кровати.

— Давно ушли вниз. Мне показалось, что ты в последнее время не очень хорошо спал, так что я решил тебя не будить. — Бард повесил лютню за спину и, подойдя к двери, взялся за металлическую ручку. — А теперь предлагаю спуститься и поужинать, пока без нас всё не съели.

Я согласно кивнул и потёр лицо ладонями, прогоняя остатки сна. Накинув на голову капюшон и натянув сапоги, я вслед за Яниром спустился на первый этаж.

В таверне было шумно и тесно — рыбе негде упасть. Казалось, здесь собрались не только постояльцы, но и жители из ближайших поселений.

— Похоже, сегодня кто-то выступает, — громко пояснил Янир, слегка подпрыгивая, чтобы разглядеть за чужими головами, где сидят наши друзья. — Я их вижу, давай за мной.

Бард нагло пошёл вперёд, неумолимо пробираясь через

толпу, точно идущий на таран боевой конь. Я торопливо схватил его за рукав, чтобы не потеряться, и не отпускал, пока мы не дошли до длинного стола, где уже сидели все остальные. И, судя по практически пустым тарелкам, сидели довольно давно.

— Чего так долго? — недовольно спросила Хильде. — Сюда уже раз двадцать порывались сесть.

— Спящий красавец никак вставать не хотел, — весело ответил бард, без зазрения совести спихивая всю вину на меня.

— Ты сам не потрудился меня разбудить, — пробурчал я, плюхаясь на скамью рядом с Ульвом и подтягивая к себе ближайшее блюдо с мясом, варёными овощами и печёными яблоками, жадно принимаясь за еду. За прошедшее время я успел привыкнуть к наземной пище и теперь старался попробовать как можно больше нового, даже если это означало, что позже я буду мучиться с больным желудком.

Передо мной возникла кружка, приятно пахнущая цветами, мёдом и ещё чем-то древесно-морозным. Я поднял глаза и вздрогнул. Напротив меня сидела Альрун. Её глаза закрывала полупрозрачная чёрная повязка, а я невольно вспомнил о Слышащих, и моё настроение тут же испортилось.

— Это нифеидский нектар, попробуй, — с улыбкой сказала альва.

— Ага. — Я подтянул кружку ближе и спросил, указывая на свои глаза: — А это что за ерунда?

— Я слишком приметна, — пояснила девушка. — Здесь, конечно, принимают всех, но мы с Ронаром посоветовались и решили не рисковать.

Помедлив, я задумчиво кивнул. Дар это или проклятье, когда, только взглянув на твоё лицо, окружающие могут понять, что ты — потомок богов?

Рассказ Альрун об Аэльвинде, старшем сыне Бриллаара и первом альвийском короле, посеял в моей душе смуту. Я ненавидел думать о своём отце, которого никогда не знал. Размышления о том, кем он был, каждый раз заводили меня в тупик, оставляя после себя только глубокое разочарование и злость на собственное бессилие. Мне казалось, я давно смирился с неведением, но теперь то и дело невольно возвращался мыслями к собственному уродству. Жёлтому круглому зрачку, такому чуждому для мерфолков и, как оказалось, такому привычному для альвийских аристократов. Так мог ли мой отец быть?..

Единственная, кто знала правду и могла открыть её мне, мертва. Я легко поверил в байку о странной наследственности, не смея подвергать эту версию сомнению. Но теперь, когда я, мерфолк, прошедший за Пелену, сидел в старейшей таверне Тероланы в компании людей и беглой аристократки, эта новая мысль не казалась такой уж бредовой: если я смог попасть сюда, почему бы кому-то с этой стороны не оказаться в Сафирее?

Я инстинктивно поднял руку и накрыл ладонью правую

половину лица. Конечно, этот жест не укрылся от Ольвидуса.

«Ты можешь просто спросить», — вкрадчиво прошептал он.

— И что ты потребуешь за это знание? — пробормотал я в кружку.

«Ничего, что ты не в силах мне дать, — усмехнулся бессмертный. — *Однако моё предложение действительно лишь до того момента, как ты ступишь за ворота столицы. Хорошенько подумай».*

— Только до ворот столицы? Почему? — опешил я.

— Дамы и господа! — грубый хрипловатый голос, явно усиленный магией, неожиданно прогремел под сводом таверны, заставив сухие листья с подвешенных к балкам трав осыпаться в блюда и кружки посетителей. — Люди и альвы, подгорцы, полукровки и все прочие! Сегодня для вас играют Элементали!

— Элементали! — Янир вскочил, едва не опрокинув стол. Торопливо переступив через лавку и с громким стуком приложившись об неё голенью, он схватил меня за локоть и потянул на себя. — Чего ты копаешься? Пошли скорее!

— Куда?! — возмущённо пробубнил я с набитым ртом, пытаясь сопротивляться, но уже понимал, что усилия тщетны: если уж моему другу что-то взбрело в голову, то проще подчиниться. Янир так или иначе обязательно добьётся своего.

— Лучше иди, а то руку оторвёт, — со смехом обратилась

ко мне Грай. — Это его любимая труппа.

Я только закатил глаза и, дожёвывая на ходу, позволил барду вытащить себя из-за стола и повести сквозь толпу.

— Ингрид!

Сбившись с шага, я обернулся на крик и успел заметить огненно-рыжую шевелюру Фроста, стремительно удаляющуюся куда-то в сторону выхода, но быстро выкинул лучника из головы, сосредоточившись на том, чтобы случайно не сбить кого-нибудь с ног.

Янира в таверне многие знали — то и дело отовсюду слышались приветствия, на которые мой друг радостно отвечал. Нас беспрепятственно пропустили к самой сцене, где и правда было на что посмотреть.

Четыре музыканта — подгорец и три альва, все в броских нарядах и куче сверкающих украшений — вытворяли что-то невероятное. Мощный, точно раскаты грома, ритм давула[1]; глубокое звучание колёсной лиры, похожее на течение подземного ручья; пламенное и страстное пение скрипки; хрустальный звон флейты. Их музыка не была похожа ни на что из того, что мне доводилось слышать раньше: пронзительные баллады сменялись зажигательными джигами, а те, в свою очередь, откровенно неприличными куплетами. И каждую новую мелодию публика встречала оглушительными криками и аплодисментами.

---

[1] Давул — большой двухсторонний барабан, на котором играют колотушкой и тонкой палочкой.

Инструменты пробудили во мне особое любопытство. Они выглядели как знаменитые механизмы подгорцев; из колёсной лиры и флейты непрерывно вырывались языки огня и струи воды, переплетаясь друг с другом и показывая зрителям сюжеты песен.

Я повернулся к барду, желая расспросить, как они это делают, но всего один взгляд на его лицо заставил меня забыть обо всём. Ещё ни разу в своей жизни я не видел кого-то счастливее, чем Янир сейчас. Мой друг, совершенно не стесняясь, подпевал и кричал вместе со всеми, его глаза блестели, а лицо раскраснелось, будто он был пьян. Меня точно молнией пронзило странное чувство, словно я всё это уже видел: таверну, заводных музыкантов, счастливого барда рядом с собой. Я знал, что это невозможно. Но также догадывался, кому это ощущение принадлежало на самом деле.

— Ольвидус, — шёпотом позвал я.

«Наслаждайся выступлением, парень», — немного растерянно, как мне показалось, проговорил бессмертный.

Я хотел возразить, но тут прямо перед моим лицом пронёсся сотканный из огня конь, на мгновение опалив жаром, и толпа взревела. Плюнув на всё и невольно заразившись общим безумием, я тоже закричал, выплёскивая накопившуюся за последний месяц усталость.

Не знаю, сколько прошло времени, прежде чем выступление закончилось. Музыканты откланялись, но большая часть публики не спешила расходиться. Я же хотел вернуться за

наш стол, но Янир остановил меня.

— Пойдём. Познакомлю тебя с моими друзьями.

Бард ловко запрыгнул на сцену и нырнул за ширму в её задней части. Я замешкался, раздумывая, как поступить. Ноги после прыжков и плясок гудели, спина отваливалась, и мне отчаянно хотелось сесть. Однако свободных мест поблизости не оказалось, а рассмотреть в глубине зала Вейнарменнир я не смог, поэтому, обречённо вздохнув, отправился за Яниром.

Я заглянул за ширму. Подгорец, перекинув длинную бороду через плечо, стягивал с себя давул; альвы же облепили барда, который уже вовсю шутил и тепло обнимался с ними. Я нерешительно приблизился. С широкой улыбкой бард притянул меня ближе и похлопал по плечу.

— Это Кайриус, мой друг, — представил он, и я втайне порадовался, что хотя бы сейчас он не стал использовать дурацкое прозвище. — Кайриус, это Азар, Таллия, Аирин и Нивиан. — Музыканты приветственно кивали, когда Янир называл их имена. Я вежливо улыбнулся одними губами, понимая, что от волнения уже позабыл, кто есть кто. — Элементали, лучшая труппа бардов Тероланы.

— Которая могла быть ещё лучше, если бы ты, хитрый лис, наконец принял наше предложение! — хрипло прогремел подгорец, потрясая кулаком где-то на уровне груди Янира.

— Мы ведь уже обсуждали это, Азар, и не раз. — Мой

друг заметно погрустнел.

— Прежде всего семья. Да-да, я это уже слышал, — махнул рукой бородач.

— Мы уважаем твоё решение и терпеливо ждём, — мягко произнесла альва со скрипкой в руках, метнув в подгорца недовольный взгляд.

— Он что, настолько хорош? — не удержался я.

Конечно, я несколько раз слышал, как играет Янир. У барда была привычка хвататься за лютню всякий раз, когда он был взволнован или хотел подумать, но из-под его пальцев в такие моменты выходили простенькие мелодии — они отражали малейшие изменения в его настроении, но всё ещё ничего такого, чтобы такие искусные музыканты, как Элементали, желали заполучить его в качестве ещё одного участника труппы.

— Шутишь? — Азар мигом позабыл про напускную обиду и повернулся ко мне. — Да публика с ума сходит от его голоса! А тексты? Мы последние три года только его песни и играем! И ты ещё спрашиваешь? Вы точно друзья, лис?

— Так вышло, что я ни разу не пел для Кайриуса. — Янир неловко засмеялся. — Как-то не до того было.

— Это надо исправить! Будь уверен, Карсиус, как только ты услышишь балладу нашего лиса — на других бардов больше не взглянешь!

— Я Кайриус, — поправил я бородача, но тот так разошёлся в расхваливании Янира, что пропустил моё замечание

мимо ушей.

— Ну ладно, Азар, — неожиданно низко произнесла флейтистка, которая ещё недавно пела голосом высоким и чистым, как утренняя роса. Я решил, что, возможно, она полукровка — слишком крупная для альвы, но при этом очень изящная. — У Янира не так много времени. Огнём пылают златые оковы…

— Значит, близится час нашей свободы, — шёпотом закончил Янир. — Это ты, Таллия?

— Все мы. — Кивнула девушка, продолжая понятный всем, кроме меня, диалог. — Ты ведь не думал, что мы останемся в стороне, пока ты рискуешь жизнью? Мы выйдем на бис и отвлечём внимание, а вам предстоит отыскать арену. Селмор будет ждать там.

Янир кивнул. Бросив короткое «ещё увидимся», он нацепил на лицо одну из своих очаровательных улыбок и ушёл. Неловко махнув всем рукой на прощание, я поспешил за ним.

— Что это было? — спросил я, пока мы пробирались обратно к нашему столу.

— Связные, — пояснил Янир.

— И почему ты так удивился? Вы что, не знали, с кем должны встретиться?

— Мы знали, что связной отыщет нас в «Струне», но кто это будет — нет. Безопаснее места не придумаешь, но мы идём встречаться с главой. Такие меры предосторожности не

лишние.

— К нам никто не подходил, — сообщил Ронар, как только мы заняли свои прежние места. Командир нервно постукивал пальцами по столешнице и постоянно бросал взгляды на входную дверь.

— Зато мы преуспели, — обрадовал его Янир. — Нам нужно найти арену и какого-то Селмора.

— Уверен, что это не ловушка?

— Совершенно, — уверенно ответил бард. — Сообщение передали Элементали.

— Тогда сомнений нет, — кивнул Ронар. — Я знаю, где арена. Нам надо в подвал. — Он поднялся. — Пойду первым, возьму ключ у Торгала. Собираемся внизу. Королевна, ты со мной.

Альрун кивнула и поднялась. Держась за Ронаром, словно за щитом, она уверенно пошла вперёд, как будто и не было у неё никакой повязки на глазах. Я проводил девушку взглядом, пока она окончательно не скрылась в толпе, а затем посмотрел на своих спутников. По лицам невозможно было понять, кто о чём думает, но я кожей ощущал, как над нашим столом сгущается предвкушение чего-то невероятного, и вдруг совершенно ясно понял:

Грядущая встреча изменит всё.

* * *

Янир почему-то решил, что мы должны идти последними. Пока мы ждали своей очереди, Элементали успели сыграть

две песни, но я не мог отвлечься и насладиться музыкой — с каждым ушедшим Вейнарменнир у меня всё сильнее скручивало желудок от нетерпения. Мои мысли были лишь о том, что ждёт нас в подвале и на загадочной арене, а взгляд почти не отрывался от трактирщика.

— Пошли, — наконец скомандовал бард.

Я тут же вскочил, оставив на столе недоеденный ужин, и вслед за своим другом направился к стойке. Коротко кивнув Торгалу, мы прошли мимо, за занавес, который, как я раньше думал, был частью сцены, а на самом деле скрывал вход в подвал. Опередив Янира, я выпустил из ладони серебристый шар света.

Спустившись по крутым ступеням, мы оказались в погребе. Здесь, в окружении ящиков с мясом и овощами, нас ждали остальные Вейрнарменнир. Альрун, сдвинув свою повязку на лоб, куталась в Ронарову шкуру. Поймав мой взгляд, альва улыбнулась и спрыгнула с большой винной бочки на земляной пол.

— За мной, — скомандовал Ронар.

И так начался наш путь через пролегающий под таверной лабиринт. Я вспомнил о точно таких же ходах под святилищем и поёжился. Целый месяц прошёл с тех пор, как лагерь Вейнарменнир был уничтожен, а мы с Альрун и Йонаром чудом спаслись из ядовито-водной ловушки, но сейчас воспоминания нахлынули с новой силой, словно всё произошло только вчера. Я невольно начал прислушиваться к шорохам,

боясь уловить знакомый треск стен и грохот.

— Ты коридор заморозил, красавчик, — шепнул мне на ухо Янир, идущий прямо за мной. — Я чуть не упал.

Я вздрогнул и обернулся. На стенах, потолке и под ногами виднелись неровные круги льда, на одном из которых, видимо, и поскользнулся бард.

— Извини, — пробормотал я и протяжно выдохнул, заставляя себя успокоиться.

Сейчас всё совсем не так, как тогда. Нас гораздо больше, а мои спутники стали для меня кем-то большим, чем просто случайными знакомыми. Я понимал, что, случись несчастье, не смогу бросить никого из них на произвол судьбы, спасая собственную жизнь. И, что важнее, для некоторых из них и я стал тем, ради кого они готовы рискнуть. По крайней мере, мне хотелось в это верить.

К тому же я с горем пополам научился призывать поток, хоть ещё и нахожусь в начале пути и не всегда могу его контролировать.

Я сделал глубокий вдох и расправил плечи, чувствуя, как уверенность наполняет грудь теплом. Всё будет в порядке. Тот кошмар не повторится.

Тут впереди послышался шум: яростные крики, звуки звонких ударов и топот множества ног. Мы ускорились и вскоре вышли под своды просторной пещеры. В центре толпились люди и альвы, и здесь их было гораздо больше, чем в таверне на выступлении Элементалей. Я шагнул ближе.

На возвышении, достающем примерно мне до плеча, на огороженном канатами ристалище проходил рукопашный поединок. Здоровенный громила, чем-то напомнивший мне Ларса, бился с невысокой девушкой и, как ни удивительно, проигрывал. Девушка, гибкая, точно змея, легко уходила от огромных кулаков своего оппонента и дерзко ухмылялась, нанося быстрые и точные удары. Я, как заворожённый, следил за ней. В неверном свете кристаллов и трепещущем пламени факелов мне показалось, что её кожа мерцает, словно морская соль на солнце.

— Им совсем жизнь не мила? — раздался голос Сварты.

Сбросив оцепенение, я обернулся, чтобы увидеть, как все, кроме Ронара, наблюдают за битвой с изумлёнными лицами.

— Я думал, здесь запрещены сражения! — воскликнул Йонар.

— Мы давно покинули пределы таверны. Здесь заклятие не действует, — спокойно пояснил Ронар.

«Интересно было бы поглядеть на смельчака, который это выяснил», — хохотнул Ольвидус.

Я только покачал головой, отказываясь признаваться самому себе, что согласен с бессмертным.

— Как выглядит связной? — спросил Ронар, обращаясь ко мне и Яниру.

— Без понятия, — пожал плечами бард.

— Узнаю у распорядителя.

Ронар уверенно подошёл к сонному мужчине, стоящему

чуть в стороне от зрителей. Мужик откровенно скучал и зевал так, что я удивился, как это у него ещё рот не порвался. Выслушав командира и окинув его ничего не выражающим взглядом, распорядитель махнул рукой в сторону ристалища. Ронар покачал головой и вложил в ладонь мужика что-то блестящее. Тот кивнул, спрятал взятку в поясную сумку и резво, словно не засыпал стоя ещё секунду назад, подлетел к самому краю арены и заорал что есть мочи:

— Хватит играться, Селмор! Закругляйся!

Бойцы услышали его. Они на мгновение замерли, а затем девушка с невероятной скоростью рванула вперёд. Подпрыгнув, она ловко, точно дикая кошка, вскарабкалась на спину здоровяка, а затем, обвив его ногами, взяла шею, похожую на дубовый ствол, в удушающий захват. Захрипев, гигант попытался достать девушку руками. Мышцы на его предплечьях напряглись, вены вздулись — того и гляди сейчас лопнут. Не сумев дотянуться до противницы, он сделал пару шагов назад, к канату, видимо надеясь сбросить её ударом об барьер, но и тут у него ничего не вышло — девушка держалась крепко, словно прицепившийся к одежде репей, медленно, но верно усиливая давление на чужую шею. Толпа взревела, когда здоровяк с багровым от нехватки воздуха лицом закатил глаза и с высоты собственного роста ничком рухнул вниз, заставив ристалище пошатнуться. Девушка успела спрыгнуть с него за секунду до соприкосновения с полом и, не обращая внимания за овации с одной стороны ристалища

и рассерженные крики с другой, перемахнула через канат и приземлилась прямо передо мной.

Я обомлел. Блеск на её лице не был обманом зрения или игрой света и тени: щёки и лоб девушки, а также обнажённые плечи покрывали белые чешуйки. Раскосые глаза с вертикальными зрачками без стеснения блуждали по моему телу, словно она желала забраться мне под кожу и выпить мою душу. Наш зрительный контакт длился всего мгновение, за которое я так и не смог решить: пасть ли перед ней на колени или бежать прочь без оглядки.

На меня смотрели *её* глаза. Весёлые и глубокие, цвета морской волны.

— Ми…

— Ты Селмор? — громко спросил Янир, бесцеремонно втискиваясь между нами и закрывая собой незнакомку. Я рвано выдохнул и прикрыл глаза от облегчения, мысленно благодаря барда за вмешательство.

— Я, — кивнула девушка, отступая на шаг и смахивая прядь тёмно-серых волос со лба. — Это вас, значит, надо было встретить. Не думала, что вы так скоро объявитесь, и вот, — она указала рукой на ристалище, откуда несколько крепких парней с трудом вытаскивали поверженного противника связной, — решила размяться.

— Следующий бой! Освальд Косой против Грайтема Дубины! На арену, поживее! Делаем ставки!

— О, отличный момент, — произнесла Селмор.

Развернувшись, она дёрнула ближайший держатель для факела. Часть пола беззвучно поехала в сторону, открывая новый проход. Вниз вела узкая винтовая лестница, и внутри её полупрозрачной опорной стойки горели белые магические шары, ярко освещая долгий путь под землю.

— Я первая, за мной ваш командир, а дальше как хотите, — распорядилась она. — Кто пойдёт последним — на стене у восемнадцатой ступени нажимная пластина. Пни её, нам тут любопытные носы не нужны. Ради всех богов, смотрите под ноги. Споткнётся один — упадут все. Вы не захотите проверить глубину этого спуска таким образом, поверьте мне на слово.

Она поставила ногу на первую ступень, но, словно вспомнив о чём-то, повернулась к нам и внимательно посмотрела на каждого своими пронзительными глазами.

— Вижу, что вы не привыкли склонять головы. Но когда мы спустимся вниз, прошу, потрудитесь проявить должное уважение к госпоже.

— К госпоже? — переспросил Ронар. Я заметил, как напряжённо переглянулись Вейнарменнир. — Я думал…

— Что глава восстания — мужчина, — не дала ему договорить Селмор и ядовито усмехнулась. — О, я слышала это уже раз сто. Но ты не будешь разочарован, командир. Поверь мне.

Не проронив больше ни слова, девушка начала спуск. Немного погодя Ронар последовал за ней, Хильде подтолк-

нула замешкавшихся Янира и Альрун и затем ступила на лестницу сама. Вейнарменнир заходили в проход по очереди, и в конце концов я остался один. Меня несколько выбила из колеи внешность нашей связной, но было и ещё что-то, что заставляло меня нервничать и оттягивать момент встречи с загадочной главой людского восстания.

Собравшись с духом, я последовал за остальными. Отсчитав ровно восемнадцать ступенек, я ударил носком сапога по стене, добровольно обрубая наш единственный путь к отступлению.

Спуск в самом деле вышел долгим — возможно, сейчас я находился примерно на глубине Сафиреи. Внизу расположился небольшой, хорошо освещённый коридор, в конце которого белела дверь, украшенная рунами и людскими традиционными узорами.

Не медля больше, я зашёл в и так уже битком набитую комнату. Это место напоминало кабинет военачальника: стойки с оружием и доспехами вдоль стен, массивный стол в середине с расстеленной на нём огромной картой континента и расставленными на ней деревянными фигурками, рядом стол чуть поменьше, заваленный свитками и бумагами, шкура какого-то большого животного под ногами. А ещё невообразимых размеров светящийся шар под потолком.

— Госпожа, — Селмор вышла вперёд и опустилась на одно колено, — ваши гости прибыли.

От дальней стены отделилась тень. К нам шагнула высо-

кая фигура, закутанная в плащ, словно в кокон. Она медленно подняла руку. Тихо щёлкнула застёжка, и плащ беспрепятственно упал к ногам женщины столь ослепительной, что у меня заслезились глаза. За её спиной трепетали большие крылья, белые сверху и постепенно переходящие в сияющие золотом перья на концах.

Женщина медленно подняла голову, и у меня перехватило дыхание. На нас упал взор светящихся белым глаз — точно как у Янира каждый раз, когда он призывает поток. Мы все, как по команде, опустились на колени и почтительно склонили головы. В моих ушах раздался не предвещающий ничего хорошего довольный смех Ольвидуса.

— Прошу, сёстры и братья мои, поднимитесь, — мягко произнесла крылатая незнакомка. — Я — Вальда, дочь Вильтура, и я счастлива приветствовать вас, последние из хранителей Урсенгара.

Глава 16 (Кайриус). Долгожданная встреча.

«Ну что, кого из моих родичей навестим следующим? А, парень? Если это будет золотой ублюдок, молю, уступи мне тело. Ох, ты и представить не можешь, с каким бы удовольствием я плюнул в его холёную рожу…»

— Наши разведчики докладывали, что Сидастагюр потерян, но так и не смогли выяснить причину.

— Я попросил помощи у волчьего клана, но, что в случившемся замешаны мертвячие, написать не рискнул.

В кабинете стояла невыносимая духота. Я устало прикрыл глаза и рукавом смахнул пот со лба.

По моим собственным ощущениям, с начала совета прошло уже несколько часов. Сначала Ронар представил каждого из нас Вальде. После этого слово взяла сама богиня, рассказав и наглядно показав на карте с помощью резных деревянных фигурок, как обстоят дела у сопротивления. Первое время я честно вникал, но затем командир принялся рассказывать о событиях в Сидастагюр. Это заняло довольно много времени, но Вальда пожелала узнать все подробности из первых уст. Ронар говорил, а я вновь видел перед собой гниющие тела жителей той деревеньки, снова слышал холодный голос некроманта, льющийся из мёртвой глотки, и чувство-

вал зловонное дыхание душегубцев на своей коже.

— Мне не в чем упрекнуть тебя, молодой хъёльвдин. Ворона могли перехватить. Ты принял верное решение.

Крылья Вальды дрогнули и на мгновение распушились. Взвились под потолок и медленно опустились на пол несколько белых перьев. Интересно, каковы её крылья на ощупь? Мягкие или же, наоборот, жёсткие, с несгибаемой сердцевиной?

— В Ветреных равнинах хватает воинов, присягнувших нашему делу. Вы нужны мне здесь, в альвийских землях. — Богиня склонилась над столом и передвинула одну деревянную башенку на восток Златоцветных лугов. — Тревожные вести приходят из Миранделина: пропадают рабочие, люди и альвы. Между исчезнувшими никакой связи нет, между местами, где их последний раз видели, тоже…

«Может, мне тоже надо было крылья отрастить? — хмыкнул Ольвидус. — *Глядишь, удостоился бы от тебя такого же восхищённого взгляда».*

Я хотел огрызнуться, что достаточно было просто вести себя не как высокомерный болван, но время, чтобы начать бубнить себе под нос ругательства, было крайне неподходящим. Всё же надо было прикопать стекляшку где-нибудь по дороге в таверну.

Вздохнув, я переступил с ноги на ногу, неловко покачнувшись. Случайно задел Селмор — белые чешуйки на её плече царапнули ткань моего балахона, и я дёрнулся, как от ожо-

га. Я бросил быстрый извиняющийся взгляд на девушку и, получив в ответ дерзкую улыбку, почему-то смутился и тут же отвернулся.

Векс, она стоит так близко! Стоит лишь немного наклониться вправо и шепнуть в острое, похожее на альвийское, ухо хотя бы один из интересующих меня вопросов. Кто она такая? Почему выглядит так, будто в ней течёт кровь мерфолка? Почему она так похожа на Мирай?

Я не удержался и вновь повернулся к девушке, внимательно вглядываясь в её профиль. Чем дольше я смотрел, тем больше убеждался, что мне не померещилось. Оттенок глаз и цвет чешуи можно было списать на простое совпадение, но хватало других мелочей, которые я помнил слишком хорошо: форма губ, родинка на правом виске, даже очаровательные ямочки на щеках, когда Селмор улыбалась. Я смотрел на едва знакомую девушку, а видел старую подругу, однажды предавшую меня. Подругу, которая в том страшном видении называла меня своим убийцей.

Сохранять спокойствие становилось всё тяжелее. Мысленно застонав, я окончательно отвернулся от Селмор, и мой взгляд тут же наткнулся на Янира. Потемневшие нефритовые глаза барда будто пытались прожечь дыру на месте моей головы. Я вдруг занервничал, словно меня поймали за чем-то неприличным, и начал судорожно подыскивать себе оправдание, но почти сразу же опомнился. Чего это я? Я же ничего такого не сделал! Напустив на себя безразличный

вид, я вопросительно приподнял бровь. Бард склонил голову набок и медленно растянул губы в улыбке. Она показалась мне зловещей и не сулящей ничего хорошего.

«Я понял! Надо было сразить тебя такой же пафосной речью — уверен, ты бы не устоял. Даже жаль, что мне никогда подобное легко не давалось. Я бы просто не смог нести такую проникновенную чушь с серьёзным лицом. Но Вальда — воистину дочь своего отца. Вильтур тоже любил эту вдохновляющую глупцов болтовню ни о чём».

— В этом точно замешаны ан Саркорана! — воскликнула Альрун, хлопнув ладонью по столу.

— Согласна. — Вальда одобрительно кивнула. — Но мы не можем полагаться лишь на обрывочные донесения и интуицию. Надо найти доказательства причастности Фэйнара к исчезновениям, а также постараться отыскать приказы короля. Надежды мало, но, возможно, этот стервятник всё же сохранил их ради собственной безопасности.

Нас с Альрун командир представил богине самыми последними. Я переживал, что присутствие здесь девушки вызовет ещё больше вопросов, нежели моё, но в процессе обмена сведениями оказалось, что к людскому восстанию присоединилось достаточно альвов, чтобы участие одной из них — пусть и аристократки — в военном совете никого не удивило. К тому же, Вальда как-то сразу прониклась к девушке — она тепло поприветствовала Альрун, словно давнюю подругу, и в течение всей встречи внимательно прислушива-

лась к её замечаниям.

— Есть вероятность, что король ничего не знает. — Альва щёлкнула пальцами по коронованной фигурке на отметке *«Архинтиан»*, роняя её, и задумчиво поджала губы. — Фэйнар — увлечённый исследователь. Нельзя исключать, что он действует самостоятельно. — Девушка ненадолго замолчала и вдруг улыбнулась. — Впрочем, для нас это ещё лучше. Отношения между знатными домами Гланлиморина напряжённые: любая мелочь может породить искру, от которой разгорится пламя.

— Могу ли я рассчитывать на твою помощь? — спросила Вальда.

— Безусловно, — немедленно ответила Альрун.

— Госпожа, время, — в разговор бесцеремонно вклинилась Селмор, указывая на догорающую длинную свечу на столе, восьмую по счёту.

— Остановимся на этом. Благодарю всех вас. — Вальда выпрямилась. — Детали обсудим завтра, ступайте. А ты, Селмор, задержись, у меня новые…

Я первым выскочил из опостылевшего душного кабинета и чуть ли не бегом помчался к лестнице. Всё обсуждение благополучно прошло мимо меня — я почти ничего не запомнил, кроме каких-то обрывков. Оно и к лучшему. Я не желал влезать в очередную сомнительную историю. Это касается людей и альвов, а я здесь совершенно ни при чём. Всё, чего мне сейчас хотелось, — поскорее выйти на свежий воз-

дух и проветрить голову.

«Угомонись! У тебя кровь пошла».

Я с ненавистью уставился на расчёсанный плавник и выругался себе под нос. Дурацкая привычка!

Несильный, но неожиданный толчок в плечо заставил меня пошатнуться. Мимо протиснулся Янир и, не обернувшись, на прямых ногах промаршировал к лестнице. Я открыл рот, чтобы окликнуть его, но бард уже скрылся из виду, опасно перепрыгивая через ступеньку на своих вексовых каблуках.

«Да-а-а, попал ты, парень».

— Чего я опять сделал не так? — раздражённо прошипел я, вынужденно ускоряясь, чтобы не получить пинок от идущего прямо за мной Фроста.

«Очаровательно», — пропел Ольвидус и, наконец, замолчал.

Возвращение по коридорам подземелья «Струны» окончательно лишило меня сил, и, когда я поднялся в таверну, гулять мне уже не хотелось. Сквозь мутные стёкла окон в общий зал проникал мягкий рассеянный свет — мы провели на совете всю ночь. Народ после выступления Элементалей так и не разошёлся, а некоторые выглядели так, будто тут за столами и спали. Я отыскал своих товарищей и, пробравшись к столу, скромно присел с краю. Впрочем, никто не обратил на меня внимания — я пришёл в самый разгар какого-то обсуждения.

— Мне и самому это не по душе, — промолвил Ронар, глядя в свою кружку. — Но вы сами всё слышали, сами всё понимаете. Разделиться придётся.

— Ты уже решил, кто куда отправится? — спросил Йонар.

— Пока нет, — покачал головой командир. — Мне нужно время. Я должен предоставить главе лучший расклад.

— Ронар, — позвала Альрун.

— Не переживай, королевна. Ты отправишься в Миранделин, как и хотела.

Меня замутило. От тяжёлого аромата пряных и жирных блюд, от громких голосов вокруг, от переполняющих мою голову навязчивых мыслей.

— Я иду спать, — буркнул я и вылез из-за стола.

Поднявшись на второй этаж, я дёрнул ручку четвёртой комнаты. Дверь не поддалась. Пришло запоздалое осознание, что ключа-то у меня нет: вчера, когда мы спускались в общий зал, комнату запирал Янир.

Я вспомнил толчок в спину и едва не зарычал от обиды. Нет, видеть барда сейчас выше моих сил.

Вздохнув, я вытащил из поясной сумки отмычки.

* * *

«Проснись!»

Я с трудом разлепил глаза. Нависшая надо мной Альрун громким шёпотом повторила:

— Проснись!

— Чего стряслось? — спросил я хриплым ото сна голо-

сом.

— Ничего хорошего. — Девушка кивнула подбородком на окно. — Давай собирайся, надо уходить. По дороге объясню.

Я приподнялся на локтях и выпустил из ладони серебристый шар света. На мгновение он выхватил из погружённой в серые сумерки комнаты напряжённую альву. Её жёлтые глаза сверкнули, точно у дикого зверя перед броском. Девушка порывисто шагнула ко мне и замахала руками.

— Погаси!

От её тона мне стало не по себе, и я послушно развеял магию. Во дворе явно что-то происходило. Сквозь непонятный шум прорывались встревоженные голоса. В коридоре раздался топот — кто-то пробежал мимо двери с криком: «Быстрее, быстрее!»

— Самое безопасное место в мире, — проворчал я, торопливо натягивая сапоги.

Альва прислонилась спиной к оконному косяку, нервно притопывая ногой. Она слегка сдвинулась влево, и эфес в виде языка пламени поймал холодный свет тёмного солнца.

— Брось здесь, — остановила меня девушка, когда заметила, что я потянулся к своему заплечному мешку. — Бери только самое необходимое.

В мешке у меня ничего важного не было, так что я без сожалений оставил его валяться в углу, сгрёб с тумбы ремень с поясными сумками и выскочил из комнаты следом за Альрун.

Мы бегом спустились по лестнице. В общем зале не было никого, кроме пары альвов, приникших к окнам. Движимый любопытством, я остановился рядом и протёр пыльное стекло рукавом. Одного взгляда хватило, чтобы понять, что дела наши хуже некуда.

У приветливо распахнутых ворот выстроилось не меньше полусотни воинов в тёмно-золотых доспехах. Возглавляющий их высокий альв о чём-то переговаривался с Торгалом, потрясая обнажённым мечом. За трактирщиком стояли люди и альвы из местных. Многих я запомнил по выступлению Элементалей — они пили и веселились рядом со мной. Сейчас никто из них не выглядел радостным, а блеск улыбок сменил зловещий блеск оружия в их руках.

С каждой секундой разговор становился всё напряжённее, фразы — отрывистее и резче. Кажется, новоприбывшие прекрасно знали о лежащем на «Струне» заклятии и не решались ступить за ворота. Пока не решались, но кто знает, насколько хватит их терпения?

— Держи. — Альрун сунула мне в руки кинжал. — Хорошо, что сторожка соединена с таверной одним из подземных коридоров, не то остались бы мы все без защиты.

— Ты объяснишь наконец, что происходит? — спросил я, забирая у девушки оружие и закрепляя его на своём поясе.

— Королевская гвардия пожаловала, — усмехнулась она, с презрением глядя на стоящих за воротами альвов. — Только ничего они здесь не найдут — Вальда приказала отсту-

пить в другое убежище. Пойдём, Ронар ждёт снаружи.

Альрун развернулась и направилась в противоположную от главного выхода сторону.

«Как интересно вышло: ваша весёлая компания заявилась к моей племяннице, и гвардейцы тут как тут».

Хотя я был уверен, что в нашей компании доносчиков нет, у меня и самого промелькнула похожая мысль. Но слышать подобные намёки от Ольвидуса я не желал.

— Если хочешь что-то сказать — говори прямо, — процедил я, расшвыривая носками сапог отяжелевшие от пролитой браги опилки на полу.

«Нет-нет-нет, — противно зацокал бог. — *Не обращай внимания. Что такой, как я, может понимать в подобных вещах?»*

Я не стал отвечать на эту очевидную издёвку и, прибавив шагу, вышел в ту же дверь, что и альва.

В Сафирею месяц Жарких песен приносил с собой первые тёплые течения, а в Теролану — невозможную духоту. Месяц Танца гроз посылал вдогонку своему преемнику ливни, которые не успел пролить сам. Земля едва успела подсохнуть после вчерашнего ливня, а может, сегодняшний день, судя по всё ещё нависающим над нашими головами тучам, тоже не жаловал наземников хорошей погодой — под сапогами чавкала грязь, воздух был тёплым и тяжёлым от влаги. Сильный порыв ветра хлестнул меня по лицу. Я поёжился, но не от холода, а от внезапно наполнившей желудок тревоги.

Ронар обернулся на звук наших шагов. Одной рукой он приобнимал за шею Ульва, пытаясь то ли успокоить, то ли придушить мечника. Сам Ульв едва держался на ногах, его бледная кожа позеленела, создавая впечатление, что парня вот-вот стошнит.

— Её нет внутри, — сказала Альрун.

— Кого? — опешил я.

— А где Янир? — спросил Ронар, нетерпеливо заглядывая мне за спину, словно бард мог прятаться там.

— В каком смысле «где Янир»? — похолодев, прошептал я. Тревога, поселившаяся в желудке, стремительно поднялась к горлу горькой желчью.

— Его после Совета никто не видел, а когда подняли тревогу, он не явился на зов. Мы решили, что он с тобой… Ты куда? — Альрун схватила меня за руку, когда я развернулся, чтобы уйти, и с силой дёрнула назад.

— Иду искать Янира, — неожиданно ровным тоном ответил я.

— Но Вальда приказала…

— Я не присягал Вальде! — рявкнул я, вырывая руку.

Это было правдой. В то время как Вейнарменнир и Альрун поклялись богине в верности, я промолчал. Конечно, я мог бы притвориться и произнести ничего не значащие для меня слова. Но надо мной уже висел договор с одним богом, и сделка с богиней, пусть даже такой приятной, как Вальда, казалась мне совершенно излишней. Я не желал влезать в

дела людей и альвов больше, чем уже успел.

— Я без Янира никуда не пойду.

«Ты же это не серьёзно?»

— Я не могу позволить тебе…

— Погоди, королевна, — тихо сказал Ронар и положил ладонь на плечо Альрун. Он перевёл взгляд на меня, и я вздрогнул, прочитав во взгляде командира мольбу. — Грай тоже пропала. Разделимся. Рун и я подберёмся поближе к воротам, а вы с Ульвом проверьте другие постройки. Не глупите и не геройствуйте зря, ясно?

Я кивнул. Ульв, чуть помедлив, тоже. Только сейчас я заметил, что седой сжимал в дрожащей руке стальной кнут своей девушки. Не сказав ни слова, он развернулся и направился в сторону бани.

— Найди его.

— Обещаю, — ответил я и отвернулся, больше не в силах выносить умоляющее выражение на лице Медведя.

«Да ты спятил! — заорал Ольвидус, как только я решительно направился в сторону ворот. — *Я запрещаю тебе рисковать собой ради какого-то вшивого болтуна!»*

Я почувствовал знакомое сопротивление — бессмертный попытался перехватить контроль над телом, чтобы помешать мне. В любое другое время я бы только посмеялся над ним, но сейчас нить моего терпения истончилась и лопнула с громким хлопком. Одно крохотное усилие — и бога вышвырнуло на задворки моего сознания.

— Тебя спросить забыл!

«Ты точно не в своём уме! — не сдавался он. — *Куда ты лезешь?! Это королевские гвардейцы, и они не станут разбираться, друг ты или враг!»*

— Ой! — зло рассмеялся я. — Владыка испугался кучки альвов в блестящих доспехах?

«Не строй из себя храбреца передо мной, парень! Я чувствую, что ты до смерти напуган».

С этим я спорить не стал. Ольвидус прав — мне до одури страшно. Только причина моего страха крылась не в вооружённой толпе за воротами таверны, не в возможности напороться на чужой меч, а в гнетущей неизвестности. Что, если Янир отправился погулять за пределы таверны, на то самое поле, что пестрело всеми цветами радуги в окне нашего временного пристанища, и его схватили? Ранили? Убили? А последнее наше взаимодействие состояло из толчка в плечо и нелепой безмолвной ссоры. Я вспомнил своё нежелание подойти к барду, чтобы попросить ключ от комнаты, и едва не взвыл в голос. Векс, если бы только был способ быстро отыскать его!

Я остановился как вкопанный, замер, боясь спугнуть несмелую мысль. Глубоко вдохнул вязкий воздух и выдохнул, успокаиваясь, — это оказалось непростой задачей, учитывая непрекращающееся нытьё Ольвидуса, но я справился. Закрыл глаза, сосредотачиваясь, и поток с готовностью откликнулся на мой зов.

«Что ты делаешь?»

— Нить поиска, — проговорил я, не открывая глаз.

«Это не сработает, умник. Ты не сможешь нащупать его душу».

— Я не Янира ищу, — улыбнулся я, довольный, что Ольвидус не понял мою задумку, — а его лютню. Не мешай.

Я представил корпус из чёрного дерева и серебряные цветочные узоры на нём, тонкие металлические струны и расшитый ремешок. Припомнил нежный мотив, который Янир наигрывал три дня назад, сидя у общего костра. Этого оказалось достаточно. Поток искрящейся графитовой дымкой потёк из моих пальцев куда-то на север, к дальним постройкам, и я без раздумий пошёл за ним.

Нить не ошиблась — из самого дряхлого на вид строения лилась негромкая мелодия. Я дёрнул дверь и оказался в полупустом сарае. По всей видимости, им давно не пользовались: в углу, покрытые паутиной, стояли покрытые ржавчиной лопаты и грабли, в потолке зияла, ощерившись неровными краями, дыра. Под этой дырой, прямо на грязном дощатом полу, сидел Янир. Полностью поглощённый игрой, он не обратил никакого внимания ни на скрип двери, ни на звук моих шагов, ни на доносящийся с улицы далёкий шум. Я решительно прошёл вперёд и навис над бардом.

Моргнув, Янир заглушил струны и задрал голову, глядя на меня снизу вверх. Спустя пару мгновений в его взгляде появилось узнавание, и лицо вытянулось в удивлении. Об-

легчение от того, что я нашёл барда живым, сменилось жгучим желанием огреть его лопатой по спине.

— Кайриус? А ты чего здесь?

— Даже не знаю, с чего начать, — проговорил я, чувствуя лёгкое раздражение. — Грай пропала. Вальда приказал всем отступить в другое убежище. Ах да, ещё у нас на пороге полно королевских гвардейцев, а я тут ищу тебя.

— Шутишь?

— Похоже, что мне смешно? Там векс знает что творится! Хозяин пока ведёт переговоры, и, судя по тому, что я уже успел услышать, они проходят не очень успешно.

— Ерунда какая-то. — Янир перевесил лютню за спину. — Даже король знает, что в «Струне» свои правила. Зря только всполошились. Золотые доспехи не станут рисковать и обнажать клинки — поговорят с Торгалом и уйдут.

Тут, точно в насмешку уверенным словам барда, снаружи раздался крик, совсем тихий, но прозвучавший как гром среди ясного неба. Выругавшись, я рывком поднял Янира на ноги и побежал к выходу.

— Твой брат пошёл к воротам вместе с Рун. Ульв ищет Грай, — коротко поведал я, с силой толкая старую дверь. От удара она распахнулась настежь и, громко ударившись об внешнюю стену, сорвалась со ржавых петель и упала на землю. Я едва ли обратил на это внимание.

Путь до места битвы бегом занял всего пару минут. Я старался не вслушиваться в разрезающие ночь крики боли, бо-

ясь услышать знакомые голоса. Мы повернули за угол, и от увиденного меня затошнило. Я крепко сжал зубы и со свистом втянул в себя пропитанный едким потом и страхом воздух.

Полянка перед главным входом была усеяна телами и стрелами. Я присмотрелся к крупной фигуре, стоящей на коленях посреди царящего хаоса, и узнал Торгала. Древко с оперением вошло в его грудь на целых две ладони. Кровь ещё капала с губ мужчины, стекала по бороде, смешиваясь с грязью под ногами сражающихся.

Гвардейцы наступали безжалостно. Если они и боялись висящего над таверной заклятия, то внешне этого никак не показывали — на холодных лицах не отражалось ни единой эмоции. Защитники «Струны» же только оборонялись, из-за чего преимущество явно было не на их стороне.

Ронара я увидел сразу — он и Альрун отбивались от противников, стоя спина к спине. Ульв чуть в стороне от основного сражения закрывал собой какого-то тощего альва и Грай. На них никто не нападал, но я понял, что что-то не так: девушка не пыталась защищаться, только сжимала собственное плечо, а стальной кнут валялся в грязи у её ног. Альв что-то кричал, указывая то на таверну, то на крохотный домик за своей спиной, из трубы которого валил густой чёрный дым.

— Помогу Ульву, — коротко бросил я Яниру. — Справишься?

— Глупый вопрос, — усмехнулся бард и взял в руки лютню. — Будь осторожен, не пытайся никому навредить.

Я кивнул и, не теряя времени зря, кинулся к мечнику. Но не добежал.

Грянул взрыв. Полыхнуло яркое зарево, и вокруг стало светло, как днём. «Струну» поглотило ослепительное пламя.

Мою левую руку окутал нестерпимый жар. Я закричал, но сам себя не услышал. В ушах стоял высокий звон, сквозь который прорывались только треск и чужие приглушённые вопли.

Я и сам не заметил, как упал. Перед глазами всё кружилось и плыло. С трудом оторвав голову от земли, я застыл от ужаса. Огонь зацепил и своих, и чужих. Несколько фигур, полностью объятых огнём, в агонии носились по поляне, и их душераздирающий вой навсегда запечатлелся в моей памяти. Гвардейцы тщетно пытались стянуть с себя золотые доспехи, которые от жара приварились к коже, обрекая своих владельцев на долгую и мучительную смерть.

Кое-как поднявшись на ноги и уняв головокружение, я взглядом отыскал своих товарищей. Ульв склонился над Грай. Альв, который был с ними, недвижно лежал рядом. Рядом с грохотом приземлился оплавленный флюгер, подняв брызги грязи. И это стало последней каплей.

Мой разум заволокло алой пеленой. Ярость — моя и Ольвидуса — слилась воедино. Мой внутренний зверь зарычал, перекрывая рёв пламени. Сила распирала меня изнутри,

боль отступила куда-то на второй план. Я резко опустился на одно колено, коснувшись ладонями земли. Воздух вокруг заледенел. В мгновение ока «Танцующая струна» оказалась заключена в лёд, точно жук в каплю янтаря.

— *Айдран! Има айдран таральгар!*

Каким-то образом я понял, что означают крики альвов. *Вражеский маг.* Оскалившись, я медленно поднялся на ноги и повернулся к растерянным гвардейцам.

— *Уничтожу!* — прорычал я. Мой голос странно двоился, а сам я словно прибавил в росте и теперь смотрел на творящийся вокруг кошмар свысока. — *Вы осквернили моё творение!*

Мой разум вопил о том, что пора остановиться. Что заклятие убьёт меня, едва я проучу этих жалких созданий за содеянное.

Так тому и быть. Я сотру из самой ткани мира посягнувших на мои драгоценные воспоминания, даже если это будет последнее, что я сделаю в этой жизни.

Я заметил ужас на лицах врагов и, с наслаждением вкусив его, вскинул руки.

Тут под моими ногами раздалось громкое шипение, и всё вокруг заволокло едким дымом. Я тут же потерялся в пространстве и закашлялся.

— Что за… — просипел я, а в следующее мгновение почувствовал боль в затылке и отключился.

* * *

Ощущение было непривычным. Меня слегка покачивало, будто я лежал на волнах, ноги не касались земли. Щёку защекотало. Я глубоко вдохнул знакомый аромат свежести и бодрящей сладости. Неяркий свет Кира коснулся моего лица, скользнул по закрытым векам, а тёплый ветер шевельнул мои растрёпанные волосы.

Основание затылка заныло, тело охватила ломота, заставив меня мучительно застонать. Воспоминания обрушились лавиной, безжалостно вырывая из блаженного забытья.

— Вовремя, красавчик, — негромко произнёс Янир, тяжело дыша. — Я, честно сказать, уже немного подустал. Встать сможешь?

— Ага. — Он присел, помогая мне слезть. Стоило ногам коснуться земли, как меня повело в сторону, но я устоял, мягко отказавшись от помощи. — Давно ты меня несёшь?

Янир выпрямился, поставив руки на пояс, и протяжно выдохнул. Лютня, поблёскивая узорами на солнце, болталась на ремне у него на груди. Бард запрокинул голову и посмотрел на небо.

— Где-то час до переправы и часов шесть после неё. Поначалу было ничего, а потом… Тебе бы похудеть немного.

Я возмущённо воззрился на него. Нет, каков наглец! Я и слова не сказал, пока переносил его через речку в Гибельном лесу, а ведь он тоже не невесомый! Пока я обиженно сопел, пытаясь придумать достойный ответ, неподалёку раздался шорох. Я тут же напрягся, но, как оказалось, зря. Из подлес-

ка, грациозно перепрыгнув низенькие кусты дикой ежевики, появилась Селмор.

— О, очухался? — она широко ухмыльнулась. — Ну и шоу ты там устроил! Готова поспорить, ещё никто и никогда не охлаждал пыл королевской гвардии *таким образом*…

— Извиниться перед ним не хочешь? — резко перебил её бард.

Какое-то время девушка сверлила Янира недовольным взглядом, а затем раздражённо вздохнула.

— Точно. В общем, время поджимало, так что я не придумала ничего лучше, чем бросить тебе под ноги дымовой шар и ударить по голове. — Селмор опустила голову и совсем тихо добавила. — Прости.

— Ничего, переживу. — Я проигнорировал недовольное фырканье Янира и помассировал пульсирующий тупой болью затылок. — Лучше скажи, что мы не единственные, кто выбрался оттуда.

— Остальные давно ушли вперёд, — пояснила девушка и обвиняюще ткнула пальцем в Янира, — потому что он слишком долго копался!

— Сама бы попробовала нести его столько времени!

— Ронар предлагал помощь, но ты упёрся, что сам справишься!

— Тебе когда-нибудь говорили, что у тебя чересчур длинный язык? Прямо как у ядовитой змеи!

Я посмотрел на багрового, как перезревший помидор,

Янира и впервые словно увидел по-настоящему. Задержал взгляд на пятнах пота, ясно выделяющихся на тёмной ткани его балахона, на вьющихся влажных волосах и особенно на облепленных грязью каблуках. Конечно, я имел удовольствие наблюдать, как ловко бард передвигается на них даже по самой тяжёлой местности, но обычно при этом он не взваливал на себя вес, равный его собственному. Похоже, упорность в этом парне многократно превосходит возможности его тела.

— Как там твоя рука? — обратилась ко мне Селмор, демонстративно поворачиваясь к барду спиной.

— Рука? — переспросил я, посмотрев вниз.

Только теперь я заметил, что вместо левого рукава моего балахона ветер трепал опалённые лохмотья, а рука от плеча до локтя была покрыта плотной, но местами уже потрескавшейся белой коркой.

— Мазь от магических ожогов, — объясняла девушка, пока я с любопытством разглядывал своё плечо. — Рядом с тобой рванул подземный склад лекаря, и одним богам известно, что этот безумец там хранил. По крайней мере, тебе точно повезло больше, чем «Струне». Думаю, пришло время нанести новый слой…

— Я помогу!

Янир не дал Селмор договорить и, преградив девушке путь, вырвал баночку у неё из рук.

Взаимная неприязнь этих двоих была видна невооружён-

ным глазом. Причина оставалась загадкой, но от их громких пререканий моя голова разболелась ещё сильнее. Я понял, что если они сейчас же не успокоятся сами, то я просто-напросто заморожу их. Так, всего на пару минут, чтобы немного передохнуть в тишине и покое.

— Благодарю, сам справлюсь! — рявкнул я, отбирая мазь у барда.

Я уселся прямо на нагретую солнцем землю. Покрывающая моё плечо корочка была твёрдой и шершавой, как кора дерева, но стоило надавить пальцами, и она в мгновение ока превратилась в пыль. Кожа под ней выглядела крайне неприятно: она была тёмно-фиолетовой, почти чёрной, а местами покрылась синими пузырями, под которыми, если слегка надавить, двигалась застоявшаяся кровь. Возможно, мазь обладала чудесным обезболивающим свойством, потому что, даже избавившись от засохшего слоя, я не чувствовал, что с моей рукой что-то не так.

Открыв баночку, я с наслаждением вдохнул аромат горьких трав и зачерпнул немного густой смеси пальцами.

— Ну давай, расскажи ему, куда мы идём, — внезапно потребовал Янир.

— Мы идём в Талаин-на-Драйде, — незамедлительно отозвалась Селмор. Тон девушки не оставлял сомнений: она повторяет это далеко не в первый раз и даже не в двадцатый.

Бард выглядел так, словно ждал от меня какого-то отклика. Я тянул время, неторопливо нанося мазь на кожу, но

Янир, видимо, считал, что мне и так всё должно быть понятно, а Селмор больше интересовала порхающая рядом бабочка.

— И? — наконец не выдержал я, поняв, что никто не собирается ничего мне объяснять.

— И? — переспросил Янир, потрясённо округлив глаза. — Эта роща проклята!

— Да сколько можно?! — Я едва удержался, чтобы не швырнуть в него крышку. Это действительно начинало утомлять. — У вас в Теролане есть хоть одно непроклятое место?!

— А я пытаюсь всю дорогу объяснить твоему балалаечнику, что роща не проклята!

— Это лютня!..

— В Талаин-на-Драйде живёт мой дед! — Селмор повысила голос. — Это мой дом!

— Как же! Ещё скажи, что это твой дед роще репутацию подпортил, сказочница!

— Так и есть!

Они кричали друг на друга, практически соприкасаясь лбами, и своим поведением напоминали двух что-то не поделивших баранов. Я позволил им ещё немного попрепираться, пока был занят своим ожогом, а затем поднялся, намереваясь поставить точку в нелепом споре.

— Ну всё, хватит! — потребовал я, решительно влезая между ними, и обратился к Селмор: — Веди нас.

— Боги, хоть кто-то из вас разумен! — Селмор не смогла

скрыть самодовольной улыбки. — Тут недалеко уже, до полудня доберёмся.

Янир только вздохнул и, не проронив больше ни слова, прошёл мимо нас — очевидно, он и сам знал дорогу. Я успел заметить, как заинтересованно заблестели его глаза. Кажется, барду был нужен кто-то, кто примет это решение за него. Усмехнувшись, я проводил своего друга взглядом и вдруг понял, что остался с Селмор наедине. Я бы не смог найти лучшего момента, чтобы расспросить её обо всём, но девушка, словно прочитав мои мысли, тихо произнесла:

— Побереги свои вопросы до того, как встретишься с моим дедом. Он мудр, проницателен и многое знает. Позволь дать тебе совет: не пытайся что-то скрыть от него. И присматривай за этим. — Девушка кивнула в сторону удаляющегося Янира. — У твоего барда острый язык — в Теролане немало тех, кого он успел оскорбить, намеренно или случайно.

— Ему грозит опасность там, куда мы идём? — нахмурился я. Селмор кивнула. — Ты знаешь, кто хочет ему навредить?

— Я предупредила. — Девушка проигнорировала мой вопрос. — Смотри в оба.

«Из тебя выйдет отличная нянька для «твоего ба-а-арда», — с издёвкой протянул Ольвидус.

Я шумно выдохнул, хороня в себе наивную надежду, что удар Селмор наконец выбил бессмертного из моей головы.

* * *

В окружении ничего не изменилось, но я вдруг понял, что больше не могу сделать ни шагу. Я остановился, скованный необъяснимым страхом. Дыхание сбилось, спина покрылась холодным потом, и я привалился плечом к большому мшистому валуну, пытаясь унять дрожь во всём теле. Но вёл себя странно не только я: Янир, смертельно побледнев, тихо охнул; его ноги подкосились, и бард сполз на землю рядом со мной.

— Сейчас, потерпите. — Селмор обогнула нас и крикнула, перепугав птиц, отдыхающих в густых кронах. — Мейвин!

— Тут я, не верещи. — Приземистый юноша неожиданно возник рядом с ней, словно прямо из воздуха — я готов был поклясться, что секунду назад поблизости никого не было. Он откусил от сладкой булки огромный кусок и, с любопытством косясь на загибающихся у валуна меня и Янира, с набитым ртом проговорил: — Эфа пахление?

— Да, давай шустрее, — поторопила его девушка.

— Ну наконец-то! — воскликнул он, быстро прожевав еду и вытирая липкие пальцы прямо об штаны. — Полдня тут торчу, оба завтрака пропустил!

Мейвин поднял руки и воздух под его пальцами пошёл волнами: он переливался множеством цветов, подобно блеску крыльев стрекозы на солнце. Из земли вырвались корни, сплетаясь в остроконечную арку и открывая окно в совер-

шенно другой мир.

Мне стало лучше, стоило только проходу открыться. Я дёрнул Янира за рукав и поспешил за Селмор, которая уже успела пройти через арку.

— Добро пожаловать в Талаин-на-Драйде, — весело произнесла девушка.

Когда я услышал, что мы идём в рощу, я представлял себе совершенно иное. Однако перед моим взором предстал не редкий лес, а самый настоящий город. Исполинские деревья словно стремились разорвать небесную высь. В основании каждого была арка наподобие той, через которую мы прошли ранее, а внутри виднелись извилистые лестницы. Подняв голову, я увидел, что вокруг мощных стволов, точно грибы, расположились причудливые домики, от совсем крохотных хижин, едва заметных среди ветвей, до многоэтажных построек, чьи стены были украшены узорной резьбой и неизвестными мне рунами, от которых слабо веяло магией. Между деревьями растянулись подвесные мосты, поросшие зелёной бородой[1] и плющом, и напоминали собой гигантскую паутину. По этим мостам можно было легко перебраться на соседнее дерево, не спускаясь на землю.

— Пойду узнаю, что у нас на обед. — Мейвин запечатал проход. Поймав мой взгляд, он задорно подмигнул и очень резво для своих коротеньких ног потопал прочь. — Увидимся!

---

[1] Так называется висячий мох.

Я ожидал, что сейчас Селмор поведёт нас к одному из деревьев, но она не остановилась, а решительно направилась мимо великанов вглубь леса. Вскоре мы вышли на большую травянистую поляну, в центре которой собралось какое-то невероятное количество народа — в последний раз я видел столько на Хрустальной площади во время празднования Дня Освобождения. Я узнал в собравшихся беженцев из «Струны».

— Это они!

— Хвала Вильтуру, вы живы!

Вейнарменнир обступили нас. Каждый громко выражал свою радость, но для меня их слова слились в неясный шум. Я обнаружил себя стоящим прямо напротив Альрун. В ярких глазах девушки отражалось так много всего, что я совершенно не мог предположить, чем обернётся наша встреча: оплеухой или чем похуже. Наконец альва шмыгнула носом, лицо её расслабилось, и я, боясь упустить момент, порывисто обнял её.

— Живой, — прошептала она куда-то мне в шею, а я почувствовал невероятное облегчение. Конечно, я не думал, что у Селмор были причины обманывать нас, да и Янир вёл себя совершенно обычно, но только увидев Альрун своими глазами, я почувствовал, как тревога перестала раздирать грудь.

Но только до тех пор, пока Янир не спросил:

— Где Ульв? Грай?

— У целителей. Ульву в голову прилетел камень. Приложило сильно, но ему не впервой, а Грай… — Ронар замолчал, так и не сумев подобрать слова и, побагровев, отвернулся.

— Ей опалило лицо, — тихо пояснила Сварта. — Целители обещали сделать всё, чтобы помочь ей сохранить прежний облик, но… ожог магический.

Вейнарменнир помрачнели, а у меня скрутило желудок. Сварта могла не продолжать. Я опустил взгляд на свою руку и прикрыл глаза.

От магических травм не помогают ни снадобья, ни сама магия. Я даже предположить не мог, что именно станет с моим плечом, когда оно заживёт. Возможно, кожа навсегда останется нездорового тёмно-фиолетового оттенка, такого же, как стигматы некромантов, а может, мне повезёт, и напоминать о произошедшем будет только уродливый шрам. Одно я знал наверняка: как бы целители ни старались, чуда не произойдёт.

— Кого я вижу! — прогремел звучный голос за нашими спинами.

— Деда! — Селмор счастливо улыбнулась и обернулась.

Честно признаться, когда девушка сказала, что мы идём в гости к её деду, я решил, что нас встретит дряхлый старик. Мужчина же, стоящий перед нами, скорее был похож на повзрослевшего Ронара: высокий, крепкий и широкоплечий, разве что волосы тронула седина, намекая на почтенный

возраст. Лицо его покрывала серебряная чешуя, серебряные же глаза с вертикальными зрачками медленно прошлись по каждому из нас и остановились прямо на мне.

— Добро пожаловать! — поприветствовал он, одной рукой приобнимая Селмор, а другой зачёсывая назад короткие волосы и оголяя выбритые виски. — Союзники госпожи Вальды — наши добрые друзья. Прошу, располагайтесь, моя внучка вам всё тут покажет. Могу ли я поговорить с вами, юноша? Наедине.

Последнее относилось ко мне. Я был рад, что он сам это предложил, потому что, несмотря на желание поскорее получить ответы на свои вопросы, я совершенно не знал, с чего начать, так что, услышав просьбу, незамедлительно согласился.

— Найду вас позже, — бросил я друзьям и пошёл за мужчиной.

Мы всё дальше и дальше уходили от чужих глаз и ушей. Я невольно напрягся, боясь предположить, о чём пойдёт разговор, если это требует подобной секретности. Когда вокруг не осталось никого, кроме нас, и даже птицы замолчали, мужчина повернулся ко мне. К моему изумлению, он опустился на одно колено и почтительно склонил голову.

— Я всю жизнь ждал этого момента, — хрипло произнёс мужчина. Когда он поднял голову, в его серебряных глазах стояли слёзы. — Покорный слуга Сиятельного Владыки, Ирвинг, приветствует вас, молодой господин Кайриус.

Глава 17 (Кайриус). Полукровка.

Я следовал за Ирвингом по пятам. Поляна с беженцами, как и место, где магус назвал мне своё имя, остались далеко позади. Мужчина попросил следовать за ним и с тех пор больше не проронил ни слова. Иногда он оглядывался через плечо, проверяя, не отстал ли я.

Ольвидус тоже подозрительно притих. Он молчал с тех самых пор, как я вошёл в рощу, даже на признание Ирвинга никак не откликнулся. Неужели дело в том, что бессмертный раньше меня понял, что очень скоро мы расстанемся, и больше не желал тратить силы на разговоры?

Тропинка оборвалась неожиданно, уперевшись в скальную стену. Ирвинг и не подумал остановиться, а просто прошёл сквозь камень, словно никакой преграды перед ним и не было. Слегка опешив, я подошёл к тому месту, где исчез мой провожатый, и вытянул руку, ожидая прикоснуться к шершавому камню, но вместо этого ощутил покалывание чужой магии — передо мной была искусная иллюзия. Набрав в лёгкие побольше воздуха, я сделал шаг ей навстречу.

За иллюзией скрывалась пещера. Внутри было очень просторно и светло, но, как ни старался, я так и не смог отыскать источник света. Чуть поодаль от входа земля пестрела живым ковром из цветов, над которым висели круглые каменные плиты: они образовывали лестницу, ведущую под самый

свод пещеры, а на самой последней и самой большой плите сиял кристалл причудливой спиральной формы. Я заметил, как воздух вокруг него дрожит и плавится.

Магус не сделал и шага по направлению к ступеням. Он свернул налево, и я, последовав за ним, увидел что-то вроде лаборатории: столы, заставленные какими-то пробирками и склянками с непонятными жидкостями и порошками, небольшой котёл, стопки свитков и книг без названий разной степени потрёпанности и ещё кучу ерунды, назначения которой я не понял. Здесь пахло пылью, плесенью и ещё чем-то резким и очень неприятным, и мне пришлось зажать нос ладонью, чтобы не задохнуться. В самом дальнем углу этого хаоса скромно стояла односпальная кровать, заваленная всяким мусором. Именно к ней Ирвинг и подошёл.

— Прошу прощения за беспорядок, молодой господин. — Смахнув всё, что валялось на покрывале, прямо на землю, магус жестом предложил мне присесть. — Я ожидал вашего прибытия, но никак не мог унять беспокойства.

Коротко кивнув, я опустился на самый край кровати — даже скамьи в тюрьме Ликириса были мягче, чем это ложе. Магус тоже сел, сохраняя между нами почтительное расстояние. Пожалуй, настолько неловко я ещё ни разу в жизни себя не чувствовал.

Разница между тем мужчиной, который приветствовал Вейнарменнир, и тем, что сейчас сидел напротив, была колоссальной. Стоило нам остаться наедине, как Ирвинг пре-

вратился в настоящего последователя Ольвидуса: безумного, фанатичного, но очень вдохновлённого. Он рассыпался в бесконечных извинениях, называл меня молодым господином, словно какого-то высокородного отпрыска, и непрестанно отвешивал поклоны.

Магус просто сидел и сверлил меня взглядом. Я уставился на него в ответ. Все вопросы, которые я хотел задать, вылетели у меня из головы, подобно стае перепуганных птиц. Но когда молчание стало просто невыносимым в своей нелепости, я не выдержал первым:

— Так о чём вы желали поговорить?

— Позвольте… — Мужчина облизнул губы и повторил: — Позвольте взглянуть на *него*.

Я сразу понял, о чём речь, и полез в поясную сумку. Грань Гребня маняще блеснула серебром. Ирвинг принял реликвию бережно, словно самое драгоценное сокровище в мире, и поднёс к глазам. Руки магуса подрагивали, то ли от волнения, то ли от нетерпения. Вблизи стало заметно, насколько они обезображены: кожа от кончиков пальцев до середины запястий побелела, её покрывали шрамы и рубцы, похожие на старые следы от ожогов; ногтей у магуса вовсе не было, а на их месте расплывались неровные серые пятна, похожие на старые гематомы.

Внезапно Ирвинг счастливо улыбнулся и рассёк острой гранью реликвии свою бесцветную ладонь. Из раны хлынула голубая, точь-в-точь как у меня, кровь, мгновенно впитыва-

ясь в проклятое стекло.

— Владыка, — прошептал Ирвинг, закатывая глаза точно в экстазе.

«Здравствуй, мой верный магус», — Ольвидус обращался не ко мне, но я всё равно слышал его.

— Я ждал, Сиятельный, столько лет ждал…

«Ты непременно будешь вознаграждён за терпение, — пообещал бог. — *А сейчас послужи мне ещё немного. Юноша перед тобой проделал долгий путь. Расскажи ему всё, что он захочет услышать».*

Я так привык к нашим взаимным подначкам и язвительности, что то, как он разговаривал с магусом, даже тон бессмертного, казались фальшивыми. Или всё это время он притворялся именно со мной?

Мой взгляд притянул Гребень, который Ирвинг всё ещё сжимал в окровавленной ладони. Во мне шевельнулось сожаление. Я мог поставить точку в своём приключении прямо сейчас. Но был ли я готов вернуться в родные трущобы Ликириса, так и не поняв, ради чего столько времени терпел унижения и боль по вине бессмертного безумца?

Я набрал в грудь побольше воздуха, прекрасно понимая, что собираюсь поднять ил в коралловом саду[1]:

— Для начала я хочу знать, как вообще попал на Поверхность, — выпалил я, бесцеремонно вклинившись в диалог между Ольвидусом и Ирвингом, большую часть которого

[1] То же, что "открыть ящик Пандоры"

пропустил мимо ушей. — Почему Пелена пропустила меня?

Повисла тишина. Ирвинг уставился на меня так, будто у меня выросла вторая голова. Ольвидус не выдержал первым.

«Мать мальчика не озаботилась тем, чтобы он понимал собственную значимость, — пояснил бессмертный, заставив меня неприязненно поморщиться. — *Этим придётся заняться тебе, магус. Поведай ему всё, что необходимо».*

На лице Ирвинга отразилось понимание, а черты разгладились. Прочистив горло, он осторожно начал:

— Знает ли молодой господин «Песнь о Девятерых»?

— При чём здесь детская сказка? — резко спросил я. Пренебрежение, с которым Ольвидус отзывался о маме, уязвило меня.

— То, что вы называете детской сказкой, хранит в себе больше истины, чем вся история наземников. — Ирвинг был само терпение: его нисколько не смутила моя грубость. — Вы, конечно, знаете сюжет: Либерцис, дитя двух миров, способный свободно перемещаться между Сафиреей и Тероланой, пройдя через множество испытаний и лишений, разрушает Пелену. Задумывались ли вы хоть раз, что на самом деле означает «дитя двух миров»?

— Это… — Мой пыл тут же угас. Я отвернулся с горящими от смущения щеками. В самом деле, мне никогда не приходило в голову копнуть чуть глубже. С другой стороны, кто вообще вдумывается в смысл детских сказок? Однако ответ был настолько прост, что я удивился, почему не сам не до-

шел до него раньше. — Полукровка.

— Верно! — Ирвинг широко улыбнулся и часто закивал. Он выглядел крайне довольным, будто я только что сообщил ему нечто чрезвычайно важное. — Тот, в ком поровну крови мерфолка и наземника, будь то старший альв, человек, спелиот или даже сильвар с нифеидом.

— Но это невозможно.

Возражение вышло неуверенным. Я и сам не знал, зачем продолжал отрицать очевидное. В глубине души я ведь и сам уже понял, что мой отец был кем угодно, но не мерфолком.

— Строки «Песни» гласят: *«Да простоит сей барьер до самого конца мира. И да не пропустит наверх ни тебя, ни детей твоих, мерфолков»*. Это не просто красивые слова — Запрет в самом деле звучит так. Заметьте, молодой господин, здесь нет ни слова о том, что жители Верхнего континента не могут спускаться в Сафирею.

Ирвинг вскочил на ноги, видимо, больше не в силах спокойно усидеть на месте, и принялся ходить кругами по небольшому незахламлённому пространству перед кроватью.

— Конечно, лучшие умы Альберры давно пришли к тому же выводу. Вы, наверное, не знаете, но раньше в Сафирею дважды в год король отправлял дипломатические миссии ради налаживания торговых отношений и укрепления дружбы, — последнее слово магус ядовито процедил сквозь сжатые зубы. — Порталы открывали пространственные маги. Без-

условно, мало кто об этом знал: в Сафирее лишь Слышащие и Сенат были удостоены такой чести.

— Немыслимо, — пробормотал я, с трудом переваривая услышанное.

— Последние тероланские дипломаты посетили Сафирею почти двадцать лет назад. Тогда разразился невероятный скандал, после которого мерфолки разорвали все отношения с наземниками, обещая казнить любого, кто посмеет явиться в Глубины без приглашения. И вы, молодой господин, сыграли в этом далеко не последнюю роль.

— Я?!

Секунду-другую я непонимающе смотрел на магуса, а затем разразился смехом. Он показался чужим, настолько не подходящим мне, что я решил, что это на самом деле Ольвидус хохочет. Но бог не вмешивался в наш разговор с того самого момента, как отдал Ирвингу последний приказ. Отсмеявшись, я вновь посмотрел на магуса — его губы не тронула даже тень улыбки. Мужчина выглядел так, словно именно такой реакции от меня и ожидал.

— Боюсь, вы ошибаетесь, магус. Я тогда ещё не родился — только в начале Звенящего льда мне исполнилось девятнадцать. К тому же, посудите сами, я обычный парень из трущоб…

— Чья мать-Слышащая нарушила обет верности Владыке, зачав дитя от одного из альвийских послов.

Меня словно огрели по голове чем-то тяжёлым, и после

первого удара не остановились. Голова гудела, как сигнальный колокол. Смеяться больше не хотелось.

— Вы ошибаетесь, — ошарашенно возразил я, не понимая до конца, кого пытаюсь в этом убедить — Ирвинга или самого себя.

— Вы часто болели в детстве, — твёрдо и уверенно начал магус, а мой желудок сжался от нехорошего предчувствия. — Чем-то странным, верно? Чем не страдают другие дети Глубин.

Он был пугающе прав. До шести лет я безвылазно сидел дома. Я родился с настолько неразвитыми жабрами, что любой выход на улицу мог стать для меня последним. Виданное ли дело — утонувший мерфолк? Только благодаря упорству моей матери и чудодейственным лекарствам, которые она неведомо где брала, к шести годам мои жабры окрепли достаточно, чтобы я мог жить и дышать как все нормальные дети.

— Ваш глаз, — безжалостно продолжал магус, протянув дрожащие пальцы к моему лицу, но, к счастью, так и не коснувшись. — Молодой господин и сам уже должен был догадаться, что такой цвет бывает лишь у знатных старших альвов, потомков Бриллаара. И, наконец, ваша магия…

Ирвинг поднял свою покалеченную руку. Густая графитовая стена встала между нами. Я не мог отвести взгляда от танцующих в ней серебряных и золотых искр, а магус продолжал говорить, безжалостно закапывая меня в неприятной

правде:

— Подобный цвет — проклятие всех магусов-полукровок. Вечное напоминание о том, что по законам самого мироздания нас не должно существовать. Золото старших альвов и серебро мерфолков. Смешение крови непримиримых врагов. Мне не надо видеть, чтобы знать наверняка, что ваш поток выглядит точно так же.

— Получается, вы тоже…

— Я никогда не бывал в Сафирее. — Магус отозвал поток, крепко сжав кулак. — Моя мать была пространственным магом, членом дипломатической делегации. Она не была талантливой, зато обладала даром драйда. Вы знаете, кто такие драйды, молодой господин?

Я кивнул. Многие считают, что магия уже сама по себе великий дар. Но лишь те, кто достиг определённых высот в магическом искусстве, знали наверняка, что никогда не смогут сравниться с драйдами. Это особое умение проявлялось в магах с рождения и было невероятно редким. Драйды чувствовали естественные потоки, пронизывающие Альберру. Конечно, можно было научиться слышать потоки, как Янир, или улавливать их запах, как это делал я, но это работало только с магией поблизости. Драйды же точно знали расположение всех существующих в мире потоков, знали, откуда можно черпать силу, не боясь истощить источник и тем самым нанести непоправимый вред окружению. Они могли предсказать, где скоро возникнет новая потоковая линия, а

какая изменит своё течение, предрекая скорые природные катастрофы.

Обладая таким талантом и знаниями, драйды могли бы править Альберрой, но так вышло, что избыток силы в этих магах уравновешивался мягким характером и удивительной осознанностью. Процветающий в эру Изобилия орден драйдов хранил нейтралитет: они не вмешивались ни в политику, ни в дела смертных и богов, но поддерживали баланс в мире, не требуя ничего взамен.

К сожалению, эта позиция не спасла их. В эру Раскола орден постигла та же участь, что и многих других в те времена — они были уничтожены. Однако гибель стольких хранителей равновесия не прошла для всего сущего незамеченной. Землетрясения, наводнения, ураганы — вот лишь малая часть того, чем ознаменовался конец Божественной войны и самих драйдов.

— Признаться, я удивлён. Немногие знают о драйдах, считая их не более чем легендой. — Магус одобрительно кивнул. — Что ж, тогда вы понимаете, что это открыло для моей матери двери Академии Гланлиморина. Боюсь, без дара она бы не смогла сдать даже вступительный экзамен. Она стремительно добилась высокого положения и признания, и так же быстро лишилась всего, встретив во время одной из миссий моего отца, верного священника Владыки. В Теролану она вернулась нехотя, пообещав себе и возлюбленному отыскать способ воссоединиться в будущем.

Ирвинг немного помолчал, глядя куда-то мимо меня, а затем продолжил:

— Через месяц после возвращения моя мать поняла, что ждёт ребёнка. Тогда она сбежала, оставив свою службу в Академии. Я родился здесь, в роще. До конца своих дней мать пыталась найти способ перенести отца к нам, но, как я уже говорил, она была не очень талантливым магом. Всё, на что она оказалась способна, это открывать пространственные окна, чтобы я мог общаться с отцом.

Я почувствовал жалость к магусу. Что лучше: никогда не знать своего отца, как я, или знать, но не иметь возможности быть рядом?

— Именно отец познакомил меня с культурой моей подводной родины, а когда мне было девятнадцать лет, столько же, сколько вам сейчас, молодой господин, я впервые услышал «Песнь о Девяти».

Магус перестал метаться и рухнул передо мной на колени. Жалость моя тут же испарилась. Я отшатнулся от него, а кожа моя покрылась огромными мурашками. Ирвинг вдруг ясно напомнил мне Корделию, и я с трудом подавил в себе отвращение.

— Когда-то отец считал, что обещанный ребёнок — это я. Он убедил в этом и мою мать, и меня, но он лишь выдавал желаемое за действительное. Легенда совершенно ясно гласит, что Либерцис родится в Сафирее и принесёт с собой на Поверхность волю Владыки. То есть *это*.

Ирвинг протянул мне Гребень. Миг — и реликвия снова у меня в руках. Я совершенно не запомнил, как взял её. Стекло жгло ладонь, точно раскалённое железо.

— Сто двадцать лет назад, когда мне было чуть больше тридцати, сама Прима почтила меня своим визитом. Магусы Сафиреи открыли для неё пространственное окно, и она принесла для меня Слово Ольвидуса, — Ирвинг перешёл на сбивчивый шёпот. — Она возложила на меня особую миссию: приказала готовиться к возвращению Владыки и вашему, молодой господин, прибытию. И я исполнил свой долг. Я собрал здесь талантливых юношей и девушек, многих из которых обучил сам. Они станут верными спутниками молодого господина в путешествии к Мерцающей горе.

Я поймал себя на глупом кивании в такт словам магуса. Когда до меня наконец дошёл смысл его слов, я переспросил:

— Куда?

— К Мерцающей горе. Это в Тенистых лесах. Прима…

— Постойте! — Я грубо перебил Ирвинга. — Зачем?

— Туда следует отнести Гребень. Прима дала совершенно ясные инструкции…

Мой мозг совершенно отказывался работать. Но одно я, к счастью, понял: отпускать домой меня не собирались. Магус настаивал, что я должен отнести треклятую реликвию на другой конец континента. Вексов бессмертный обманул меня!

— Нет!

Я вскочил на ноги и, обогнув магуса, встал поближе к выходу из пещеры.

— Простите? — Ирвинг выглядел ошеломлённым. Он тоже поднялся и неуверенно протянул ко мне руку, словно в попытке удержать. Видимо, мужчина даже помыслить не мог, что я откажусь.

— Уговор был другой! — закричал я, обращаясь к Ольвидусу. — Слышишь, рогатый? Я должен был отнести твою стекляшку магусу — и я сделал это! Выполняй свою часть сделки!

Смертельно бледный магус выпучил глаза, хватая ртом воздух, как выброшенная из воды рыба.

— Это… это…

«Оставь, — усмехнулся Ольвидус. — *У парня есть характер. Отступи и сделай то, что должно».*

Слова бессмертного странным образом несколько успокоили магуса. Ирвинг взял себя в руки и пристально посмотрел на меня.

— Чего же желает молодой господин?

— Я хочу вернуться домой.

— Боюсь, я не понимаю, — Ирвинг натянуто улыбнулся. — Насколько мне известно, в Сафирее у вас нет ни родных, ни друзей. Так зачем же вы так стремитесь назад?

Мне не понравилась сквозящая в его тоне снисходительность, как и его осведомлённость о моей жизни, но я проглотил замечание. Как бы ни было отвратительно признавать,

но магус прав. У меня не осталось никого и ничего, кроме старой хижины в трущобах.

Я вспомнил тесноту родных стен, и в горле тут же встал ком. Я и не представлял, как сильно скучал по дому: по знакомым улочкам, неприветливым соседям, даже по мутному блеску защитного купола вдалеке. Мне хотелось вновь заявиться в убежище Корифенов, повздорить с Горцениусом, а затем улизнуть через тайный лаз в Хребте в Средний город. Миновать купеческие кварталы, тропу на храм Слышащих и Хрустальную площадь, погулять по кварталу знати, одним своим присутствием бросая вызов их безопасности, а затем тем же путём вернуться в свою хижину, мимоходом стащив что-нибудь ценное с прилавка на рынке.

К тому же, несмотря на то, что пару дней назад сказал Ольвидусу, я не думал, что Уннур в самом деле забыла про меня. Напротив, во мне укоренилась уверенность, что хозяйка не прекращала мои поиски. Ради меня самого или ради того, чтобы заполучить реликвию — сейчас не столь важно.

— Вас это не касается, — выдавил я. — Уговор с Ольвидусом был такой: я приношу Гребень вам, и вы отправляете меня домой. У меня нет никакого желания и дальше носить эту штуку с собой, а тем более тащить её векс знает куда.

Не желая подходить ближе, я кинул реликвию магусу.

— Я услышал вас, молодой господин. — Ирвинг смиренно поклонился и, не поднимая головы, попросил: — Завтра мы с учениками организуем всё для вашего возвращения. А

теперь позвольте проводить вас к месту отдыха.

— Не стоит, — я выставил перед собой руки, останавливая Ирвинга. На меня вдруг навалилась усталость, даже стоять было тяжело. Я отчаянно желал побыть в одиночестве. — Я помню дорогу.

Не попрощавшись, я отвернулся от него и отправился прочь. Сегодня мне открылось многое, но радости не принесло. По правде сказать, я бы предпочёл забыть всё, что произошло с момента нашей с Ирвингом встречи.

* * *

Плетевики, кровоеды, призрачные клещи, симбионты — под водой встречается множество паразитов, и большая часть мерфолков за свою жизнь сталкивается хотя бы с одним из них.

Говорят, когда паразит покидает тело хозяина, последний чувствует облегчение, можно сказать, начинает заново жить. Я же, вопреки здравому смыслу, сейчас чувствовал лишь неприятную пустоту. За месяц с лишним я так привык к постоянному присутствию бессмертного, что не мог даже толком порадоваться, что не будет больше никакой головной боли, наказаний, упрёков и унижения.

Выйдя из пещеры, я попытался позвать Ольвидуса — раз, второй, третий, но он так и не откликнулся. На последующие попытки я махнул рукой и признался себе, что наша совместная история подошла к концу, и я сам завершил её, отказавшись нести Гребень в Тенистые леса. Я знал, что сделал пра-

вильный выбор. Но понимание его правильности никак не помогало избавиться от странной внутренней пустоты.

За размышлениями я далеко не сразу понял, что заблудился. На рощу опустились сумерки. Всё казалось одинаковым, и вскоре мне начало казаться, что я хожу кругами, но спустя какое-то время в пейзаже хоть что-то поменялось. Я вышел к поляне, окружённой длинными стоячими камнями, поверхность которых была покрыта узорами, и время от времени они вспыхивали тёмно-фиолетовым светом. От этого места веяло холодом, как от мертвеца. Я уже собирался уйти и поискать дорогу к домам в другом направлении, когда услышал знакомый голос.

— Заблудился?

— Бесповоротно, — тихо ответил я.

— Тебе не следует находиться здесь. — Селмор неслышно подошла и остановилась рядом со мной. Наши плечи случайно соприкоснулись. Всего на мгновение, но этого оказалось достаточно, чтобы я напрягся, как натянутая струна.

— Почему? — хрипло спросил я.

— Это место силы. Когда-то давно именно здесь драйды восстанавливали баланс мировых потоков. Чем сильнее волнения и сбои, тем ярче и чаще вспыхивают символы. Так говорила моя прабабушка. Она была драйдой, знаешь?

— Да, Ирвинг сказал мне, — пробормотал я. Упоминание мужчины моментально испортило мне настроение, но я постарался сохранить лицо и не выдать его внучке, что ушлый

магус мне совершенно не понравился.

— Иногда мне кажется, что дед унаследовал дар, только не признаётся в этом. — Селмор усмехнулась. — Слишком он умелый. В нашей семье вообще все маги очень способные.

— А ты?

Селмор посмотрела на меня так, словно я ударил её, и я тут же пожалел, что вообще умею говорить.

— Я не владею магией, — бесцветно отозвалась девушка.

— Моя подруга альва, и она тоже не владеет магией, — поспешил рассказать я, надеясь сгладить вдруг возникшую между нами неловкость. — Зато она невероятно смелая, а с мечом управляется так, как мне в жизни не научиться. А ты… Там, на арене, ты была просто невероятной. — Последнее слово я произнёс одними губами, не справившись с накатившим стыдом.

— А что ещё остаётся, если не можешь оправдать ожидания своих близких? — Селмор подняла кулак: кисть девушки была туго обмотана бинтами, а на костяшках светло-голубыми пятнами пестрела кровь. — Что ещё остаётся, если каждый день видишь разочарование в глазах своих родителей-магов, потому что родилась не такой? И я, и твоя подруга, мы сделали свой выбор. Мы предпочли научиться сражаться, лишь бы не быть отбросами в собственных семьях.

— И как? У тебя получилось убедить родителей? — спросил я, вспоминая отца Альрун и его непоколебимую уверенность, что альв без магии — величайшая ошибка природы.

— Меч никогда не заменит магию. Только не в глазах тех, кто владеет ею. — Селмор звонко усмехнулась и хрустнула шеей. — Но да, оно того стоило.

Мы ещё немного постояли рядом, молча глядя, как последние лучи Кира исчезают, поглощаемые холодным серебром Киры. Мы стояли так до тех пор, пока последнее тепло не растворилось в первом прохладном дуновении ветра.

— Идём, я отведу тебя к остальным.

Я согласно кивнул. Но не успели мы выйти из круга, как рядом послышались чьи-то шаги. Побледнев, Селмор схватила меня за руку и дёрнула в сторону одного из менгиров. Обогнув его, девушка толкнула меня к камню и жестом велела молчать.

Меня тут же перестало интересовать, кто пожаловал на поляну и почему мы прячемся. Каменная поверхность холодила спину, но совершенно не помогала от охватившего меня жара. От кожи Селмор и её пушистых волос пахло саницеей[1] и яблоками. Я не слышал ничего, кроме частого, чуть поверхностного дыхания девушки и своего бешено колотящегося сердца. Я и сам не заметил, как мои руки переместились на её гибкую спину.

Девушка была полностью сосредоточена на наших незваных гостях. Она прислушивалась к чужому разговору, который я не мог разобрать из-за рёва крови в ушах. Я залюбовался перламутровым переливом светлых чешуек на щеках

[1] Саницея пахнет морской солью и мятой.

и лбу и трепетанием её длинных ресниц.

Селмор вдруг подалась вперёд, вжимаясь в меня всем телом. Я инстинктивно скользнул руками вниз, сжав её талию, и рвано выдохнул. Девушка медленно подняла голову и посмотрела на меня глазами цвета морской волны.

— Мирай.

Это было похоже на резкое пробуждение среди ночи. Меня словно окунули в кипяток и тут же швырнули в ледяное озеро. Селмор застыла. Я почувствовал вкус крови во рту и понял, что прикусил язык, но было поздно — проклятое имя уже сорвалось с моих губ.

Я разжал пальцы и очень осторожно отстранил от себя девушку. Лицо Селмор помрачнело, а в глазах застыло сожаление. Я был уверен — в моих собственных она видела то же самое. Я правда сожалел, только не мог понять, о чём именно: что всё испортил, назвав её чужим именем, или что передо мной сейчас стояла не Мирай.

Чтобы отвлечься, я прислушался к разговору на поляне, но сразу же понял, что лучше бы этого не делал.

— Ты только обещаешь! — Капризный голос явно принадлежал молодой девушке.

— Разве я хоть раз подводил тебя, любовь моя? — Тон её собеседника был настолько приторным, что у меня заныли зубы. — Но я не могу действовать при стольких свидетелях. Прошу, потерпи немного.

— Не хочу больше ждать! — не унималась девушка. — Я

хочу получить её сегодня же!

— Этрия, дорогая, — голос мужчины стал более вкрадчивым, — мне необходимо продумать, как не вызвать подозрений ни у учителя, ни у этих людишек. Они стоят друг за друга горой. Боюсь, даже дед не спасёт нас, если они обо всём узнают.

Послышались шорох и звонкое хихиканье девушки. Селмор скривилась в отвращении. Судя по позеленевшему лицу, девушка едва сдерживала тошноту.

— Всего два дня, любовь моя, и обещаю, я преподнесу тебе голову стихоплёта в качестве подарка на нашу годовщину.

От услышанного волосы у меня на затылке встали дыбом. Не думая, что я делаю, я шагнул вперёд. Под ногой, как назло, что-то громко хрустнуло. Смех на поляне тут же стих.

— Кто здесь?

Селмор смерила меня не предвещающим ничего хорошего взглядом и, погрозив кулаком, вышла из-за камня.

— Привет, безмозглая!

— А, это ты, убогая. — Неприкрытое презрение незнакомки заставило меня поёжиться. — Что ты здесь делаешь?

Любопытство победило. Я осторожно выглянул из-за камня, и это стало очередной ошибкой. Девушка, стоящая напротив Селмор, выглядела настолько ослепительно, что у меня перехватило дыхание от восхищения.

Всё в ней было идеально, от прямого аккуратного носа до нежно-розовых губ. Незнакомка тряхнула густыми волосами

цвета закатного солнца и смерила Селмор надменным взглядом своих больших серых глаз. Брюки и рубашка с корсетом, сидящие на ней словно вторая кожа и выгодно подчёркивающие все достоинства её фигуры, совершенно не помогали моему самообладанию.

Я решил, что мне очень повезло, что её спутник облачён в скрывающую фигуру и лицо мантию, и я не мог как следует его разглядеть. Голос, что я слышал ранее, мог принадлежать только неземному красавцу. Боюсь, второго такого зрелища меньше чем за пару минут я бы просто не пережил.

— Да так, прогуливалась и почувствовала вонь. Пошла посмотреть, что это так смердит, а тут вы, — небрежно бросила Селмор.

— Зависть не доведёт тебя до добра, — произнёс незнакомец. Я поразился перемене: если с красавицей он разговаривал мягко и нежно, то теперь, когда у их разговора появился свидетель, его голос стал безжизненным и лишённым всяких эмоций, точно остро заточенный клинок. — Она пятнает твою душу.

— О да, — Селмор громко фыркнула. — Уж ты-то в этом разбираешься лучше всех. Ты точно знаешь всё о сохранении души в чистоте, Талмар.

— Идём отсюда. — Девушка прошла мимо Селмор, сильно и явно намеренно задев её плечом. — Не знаю, сколько ты успела подслушать, но держи свой язык за зубами, поняла?

Селмор не ответила. Незнакомка хмыкнула и, изящным

движением откинув волосы за спину, в сопровождении незнакомца в мантии пошла дальше. Я выбежал из укрытия, как только они скрылись в чаще.

— Это…

— Я отведу тебя к остальным.

— Но…

— Помолчи немного, — попросила Селмор.

Мне пришлось послушаться. Одного взгляда на девушку хватило, чтобы понять, насколько непростой для неё была эта встреча.

— Просто… дай мне выдохнуть. Я всё тебе расскажу чуть позже.

Мы не разговаривали всю дорогу до исполинских деревьев. Любопытство и тревога снедали меня, но просьба девушки заставляла сжать зубы покрепче и молчать. Но вот мы поднялись по винтовой лестнице внутри ствола, миновали множество маленьких хижин и ступили на заросший зеленью мост, чтобы перебраться на другую платформу, а Селмор так ни разу и не посмотрела на меня. Я понимал, что скоро мы будем на месте, и девушка найдёт повод, чтобы ускользнуть, поэтому набрал в грудь побольше воздуха, чтобы всё-таки расспросить её о незнакомцах, но внезапно Селмор остановилась и повернулась ко мне. От резкого движения мост под нами закачался из стороны в сторону, и я схватился за канат, чтобы не свалиться вниз.

— Мирай. Кто это?

— Это… — Я замялся.

У меня и самого не было однозначного ответа. Кто такая Мирай? Моя лучшая подруга? Родственная душа? Девушка, которая стала для меня всем, заставила полюбить мою никчёмную жизнь, а затем растоптала моё сердце?

— Моя старая знакомая. Из Сафиреи, — наконец произнёс я. Это не было ложью — лишь малой частью правды. — Ты очень на неё похожа.

— Я похожа на твою старую знакомую, — эхом повторила девушка.

— Да.

— Из Сафиреи.

— Ага.

Селмор сложила руки на груди и приподняла бровь. Я почувствовал себя полным дураком.

— Прости, — на всякий случай извинился я.

— За что ты просишь прощения? — фыркнула она. — Я не слепая. Кем бы ни была эта девушка, для тебя она не просто старая знакомая.

— О чём это ты?

— О том, что произошло у менгиров. На старых знакомых так не смотрят.

Я промолчал, выдержав испытующий взгляд девушки. Селмор довольно улыбнулась.

— К слову о менгирах. Надеюсь, ты не дурак и понял, о ком говорили те двое. Я хочу помочь тебе сохранить голову

этого пустозвона на его плечах.

— Зачем? — поинтересовался я. — Мне показалось, что он тебе не по душе.

— Ты прав, твой бард меня бесит. Честно сказать, я бы и сама его прибила, если бы не знала, что это доставит удовольствие моей сестре. А я не желаю, чтобы ей было хорошо.

— Твоей сестре?

— Ага. Этрия, моя сестра. Та стерва, на которую ты недавно слюни пускал.

— Ничего я не пускал слюни, — обиделся я. Подумаешь, засмотрелся. Да и какой бы нормальный мужчина не засмотрелся на такую красотку? — Вы совсем не похожи, — ляпнул я.

Я решил, что если Селмор проглотила сравнение с Мирай, то тут-то точно обидится, но не угадал.

— Благодарю! — Девушка широко улыбнулась, будто я только что сказал нечто необычайно приятное.

— Ладно. Допустим, ты хочешь помочь. Но я не понимаю, как вообще связаны Янир и твоя сестра.

— Я уже говорила, что у твоего барда острый язык? Однажды он умудрился оскорбить мою сестричку, да так, что она второй год мечтает смыть позор его кровью.

— Что он такого натворил? — Я устало вздохнул, предвкушая очередную невероятную историю, и пожалел, что мы всё ещё стоим на мосту и тут совершенно негде присесть.

— На самом деле ничего особенного. Твой бард однажды

пел в одном из постоялых дворов Фиаран'аира, и Этрия попала на его выступление. Он ей очень понравился, так что за ужином эта дура уселась за его стол и попросила дать ей частные уроки игры на его балалайке. Догадываешься, что ответил твой бард?

Я покачал головой. Нет, не потому, что не догадывался — напротив, вариантов было так много, что голова шла кругом. Янир мог выкинуть что угодно.

— Он засмеялся и отказал. Первый мужчина, который сделал это. Немыслимо для моей сестрички: она-то считает, что весь мир ей обязан просто за то, что она есть. Умная девушка тут бы отступила, но не Этрия. Она решила очаровать его с помощью магии. Только — вот сюрприз! — бард и сам оказался чаровником. В общем, он легко подавил её магию, прочитал десятиминутную лекцию о её ошибках, а в конце сказал, что от цвета её волос у него рябит в глазах, кинул на стол монету и ушёл.

Я закрыл лицо ладонью. Как это похоже на Янира! Лишь одно меня удивляло: как тот, кто свой внешний вид и поступки оправдывает желанием понравится девушкам, мог отказать такой красотке?

— С тех пор Этрия стала одержима местью. Правда, в открытом бою толку от неё никакого, может только исподтишка гадить. — Селмор скривилась. — В общем, сестра, конечно, сумасшедшая стерва, но в одиночку безвредная. Кого действительно стоит опасаться, так это её жениха Талмара.

Тот за любой косой взгляд на свою безмозглую невесту может убить. Так что вот мой тебе совет: заметишь этого жуткого типа — попробуй заморозить его, хватай барда и беги как можно дальше. Вам с ним не справиться.

— Благодарю тебя, — пробормотал я, вдруг вспомнив кое-что очень важное, — но, боюсь, предупредить стоило кого-то другого. Меня, — я замялся и сглотнул ком в горле, — очень скоро здесь не будет. Я возвращаюсь домой.

— Что ж, — Селмор грустно улыбнулась, — значит, придётся тебе успеть передать это тем, кто останется. Тебе нужен второй дом слева, а мне пора.

Девушка обогнула меня, на прощание невесомо коснувшись моей ладони. Когда я обернулся, на мосту уже никого не было. Я остался один.

* * *

В хижине было темно, лишь одиноко горела свеча в центре комнаты. В квадрате окна я увидел силуэт сидящего на подоконнике барда. Он обернулся на тихий скрип двери, и порыв ветра взъерошил его длинные волосы.

— С возвращением, — произнёс Янир.

— Привет, — ответил я, подходя ближе.

Из окна был виден путь к поляне, где мы встретились с другими Вейнарменнир. Прошло всего полдня, но у меня было ощущение, что с того момента минула по меньшей мере неделя. Усталость навалилась на мои плечи каменным одеялом. Я поставил руки рядом с Яниром, глубоко вдыхая

ночную свежесть Талаин-на-Драйде.

Хижина погрузилась в уютную тишину, нарушаемую только стрекотом сверчков. Я немного повернул голову, вглядываясь в профиль барда. Янир выглядел необычайно серьёзным. На меня вдруг накатил жгучий стыд. Я понадеялся, что бард не станет интересоваться, где я пробыл столько времени и чем занимался. Мне не хотелось. чтобы он узнал о том, что произошло у менгиров, и вовсе не из-за Талмара и Этрии.

— Каким ты видишь своё будущее, Кайриус? — внезапно спросил Янир.

— Я…

Вопрос застал меня врасплох — не столько потому, что он прозвучал как гром среди ясного неба, сколько потому, что я не знал, как на него ответить.

Я никогда не думал наперёд. В моей жизни не было никакого завтра — только сегодня. Я был слишком занят тем, чтобы прожить очередной безрадостный день, и предаваться глупым мечтаниям было для меня пустой тратой времени. Даже проход через Пелену и путешествие по Теролане ничего не изменило. У меня была цель — найти Ирвинга, отдать ему Гребень и со спокойной душой отправиться домой. Остался всего один, последний пункт, но… Что дальше?

«В Сафирее у вас нет ни родных, ни друзей. Так зачем же вы так стремитесь назад?»

Я не знал. Ничего не знал наверняка, кроме одного —

здесь мне не место. Янир, Альрун, остальные Вейнарменнир — все они были добры ко мне, но я всё ещё оставался чужаком. Я оставался монстром из их сказок, и по этой причине должен уйти. А о том, что будет, когда я вернусь в Сафирею, я подумаю потом.

— Я никогда не думал об этом.

Бард кивнул, скорее своим мыслям, чем удовлетворённый моим ответом.

— Знаешь, я никогда не использую чары, когда выступаю на сцене. Это кажется мне нечестным. Я хочу, чтобы однажды моя магия и лютня разделились навсегда. Чтобы Мэрит перестала быть оружием и стала тем, чем она и должна быть — спасением и вдохновением для сотен душ, что услышат мою музыку.

Янир вдруг перекинул ноги через подоконник. Под его ногами было по крайней мере девять метров пустоты. Одно неверное движение — и он сорвётся вниз. Я протянул руки и обхватил плечи барда, готовый удержать его от падения. Или упасть вместе с ним.

— Такие, как я, никогда не участвовали в сражениях. Взяв в руки меч, бард перестаёт быть бардом. В эру Раскола сказители сжигали свои инструменты, потому что знали, что погибнут, а если каким-то чудом выживали в битве, то больше не могли сложить ни одной песни. Но я не собираюсь повторять их судьбу! — В каком-то странном возбуждении Янир качнулся вперёд, и я обнял его сильнее. — Нельзя написать

хоть сколько-нибудь правдоподобную легенду о событиях, в которых не участвовал сам, как нельзя описать то, чего не видел своими глазами. Я собираюсь пройти каждую битву рядом со своими братьями и рассказать об этом миру.

— Ты мог бы просто присоединиться к Элементалям, — тихо сказал я. Одна только мысль о том, что бард собирается лезть в самую гущу заведомо самоубийственной авантюры, заставила меня покрыться холодным потом. Мне захотелось стащить Янира с этого вексова подоконника и запереть где-нибудь, пока опасность не минует нас.

— Они популярны и любимы народом, это правда. Они превосходные музыканты и верные друзья, но… — Янир ненадолго замолчал, подбирая слова. — Это подарит мне славу, но так же быстро меня забудут как *меня*, и будут помнить только как часть труппы. А я мечтаю стать таким, как Энгир Фьердланги — бардом, о котором другие сказители однажды сложат легенды.

Янир рассмеялся и, скинув с себя мои руки, вернулся в комнату. Поднявшись, он, по-прежнему не глядя на меня, направился к кровати, по пути затушив свечу.

— Я собираюсь жить достаточно долго, чтобы услышать их самому. И надеюсь, что и ты будешь где-нибудь неподалёку, чтобы разделить мой триумф.

Я так и остался стоять у подоконника. Какое-то время ещё слышался шорох одеял, но вскоре прекратился. Стихли даже стрекот насекомых и шелест листвы за окном. Я смотрел, как

медленно гаснут и вспыхивают далеко внизу светляки, и был готов ударить себя за трусость.

Я так и не предупредил его о грозящей ему опасности.

Я так и не смог признаться, что завтра возвращаюсь домой.

* * *

— В женскую повозку.

Я не мог ни пошевелиться, ни открыть глаза, даже дышать было тяжело. Но я чувствовал всё, что со мной происходит.

— Нашли. Источник не тронут, но рядом обнаружили чью-то лабораторию. А символы на менгирах ведут себя нестабильно. Нужна проверка.

Не помню, сколько ещё я просидел у открытого окна, бездумно рассматривая ночной пейзаж. Не помнил я и момента, когда лёг спать.

— Доложите командующему фианэаров[1], пусть выделит своих альвов для изучения.

Только когда кто-то, видимо устав тащить живой груз по бесконечной винтовой лестнице, уронил меня, и я пролетел по меньшей мере десяток ступеней, в конце неудачно приземлившись на обожжённую руку, я с ужасом понял, что не сплю.

---

[1] Фианэар (альв.) - подразделение магов поддержки королевской гвардии, в которое входят целители, пространственные маги, защитники и прочие. Другое подразделение носит название Гаэльфаар, и в него входят маги атаки.

— Нашли криоманта[1], командир.

— Хорошая работа. Тисиновые[1] кандалы на него.

Холодный металл сомкнулся на моих запястьях. Силы тут же начали покидать меня, медленно, но неотвратимо, как вода вытекает из разбитого кувшина.

— Проверка завершена, командир. Больше никого не осталось.

— Хорошо. Бросьте этого к остальным и выступаем.

За мной с оглушительным стуком захлопнулась дверь. Я не знал ни куда меня везут, ни что меня ждёт, но одно я знал наверняка — завтра я домой не вернусь.

---

[1] Маг, управляющий льдом.

[1] Металл, подавляющий магию.

Глава 18 (Альрун). Семья.

— Ступать строго друг за другом. Когда я прикажу — опуститесь на колени. Взгляд без разрешения не поднимать, иначе ваши поганые головы полетят с плеч быстрее, чем вы успеете помолиться своему богу-дикарю!

Я плелась прямо за Свартой. Её кудри потускнели и поникли, как нельзя лучше описывая моё состояние. За моей спиной послышался глухой звук удара и тихий всхлип, но я не посмела обернуться и решительно отогнала предположение о том, кто это мог быть.

Всё равно сейчас я ничем никому не помогу.

Путешествие продлилось неделю и выдалось на редкость унылым. На второй день, когда заклинания королевских магов стали слабее и я смогла открыть глаза, то сразу же сообразила, куда нас везут. И это совсем меня не обрадовало.

Мне бы хотелось вытащить воспоминания о долгих часах в душной повозке из своей памяти и швырнуть в жаркий погребальный костёр. Хотелось забыть тихие стоны страдающей от боли Грай, безжизненный взгляд Хильде и непрекращающуюся дрожь Селмор, которая, как оказалось, боялась замкнутых пространств. Мне хотелось забыть, как один раз в день нас под конвоем отводили к походным нужникам и бадьям с ледяной водой для омывания. Нет, гвардейцы не беспокоились о нашем удобстве — просто не желали, чтобы ка-

кая-нибудь столичная благородная рожа оскорбилась от нашего запаха.

А вот себя приводить в порядок альвы не спешили. Это чтобы король и придворные увидели, как нелегко им пришлось, решила я. Нападение на «Струну» и правда не прошло для гвардейцев бесследно, и я с нетерпением ждала, когда их наконец настигнет кара. Заклятие обязательно возьмёт своё. Так сказал Фрост, и сейчас я как никогда хотела, чтобы лучник оказался прав.

Один раз я мельком видела Кайриуса, когда его выволокли из другой повозки. Выглядел мерфолк паршиво: бледнее, чем обычно, да и стоять самостоятельно, без поддерживающих его с двух сторон золотых доспехов, явно не мог. Я заметила кандалы, которые только чудом не соскальзывали с тощих запястий, и по характерному зелёному отливу поняла, что они выкованы из тисина.

Алистиан рассказывал, что некоторые преподаватели в Академии просто обожали использовать тисин в качестве наказания для провинившихся студентов. Этот металл блокировал потоковые каналы и вытягивал силу из носителя, а при длительном ношении мог навсегда лишить возможности творить магию. Я могла только надеяться, что Кайриус окажется достаточно крепким, чтобы выдержать это испытание.

— Стоять! Повернуться направо! На колени!

Ноги всё ещё плохо слушались — ничего необычного после нескольких часов без движения, — но, похоже, сопро-

вождающему нас бравому гвардейцу показалось, что я недостаточно расторопна, так что он с силой надавил на моё плечо. Острый гравий больно впился в колени, вдавливая крепкую эмвиановую ткань в кожу, но я только крепче стиснула зубы. Вы от меня, твари, ни звука не услышите.

Отовсюду доносились взволнованные перешёптывания придворных. Они звучали как рой копошащихся в навозе мух: громко и донельзя довольно.

Очень раздражающе.

— Приветствуйте Его Величество Аэрона Гвилиэна ан Аквилана, первого своего имени, короля Гланлиморина и Индар Ганхилан[1]!

Меня передёрнуло. Не знаю, что казалось более диким: что король лично явился посмотреть на мятежников и из этого устроили целое представление с фанфарами, а не просто бросили всех в темницу дожидаться казни, или что герольд объявил прибытие короля на общем языке, чтобы люди точно понимали, кого им следует бояться.

Шепотки мгновенно стихли. В наступившей тишине был слышен лишь размеренный звук лёгких шагов, шуршащих по гравию.

Я сильнее сгорбилась и постаралась опустить голову как можно ниже в надежде, что дядя меня не узнает. Но фортуна, как обычно, отвернулась от меня.

Острые носки выбеленных ксантовых сапог остановились

[1] Альвийское название Ветреных равнин.

напротив. Тихий голос велел:

— Посмотри на меня.

Его невозможно было ослушаться. Солнце зависло прямо над головой альва, создавая впечатление, что яркий свет исходит от короны, но скрывая чужое лицо в тени. Я прищурилась, силясь рассмотреть его.

Стройный и горделивый, Аэрон ан Аквилана возвышался надо мной. Портреты, обязательно висящие в доме каждой знатной семьи Гланлиморина, сильно приукрашивали внешность короля. Лицо его выглядело как заготовка скульптора, которая так никогда и не стала завершённым изваянием: чётко очерченные скулы и линия челюсти, прямой нос с узкими ноздрями, тонкие бесцветные губы, похожие на трещину в камне, и приподнятые внешние уголки прищуренных глаз. Возможно, на каком-то другом лице и по отдельности эти черты могли бы смотреться привлекательно, но Его Величество они делали похожим на хищную птицу.

Аэрон ан Аквилана казался мне отталкивающим и неприятным. Под его подозрительным взглядом я почувствовала себя попавшим в силки кроликом.

Он наклонился. Король протянул руку и коснулся моего подбородка. Его тонкие пальцы были ледяными, и я напрягла всю свою волю, чтобы не скривиться. Двор замер в ожидании, боясь пропустить хоть одно оброненное королём слово.

— Назови своё имя, дитя.

— Альрун Маэла ан Фалькана. — Я выдохнула полное

имя, стараясь не отводить взгляд от пронзительно-золотых глаз, и, опомнившись, добавила: — Ваше Величество.

— Значит, мне не привиделось. — Уголок его губ дёрнулся. — Ты сестра анэстира.

Последнее не было вопросом, но я всё равно ответила:

— Да, Ваше Величество.

— Зариан! — позвал он, убирая руку от моего лица. — Немедленно сними с леди кандалы и помоги подняться.

Из строя тут же вышел альв в золотом доспехе. Я помнила его — именно этого воина другие гвардейцы называли командиром. Он обошёл меня, освободил от оков и галантно протянул руку, ожидая, что я приму помощь. Громко фыркнув, я демонстративно отвернулась от него и поднялась сама, отряхнув колени от пыли и мелких камешков. Веко Зариана дёрнулось, но он сумел совладать с собой и крепко сжал руку в кулак.

— Фианэар проверяли эту девушку?

— Фианэар проверяли всех, Ваше Величество!

— Тогда будь добр объяснить, почему дитя высокой крови стоит на коленях среди этих преступников, словно одна из них?

— Согласно приказу… — начал командир, но король не позволил ему оправдаться.

— Согласно приказу, вы должны были не только раскрыть мятежников, но и найти мою племянницу. — Аэрон ан Аквилана ни разу не повысил голос, но ему это было и не нуж-

но, чтобы все присутствующие почувствовали себя виноватыми. — Мой кузен с ног сбился, пытаясь отыскать пропавшую дочь, а вы заставили её провести столько времени в обществе похитителей?

Я замерла и посмотрела на острый профиль. Мир сузился до губ короля, бесконечно произносящих одно и то же слово.

Похитителей.

Что-то скользкое заворочалось в желудке.

Похитителей. Он назвал Вейнарменнир похитителями.

Похищение аристократа — преступление не менее тяжкое, чем мятеж. Но одно дело — отдать жизнь за правое дело, и совсем другое — за то, чего не совершал.

Мой взгляд заметался по двору. По фигурам моих друзей, стоящих на коленях. Даже если они и были озадачены словами короля так же, как я, то ничем этого не выдавали. Никто из них так и не осмелился поднять голову.

Никто, кроме него.

Ронар. Я судорожно втянула воздух, до боли впиваясь короткими ногтями в ладони. Мужчина был опутан цепями, которые из-за необычного цвета металла казались раскалёнными, а на его лице красовалось что-то вроде стального намордника.

Его зрачки превратились в едва заметные точки, а радужки покраснели. На лбу, прямо под линией роста волос, виднелись открытые раны, и кровь из них заливала лицо Медведя, текла по шее и пропитывала ворот порванной рубахи

и серебристую шкуру. Неизменный запах хвои и клюквы. Я бы многое отдала, чтобы вдохнуть его сейчас.

Наши взгляды встретились. Поставленный на колени, закованный в цепи, точно дикий зверь, он всё равно излучал уверенность и силу, которых так недоставало мне. Я не могла допустить, чтобы его заклеймили похитителем.

Я должна остановить это.

Не успев как следует подумать, я порывисто шагнула вперёд. Передо мной тут же вырос альв из личной стражи короля, преграждая путь.

— Я… Это… Ваше Величество! — Мысли путались. Я вцепилась в предплечье стражника, пытаясь оттолкнуть его руку. — Это ошибка! Это всё какая-то… Меня не похищали!

— Бедная девочка, — произнёс король и покачал головой. Он отвернулся от Зариана и жестом приказал своему стражнику отступить. — Я не знаю, что пришлось тебе пережить, но всё в прошлом. Теперь ты в безопасности, дитя.

— Нет же! — в отчаянии крикнула я. — Ваше Величество, выслушайте!..

— Я понимаю. Я всё понимаю, дитя.

Злость кольнула грудь, и это отрезвило настолько, что я тут же решилась на безумный шаг. Набрав в грудь побольше воздуха, я приготовилась выпалить признание об участии в мятеже. Но тут король стремительно приблизился ко мне и приобнял за плечи. Я ощущала ледяной холод его пальцев даже сквозь одежду.

Аэрон ан Аквилана склонился к моему уху и прошептал:

— Алистиан вёл себя странно в последнее время. Он стал скрытным и взял привычку подолгу пропадать за пределами дворца. Скажи, дорогая, уж не с этим ли глупым мятежом это связано?

Дядя немного отстранился, чтобы заглянуть мне в глаза. Ужас сковал моё тело. Король улыбался — искренне и жестоко. Я дёрнулась в сторону, но цепкие руки держали крепко.

— Он ничего не знает, — прошелестела я.

— Тогда умолкни и ступай за служанками, если не желаешь, чтобы я прямо сейчас при всех объявил твоего брата изменником.

Он говорил, едва размыкая губы. Уверена, издалека казалось, что он просто успокаивает племянницу, и сразу по окончании этого фарса вся столица будет восхищаться великодушием и отзывчивостью ан Аквилана.

Король ждал ответа. Силы разом покинули меня. Помедлив, я закрыла глаза и кивнула, стараясь не думать о том, что Ронар наблюдает за мной.

— Проводите тиру в гостевое крыло и пригласите целителя.

Аэрон ан Аквилана похлопал меня по плечу, и каждое прикосновение ощущалось как удар плетью.

* * *

— Семьдесят шесть. Семьдесят семь. Семьдесят восемь.

В дверь постучали — часто, нетерпеливо.

— Семьдесят девять… Кого там принесло?!

— Тира, ваш ужин! — прокричали из-за двери.

— Восемьдесят. Восемьдесят один. Заходи!

Раздался тихий скрип и шорох лёгкой обуви по паркету, но я не собиралась прерываться ради того, чтобы поприветствовать вошедшего.

— Восемьдесят два. Восемьдесят три. Тебе особое приглашение нужно?

— Ищу, как пройти к столу, тира.

Раздражённо выдохнув, я прекратила упражняться и, приподнявшись на локтях, оглянулась через плечо.

— Глаза разуй — вон же проход между кучей тряпок и… другой кучей тряпок.

— Может, позволите девушкам убраться, тира?

— О, ни в коем случае! — воскликнула я, поднимаясь на ноги и вытирая лоб рукавом. — Понимаешь ли, за время, проведённое у людей, мне так понравилось жить в грязи…

Мальчик громко фыркнул и, наконец добравшись до стола, водрузил на него тяжёлый поднос. От аромата жареного с приправами мяса рот тут же наполнился слюной, а желудок громко заурчал.

Перепрыгнув груды барахла, я села, согнув ногу в колене и поставив её на стул, и принялась за ужин. Мясо было горячим и сочным, свежие овощи приятно хрустели, а от печёного картофеля восхитительно пахло острым перцем, так что

на некоторое время я позволила себе забыться, наслаждаясь едой.

— Приятного аппетита, тира, — пожелал мальчик и, не дожидаясь, пока я его выгоню, вприпрыжку умчался из комнаты, не забыв громко хлопнуть дверью.

Выждав пару мгновений, я неторопливо вытерла руки и подбородок салфеткой и взялась за приборы. Нисса часто называла меня дикаркой, но вести себя в соответствии с представлениями альвов о людях оказалось сложнее, чем я думала.

Прошло уже пять дней с тех пор, как меня привели в эту комнату. Пять дней, как жизнь слуг гостевого крыла дворца моими стараниями превратилась в кошмар наяву.

После угрозы короля я позволила служанкам увести меня. Всю дорогу девушки подозрительно косились в мою сторону и старались держаться на расстоянии, но только войдя в комнату и взглянув в стоящее напротив кровати ростовое зеркало, я поняла, почему.

Несмотря на ежедневные ледяные ванны, приводить себя в порядок возможности ни у кого из нас не было, поэтому сейчас мои волосы представляли собой один большой колтун. Под глазами залегли глубокие, почти чёрные тени, расстёгнутая куртка являла миру несвежую и мятую рубаху, а шрам отчётливо краснел на бледной щеке, придавая мне вид устрашающий и неприветливый. В общем, глядя на это, я не сильно удивилась, что служанки тут же вызвали мальчи-

шек-помощников и приказали им натаскать воды в большую каменную купель, стоящую в дальнем углу покоев. Но вот настойчивость, с которой они уговаривали меня раздеться, заставила меня растеряться.

Аристократы считали подобное дурным тоном, но я, сколько себя помню, принимала ванну без посторонней помощи. Это было основное правило, которое беспрекословно соблюдала Нисса как моя единственная личная служанка и компаньонка. Я настолько к этому привыкла, что совершенно не задумывалась о том, как «надо». Конечно, я могла понять местных слуг и пойти навстречу, но мысль о том, чтобы сдаться, вызвала у меня приступ тошноты. Этого я делать точно не собиралась.

В самый разгар моего отчаянного сопротивления в комнату без стука вошёл пожилой альв. На его сухой шее покачивался изумруд размером с перепелиное яйцо в безвкусной золотой оправе.

— Ничего, ничего. Не спешите, тира. Я подожду, — протараторил целитель, усаживаясь в кресло прямо напротив купели, точно собираясь смотреть представление.

Это стало последней каплей. Набрав в грудь побольше воздуха, я заорала. Опешившие служанки отшатнулись, дав мне возможность ускользнуть от их цепких пальцев. Схватив с прикроватного столика увесистый подсвечник, я, как следует размахнувшись, швырнула его в старика. Как я и хотела, подсвечник пролетел прямо над его седой макушкой и, уда-

рившись об стену, с грохотом упал на пол. К моему удовольствию, на деревянной панели осталась внушительная вмятина, от которой во все стороны побежали трещины.

— Пошли вон, — спокойно попросила я.

Никто не сдвинулся с места. Девушки по-прежнему прижимались к стене и смотрели на меня широкими от ужаса глазами, а альв сполз на кресле вниз, скрюченными пальцами держась за грудь и тяжело дыша.

Улыбнувшись, я взяла с того же столика стеклянную вазочку, расписанную нарциссами, такую хрупкую, что, казалось, она треснет прямо у меня в руках. Мне было жаль изящную вещь, но если сейчас дам слабину, то эти альвы решат, что со мной можно обращаться как с любой другой знатной девицей, несамостоятельной и безмолвной.

Звон бьющегося стекла разрушил напряжённую тишину.

— Пошли вон! — рявкнула я, стукнув кулаком по стене. — Третий раз повторять не стану!

Это сработало. Через пару мгновений девушки, придерживая юбки, поспешили покинуть комнату. Целитель же задержался, видимо, уповая, что во мне вдруг проснётся уважение к почтенным сединам, но довольно быстро предпочёл последовать за служанками, стоило только моим зубам клацнуть в опасной близости от его длинного носа.

Очень скоро все, похоже, единодушно решили, что я тронулась умом, пробыв в компании людей месяц с лишним. Я отказывалась носить платья, предпочитая пользоваться муж-

ской одеждой, найденной в платяном шкафу, а эмвиановый доспех снимала только во время мытья. Я заплетала волосы в косички и укладывала так, как это делают человеческие девушки. Я сдвинула мебель к стенам, освобождая пространство для разминок. Я отломила одну из дурацких балок, служащих украшением изножья кровати, сделав для себя что-то похожее на одноручный короткий меч.

В конце концов ко мне приставили мальчика, в обязанности которого входило наполнять купель и приносить мне еду. Он сразу мне понравился. На вид мальцу было лет десять, и он совершенно меня не боялся. Напротив, его скорее забавляли мои выкрутасы, а ещё он любезно делился со мной последними новостями, благодаря которым я знала, что мои друзья ещё живы и день казни не назначен, а я позволяла ему угощаться присланными мне пирожными и фруктами.

Я подозревала, что среди других слуг он стал кем-то вроде героя за то, что спокойно заходил в логово сумасшедшей и возвращался невредимым. Я видела в этом только пользу, поэтому и перед своим маленьким союзником продолжала притворяться, надеясь, что вечером на кухне он в красках поведает остальным о чудачествах племянницы короля.

Бросив обглоданную кость на блюдо, я удовлетворённо выдохнула и откинулась на спинку стула. Да уж, поварам тоже досталось. Поначалу мне присылали зелень, корнеплоды, пресные гарниры и безвкусный сыр — то есть ничего, чем можно было бы наесться. Так что в первый день подносы тут

же вылетали за дверь, и, пока яства весьма неизящно стекали по стене коридора, я диктовала свои пожелания несчастным посыльным, и на следующий день стала получать настоящую пищу, а не корм для травоядных.

То ли королю совсем не было дела до того, что происходило в гостевом крыле, то ли слуги не смели жаловаться, но я продолжала оставаться безнаказанной и собиралась вести себя как ненормальная вплоть до прихода Алистиана.

Брата не было во дворце в день, когда нас привезли сюда. На моё требование позвать его стражник ответил, что Алистиану уже сообщили о моём прибытии. Но я точно знала, что это ложь — он бы ни за что не проигнорировал моё появление во дворце.

К тому же мне не давала покоя угроза короля. Весь мой хрупкий план по спасению друзей был основан лишь на помощи Алистиана, но если Аэрон ан Аквилана больше не доверял моему брату, то, боюсь, мы все обречены.

Я яростно помотала головой и резко поднялась из-за стола. Пришло время заняться тем, чем я занималась каждый вечер с тех пор, как попала сюда: вымотать своё тело настолько, чтобы сил на тревожные мысли и сны просто не осталось.

* * *

Я выпила воды прямо из кувшина и вытерла лицо первым, что попалось под руку. Платье из дорогущего шёлка полетело на пол к прочему мусору. Я бросила быстрый взгляд в приоткрытое окно: Кир занял точку в зените, а во дворе сто-

яла духота, свойственная месяцу Жарких песен, и тишина, необычная для никогда не спящего дворца. Вдоль моего позвоночника пробежали мурашки. Такое затишье не к добру.

— Ну хотя бы гиацинтами не воняет, — пробормотала я себе под нос, пытаясь прогнать неприятную сосущую пустоту в груди.

В этот момент большие двустворчатые двери бесцеремонно распахнулись настежь. Я резко обернулась, да так и застыла, растерянно глядя на прибывшего.

Сегодня на нём не было венца с танатаритом — похоже, заявиться во дворец с символом магистра иллюзий даже для этого гордеца было слишком. Обычно идеально уложенные волосы растрепались, а полы одежды и сапоги были покрыты дорожной пылью. Неужели предпочёл повозке поездку верхом?

— Какого Кайлтэна ты тут забыл? — поинтересовалась я, справившись с собой.

— Ты заставила меня побегать, дрянь, — процедил отец, прожигая меня тёмно-золотыми глазами, и бросил через плечо: — Запри двери.

Тенью следующий за ним мейваар выполнил приказ, а затем застыл у стены, держа руку на эфесе меча. Было в этом жесте что-то нервное, пропитанное страхом владельца живой марионетки.

Это воодушевило меня. Я заставила себя дышать ровно и постаралась придать лицу скучающее выражение.

— С возрастом появляются проблемы со слухом, понимаю, — небрежно бросила я и, подхватив с кровати эмвиановую куртку, натянула её на себя. Так, на всякий случай. — Спрошу ещё раз: что ты здесь делаешь?

— Во дворце все только и говорят о том, что дочь Эурина ан Фалькана свихнулась. — Носком сапога он пнул валяющуюся на его пути подушку и брезгливо скривил губы. — Теперь я вижу, что слухи небезосновательны. Всего месяц в компании людей, и ты уподобилась им настолько, что не отличить.

— Поразительно! — Я округлила глаза в притворном удивлении и похлопала в ладоши, хотя вместо того, чтобы ломать комедию, мне хотелось швырнуть в отца увесистым подносом с грязной посудой. Внутри всё клокотало от ярости из-за его пренебрежительного тона, но я понимала, что криком ничего не добьюсь. Я просто обязана сделать всё, чтобы он вышел из себя первым. — Ты столько лет отрицал, что я твоя дочь, и наконец признал наше родство именно сейчас, в окружении бардака и считая меня умалишённой. Иронично, не думаешь?

— Ты совсем… А это ещё что такое?!

Я не позволила коснуться моего лица, грубо оттолкнув протянутую к нему руку. Лицо отца покраснело, а в глазах заискрилась магия. Я ощутила какое-то болезненное удовольствие от того, что его реакция оказалась именно такой, какую я себе представляла.

— Ан Саркорана согласились отложить ритуал сердец, но как я, по-твоему, должен отправить им это?!

— Не разводи драму, — поморщилась я. От криков звенело в ушах. — Будто Фэйнару есть дело до моих шрамов.

— Для тебя он мэйстир Фэйнар, и!..

— Стервятнику важнее, что у меня внутри, а не снаружи! — рявкнула я, перебивая его.

Мы молча уставились друг на друга, тяжело дыша. Отец понял, что я всё знаю, — и про эксперименты ан Саркорана, и про трактат, — я видела это в его злых глазах. Маска заботливого отца, сбившего ноги в поисках пропавшей дочери, треснула. Я готова поклясться, что услышала, как она с громким стуком упала на паркет, крошась в пыль.

Нарочито медленно поправив рукава туники, он уже спокойнее произнёс:

— Я немедленно забираю тебя домой.

Я едва не рассмеялась от этого его «домой». Этот альв всю жизнь твердил мне, чтобы я не смела называть поместье гиацинта своим домом. «Ты здесь ненадолго», — слова, которые я слышала с пяти лет. Кайлтэн, если бы я знала, какую судьбу уготовил мне этот мерзавец, поместье перестало бы быть моим «домом» гораздо раньше!

Отец поднял руку, и мейваар двинулся ко мне. Я пятилась, спотыкаясь об раскиданные вещи, пока не упёрлась во что-то. Слепо пошарив рукой за спиной, я нащупала тот самый многострадальный подсвечник, который уже оставил трещи-

ну на стене комнаты. Я замахнулась для броска, только прицелилась не в приближающегося ко мне мейваара, а в скучающего в середине комнаты отца. Защита мэйстира в приоритете — я надеялась, что сейчас это правило не даст сбой. Мне хватит мгновения, чтобы добежать до окна и выпрыгнуть. Ещё в первый день я продумала этот план побега. Здесь невысоко, всего второй этаж. Уверена, у меня получится.

Я почувствовала волну силы раньше, чем мейваар успел приблизиться. Двери с громким треском сорвались с петель и с грохотом рухнули внутрь комнаты, разбивая паркет в щепки.

— Рун!

Из облака медленно оседающей пыли появилась фигура. Все звуки, кроме звука его шагов, исчезли. Я прижала дрожащую ладонь к груди, стараясь хоть немного унять зашедшееся радостью сердце.

Мы не виделись больше года. За это время он почти не изменился. Всё те же простая одежда и распущенные волосы. Всё те же пронзительные золотые глаза.

— Тиан!

Он стремительно прошёл мимо отца, не удостоив его даже коротким взглядом.

— Я примчался, как только мне сообщили, что ты здесь. Ты в порядке? С тобой хорошо обращались?

Алистиан продолжал сыпать вопросами, а я во все глаза смотрела на него, почти не дыша. Вдруг он всего лишь нава-

ждение и исчезнет, стоит только моргнуть? Протянув руку, я пропустила через пальцы его золотистые локоны.

Мягкие. Настоящие.

— Ты и правда здесь, — прошептала я.

— Дай-ка посмотреть на тебя. — Брат отступил на шаг, по-прежнему держа меня за плечи. Его взгляд помрачнел, стоило ему скользнуть по шраму на моей щеке. — Кто это сделал?

— Как у тебя хватило наглости заявиться сюда? — громко спросил отец, не дав мне возможности ответить.

Алистиан не обернулся. По-прежнему глядя только на меня, он выпрямился в полный рост и расправил плечи. Я слишком хорошо знала эту позу и это выражение лица — сейчас любое неосторожное слово отца способно уничтожить последние крохи его самообладания. Я незаметно коснулась широкой ладони, надеясь, что это поможет ему хоть немного успокоиться.

— У меня больше прав находиться здесь, чем у тебя. Я анэстир.

— Это ненадолго. — Алистиан закрывал собой обзор, но мне не надо было видеть отца, чтобы знать, насколько он взбешён. — Неужели ты думал, что твоя самодеятельность останется незамеченной?

— О, так ты уже знаешь? — спросил брат, поворачиваясь ко мне спиной.

— Знаю. А теперь мне хочется узнать, что сподвигло тебя

разрушить своё будущее, потеряв доверие короля! — Отец с шумом втянул воздух. — К счастью, Аэрон помнит твою верную службу и ценит заслуги. Он пообещал, что твоё непослушание останется тайной для двора, если ты оставишь должность и вернёшься домой.

— И что же, — в голосе Алистиана плясало злое веселье, — возьмёшь меня за шкирку, как нашкодившего щенка, и отправишь в поместье в повозке?

— Если потребуется, то так я и поступлю, — отозвался отец. — Ты всё ещё являешься моим наследником и, как ни странно, женихом Альтеи ан Аквилана. Нам во что бы то ни стало необходимо сохранить ваш союз, и неподчинение приказу Аэрона этому точно не поможет.

Я удивлённо моргнула, глядя на широкие плечи Алистиана. Он ни разу не упоминал, что помолвлен со старшей дочерью короля. Наверняка такая договорённость появилась не вчера. Почему он молчал?

— Ничего странного. Альтея терпеть не может Аэлара, и дядя хочет, чтобы она как можно реже появлялась при дворе. Только вот *я* брать её в жёны не согласен.

— Ты не можешь просто разорвать…

— Могу, — перебил Алистиан. — Я согласился на помолвку только потому, что ты пообещал обеспечить Альрун безопасность. И что я вижу? — Он резко взмахнул рукой, словно пытаясь объять всю комнату. — Ты не сдержал слово, отец. Почему моя сестра больше похожа на пленницу, чем

на гостью? Почему она здесь, а не дома?

— Достаточно! Я забираю тебя. И эту паршивку тоже.

— Следи за языком!

— Во имя наших предков, перестань вести себя как влюблённый дурак! Девчонка сбежала из дома, спуталась с мятежниками, вступив в сговор против нашего короля и народа. Только моими стараниями она сейчас не сидит в подземельях Архтинтиана, ожидая казни!

Негодование вспыхнуло во мне с новой силой. Его стараниями я в этой ситуации и оказалась!

— Уверен, у Альрун были причины, чтобы так поступить. И я с радостью выясню их, как только ты соизволишь оставить нас.

Он не колебался ни мгновения. Не стал задавать мне вопросов. Ни в чём не упрекнул. Он безоговорочно верил мне.

Но вместо того, чтобы почувствовать облегчение, я едва не взвыла от внезапной догадки.

— Ты ничего не знаешь.

Я произнесла это шёпотом, но брат услышал меня. Вся моя злость испарилась в мгновение ока. Алистиан тут же перестал пререкаться с отцом и повернулся ко мне. Недоумение, отразившееся на его лице, подтвердило мои опасения.

— О чём не знаю?

— О том, почему я покинула поместье. О…

Договорить я не успела. Глаза Алистиана ярко вспыхнули. Подхватив меня на руки, он молниеносно бросился в сто-

рону. Мейваар, до сих пор тихо подпирающий собой стену, вдруг кинулся на меня с обнажённым мечом, и только благодаря обострённому чутью брата я не попала под его лезвие.

Мейваар замер в нерешительности — похоже, понял, что добраться до меня, не задев при этом Алистиана, невозможно, — и повернулся к своему хозяину, ожидая распоряжений.

— Отступи, сын. — Судя по горделиво вздёрнутому подбородку, отец всё ещё считал, что полностью владеет ситуацией.

— Нет.

Ладонь на моём плече сжалась сильнее.

— Отступи, — с нажимом повторил отец. — Я в своём праве. Она предательница крови.

— Сначала я узнаю, что произошло.

— У меня нет времени на эти глупости!

— Назад! — рявкнул Алистиан, когда мейваар неосторожно дёрнулся в нашу сторону. — Уходи. Или я воспользуюсь своим правом. Правом защитника.

Я в недоумении вскинула голову и посмотрела на Алистиана. Наши взгляды встретились, и он подмигнул мне. Железный обруч, болезненно стягивающий грудь, слегка ослаб.

Конечно, у него есть план. У него всегда есть план.

— Ты не посмеешь.

Краем глаза я уловила какое-то движение. Заглянув за плечо Алистиана, я заметила ползущие по стене щупаль-

ца. Призрачно-зеленоватые, едва заметные, они, извиваясь и корчась, возвышались над его головой, готовые в любой момент ударить в спину.

— Тиан, — одними губами произнесла я, цепенея от страха. — Сзади.

В этот момент щупальца оторвались от стены. Но цели не достигли.

Брат прикрыл глаза и набрал в грудь побольше воздуха. А когда выдохнул, комната перевернулась с ног на голову. Мощный и резкий порыв ветра разметал не только валяющиеся повсюду вещи, но и мебель; стёкла в окнах с громким звоном разлетелись мелким крошевом.

— Я, Алистиан Люциан ан Фалькана…

— Останови его! — закричал отец, поднимаясь на ноги.

Мы зависли под потолком. За спиной Алистиана сияли золотые крылья, и каждый их взмах проверял дворцовые стены на прочность.

— Нарекаю Альрун Маэлу ан Фалькана своей краэ'вир [1], — продолжал он, перекрикивая шум, — пред живыми свидетелями и всевидящим взором Бриллаара.

— Замолчи!

— Отныне мои сердце и меч принадлежат моей краэ'вир,

---

[1] Краэ'вир (альв.) - "Путь сердца". Старинный альвийский обычай: наречение краэ'вир даёт право защищать жизнь и честь наречённого любым способом, который защитник сочтёт подходящим, вплоть до убийства обидчика. Обычно этим правом пользуются возлюбленные, поэтому из уст Алистиана клятва звучит несколько неоднозначно.

пока она не освободит меня от клятвы.

— Что ты натворил?!

Комната наполнилась тенями. Иллюзии отца всегда заставляли меня чувствовать себя беспомощным ребёнком. Они всегда пробуждали во мне дикий, необъяснимый страх, мыслями возвращая в тёмное промозглое подземелье поместья, где я отбывала долгие часы наказаний.

Мягкая прядь светлых волос коснулась моей щеки. Я прикрыла глаза, судорожно выталкивая из себя плотный тягучий воздух.

В этот раз всё иначе.

Скрипучая тяжёлая дверь подземелья из моих воспоминаний открылась, мазнув по каменному полу полосой света. В проёме показался знакомый силуэт, протягивающий мне руку. И я вложила в неё свою.

В этот раз я не одна.

Комнату поглотила непроглядная тьма. Воздух прорезал громкий свист, и я почувствовала, как мы стремительно падаем вниз.

— Прыгай, — тихо скомандовал Алистиан.

Я послушалась. Сгруппировавшись, я приземлилась на ноги и осторожно пошарила руками вокруг себя, чтобы понять, где оказалась. За спиной, судя по резьбе, стоял платяной шкаф. Чуть помедлив, я всё же забралась внутрь — брат не просто так приказал мне спрыгнуть именно здесь.

Стены и пол обиженно задрожали, и я невольно зажала

уши, чтобы не оглохнуть от грохота. Когда всё стихло, я осторожно приоткрыла дверцу.

Тьма рассеялась. Отец стоял в центре комнаты, тяжело дыша, но без видимых повреждений. А вот создание, стоящее напротив него, со всеми своими звериными лапами, гибким хвостом и крыльями лишь отдалённо напоминало моего брата.

Я впервые видела, как Алистиан меняется. Наши тренировочные поединки проходили исключительно на мечах, и как бы я не уговаривала его хоть разок использовать в бою со мной всё, что он может, он не соглашался, только смеялся и говорил, что у меня должен быть шанс на победу. Теперь я ясно видела, что это не было пустым бахвальством.

Против такого соперника у меня не было ни единого шанса.

— До меня доходили слухи, что Квиленна Энтар потеряла свой камень, — бросил отец, приглаживая свои медные волосы, — и в Круг вошёл новый магистр метаморфии.

Алистиан молча потянул цепочку на шее, демонстрируя кольцо, висящее на ней вместо кулона. Оттенок инкрустированного камня был тёмным и глубоким, напоминая кожуру винограда или небо перед самым наступлением ночи.

Отец какое-то время смотрел на украшение, а затем запрокинул голову и рассмеялся. От этого смеха мне вдруг захотелось забиться в самый дальний угол шкафа и просидеть там до конца времён.

— Глупец! — закричал он. — Статус анэстира, магистра и наследника древнего рода королевских защитников — ты пожертвовал всем! И ради чего? — В его голосе прорезалась мольба: — Ради чего, Алистиан?

— Ради своей семьи, — тихо ответил брат, выпрямляясь. — Я умею жить с последствиями своих решений, отец. А ты?

Вместо ответа гордый альв вскинул руки и исчез.

Битву я не видела: Алистиан двигался столь стремительно, что я попросту не успевала следить за его перемещениями, понимая, где он находился мгновение назад, только по падающим вещам и смазанному шлейфу его потока, а отец становился то совершенно невидимым, то заполнял комнату своими двойниками, так что нельзя было точно сказать, где настоящий.

Закончилось всё так же внезапно, как и началось. Раздался короткий крик — и два магистра застыли друг напротив друга у большого разбитого окна.

Сначала ничего не происходило. Время словно застыло, и я задержала дыхание, ожидая развязки. И тут Алистиан покачнулся. Путаясь в одежде и вешалках, я вывалилась из шкафа на разбитый пол.

Одно из золотых крыльев оторвалось и валялось неподалёку, как ненужная вещь, а другое висело на сухожилиях, и перья на его кончиках мокли в луже крови. Бриллаар, откуда здесь *столько* крови?

Я перевела взгляд на отца, и моё сердце пропустило удар.

Мэйстир держался за грудь с выражением крайнего изумления на лице. В следующее мгновение он закашлялся, из его рта хлынула кровь, а песочного цвета туника стала багровой. Отец попятился, его взгляд заметался по комнате. Он посмотрел за плечо Алистина и замер. Я знала, что он презирает меня, но от той лютой ненависти, что таилась в глубине его зрачков, мне стало тошно. Он указал на меня дрожащей рукой и прохрипел:

— Убей!

Я только успела заметить блеск и инстинктивно отклонилась в сторону. Меч мейваара пролетел мимо, срезав пару прядей у моего лица, и до середины лезвия вошёл в дверцу платяного шкафа.

— Ты в порядке? — Брат уже стоял рядом со мной, неотрывно глядя на серого слугу моего отца.

— Да.

Вскочив на ноги, я без труда выдернула меч, хотя думала, что он застрянет и поставит меня в неловкое положение, и повернулась к мейваару лицом.

— И что теперь? — спросила я. — Ты один и без оружия. Нас двое. Лучше отступи.

На какой-то краткий миг, на долю секунды мне подумалось, что он послушается. Но мейваар медленно поднял руку, а я схватилась за предплечье Алистиана, чтобы устоять на ногах.

Мне был знаком этот жест.

Между пальцев мейваара пробежала молния. В следующий миг она, ветвистая и смертоносная, полетела в нас. С силой оттолкнув Алистиана в сторону, я откатилась за крепкий дубовый сундук. Молния ударилась в стену, оставив в ней огромную обугленную дыру.

Откашлявшись и уняв головокружение, я осторожно выглянула из укрытия. Алистиан лежал на полу, глядя на нависшего над ним мейваара. Брат не пытался защититься или хотя бы подняться.

— Он не мог. Не мог. Он не мог… — беззвучно бормотал он, а у меня на затылке волосы встали дыбом.

Алистиан тоже понял, кто скрывается под хищной маской.

Воин в сером доспехе вновь поднял руку, направив её прямо на моего брата. Отбросив бесполезный меч, я глубоко вдохнула и выдохнула, успокаиваясь, а затем взобралась на сундук и прыгнула мейваару на спину.

Маска поддалась так же легко, как все остальные. Я с отвращением отшвырнула её подальше.

Я спрыгнула на пол. Серый капюшон слетел, высвобождая длинные чёрные волосы. Мейваар покачнулся и начал падать. Поймав его, я осторожно опустилась на колени, прижимая к себе обессиленного Ренвика Нэйдрина.

* * *

Я с трудом оторвалась от исписанной Ренвиком бумаги, где мой друг коротко описал всё, что произошло с ним и

Ниссой после того, как мы расстались.

Их схватили сразу же, и тревогу поднял не кто иной, как тот самый мейваар, которого мы бросили в кустах.

Отец был в ярости. Непокорная дочь пропала, бесследно растворившись за воротами поместья, поставив под угрозу его планы и союз с ан Саркорана, а единственные, кто видел её последними, молчали. Ренвик не стал расписывать, как серые слуги отца пытались разговорить их, и мы с братом не настаивали. Мы оба слишком хорошо знали Эурина ан Фалькана, так что воображение против воли дорисовало страшные картины, заполняя пропуски в рассказе.

Самым безумным оказалось окончательное решение отца. Поняв, что мои друзья скорее умрут, чем выдадут меня, он в ту же ночь заменил Ренвиком того самого мейваара, который поднял тревогу, а Ниссу отправил в Миранделин вместо меня, рассудив, что «сиротка не заменит благородную кровь, но наверняка Фэйнар найдёт применение и ей».

Но, словно этого оказалось мало, отец собрал отряд своих прислужников, отправив его на мои поиски, и во главе поставил Ренвика. Зачарованная маска не позволила сопротивляться.

«Морок перед глазами, морок в мыслях, — писал он. — *Я забыл о том, что мы дружили, забыл Ниссу, а Тиана в мыслях величал не иначе как авир Алистиан. Я позабыл даже своё имя. Не чувствовал ни боли, ни страха, ни усталости. Этими масками Эурин создаёт идеальных слуг».*

«Меня вела воля мэйстира, и я не смел ослушаться. — Начинались записи на другом листе. — *Я должен был выследить и вернуть тебя домой до исхода первой недели Танца гроз. Думаю, если бы у меня получилось, Эурин сумел бы объяснить задержку и уговорить ан Саркорана немного повременить с ритуалом сердец. Перенести его хотя бы на начало Жарких песен».*

— Но в дело вмешались люди. — Я постучала пальцем по записи, указывая на неё Ренвику, и криво улыбнулась. — Знаешь, они надеялись получить за меня выкуп. Можно было просто погов…

Выразительный взгляд Ренвика заставил меня умолкнуть. Я виновато опустила голову, пробормотав:

— Прости. Я забыла.

Нелегко было смириться с тем, что этот занудный и язвительный альв больше не может говорить. Возможно, если бы Берриан был здесь, он бы смог что-то придумать?

Я постучала себе кулаком по лбу. Откуда во мне эта наивность? Берриан талантлив, но не всемогущ. Никакая магия не способна вернуть потерянную часть тела, так во имя чего тешить себя пустыми надеждами?

Ренвик пощёлкал пальцами, привлекая моё внимание, и махнул рукой, давая понять, что всё в порядке.

— А святилище? Это ты запустил молнией в башню?

Ренвик кивнул, а затем забрал у меня бумагу с пером и быстро накорябал:

«Проигрывали людям. Я вышел из себя».

— Понятно.

Я вздохнула и решила не говорить, что тогда он едва меня не угробил — незачем портить наше и без того поганое настроение ещё сильнее. Вместо этого я забрала листы и продолжила читать. Но после неудачного нападения на лагерь Вейнарменнир больше ничего значительного не произошло. Ренвик вернулся в поместье и доложил моему отцу о неудаче. В Ветреные равнины отправили других мейвааров, а Ренвик стал кем-то вроде личного помощника мэйстира.

— Так и в какой момент папочке пришла в голову гениальная мысль заказать меня Ойхинаэр? — кисло поинтересовалась я.

Ренвик выглядел озадаченным.

«Ойхинаэр? Ты ничего не путаешь? Я не отходил от него ни на шаг, даже спал рядом. Он не связывался с Ойхинаэр».

Пришла моя очередь удивляться. Если это не отец, то кто? Кому ещё нужна была моя смерть? Уверена, ан Саркорана хотели бы получить меня живой, так что можно смело отмести и их.

Возможно, отравленный клинок предназначался не мне. Тогда кому?..

— Никого нет.

Алистиан вошёл в комнату, ступая прямо по поваленным дверям. Некоторое время назад, когда первые шок и радость от встречи с Ренвиком прошли, Алистиану показалось

странным, что никто не прибежал на шум, и он отправился узнать, в чём дело.

— В каком смысле «никого»? — спросила я, заранее понимая, что ответ мне не понравится.

— В самом прямом. В гостевом крыле кроме нас больше нет ни души. Отец смог уйти — кровавый след тянется до Сада Вриллаарайни, но дальше я идти не рискнул. — Он устало опустился на пол рядом с нами и размял шею. — У него было достаточно времени, чтобы добраться до слуг и прислать сюда стражников. Честно сказать, такой вариант устроил бы меня больше, чем то, что за нами до сих пор никто не явился. Во дворце что-то происходит, и мне это не нравится.

И в этот миг тишину прорезал оглушительный звон набатного колокола.

Глава 19 (Кайриус). Ты похож на свою мать.

— ...б…ей…

— Чего ты там бормочешь? Не расслышал.

Разомкнув пересохшие губы, я прохрипел чуть громче:

— Убей…

— Громче, парень!

— Убей. Просто убей меня.

— О, мой драгоценный молодой господин. — Он покачал головой, сочувственно, как могло бы показаться стороннему наблюдателю. *Но я-то знал.* — Прости. Я не могу.

Тут он ухмыльнулся, широко и совершенно счастливо. Мы встретились взглядами, и я вздрогнул. Облик и действия моего мучителя были пронизаны безумием, но в глазах читался лишь холодный расчёт. Интерес учёного, проводящего новый эксперимент, результат которого он не может предсказать, но точно знает, что получит нечто потрясающее.

Он наклонился, приникнув губами к моему уху, и его обжигающее дыхание опалило мою скулу. Я зажмурился, глотая рвущийся наружу всхлип.

— Наберись терпения. Мы только начали.

Раздался влажный хруст, и я закричал от невыносимой боли, пронзившей мою разрубленную ногу.

* * *

— Проснись! Ну же, просыпайся!

Мне показалось, что опора подо мной исчезла и я начал падать. Я дёрнулся и тут же зашёлся сухим кашлем.

— Чтоб вас, голубки! Кончайте уже курлыкать!

— Да пошёл ты к ютру, Фрост! Ему плохо!

— У нас тут у всех жизнь не сахар, придурок слепой!

Чужие крики звучали несколько приглушённо. Мне хотелось, чтобы наступила тишина.

— Я просто хотел ухаживать за лошадьми… Меня не должно здесь быть… Не должно…

— Хватит ныть, Асгер! Ты теперь с нами в одной лодке, так что…

— А ну заткнули пасти! — Крик с сильным акцентом заставил всех замолчать, а удар в стену повозки прогнал остатки сна.

— Красавчик, — шёпот раздался совсем рядом. Не открывая глаз, я повернул голову в его сторону, показывая, что слушаю. — Ты кричал. Снова тот кошмар?

«Давай, парень, пожалуйся своему барду».

От звука чужого смеха в ушах меня едва не стошнило. Я осторожно пошевелил ногами, с облегчением поняв, что они на месте.

С каждым разом мне становилось всё тяжелее отличать явь от морока. Я боялся, что очень скоро эта граница сотрётся окончательно.

— Почему с меня вода течёт? — прохрипел я.

— Гвардейцы опять заставили всех мыться. Ты не просыпался, так что они кинули тебя в бадью прямо так. И…

Янир замялся. Мою щёку царапало влажное дерево. Я точно помню, что засыпал сидя. Упал, когда бился в припадке?

— Договаривай уже.

Чувства возвращались постепенно. В нос ударил резкий запах крови. Но здесь ничего необычного — теперь он сопровождал меня постоянно.

— Насколько я понял, они делали ставки, сколько ты продержишься под водой. Но… это же бессмысленно, да? Ты всё равно утонуть не можешь.

— Ага.

Я приподнялся, опираясь на обожжённую руку. Она всё ещё болела и, кажется, сильнее, чем раньше, но по сравнению с тем, что я испытывал последние три дня, эта боль была сущим пустяком.

Наконец справившись с собственным телом, я сел, прижавшись здоровым плечом к барду. Может, в любой другой ситуации он бы ворчал, что я намочил его балахон, и сделал бы мне замечание, но сейчас никого из нас такие мелочи не волновали.

— На самом деле, они оказали мне услугу. Вода, можно сказать, лечит меня, — хмыкнул я, цепляясь за предложенную тему, надеясь, что Янир забудет о моём очередном при-

ступе.

Но он не дал себя одурачить.

— Тебе снова снился *он*, верно?

Вместо ответа я опять закрыл глаза и уронил голову на его плечо. Когда меня затянуло в этот кошмар в первый раз, я перепугал своими криками всю повозку, а больше всех Янира. К сожалению, и сам я был напуган и измотан настолько, что бездумно рассказал барду об Ольвидусе. Пожалуй, больше, чем ему нужно было знать.

— Чтоб я ещё хоть раз помог тебе! — громким шёпотом возмущался он, верно истолковав моё молчание. — Чтоб ещё хоть раз, когда ты попросишь что-то настолько же странное! Я же знал, что с этой штукой что-то не так!

— Прости, — тихо выдавил я, чувствуя, как жгучий стыд наполняет грудь и заливает лицо.

Мне и правда было стыдно. Я определённо не должен был втягивать в это Янира.

Я поднёс к лицу кулак и медленно разжал пальцы. Повозка подпрыгнула на кочке, и луч Киры, проникший в зазор между деревянными досками, высветил торчащий из моей ладони Гребень. Он коротко блеснул в холодном свете кривой ухмылкой, точно насмехался надо мной. Внутри стекла не было места, свободного от моей крови — вексова реликвия насытилась ею сполна.

— Может, ещё раз попробуем вытащить её? — предложил бард.

— В этом нет смысла, — ответил я.

Я так и не понял, как Гребень вообще оказался у меня, ведь точно помнил, что оставил его у Ирвинга. Помнил, как кинул стекляшку ему в руки. Могло ли и это мне присниться? Похоже, уже тогда я был не в своём уме.

Как бы то ни было, в первый же вечер, как гвардейцы взяли нас в плен, Ольвидус заговорил со мной и предложил проверить голенище сапога. Не знаю, что заставило меня послушаться.

Сам я не справился, так что пришлось разбудить Янира. Тисиновые кандалы ослабили его так же, как и меня, но он был единственным, кто мог мне помочь, не задавая лишних вопросов.

Если бы я только знал, что произойдёт дальше, то просто проигнорировал скользкого ублюдка. Потому что как только Янир достал Гребень и вложил в мою ладонь, моя и без того странная жизнь превратилась в настоящее безумие.

Пытки, которым Ольвидус подвергал меня раньше, казались детскими забавами по сравнению с тем, что он вытворял теперь. Тогда бессмертный хотя бы злился. Тогда у него была хоть какая-то причина истязать меня.

— Ты сам не свой в последнее время.

— Ну, учитывая, в какой ситуации мы оказались, — попытался пошутить я.

— Ты знаешь, о чём я! — резко обрубил бард.

Только заснувший Фрост рядом с нами заворочался. Мы

оба притихли и напряжённо уставились на него. Перевернувшись на другой бок, он снова замер. Я облегчённо выдохнул — не хватало ещё, чтобы он снова начал орать.

— Как тебе помочь, Кайриус?

— Я не знаю, — совершенно искренне ответил я и одними губами попросил: — Просто останься со мной.

Я подумал, что Янир не услышал моей мольбы. Я надеялся, что он не услышал.

— Ну, учитывая, в какой ситуации мы оказались, — передразнил меня Янир и, посерьёзнев, добавил: — Я буду рядом. Обещаю.

* * *

— О нет, — прошептал я. — Нет-нет-нет…

Я не собирался спать. Ещё мгновение назад я разговаривал с Яниром и неожиданно оказался здесь — в месте, по которому точно не стану скучать, когда всё это закончится. Истеричный смешок против воли вырвался из горла. Если. Если это всё когда-нибудь закончится.

— Перерыв око-о-онче-е-е-ен, — пропел бессмертный, появляясь из-за книжного стеллажа.

Моё сердце испуганной птицей забилось в груди. Нет. Нет, нет, нет! Я не могу снова отдаться на его милость. Не могу, не могу, не могу!

— Давай продол…

— Пошёл ты! — заорал я и, развернувшись, помчался прочь.

Он позволил мне это. Позволил отдалиться. Позволил поверить, что у меня есть право выбора. Позволил поверить, что я могу убежать.

— Ну ладно, поиграли — и хватит.

Моя шея оказалась в крепкой когтистой хватке. Позвонки глухо щёлкнули, а в глазах потемнело. Ноги потеряли опору — Ольвидус поднял меня в воздух и встряхнул, как тряпичную куклу.

— Тебе самому не надоело? — устало поинтересовался он и, слегка ослабив давление на моё горло, позволив сделать вдох, а другой рукой пригладил мои волосы. Это прикосновение было пропитано такой трепетной нежностью, что я содрогнулся от ужаса и обмяк, больше не в силах сопротивляться.

— Почему ты… просто не убьёшь… меня? — прохрипел я, чувствуя, как предательские слёзы обжигают щёки. — Зачем… мучаешь?

— Мучаю? — Золотые глаза удивлённо расширились. — Какая глупость!

Я обессиленно прикрыл глаза, а когда открыл их снова, то уже лежал на ковре перед очагом, в котором теперь всегда горел настоящий огонь. По крайней мере, железо он раскалял как самый что ни на есть настоящий.

— Просто убей меня уже, — снова попросил я. — Не могу больше…

— Можешь! — отрезал бессмертный, поворачиваясь ко

мне. В его пальцах был зажат серебряный ланцет, и я уставился на его блестящее лезвие, не в силах оторвать взгляд.

— Я помогаю тебе, парень. Месяц Жарких песен ещё не закончится, а ты уже станешь вспоминать мои уроки с благодарностью.

— С благодарностью? Пытки? Ты безумец, — проговорил я, с замиранием сердца наблюдая, как Ольвидус приближается ко мне, неся в своих ладонях боль и страх.

— Ты прав. О, конечно же ты прав! Однако, в этом мире есть существа гораздо безумнее и страшнее меня. И когда мы закончим, ты будешь готов к встрече с ними.

Он опустился передо мной на колени и мягко улыбнулся.

— Начнём со снятия кожи, а там посмотрим… Ну что, готов?

* * *

— Оставьте нас.

Я моргнул, приходя в себя, и уставился на собственное отражение в серых напольных плитах.

— Слушаемся!

Кто-то тяжело прошагал мимо. Краем глаза я успел заметить золочёные сапоги. Точно, такие носят гвардейцы. Послышался стук закрывшейся двери, и всё стихло.

— Мерфолк.

Я медленно поднял голову. Взгляд скользнул вверх по нескольким полированным ступеням из того же серого камня, что покрывал пол, по трону из дерева с высокой спинкой,

по вытянутым витражным окнам, изображающим какой-то бледно-жёлтый цветок в обрамлении венка из дубовых листьев, а затем вернулся к трону. Возможно, он бы заинтересовал меня не больше, чем всё остальное, только вот на нём восседал альв в короне, и, кажется, я его уже где-то видел. Или мне и это приснилось?

— Мерфолк, — повторил он.

Векс, почему он кажется мне таким знакомым? Острое, угловатое лицо, детали которого будто отобрали у других альвов, чтобы создать это. Тонкие, похожие на стебли цветов длинные пальцы расслабленно постукивали по подлокотнику. Чуть прищуренные глаза и круглые золотые глаза, неотрывно следящие за мной, как хищник за жертвой.

Фу. Ну до чего же неприятный мужик.

— Ты ведь знаешь общий язык, отродье.

— Вы кто?

Лицо мужчины приобрело растерянное выражение. Ольвидус в моей голове сдавленно хрюкнул.

«Соберись, парень! Перед тобой сам Аэрон ан Аквилана, альвийский король!»

— А-а-а, коро-о-оль, — протянул я, по-прежнему мало что понимая.

Для меня неделя в повозке растянулась на несколько месяцев. Я мог потерять сознание прямо посреди разговора. Для Янира и остальных это длилось всего пару минут, но для меня эти минуты растягивались в часы, а иногда и в це-

лые дни. К счастью, я очень скоро перестал кричать во время приступов, иначе парни придушили бы меня за то, что я постоянно мешал им спать.

Где-то на пятый день случилось то, чего я так боялся: я перестал понимать, где сон, а где реальность. Я больше не смотрел на Янира, страшась увидеть вертикальные зрачки и красную чешую. Я больше не смотрел на Ольвидуса во время пыток, боясь разглядеть бледные шрамы под нижней губой и длинные клыки.

Но, похоже, именно сейчас жизненно важно понять, сплю я или нет. Я напряг память, мучительно пытаясь вспомнить, как оказался один на один с королём.

Помню, как нас вытащили из повозок и привели в какой-то большой двор. Помню шум и гул множества голосов, но я, если честно, ни слова не услышал, потому что Ольвидус безостановочно хохотал, как умалишённый. Хотя почему как?

Момент, когда меня приволокли сюда, так и не всплыл в моей памяти. Возможно, именно в это время я снова отключился.

Я завертел головой, рассматривая длинный светлый зал с высокими потолками, вновь осмотрел трон и большие витражные окна. Всё вокруг выглядело очень аккуратным и правильным. Да, похоже, сейчас я и впрямь бодрствую: Ольвидус бы создал что-то более хаотичное. Такой антураж совсем не в его стиле.

Альв по-прежнему молчал. Он смотрел на меня со смесью лёгкого удивления и отвращения — так смотрят на кучу дерьма, вдруг появившуюся посреди чистой улицы. Это меня позабавило.

— Настоящий король, значит, — весело фыркнул я. — Так и чего надо?

Очевидно, монарх не привык к такому обращению. Что ж, плевать я хотел, нравится ему или нет. Уверен, он не сможет причинить мне большую боль, чем та, которой Ольвидус кормит меня уже векс знает сколько времени.

К чести короля, он не показал своего недовольства, не позвал стражников, не начал кричать, брызжа слюной.

— Ты очень похож на свою мать, — невпопад сказал Аэрон ан Аквилана, а во мне шевельнулось любопытство. — Невероятное сходство.

— Вы знали мою мать?

— К сожалению. — Король вздохнул и подпёр щёку кулаком. — Хуже этой женщины, пожалуй, только Хекса.

— А мы точно про одну и ту же женщину говорим? — удивился я, вспоминая кроткий нрав мамы и её нежную улыбку.

— Так зачем ты здесь, мерфолк?

Я поморщился. Что за дурацкая привычка перескакивать с темы на тему?

— Не знаю. — Не будь кандалов, я бы растерянно развёл руками. — Это вы мне скажите.

— Не знаешь.

— Не знаю.

— Значит, предпочитаешь притворяться. Как и весь твой поганый вид.

Ольвидус напрягся, и я, неразрывно связанный с ним, тоже.

— Твоё появление было предсказано сотни лет назад, полукровка. — Аэрон ан Аквилана подался вперёд. — *«И придёт он — дитя двух миров. И будет дано имя ему — Либерцис, Освободитель. И сможет он ходить меж Сафиреей и Тероланой, неудержимый и невредимый. Но верен он будет Владыке Ольвидусу и непременно найдёт способ разрушить Пелену».*

«И когда воспламенится гора, когда закипит вода, когда земля раскалёнными углями ляжет под ноги — возвратится Он. Разверзнется твердь, расступится вода, покорится воздух — и мы станем свободны». Окончание прозвучало голосом мамы. Я застыл. «Песнь о Девятерых». Снова она. То, что я долгие годы считал обычной сказкой. То, что оказалось пророчеством. И только сейчас до меня наконец начал доходить его смысл. Кусочки головоломки постепенно вставали на свои места, рисуя картину весьма неутешительную, и в первую очередь для меня.

— Тебе знаком этот текст.

— Знаком, — подтвердил я и попытался хоть как-то оправдаться: — Но вы ошибаетесь. Я попал в Теролану совершенно случайно и…

— Совершенно случайно, — эхом повторил король. — Совершенно случайно сделал невозможное. Совершенно случайно задурил головы оборванцам из людских земель и моей племяннице. Совершенно случайно вдохновил их на глупое восстание, чтобы в воцарившейся суматохе подготовить всё для возвращения бога лжи в этот мир.

— Чего? — Вот это фантазия! Я приподнял бровь и попытался возразить: — Нет, это не то…

— Ты сильно наследил: резня у Пепельного озера, исчезновение жителей людской деревушки на окраине Гибельного леса, пожар в старейшей таверне Тероланы, проникновение в Талаин-на-Драйде. Мне пришлось послать лучших наёмных убийц за твоей головой, но каким-то чудом ты избежал смерти.

Пока он говорил, в памяти всплывали события. Прошёл всего месяц, а казалось, это всё произошло в прошлой жизни и с кем-то другим. Когда король дошёл до убийц, я похолодел. Вспомнил, как потух взгляд наёмника и как его тело с глухим стуком упало на землю.

— Эти твари едва не убили Альрун! — выкрикнул я. — А в «Струну» вы сами послали своих воинов!

«Не старайся. Это отличительная черта всех выродков Бриллаара — выворачивать всё в свою пользу».

— Все альвы, отправляющиеся в Сафирею, знали текст пророчества, — вновь заговорил Аэрон ан Аквилана, оставив все мои возражения без внимания. — И всё же нашёлся

один непокорный альв, которого при виде красивой женщины покинул разум.

Я затаил дыхание. Взгляд короля пронзал насквозь.

— Двадцать лет. Двадцать лет я ждал твоего появления. Твой отец сам пришёл ко мне и рассказал о том, что сотворил. Рассказал о том, что, потеряв голову от любви, дал семя будущему разрушителю мира. Глупый, глупый мальчишка…

Король поднял руку, держа завёрнутый в платок Гребень. Ах да, кажется, его вырвали из моей ладони гвардейцы. Или я сам его отдал? Не помню.

— Ты принёс смерть на мою землю, мессия лживого бога.

«Скажи ему, чтобы взял красный платок. Мне совершенно не идёт жёлтый».

— Послушайте, — я предпринял ещё одну попытку оправдаться. — Да, эта штука была у меня. Я стащил её из храма, и тогда я ещё понятия не имел, что это такое. Векс, я и сейчас не понимаю, в чём ценность этой стекляшки!

Король молчал. Я всмотрелся в его непроницаемое лицо и понял, что совершенно зря сотрясаю воздух.

— Вы ведь всё равно мне не поверите, правда? Что бы я ни сказал, вы не поверите.

— Я не могу позволить твоей лжи затуманить мой разум.

— Что ж, — я выдавил из себя улыбку, — тогда мне больше нечего вам сказать.

Похоже, это короля не устроило. Он нахмурился и, ещё пару мгновений побуравив меня взглядом, крикнул:

— Стража!

Двери тут же распахнулись. Раздались торопливые шаги, и гвардейцы остановились прямо за моей спиной.

— Ваше Величество?

— Уведите его. Заприте в малой темнице, в дальней камере.

— В дальней? — переспросил гвардеец. Кажется, этот приказ так ошеломил его, что он забыл, с кем разговаривает. — Но там *тот* заключённый. Вы приказывали никого рядом…

Выражение лица Аэрона ан Аквилана было красноречивее всяких слов. Стражник громко сглотнул.

— Слушаемся, Ваше Величество! — гаркнул второй гвардеец. — Отведём его в дальнюю камеру!

Меня подхватили под руки и поволокли прочь. Я не сопротивлялся и, пока двери не закрылись, смотрел, как на тонких бескровных губах короля расцветает неприятная улыбка.

* * *

— Ты сегодня необычайно тихий.

Я неохотно оторвал голову от пола и приподнялся на локтях. Ольвидус сидел рядом, надувшись, как обиженное дитя. В руке он сжимал окровавленный кинжал. Я перевёл взгляд на свою ступню и с тупым безразличием уставился на открытую рану. Бессмертный доковырялся до кости — неудивительно, что он ждал от меня хоть какой-то реакции.

— Щекотно. — Я пожал плечами и лёг, для удобства подложив руки под голову.

— Так неинтересно! — Судя по лязгу, бог отшвырнул кинжал. И правда, совсем как ребёнок.

— Это же и было твоей целью, разве нет? — широко зевнув, спросил я.

— Да, но я думал, на это уйдёт больше времени.

Я не стал отвечать. Он ведь не ждал, что я кинусь его успокаивать?

Сколько увечий нужно нанести живому существу, чтобы в конце концов оно перестало чувствовать боль? Теперь я знал точно.

Бесчисленное множество.

Ольвидус истязал меня во снах, так что это никак не должно было повлиять на моё тело. И всё же повлияло. Я много размышлял, как именно у бессмертного это получилось, но так и не смог придумать разумное объяснение, кроме того, что Ольвидус — бог. Он и не должен подчиняться тем же законам мироздания, что и смертные создания, верно?

Каждый раз, возвращаясь из этой комнаты, я чувствовал, что изменился: стал сильнее, выносливее, бесчувственнее. Каждый раз, возвращаясь в реальность, я оставлял здесь часть себя. Поначалу я жалел об этом. Старался ухватить это незримое, удержать подле себя. Затем перестал — какой смысл стараться, если я даже не мог вспомнить, что именно у меня отобрали?

Я украдкой покосился на Ольвидуса. Он выглядел непривычно уязвимым сейчас, сидя у очага и обняв руками колени, он раскачивался из стороны в сторону.

Бессмертный вёл себя так передо мной не впервые. Чем тише я переносил истязания, чем быстрее становился равнодушен к переломам и порезам, тем капризнее и эмоциональнее вёл себя бог.

И вот, наконец, идеальный момент настал.

Уже достаточно долго меня терзал один вопрос, и в любой другой ситуации я бы ни за что не рискнул задать его, потому что, во-первых, мне не было дела до чужих проблем, а во-вторых, я и помыслить не мог, как Ольвидус отреагирует, если я вдруг стану лезть ему под кожу. Но теперь, когда он залез под кожу, совсем не в переносном смысле, мне, теперь, когда во мне больше не было страха к этому древнему существу, я решился. Мне хотелось вернуть ему хотя бы толику той боли, что он причинил мне.

— В тот день, когда сгорела «Струна», — начал я, стараясь скрыть довольную ухмылку, — произошло что-то странное, верно? Между нами, я имею в виду.

Ольвидус перестал раскачиваться и поднял голову. Похоже, он не понял, что я имею в виду, так что мне пришлось повторить вопрос. Взгляд бессмертного стал осмысленным, и я заметил, как он напрягся.

— Наши сознания слились, — пробормотал он.

— Я видел кое-что любопытное.

Бог промолчал, и это воодушевило меня лучше любых слов.

— Тот тёмный бард. — Ольвидус вздрогнул, точно его пронзило молнией. — Кто он?

Он был в каждом воспоминании — изящный мужчина с обсидиановой кожей и длинными ослепительно-белыми волосами. За столом в общем зале «Танцующей струны», на сцене, на подоконнике в четвёртой комнате на втором этаже. Он заразительно смеялся и ни на мгновение не выпускал из рук лютню.

Ольвидус долго молчал. Я предполагал, что бессмертный не ответит — у него не было никаких причин раскрывать свои тайны. Но бессмертный в очередной раз удивил меня.

— Самая чистая душа в этом насквозь прогнившем мире. Слишком доверчивая и не ведающая зла.

Огонь в очаге почернел, искры брызнули на ковёр. Вскочив на ноги, Ольвидус приблизился, схватил меня за грудки и рывком поднял с пола. Из его ноздрей валил пар, обжигая моё лицо, но я не стал сопротивляться и спокойно выдержал полный ярости взгляд.

— Будь осторожен, парень, — процедил он. — Внимательно выбирай, кому доверяешь свою жизнь.

Он отпустил меня и слегка оттолкнул от себя.

— Уходи. Я больше не желаю видеть тебя.

* * *

Это было самым приятным пробуждением за последнее

время.

Меня окутали ставшие привычными запахи плесени и ржавчины. Я сел на своей соломенной подстилке и потянулся, разминая затёкшее тело, и шумно выдохнул. Краем глаза я заметил что-то тёмное и дёрнулся от неожиданности. Мне понадобилось несколько мгновений, чтобы вспомнить, что так теперь выглядит моя рука — точно бумага, впитавшая разлитые чернила.

Альвы, приведшие меня в темницу, от моего увечья были не в восторге. Что ж, мне бы тоже не понравилось провалиться пальцами под чью-то кожу. Пока один гвардеец громко избавлялся от своего обеда в коридоре, его напарник послал за целителем, но тот, осмотрев меня, только развёл руками и оставил баночку с заживляющей мазью, однако оба мы понимали, что прошло слишком много времени. Мазь едва справлялась с тем, чтобы снимать воспаление с постоянно мокнущих язв. Какое-то время я даже гадал, что убьёт меня быстрее — пытки Ольвидуса или заражение крови. К счастью, всё, что я чувствовал теперь, — это лёгкое покалывание. Неприятно признавать, но у «уроков» Ольвидуса обнаружилась и полезная сторона.

— Кай? — позвал тихий, как шелест ветра, голос. — Ты проснулся?

— Да, — ответил я и подполз ближе к смежной с соседней камерой стене.

Я так и не понял, почему стражники так изумились, когда

король приказал привести меня именно сюда. Я ожидал, что буду вынужден выживать, деля пространство с каким-нибудь чудовищем, но мой сосед оказался вежливым альвом с приятным голосом.

— Сегодня ты не кричал, — заметил он.

— Сегодня мне не было больно.

— Рад слышать.

Вилтарин — так его звали — мне нравился. Моя камера располагалась чуть ближе к выходу, поэтому у меня не было возможности даже мельком увидеть его. Что он альв, я знал только с его же слов, но у меня не было причин не верить.

Мой сосед поведал, что я попал в темницу для особо опасных преступников. И сейчас, помимо нас двоих, здесь больше никого не было.

— Так уж вышло, что я очень провинился перед королём, — пояснил он. — По некоторым причинам он не может казнить меня, поэтому просто спрятал. С глаз долой — из сердца вон.

Вилтарин любил поговорить. Он имел привычку слегка растягивать слова, но меня это нисколько не раздражало. Мой сосед в юности много странствовал по Альберре: он побывал в каждом городе Златоцветных лугов и в каждом поселении Ветреных равнин; прошёл по караванному пути в землях Праведных и гостил у подгорцев в Драгоценных пещерах; однажды даже пересёк Скорбное море, чтобы увидеть хрустальные горы Долины печали и нифеидов, но даль-

ше Хладной гавани не зашёл. Впрочем, этому я не удивился — снежный народ известен своей замкнутостью всему миру. А вот то, что он бывал в Сафирее, по-настоящему поразило меня.

— Я занимал не последнее место при дворе, — со смехом отвечал он. Я не понимал, как у кого-то может быть настолько приятный смех, который хочется слушать и слушать. — Пожалуй, я не бывал только в Тенистых лесах. Но ты и сам понимаешь, почему.

Ещё Вилтарин многое знал о магии и с удовольствием объяснял мне теорию: о том, как чувствовать потоки, как безопасно брать взаймы силы у природы, как с помощью дыхательных практик расширить границы врождённого дара. Его методы не были похожи на советы Янира, основанные на наитии и чувствах. Я понимал далеко не всё, но внимательно слушал и запоминал, жалея только о том, что вмурованные в стены осколки тисина не позволят мне попрактиковаться здесь и сейчас.

— Так что ты услышал последним? — спросил мой сосед.

Перед тем, как я в очередной раз неожиданно уснул и отправился к Ольвидусу, Вилтарин как раз начал рассказывать, как его пригласили в Нирт'охин на бал в честь совершеннолетия Астерии ан Филомелана и как празднование превратилось в поиск жениха для будущего матриарха.

— Точно. Так вышло, что тётушка Велора посчитала меня самой выгодной партией. Не могу её винить — ритуал

сердец со мной действительно мог бы укрепить положение Астерии среди альвийской знати. Да и для меня, младшего сына, это было наилучшим вариантом. Только вот я в те годы был юным идеалистом: мне хотелось странствовать, изучать магию и науку и непременно жениться по любви. Я был глупцом.

— Не вижу в твоих желаниях ничего глупого! — горячо возразил я.

— Благодарю. — Я почувствовал в голосе Вилтарина улыбку. — Но жизнь и сердце аристократа ему не принадлежат. Значение имеют лишь выгодные для семей союзы. И всё же, несмотря на то, что с Астерией мы были добрыми друзьями, жениться на ней я не желал. В тот день я сбежал с приёма и до глубокой ночи просидел в кухонной кладовке. А на следующий день с благословения старшего брата отправился странствовать.

— Судя по твоим рассказам, у тебя всё получилось, — заметил я, радуясь за него, как за самого себя.

— О да! Я бы никогда не сумел узнать столько об истории Альберры и магии, просто корпя над книгами.

— А любовь? Ты встретил её?

Вилтарин промолчал. Я понял, насколько неуместен был мой вопрос, и запоздало прикусил язык. Наверняка я ненароком разбередил какую-то старую рану.

— Прости, — извинился я. — Конечно же, ты…

— Да, — вдруг перебил меня альв. — Я так и не женился,

но я встретил её. Далеко отсюда. Там, откуда я бы не смог забрать её при всём своём желании. Надеюсь, она вспоминает меня. Хотя бы иногда.

От необходимости отвечать на это откровение меня спасли чьи-то шаги.

— Похоже, это за мной, — хмыкнул я, обращаясь одновременно и к Вилтарину, и к Ольвидусу. — Сейчас опять поведут к венценосному недоумку.

— Ты очень необычный заключённый, Кай. Я попал сюда двадцать лет назад и тогда же последний раз видел солнечный свет. Я смирился, что проведу здесь остаток жизни, как и другие до меня. Но ты большую часть времени проводишь на аудиенциях с королём.

— Просто старик не может справиться с одной маленькой стекляшкой.

Вилтарин рассмеялся.

— Аэрон всего на пять лет старше меня, ему семьдесят девять лет. Что же, по-твоему, и я старик?

Что-то было в том, как легко он назвал короля по имени. В этом не было насмешки, только светлая тоска — так вспоминают хорошие времена, которые, как ни старайся, не получится вернуть.

— Не знаю, — я тоже не смог сдержать улыбки, — я тебя не видел.

— Ты, — дверь отворилась, и в камеру вошёл гвардеец, — на выход.

Я неторопливо поднялся и подошёл к альву, вытянув руки перед собой. Тисиновые кандалы сомкнулись на запястьях, и их вечный спутник — слабость — тут же захватила моё тело. Я глубоко вздохнул и последовал за стражем на встречу с самой большой ныне живущей сволочью альвийского королевства.

* * *

— Послушай, Величество, это ведь тебе нужна моя помощь. Не наоборот.

Лицо короля пошло багровыми пятнами. С каждой нашей встречей он терял терпение всё быстрее. Его выдержка трещала по швам, и от того невозмутимого альва, который вывалил на меня целый ворох несправедливых обвинений, почти ничего не осталось.

— Я мог бы приказать вырвать тебе язык за дерзость, — процедил он.

— Ага. Только вот в твоём распоряжении нет запасного мерфолка, — отмахнулся я.

Аэрон ан Аквилана в нервном возбуждении ходил из угла в угол, борясь с собственной гордостью. Я наблюдал за его метаниями с равнодушием и скукой — мне-то спешить некуда. Наконец он остановился и решительно встретился со мной взглядом.

— Сегодня утром я подписал указ о помиловании.

— И? — я приподнял бровь. — Ждёшь, что я поверю на слово?

— Придётся. Его огласят только завтра в полдень.

Я закатил глаза. Что ж, похоже, тут у меня и впрямь выбора нет. Даже если заставлю показать подписанный свиток, то всё равно ни слова не пойму. Да уж, матушка, тебе определённо стоило включить в моё обучение и уроки альвийского.

— Ладно, — нехотя согласился я. — Тогда начнём. Не хочу находиться в твоём обществе дольше, чем необходимо.

— Наши чувства взаимны, отродье.

Это началось на второй день. Люди короля пришли за мной и приволокли в эту крохотную, заросшую паутиной лабораторию. Оказалось, король отдал Гребень на изучение лучшим умам Златоцветных лугов, только вот стекляшка оказалась очень своенравной. Они так и не смогли придумать, как заставить Ольвидуса говорить, пока кому-то не пришла в голову гениальная идея допросить меня.

Многого они от меня не добились: не то чтобы я не хотел рассказывать, просто от моего желания наше общение с Ольвидусом никогда и не зависело. Тогда, вспомнив, что стекляшку достали у меня из ладони, кто-то из умников решил, что в этом и кроется секрет.

Тут всех ждал ещё один неприятный сюрприз — оказалось, что порезать руку и напоить Гребень кровью недостаточно. Конечно, я знал, что только мерфолк может слышать бессмертного, и даже великодушно предупредил об этом учёных, но разве кто-то поверил мне или хотя бы попытался прислушаться? Как итог, альв-доброволец лишился кисти —

она в считанные мгновения сгорела, не оценив подношения в виде грязной крови, как, смеясь до икоты, назвал её сам Ольвидус.

И так всё снова вернулось ко мне. Я согласился быть посредником между богом и королём, но не за благодарность — я потребовал помилования своих друзей. Кажется, Аэрону и правда позарез нужно было поговорить с Ольвидусом, потому что он, хоть и нехотя, но согласился на моё условие незамедлительно.

Сейчас я был рад, что никому не сообщил о том, что, накормив Гребень таким количеством крови в последнюю неделю, до сих пор могу разговаривать с Ольвидусом, даже находясь далеко. Лучше уж лицезреть этот спектакль с торжественным маханием стекляшки перед моим носом, чем лишиться возможности приходить сюда и отравлять альвийскому королю жизнь.

— Он может не ответить, — напомнил я, вспоминая неудачи предыдущих дней, когда Ольвидус наотрез отказался отвечать на вопросы Аэрона, зато ругался так, что мне было стыдно произносить подобные выражения вслух.

— Тогда на этот раз советую тебе хорошенько постараться и уговорить его. Указ о помиловании можно и отменить.

Я попытался сохранить невозмутимое выражение лица, хотя очень хотелось рассмеяться ему в лицо. Конечно, он не воплотит эту угрозу в жизнь. Я был уверен, что без меня у него ничего не выйдет, хоть наизнанку вывернись. И всё же

мне и самому было интересно, чем закончится сегодняшняя встреча, поэтому я позвал:

— Ольвидус.

«О, давай, поуговаривай меня, — тут же откликнулся бог. *— Любопытно послушать».*

— И не подумаю, — фыркнул я. — Нам обоим это одинаково выгодно. Чем быстрее закончим, тем скорее вернёмся в камеру и перестанем смотреть на эту физиономию.

Я посмотрел на красного от злости короля, только что молча проглотившего очередное оскорбление. Ольвидус немного помолчал, а затем неторопливо произнёс:

«Хороший ход! Так уж и быть, парень, окажу нам обоим услугу. Только вот ты с ним разговаривать не будешь. Давай, передохни немного. Уступи мне тело».

Я и не подумал спорить — пусть сам с этим разбирается. Расслабившись, я закрыл глаза, а открыл их уже безучастным наблюдателем.

«Только не перестарайся, — попросил я. — Хочу выйти отсюда живым».

Ольвидус согласно хмыкнул. Цепь громко звякнула, когда он поднял руки и зачесал мои волосы назад.

— Здравствуй, маленький король.

Похоже, что-то на моём лице подсказало Аэрону, что с ним говорю не я. Он отступил на шаг, но быстро взял себя в руки и постарался принять горделивую позу.

— Кайлтэн?

— Не люблю это имя, — лениво протянул бог. *— Впрочем, как и любое другое из тех, которыми меня называете вы, смертные. Но, полагаю, Владыкой ты меня звать не станешь.*

— Ты прав. Не стану.

— О-о-о, да-а-а, конечно, ведь Аэрон Гвилиэн ан Аквилана сам себе хозяин и господин.

Ольвидус поднялся на ноги. Он нагло прошёл мимо Аэрона к заставленным сосудами и пробирками столам. Мне очень хотелось увидеть выражение лица короля, но бессмертный упрямо смотрел на то, как в тигле выкипает какая-то серо-синяя бурда, словно ничего сейчас его не интересовало сильнее.

— Я знаю, что просто так ты не станешь отвечать на мои вопросы, поэтому…

— Всё зависит от вопроса, маленький король, — перебил бог. *— Начинай. Давай покончим с этим побыстрее.*

— Что ж, кхм, — монарх как-то подозрительно замялся. — Мальчик. Он слышит нас?

Бессмертный наконец оторвался от созерцания кипящей жижи.

— Нет, — зачем-то солгал Ольвидус, глядя королю в глаза. *— Он ничего не слышит и не вспомнит о том, что здесь произошло. Говори свободно.*

— В таком случае начнём с самого начала. Я желаю знать, как ты здесь оказался.

— *Очевидно, меня принёс он.* — Ольвидус ткнул меня в грудь моим же пальцем, а я мысленно закатил глаза — более глупого вопроса этот альв выбрать не мог? — *Следующий вопрос.*

— Но…

— *Следующий. Вопрос.*

В голосе Ольвидуса отчётливо послышалась угроза. Аэрон скривился, но всё же справился с собой.

— Мне необходимо знать подробности твоего плана: время, место. А ещё почему был избран именно этот мальчик.

Это начинало напрягать. Какого векса он ко мне привязался?

— *Да брось!* — Ольвидус рассмеялся, запрокинув голову. — *Твои учёные давно высчитали благоприятное время по движению звёзд. Ты знаешь, что всё должно случиться на исходе Туманных сумерек в глубине Мерцающей горы в Тенистых лесах. А вот последний вопрос… О да, последний вопрос волнует тебя по-настоящему. Что такое, маленький король? Неужели пожалел мальчонку?*

— Какая глупость! — возмутился Аэрон. — С чего бы мне жалеть это отродье?

— *Как грубо отзываться так о том, в ком течёт твоя кровь.*

«Чего?»

— Моей крови в нём меньше, чем крови этой подводной стервы.

Мне нестерпимо захотелось броситься на альва и перегрызть ему горло. Похоже, Ольвидус почувствовал моё желание и довольно хмыкнул.

— Ты не прав — в мальчишке всего поровну, а что до внешности… Что ж, нам всем надо порадоваться, что красотой он пошёл в мать, а не в твою родню.

«Ольвидус, что происходит?»

— Слушай внимательно, — вдруг рявкнул бессмертный. Король вздрогнул от неожиданности, а я затаился — очевидно, крик предназначался мне. *— Этот мальчик уникален, и ты, зная, кто его родители, сам прекрасно понимаешь, что рождение ещё одного такого невозможно… О! Что я вижу? Неужели настолько неприятно слышать о чьей-то уникальности? Но я понимаю твоё негодование, вечный второй номер.*

Ольвидус расхохотался. Аэрон выглядел так, словно жалел о том, что вообще всё это затеял.

— Что за чушь ты!..

— Да, точно! Давай лучше обсудим тебя, маленький король. Король, который получил свою корону случайно. Или, — бог шагнул к Аэрону, — *случайность вовсе ею не была?*

— Я больше не желаю слушать этот вздор!

Тут произошло неожиданное. Ольвидус развёл мои руки в стороны. Тисиновые кандалы порвались так легко, словно были сделаны из бумаги. Звенья цепи застучали по полу, а бессмертный рванул вперёд и, схватив альва за горло, впеча-

тал его в стену. Аэрон глухо застонал.

— Правду говорят — рождение однополых близнецов всегда ведёт к беде, — проговорил Ольвидус, а я почувствовал, как меня захлёстывает волной чужого удовольствия. *— Минута, всего одна жалкая минута сделала тебя бесконечно далёким от короны и власти. Второй в учёбе, второй в успехах, второй в жизни. Вечная тень старшего брата.*

— Замолчи! — прохрипел альв и попытался оторвать от себя мою руку, но Ольвидус только усилил давление и слегка приподнял короля над полом.

— И как же печально, что твой брат, превосходный наездник, свалился с лошади во время ежегодной охоты в честь Аэльвинда! Слышал, его голова попала прямо под копыта его же верного коня. Раскололась, как перезревший плод. Какая жалость, что он не оставил наследников. Как же его звали, не напомнишь?

Король промолчал — то ли не желал отвечать, то ли попросту не мог. Весело фыркнув, Ольвидус продолжил:

— Вспомнил! Аэлар. И ты назвал своего сына в честь почившего брата! Как трогательно! Прекрасная благодарность, ведь ты получил его корону, его невесту и… Ах да, нет никакого «и», ведь ты всё равно остался вторым.

Аэрон забился в хватке. Кончики его пальцев окутали золотые искры, но бог свободной рукой прижал к его коже тисиновые кандалы, всё ещё болтающиеся на моих запястьях.

— Ты выслушаешь меня, сопляк, хочешь ты того или

нет, — прошипел Ольвидус. — *Твой младший брат, твой анэстир. Его любил народ, от знати до бедняков. Он сумел стать магистром в юном возрасте, а твой уровень владения магией так и остался где-то на первом курсе вашей Академии, верно? Хотя это ты мог бы пережить. Мог бы проглотить, ведь твой младший брат приносил пользу и, что удивительно, совсем не стремился к власти. Но он сделал то единственное, за что ты простить его не мог. Скажешь сам? Нет? Что ж, тогда слушай: твой младший брат заполучил женщину, о которой ты мечтал с тех пор, как впервые увидел её.*

— Хватит!

— Впрочем, я был несправедлив к тебе, маленький король. В осторожности и проницательности тебе никогда не было равных. Ты всегда имел привычку продумывать всё наперёд. Ты один из немногих, кто видел эту женщину насквозь, а таких можно по пальцам одной руки пересчитать! Ты знал, как сильно прогнило её сердце, но желание обладать, сделать её своей пересилило здравый смысл. Ты прекрасно знал, что она обманула твоего младшего брата. Ты знал об этом, когда он, верный глупец, пришёл каяться в том, что сотворил. И как ты отплатил ему? Запер в самом холодном и далёком уголке дворца. Ты оставил его там умирать от тоски и одиночества, но, несмотря на то, что ты сделал, по какой-то причине он всё ещё любит тебя.

И, мгновение помолчав, добавил:

— Бедняжка Вилтарин.

Наконец, Ольвидус разжал руки. Король упал на колени, судорожно хрипя и пытаясь отдышаться.

Я почувствовал себя бесконечно усталым. Слишком много всего. Мне необходимо время, чтобы прийти в себя и осмыслить всё, что я услышал. Мне необходимо отдохнуть.

— Хватит с тебя на сегодня, — бросил Ольвидус, отряхивая ладони, обращаясь то ли ко мне, то ли к Аэрону. *— А теперь зови своих стражников и прикажи вернуть мальчика в его камеру. Я ожидаю, что завтра он услышит, что ты выполнил обещание и привёл указ о помиловании в исполнение. Я не желаю, чтобы мой дорогой змеёныш расстроился, узнав, что все его новые друзья лишились голов. Понятно?*

Аэрон ан Аквилана кивнул.

— И на будущее: бога, даже в чужом теле, нельзя подавить тисином. В следующий раз советую использовать ту гадость, в которую ты заковал зверя Вильтура.

Я ощутил, как Ольвидус ослабил давление, и сообразил, что от меня требуется. Состроив растерянное лицо, я уставился на короля. Заметив перемену, он вскочил на ноги, покачнулся и, едва не упав, бросился к двери.

— Стража! Ко мне!

Гвардейцы тут же заполнили крохотную лабораторию, осмотрели всё ещё багрового короля, потерянного меня, звенья цепи кандалов, рассыпанные посреди комнаты, и, оценив обстановку, выхватили мечи.

— Нет! — Аэрон остановил их. — Отведите его в темницу.

Стражники не посмели спорить. Убрав оружие, они вывели из лаборатории. Я позволил им надеть на мои глаза повязку и не сопротивлялся, когда они, подхватив меня под руки, повели прочь.

— Похоже, ты только что подписал мне смертный приговор, — сказал я на аквальтике.

«Глупости. Он запрёт тебя в клетку и перестанет вызывать, только и всего».

— Ты так уверен?

«В тебе течёт кровь Бриллаара, а Аэрон очень щепетилен в этом вопросе. Парень, я намеренно говорил на общем языке, а ты пропустил всё мимо ушей?!»

— Я слушал! — огрызнулся я. — Но мало что понял.

«Тогда ещё раз обдумай часть про старшего брата. Наш король уже пролил достаточно высокой крови. Вообще-то, — Ольвидус фыркнул, — *убивать близнеца он не хотел — только покалечить, чтобы тот сам отрёкся от трона. Но получилось как получилось».*

— Точно! — воскликнул я. — Так мой сосед — это…

«Да, — перебил меня бессмертный. — *Только не заставляй его признаваться, а то альв может что-нибудь с собой сотворить, лишь бы защитить образ непогрешимого короля. Сомневаюсь, что тебе хочется стать причиной его смерти».*

— И всё же. Допустим, король сохранит жизнь мне. Но что помешает ему уничтожить указ о помиловании, особенно после твоей выходки? Думаешь, внемлет угрозе?

«О, насчет этого не беспокойся. Скорее всего, он обдурил тебя, и никакого указа вовсе не было».

— Тогда какого?..

«Я же сказал — не беспокойся. Аэрон просто не успеет ничего сделать».

* * *

По коридору подземелья я шагал в препоганейшем настроении. Не беспокойся! Подумаешь, все твои друзья будут казнены! Ты главное не волнуйся!

Вот ублюдок.

— Заходи.

Надсмотрщик открыл дверь камеры и втолкнул меня внутрь. Не успел я восстановить равновесие, как пространство разорвал оглушительный звон колокола.

Я невольно зажал уши. Насколько же громко, должно быть, сейчас снаружи, если звук долетел аж сюда. Я посмотрел на надсмотрщика и застыл: смертельно побледнев, альв какое-то время смотрел на потолок, а затем повернулся лицом к коридору. И, к его сожалению, спиной ко мне.

Этим и воспользовался Ольвидус. Я не ожидал нападения, так что бог легко подавил меня, завладел телом и кинулся на надсмотрщика. Раздался хруст. Альв обмяк и рухнул на пол. Бессмертный тут же отпустил меня, и я заорал:

— Ты совсем сдурел?!

«Выбирайся, парень! Сейчас всему дворцу не до охраны заключённых».

— Почему? Что вообще происходит? Векс, почему от тебя столько проблем!

— Кай?

Зов был тихим, но я услышал. Точно, Вилтарин. В раздражении одёрнув полы балахона, я склонился над мёртвым альвом, радуясь, что не вижу его лица, и снял с его пояса ключи, а затем перешагнул через него и осторожно выглянул в коридор. Поблизости никого не было. Решившись, я подошёл к соседней камере, быстро вставил ключ и повернул его.

Замок щёлкнул. Не давая себе времени на раздумья, я переступил порог.

В глубине каменной клетки сидел альв. Его лицо было скрыто в густой тени, такой неестественной, что казалось, это моё сознание пытается защитить меня от того, что я могу увидеть.

— Я здесь, — сказал я.

Тень дёрнулась. Вилтарин поднялся на ноги, но ко мне подходить не спешил.

— Ты знаешь, что происходит? — спросил я, изо всех сил вглядываясь в темноту.

— Набатный колокол, — тихо ответил он. — Он звучит только в двух случаях: либо умер король, либо на дворец напали.

— Король жив. Я видел его меньше часа назад.

— Значит, нападение. — В его голосе слышалось облегчение.

Наконец до меня дошло, о чём говорил Ольвидус. *«Он не успеет».*

Это мой шанс. Шанс отыскать друзей и освободить их. Шанс отыскать магуса, который вернёт меня домой.

Он нечто большее, чем просто твой шанс на спасение.

Я не смог просто отмахнуться от этой мысли. Каждая секунда была на счету, с нападающими в любой момент могли разобраться, но я должен был знать, верна ли моя догадка. Я узнаю правду здесь и сейчас.

— Ты знаешь, кто я?

Вилтарин медленно приблизился. Тень отступила, и у меня защемило в груди. Когда-то этот альв был очень красив, но годы заточения превратили его в бледную тень себя самого. Грязная одежда висела на нём мешком. Осунувшийся, с посеревшей кожей, он щурился от неверного света горящих в коридоре факелов.

— Мерфолк? — Жёлтые глаза Вилтарина изумлённо округлились.

— Да.

— Нет, — задумчиво произнёс он, подходя ближе.

Он неуверенно поднял дрожащую руку — кожа да кости — и положил ладонь на мою щёку.

— Ты не мерфолк. — Потрясение на его лице сменилось

лихорадочным возбуждением. — Ты полукровка.

Он улыбнулся, а я до крови прикусил губу, чтобы не разрыдаться.

— Дитя, — прошептал он, — ты так похож на свою мать.

Глава 20 (Кайриус). А когда проблем не было?

Повисшая между нами неловкость была такой густой, что хоть ножом режь, поэтому, когда тревожный колокол на мгновение задохнулся и где-то далеко послышались крики, я почувствовал облегчение. Втолкнув Вилтарина обратно в камеру, я закрыл дверь и прислушался: набат грянул с новой силой — ещё громче и надрывнее, чем прежде, хороня все посторонние звуки.

— Мне нужна помощь.

Вилтарин растерялся. Я догадывался, как сильно ему хотелось усадить меня на подстилку из гнилой соломы и расспросить обо всём. И я отчаянно желал того же, но на рассказ уйдут часы, а у нас…

— Нет времени. — Стиснув зубы, я взял альва за плечи и легонько встряхнул. — Со мной сюда привезли людей и аристократку, и я должен найти их. Они мои… друзья.

Слово легко соскользнуло с губ. Произнесённое вслух, оно обрело вес. Стало обещанием: Яниру, Альрун, всем Вейнарменнир и, в конце концов, себе самому. Прошлый я даже не вспомнил бы о них. Тот, кем я был раньше, без раздумий попросил бы Вилтарина указать мне путь к магусам, способным вернуть меня домой. Туда, где я бы спрятался в своей

хижине и медленно чах от одиночества, упрямо полагая, что поступил правильно.

Я больше не мог убегать. Не мог и не хотел.

— Хорошо. — Вилтарин кивнул. — Тебе надо добраться до выхода, но за ворота не выходи. У левой стены есть…

— Постой. — Я перебил альва. — Разве ты не собираешься показать мне дорогу?

— Прости, Кай. — Он с грустью посмотрел на меня. — Но я не могу пойти с тобой.

— Это… Почему?

Вилтарин опустил голову и медленно опустился на свою лежанку.

— Я не имею права уйти отсюда. Не после того, что сделал.

— Что за чушь?! — Злость поднялась во мне, вскипела, как вода в котле. — Конечно, ты можешь уйти!

— Боюсь, ты не понимаешь…

— Чего именно? Что ты столько лет сидишь здесь из-за меня?

— Бриллаар, нет! Ты совершенно не при чём! В этом только моя вина.

— Ты считаешь меня ошибкой? — прямо спросил я, не имея ни сил, ни желания подбирать слова.

— Конечно же нет! Это… Как могу я жалеть о дарованной жизни, иса фэль? — Он протяжно выдохнул и спрятал лицо в ладонях. — Я предал своего короля.

— Нет. Ты предал себя. — Я упал перед ним на колени. — Ты правда готов похоронить себя здесь, сохраняя верность тому, кто никогда не оценит её? Готов до конца своих дней утопать в вине за то, что однажды полюбил?

Альв молчал. Я на мгновение прикрыл глаза, успокаиваясь, и тихо проговорил:

— Когда меня привезли во дворец, Аэрон сразу понял, кто я такой. И знаешь что? Он улыбался, когда отдавал приказ своим гвардейцам привести меня сюда.

Вилтарин дёрнулся, как от удара. Понимание, медленно проступающее на его лице, не принесло мне радости. Я бы предпочёл не бередить чужие раны, но уговоры тут не помогут. Нужно что-то весомое, что-то, что заставит его пожелать покинуть темницу.

— Есть ещё одна вещь. Так получилось, что я принёс в Теролану реликвию своего народа, и её забрал Аэрон.

— Реликвию?

— Гребень. Штуку, с помощью которой наши жрицы говорят с Ольвидусом.

— Филактерия?!

«Вот же болтливый альв!»

— Ты принёс с собой сосуд божественной души? — Держась за стену, Вилтарин поднялся на ноги.

— Возможно?..

— Аэрон заполучил ещё одну филактерию, — прошептал он, глядя на покрытый плесенью потолок.

— Ещё одну?

— Это плохо. — Альв бестолково заметался по камере. — Это очень, очень плохо. Надо спешить. Надо забрать её, пока не случилось беды…

— Стой! — Я поймал Вилтарина и развернул лицом к себе. — Успокойся. Дыши. Сначала мы пойдём и вытащим моих друзей, а потом пойдём и заберём у короля стекляшку.

— Нет! — Вилтарин и не думал успокаиваться. — Важнее забрать филактерию, и чем скорее, тем лучше, она…

— Она уже шесть дней у Аэрона, и он даже поговорить с Ольвидусом не может без моей помощи! К тому же, — я прислушался к набату, который, похоже, и не собирался умолкать, — сейчас у Величества есть дела поважнее. Так что сейчас ты покажешь мне дорогу в другую темницу, а затем мы большой и дружной компанией отправимся навестить твоего брата. Хорошо? — Получив утвердительный кивок, я скомандовал: — Тогда вперёд.

* * *

— Обопрись на меня.

— Но твоя рука, — неуверенно возразил Вилтарин. — Разве она не болит?

— Пустяки, — отмахнулся я. — Разберусь с этим позже. Обопрись, или я понесу тебя на спине.

— Не обращайся со мной, как со стариком, — проворчал альв, но всё же послушался.

Я прикусил язык, сдерживая ругательства. Вилтарин ни-

чего не весил. Казалось, я просто закинул себе на плечо пустой мешок, который почему-то убеждал меня, что он в полном порядке. Уму непостижимо, как в этом теле всё ещё теплится душа.

Шли мы медленно, а проклятый коридор никак не заканчивался. Наши шаги — гулкий стук моих сапог и шарканье Вилтарина — эхом отскакивали от стен.

— Как тебя зовут на самом деле?

— М? — Я слегка повернул голову к Вилтарину.

— Кай — это ведь не твоё настоящее имя. Я немного сведущ в традициях сафирейцев и понимаю, что тебя не могли назвать так.

«О, наконец-то! Расскажи ему, как предпочёл своему истинному имени глупую кличку».

— Это моё имя, — возразил я, игнорируя Ольвидуса. — Короткое. И я бы предпочёл, чтобы ты продолжал называть меня так. Но признаю, ты прав. При рождении мне было дано имя Кайриус.

— Кайриус, значит. Кай-ри-ус. — Он произнёс имя по слогам и удовлетворённо кивнул. — Воин глубин.

— Ты знаешь аквальтик?

— Немного. — Вилтарин слегка задыхался. Наш быстрый шаг — почти бег для измученного тела альва — отнимал у него много сил. — Твоя мама всегда придавала большое значение именам. Она бы не назвала тебя менее… величественно.

Я нахмурился. Меня снова посетило это странное чувство: крохотное, неуловимое, оставляющее после себя неприятный зуд в груди и горечь на кончике языка. Такое случилось со мной на самой первой аудиенции у короля, а после — пару часов назад при разговоре Ольвидуса с Аэроном. И вот снова. Все они — Вилтарин, Ольвидус, Аэрон — говорили о маме так, словно совсем её не знали. Словно опальная слышащая Адва существовала только в моём воображении.

— Как она? — негромко спросил Вилтарин. — По-прежнему служит в храме?

От неожиданности я зацепился о собственную ногу, споткнулся и едва не полетел на пол вместе с альвом.

Он ничего не знал. Ни о нашей жизни в трущобах, ни о её болезни, ни о том, что почти два месяца назад я проводил маму в последний путь. Векс! Да он даже об её изгнании не знал!

Восстановив равновесие, я задумчиво пожевал губу, пытаясь подобрать правильные слова. Как сообщить, что женщины, которую он любил, больше нет в живых?

— В общем…

— Тише! — вдруг шикнул Вилтарин. — Мы близки к выходу.

— Подожди здесь. — Избавленный от необходимости отвечать на неудобный вопрос, я оставил своего спутника у стены, а сам осторожно двинулся вперёд.

Длинный коридор резко уходил вправо. Я знал, что прямо за поворотом увижу стол надсмотрщика, который сейчас остывал в моей камере со сломанной шеей, а за столом — небольшой лестничный пролёт, ведущий в неприметный и поросший сорной травой дворик. А вот что находится за его пределами, я понятия не имел, потому что каждый раз путь сюда я проводил в компании плотной повязки на глазах.

Двор был пуст — кто бы ни кричал здесь раньше, они уже покинули это место. Бегло осмотревшись и убедившись, что опасности нет, я вознамерился вернуться за Вилтарином, но, развернувшись, столкнулся с ним нос к носу.

На меня альв не смотрел. Он стоял в дверном проёме, тяжело дыша и обессиленно привалившись к стене.

— Солнце, — прошептал он, задрав голову к небесам и подслеповато щурясь.

Теперь, когда неверный свет факелов больше не сглаживал неприятную правду, я смог рассмотреть Вилтарина как следует. Свет Кира сделал его ещё бесцветнее и тоньше. Он походил на хрупкую ветвь дерева, чьи корни много лет не касались воды. Длинные волосы плащом укрывали фигуру альва, волочились за ним по земле, собирая пыль и грязь. И они были полностью седыми.

— Я слишком долго пробыл рядом с тисином, — сказал альв, поймав мой взгляд. Он поднял дрожащую руку, и на его измученное лицо легла тень в форме ладони. Полупрозрачная кожа с тонкой сеткой голубоватых вен, казалось, свети-

лась изнутри. — Когда магии не осталось, он начал поглощать мою жизнь.

Я отвернулся, не находя слов. Что я мог сказать душе, долгие двадцать лет запертой в холодной темнице, которая медленно, но неотвратимо пожирала отведённые ему годы?

— Прости, иса фэль. Мне жаль, что ты видишь меня таким.

— Если кто и должен просить прощения, так это Аэрон! — тут же вскинулся я. — И я заставлю его ответить!

Я ожидал, что Вилтарин возразит, попытается защитить короля, и приготовился спорить, но альв молчал. Когда я повернулся к нему лицом, он улыбнулся.

— Ну-ну, не будь так суров. Я всё ещё жив, — произнёс он, и тон его голоса так ясно напомнил мне мамин, что я тут же отвёл взгляд.

— Далеко отсюда до другой темницы? — торопливо спросил я, неловко откашлявшись.

Вместо ответа Вилтарин так быстро, как только мог, зашагал вперёд. Вопреки моим ожиданиям, он направился не к воротам, а к заросшей диким виноградом стене и, запустив руки под ломкие ветки, принялся ощупывать камни. Я наблюдал за ним с лёгким недоумением — ровно до того момента, пока один из кирпичиков не провалился под рукой альва. Что-то щёлкнуло, сухо заскрежетало, и часть стены под ладонью альва легко сдвинулась с места.

— Мы пришли.

— Шутишь? — вздохнул я, подходя ближе к самодовольно улыбающемуся Вилтарину. — Мы всё это время находились на заднем дворе основной тюрьмы?

— Не совсем, — возразил альв. — Наша появилась раньше, так что правильнее будет назвать задним двором именно эту тюрьму.

«Занудством ты пошёл в ан Аквилана, парень. Это же просто невозможно терпеть!»

— Я пойду первым.

Высокие дымчато-белые башни, увенчанные изящными шпилями, украшенные ажурной резьбой стены — это место не выглядело как тюрьма, скорее как очередное дворцовое ведомство. Без Вилтарина я бы искал очень долго.

Но красивый фасад оказался неспособен скрыть вонь разложения, въевшуюся в каждую щель. Слишком много в этих стенах было пролито крови, она успела впитаться в пол, уйти в землю и отравить её. Сам воздух здесь был пропитан болью и страхом.

— Мне вот всё покоя не даёт: зачем нужны две тюрьмы? — шёпотом спросил я у шедшего за мной Вилтарина.

— Мой прадед, Вирион Второй, под конец жизни и правления немного помешался, — пояснил альв. — Думал, что его хотят свергнуть, и со временем стал считать заговорщиками всех вокруг. Любой косой взгляд, неосторожное слово — и ты в тюрьме. Через пару месяцев оказалось, что старая темница не может вместить столько заключённых, так что

Вирион приказал построить новую, больше и крепче. Правда, сам он до завершения строительства не дожил.

— Что, неужели оказался прав?

— И да, и нет. Заговор и правда был: Вирион нанёс личное оскорбление семье ан Кигана, которая в годы его правления была весьма влиятельной при дворе. Только сделать ход они не успели — прадед умер сам. Сердце остановилось во сне. А вот тюрьма осталась и со временем стала основной.

Я поднял руку, вынуждая Вилтарина остановиться. Мы дошли до конца тюремной стены, и я осторожно выглянул за угол. Вход охраняли два гвардейца. Оба напряжённые, с прямыми, как корабельные мачты, спинами, они неотрывно смотрели на кованые ворота, а их перчатки скрипели на древках поднятых алебард.

Беззвучно выругавшись, я прикрыл глаза и прислушался к потоку. Вне тисиновых стен мои силы восстанавливались, но не так быстро, как мне бы хотелось. Сейчас я не смогу защитить ни Вилтарина, ни себя самого, но стражников иначе не обойти. Надеюсь, пары вылетевших из ниоткуда ледяных глыб будет достаточно.

— Так, — выдохнул я, — я постараюсь застать их врасплох. Не высовывайся, пока я не скажу. Пообещай, что не полезешь спасать меня.

— Я не могу такое… Погоди, я что-то слышу!

Приподняв бровь, я выжидающе смотрел на Вилтарина, лицо которого с каждым мгновением становилось всё более

напряжённым. Я выглянул за угол как раз вовремя.

Стражники резко обернулись ко входу в тюрьму. Один из них, уронив алебарду, вскинул руки к лицу и, сделав несколько нетвёрдых шагов спиной вперёд, полетел со ступеней и упал в траву, сотрясаясь в конвульсиях. Второй только успел вскрикнуть, когда на его плечо опустился большой меч, легко рассекая тело вместе с доспехом.

На свет вышли две очень знакомые фигуры: подтянутый лучник с рыжими, точно всполохи огня, волосами и здоровяк с татуированной лысиной.

— Постой!.. — воскликнул Вилтарин, когда я, коротко усмехнувшись, вышел из укрытия и решительным шагом направился к ним.

— Чтоб меня разорвало! Кайриус?

— Это я, — спокойно ответил я, пальцами отводя от своего носа наконечник стрелы. — Смотрю, со спасением я слегка припозднился.

— Спасать! — фыркнул Фрост, опуская лук. — Прибереги свои глупости для Янира, брат. Он обожает все эти сказочки про девиц в беде и кидающихся за ними в самое пекло принцев.

Лучник склонился над одним из стражников, а затем поставил ногу на его грудь и выдернул из глазницы стрелу. Та вышла с тихим хлюпаньем, и Фрост, придирчиво осмотрев наконечник и древко, отправил стрелу обратно в колчан.

— А если без шуток, то выбрались мы благодаря Сварте.

— Не знал, что она умеет взламывать замки, — заметил я, отмечая про себя, что действия Фроста не вызывают во мне былого отвращения, лишь нездоровое любопытство. Кажется, что-то подобное со мной проворачивал Ольвидус.

— Не умею, — сказала девушка, вырастая в дверном проёме и с удовольствием потягиваясь. Лицо у неё почему-то было в крови. — Все стражники поднялись по тревоге, внутри остался только наш надсмотрщик, а он, похоже, от страха чокнулся. Всё ходил перед нашей камерой, голосил, что дворец вот-вот падёт и мы все умрём. Я ему ещё в первый день приглянулась, и он решил, что раз умирать — так лучше уж от наслаждения, чем от чужого меча. — Девушка сплюнула на землю.

— Он был симпатичным, — прогрохотала Хильде, появляясь с опирающимся на неё Тарви. Я приветливо кивнул им.

— Не спорю. — Сварта жутко улыбнулась, демонстрируя розоватые зубы. — Но если бы он спросил разрешения прежде, чем стягивать портки, тогда, может, сохранил бы горло целым.

«Мне нравится эта девочка! Ах, если бы я мог забрать её… Настоящая чёрная жемчужина…»

— Держи свои грязные фантазии при себе, старик, — процедил я себе под нос.

«Ты кого стариком назвал, змеёныш? — возмутился Ольвидус. — *Я в самом расцвете сил!»*

— Красавчик?

Я вскинул голову. В дверях стоял Янир. Лохматый, грязный, измученный, но живой и с неизменной лютней за спиной.

— Ты ведь не снишься мне? — Рука барда потянулась ко мне. Я, как заворожённый, уставился на него, а затем, в два шага преодолев разделяющее нас расстояние, обнял его так крепко, что дыхание перехватило.

— Помнится, проблемы со сном из нас двоих были у меня, — прошептал я. — Тебе бы не помешало помыться, дружище.

— От тебя тоже не полевыми цветами пахнет, — весело оскалившись, парировал бард.

— А где?.. Погоди, это что, борода?

Янир как-то странно взглянул на меня и поскрёб то, что я назвал бородой, хотя вообще-то до бороды того же Ронара барду было далеко. Так, длинная щетина, не более, к тому же в местах, где кожу пересекали шрамы, волосы не росли. Но каким-то невероятным образом даже это Янира не портило.

— У меня вроде как не было возможности побриться с тех пор, как нас запихали в повозку. Я понимал, что тебе немного не до того, что вокруг происходит, но чтобы так?

— Прости. — Я сжал переносицу и крепко зажмурился. Мне стало неловко: я провёл бок о бок с Яниром неделю и ничего не заметил, поглощённый собственными проблемами.

— Ладно, о твоей наблюдательности поговорим потом. Сейчас у нас есть проблема поважнее, и довольно серьёзная. — Бард разом собрался и посуровел. — Мы не нашли Рона-ра.

* * *

Удивился ли я? Ни капли. То ли сил не осталось, то ли просто привык. Конечно, у нас проблемы. А когда их не было?

Покончив с приветствиями, мы расселись кругом в тени тюремной стены, решая, что делать дальше. Прямо напротив меня сидела Селмор, и я изо всех сил старался лишний раз не смотреть на девушку, потому что каждый взгляд мысленно возвращал меня в тот вечер, и мои щёки начинали пылать от смущения. Я вспоминал холод менгира, гибкое тело в своих руках и яблочно-солёный аромат её пушистых волос, и я с трудом подавлял в себе желание вскочить на ноги и умчаться от глаз цвета морской волны как можно дальше.

— А ты что думаешь? — Янир ткнул меня локтем в бок.

— Надо освободить всех заключённых, — я откашлялся, отмахиваясь от непрошенных образов и сосредотачиваясь на обсуждении.

Большинство согласно закивали, но Хильде возразила:

— У нас нет времени выводить их дворца.

— Не надо их выводить. — Я покачал головой. — Отоприте камеры и покажите дорогу в оружейную, пусть они сами распоряжаются своей свободой. В любом случае, нам лиш-

няя суета во дворце только на руку. А вот что до Ронара… Вилтарин, во дворце есть ещё темницы?

До сих пор молчавший альв поднял голову. Если среди Вейнарменнир и были недовольные тем, что он сидел среди нас, то они ничем этого не выдавали. Не после того, как я представил его и сказал, что Вилтарину можно доверять, а Янир крепко пожал ему руку и усадил рядом с собой.

— Нет, — твёрдо ответил он и отпил из небольшой кружки укрепляющий отвар, который на скорую руку приготовила для него Ингрид. — Только эта и старая, где сидели мы с тобой. Крепче тюрем только Ледяная комната, но там вашему другу нечего делать.

— Но где-то же его должны держать?

Повисла тишина. Мысль о том, что молодой хъёльвдин мёртв, Вейнарменнир решительно отмели.

— Просто поверь, — покачал головой Янир. — Если бы он умер, мы бы знали наверняка.

Я ничего не понял, но допытываться не стал. Векс знает, как у людей всё устроено: какая-то особая связь или ещё что…

«Спроси своего папочку про красные цепи».

— Чего? — громко спросил я, и все взгляды тут же обратились ко мне.

«Красные цепи, парень, — устало повторил Ольвидус. — *Здоровяк был обмотан ими с ног до головы».*

— Слушай, сейчас не до твоих дурацких шуток! — отре-

зал я. — Говори прямо или не лезь, если не можешь помочь!

«Да просто намекни им! — прикрикнул бог. — *Сами вы будете до Кристального безмолвия думать, а у меня столько времени нет!»*

Я с силой потёр лицо ладонями и тяжело вздохнул.

— На Ронаре были красные цепи?

— Красные цепи? — воскликнул Вилтарин. — Это точно?

— Да, — неожиданно для всех ответила Селмор. — Я видела.

— Опиши подробнее. — Альв поставил кружку на траву и подался вперёд. — Ну же, это важно!

— Ммм, на Ронаре были цепи, много цепей, и ещё намордник, — медленно проговорила девушка и прикрыла глаза, вспоминая. — И выглядели они странно. Как раскалённый металл. Не знаю, что это. Раньше никогда такой не видела.

Вилтарин с нечитаемым лицом повернулся к Яниру. Бард неуверенно посмотрел на альва в ответ, но тут же отвёл взгляд. Его кадык дёрнулся, когда он гулко сглотнул.

— Кто он такой?

— Простите? — тонким голосом спросил Янир, глядя прямо перед собой.

— Ваш друг. Ронар. Кто он такой?

Я начал угадывать раздражение в голосе Вилтарина.

— Наш командир и мой старший брат.

— Я не о том спрашиваю! — Альв вдруг вскочил на ноги

и навис над Яниром. Я подорвался следом, становясь между ними. — Что он такое? С кем он делит своё тело?!

Я непонимающе уставился на Вилтарина, а затем обернулся и посмотрел на сидящих на земле людей. Вейнарменнир все как один побледнели. Они избегали взгляда альва и испуганно переглядывались между собой.

Ольвидус захихикал, и я похолодел. Смех бессмертного никогда не сулил ничего хорошего.

— Боги, юноша! — Рявкнул Вилтарин, слишком грозно и громко для такого тщедушного тела. Смотрел он только на Янира. — Твоего брата могут прямо сейчас препарировать учёные! Во дворце не меньше полусотни лабораторий, и все находятся в разных местах! Чтобы указать верный путь, я должен понимать, с чем именно мы имеем дело, но я не смогу помочь, если ты продолжишь упрямиться!

— Янир. — Я ухватил тяжело дышащего барда за запястье и рывком поднял его на ноги, а затем потянул за собой, уводя в сторону от остальных. — Вилтарин знает этот дворец как свои пять пальцев, и сейчас он единственный, кто может нам помочь.

— Дело не в том, что я не хочу принять его помощь. Но то, что происходит с Ронаром, это тайна нашего клана. Я не могу раскрыть её. — Бард попытался отвернуться, но я не позволил.

Обхватив чужое лицо ладонями, я заставил Янира смотреть на меня и тихо спросил:

— Она ценнее жизни твоего брата?

Бард шумно втянул воздух. Его рука взметнулась к лицу, пальцы провели вниз по шрамам. Он медлил, а я не давил. Я был уверен, что он выберет Ронара, но он должен был принять это решение сам.

Отстранившись, он повернулся к остальным.

— Он фирвендир.

— Янир! — Хильде вскочила на ноги и шагнула к барду, но он жестом остановил её.

— В отсутствие Ронара командование принимаю я, Хильде, — отрезал Янир не терпящим возражений тоном и расправил плечи. — И решения принимаю тоже я. Так сказал хъёльвдин, и я подчиняюсь.

Это заставило девушку отступить. Хильде медленно опустилась на землю, молча подчиняясь приказу. Она не выглядела недовольной — скорее напуганной тем, что может произойти, когда бард откроет тайну своего клана чужакам.

— Он фирвендир, — повторил Янир, обращаясь к Вилтарину.

— Фирвендир? — переспросил Вилтарин. — Прости, юноша, но я не говорю на симейгир. Что это означает?

— Ронар — носитель Урсенгара, медведя Вильтура.

* * *

— Встретиться предлагаю у Янтарного дуба, вот здесь. — Вилтарин закончил чертить на земле схему дворца, поставив крестик между библиотекой и музыкальной комнатой коро-

левы. — Это укромный уголок, по крайней мере, был им раньше. Не думаю, что пока я отсутствовал, это стало любимым местом отдыха дворян.

— Пойдёт. — Янир деловито кивнул. — Всем всё ясно? Повторять не надо?

Вейнарменнир согласно загудели. План был прост до безобразия и построен в основном на нашем везении. Основная группа, возглавляемая Хильде, должна была освободить заключённых и вместе с ними отправиться сеять смуту в дворцовых переулках. Вторая же группа, состоящая только из меня, Вилтарина и Янира, отправлялась за Ронаром и запертой в гостевом крыле Альрун.

— Мы справимся втроём! — пресёк споры и возражения со стороны своих соклановцев Янир. — Так мы привлечём меньше внимания. У меня достаточно сил, чтобы очаровать врагов, а красавчик способен вскрыть любой замок. — Я смущённо почесал нос, полагая, что бард явно переоценивает мои возможности, но отрицать не стал — мне понравилось восхищение в его голосе. — Вилтарин же покажет нам самый короткий путь.

Весомых доводов против ни у кого не нашлось, поэтому все подчинились Яниру, который неожиданно из главного шутника и души компании преобразился в командира, став невероятно похожим на своего брата. Нет, внешне они так и остались разными, словно дуб и ясень, но непреклонный суровый характер и стальная воля точно были их отличитель-

ной семейной чертой.

— Что ж, пора. Маннафатир…

Янир не произнёс напутствие до конца. Небеса расколол полный ярости и восторга крик. Мы все задрали головы, глядя на зависший напротив солнца крылатый силуэт.

— Госпожа! — крикнула Селмор.

Девушка вдруг вытянулась струной и застыла. Взгляд её был направлен на Вальду, но разум Селмор витал где-то далеко. К ней медленно, также не отрывая глаз от Вальды, подошла Сварта. Стоя плечом к плечу, девушки смотрели вслед улетающей прочь богине.

— Эй. — Я тронул Селмор за плечо, и она крупно вздрогнула, словно очнулась от глубокого сна.

— Что за… — потерянно произнесла она, растерянно моргая. — Что это было?

— О чём ты? — не понял я.

— Это воспоминание, — пробормотала Сварта, а затем обхватила ладонь Селмор своей и крепко сжала. — Она наконец призвала нас.

Глава 21 (Альрун). На грани.

Кир палил нещадно, напекал голову, нагревал эмвиановый доспех, заставляя кожу под ним плавиться. Запах гари забивал лёгкие, раздражал ноздри, драл горло, уговаривал остановиться и отдышаться, передохнуть хоть секундочку, а лучше сесть в тени какой-нибудь пока ещё целой дворцовой башенки и прятаться там, пока всё не закончится.

Я отмахнулась от этих глупых мыслей. Обливаясь потом и изнемогая от жары, я продолжала бежать, не щадя ног. Позади звучала лёгкая поступь Ренвика, чуть впереди золотым знаменем развевались волосы Алистиана. Брат знал каждую улочку, каждый закуток дворца и уверенно вёл нас вперёд. Я смотрела на его широкие плечи, и моё сердце переполняла бесконечная благодарность. За то, что не дал отцу забрать меня. За то, что, когда прозвучал сигнал тревоги и я, стоя посреди разрушенных покоев гостевого крыла, вцепилась в его руку и попросила отвести в тюрьму, он не стал требовать объяснений, а тут же согласился помочь. За то, что он, анэстир, отказался от всего и выбрал свою младшую сестру.

Набат продолжал звонить — истерично, надрывно. Удивительно, как это у часового руки ещё не отвалились? Иногда колокольный звон разбавляли и другие звуки: крики, лязг оружия и взрывы. Я обернулась на очередной, чтобы увидеть, как вдалеке над дворцовыми стенами поднимается

ещё один густой столб чёрного дыма.

Архинтиан, столица альвийского королевства Гланлиморин, был объят огнём, и ни у кого из нас не было объяснения, почему это произошло. Алистиан предположил, что мятежники наконец сделали свой ход. Я не согласилась, ведь точно знала, что бунт должен был начаться в столице, но не раньше, чем через полгода. Если только что-то не вынудило Вальду начать действовать раньше. Какая-то причина, весомая настолько, что у богини попросту не осталось иного выхода, кроме как отдать приказ скрывающимся в городе отрядам устроить пожары и втянуть стражу и гвардейцев в изматывающие бои.

Я надеялась, что это не так. Мы совершенно не были готовы: в Миранделине продолжали пропадать люди и альвы, в Ветреных равнинах начались инспекции по поиску магически одарённых детей для службы в королевском войске, а послы, отправленные к старейшим людским кланам на переговоры, ещё не вернулись. К тому же в Теролане затаились уничтожившие Сидастагюр некроманты, и мы не знали ни где они находятся, ни кому служат. Поднимать восстание ещё рано, слишком рано!

Раздался пронзительный свист, и на дорогу легла тень. Неужели будет дождь? Я остановилась и задрала голову, приложив ко лбу ладонь козырьком.

Нет, дождя, способного помочь столице справиться с огнём, не предвиделось — на небе не было ни облачка. Но уж

лучше бы разразилась гроза и меня пронзило молнией.

Страшные опасения подтвердились. Пущенной стрелой небесный свод пересекала женщина. Она зависла прямо напротив солнца, и Кир окутал её сияющим ореолом, признавая своё дитя. За спиной женщины рассекали нагретый воздух крылья, и я знала наверняка, что перья на их концах золотые.

Тело Вальды защищал белоснежный доспех, а жемчужные волосы были заплетены в тяжёлую длинную косу. В одной руке богиня держала ростовой каплевидный щит, а в другой — массивный двуручный меч, играючи, словно он ничего не весил. А затем она закричала, и крик этот, наполненный восторгом и яростью битвы, проник под мою кожу, пробрался в грудную клетку и коснулся самого сердца.

Время для меня остановилось. Огонь за дворцовыми стенами, вопли победителей и стоны боли проигравших, набат — всё это перестало существовать. Моя душа рванула из тела туда, где напротив солнца взывала к своим самым верным воительницам крылатая богиня. Я увидела себя стоящей за её правым плечом, ощутила знакомую тяжесть полуторника на поясе. Протянув руку влево, я мягко пригладила серебристую шерсть. Нос защекотал аромат хвои и клюквы.

Подобного никогда не случалось со мной, но в то же время я точно знала, что воспоминание принадлежит мне. Когда-то давно, много лет, а то и столетий назад, я была там — стояла рядом с Вальдой и готовилась отнимать жизни недру-

гов Вильтура.

Нас было семеро — моя любимая госпожа и пять верных сестёр, и связывали нас узы более крепкие, чем кровное родство.

У каждой из нас был свой Друг. Они не были людьми, но стали нам братьями, соратниками, самыми близкими душами. Все они когда-то принадлежали госпоже, но она даровала их нам, чтобы сделать сильнее. И они приняли нас.

Он принял меня.

Я повернула голову и увидела его. Сердце дрогнуло и бешено пустилось вскачь. Как наяву, я услышала утробный рык, почувствовала бёдрами движение крепких звериных мышц и добровольно утонула в пылающих алым глазах, которые для многих стали последним в жизни воспоминанием.

Счастливо рассмеявшись и раскинув руки в стороны, точно в попытке объять весь мир, я решительно шагнула вперёд, намереваясь принять свою судьбу.

— Альрун!

Видение дрогнуло и дымкой растворилось в воздухе. Звуки творящегося вокруг хаоса хлынули со всех сторон, и я обхватила гудящую голову в тщетной попытке хоть немного унять боль. Восторг медленно уступал место растерянности. Я подняла глаза к небу, но Вальды там больше не было.

— Что случилось? — взволнованно спросил Алистиан, не выпуская меня из объятий. — Ты вдруг застыла. Что-то болит? Устала? Может, спрячешься и отдохнёшь, а мы с Виком

разберёмся сами? Только скажи, что надо сделать, и мы…

— Всё в порядке, — ответила я, прерывая поток беспокойства. — Нам не надо в тюрьму. Отведёшь меня в другое место?

* * *

— Уверена?

Я опустила голову и прищурилась, разглядывая выходящую из моей груди полупрозрачную нить. Она появилась сразу же после посетившего меня видения — сначала я почувствовала её, но только спустя некоторое время нить обрела очертания. И, похоже, видела её только я.

— Да.

— Это башня Круга, Рун. — Алистиан подошёл ближе. — Что ты хочешь здесь найти?

Я промолчала, подняв взгляд на сверкающий золотой шпиль, венчающий тонкую башню. Не то чтобы я не желала объяснить, зачем мы здесь, — просто и сама не знала.

— Что я должна отыскать? — прошептала я.

Нить, словно только и ждала вопроса, дрогнула и резко вытянулась. Проникнув сквозь главные двери башни, она, извиваясь, ушла под землю.

— Тиан, здесь есть подземелье? — уточнила я, повернувшись к нему.

Алистиан не ответил. Он нахмурился и коснулся моего подбородка.

— Что у тебя на лице?

— А что у меня на лице?

За плечом брата вырос Ренвик. Ещё в гостевых покоях он сменил серый доспех мейваара на простую одежду, найденную в чудом уцелевшем шкафу. Штаны были ему коротки, а туника едва ли не трещала по швам на плечах, но, несмотря на уговоры Алистиана, он без сожалений выбросил дорогущий эмвиановый доспех в окно. «Лучше получу рану. Меня теперь до конца жизни будет воротить от серого», — торопливо написал он, не позволяя Алистиану продолжать бессмысленный спор. Я тогда ничего не сказала, но была благодарна за его выбор — видеть его в том облачении постоянно было бы невыносимо.

Поймав мой взгляд, Ренвик приподнял бровь и постучал пальцами у себя под глазами.

— Руны… — пробормотал Алистиан, рассматривая моё лицо. — Похожи на симейгир.

Я осторожно дотронулась до кожи рядом со шрамом, но совершенно ничего не почувствовала.

— Не знаю. — Я рассеянно потёрла щёку. — Наверное, это они показали мне дорогу. Так что в подземельях?

Алистиан наградил меня последним пристальным взглядом и отпустил.

— Девять этажей. Личные лаборатории магистров, ученические, экспериментальные, сигильские, комнаты призыва — много всего.

— Лаборатории, значит… — Я вновь повернулась к баш-

не. — Ну же, покажи мне ещё.

Я сосредоточилась на нити, стараясь разглядеть больше, чем дозволено увидеть глазу смертного.

— Шестой или седьмой этаж, точно не могу сказать.

— Хм… — Брат сложил руки на груди и ненадолго задумался, вспоминая: — Там в основном кабинеты артефактологов, несколько препараторских и пара опытных лабораторий. Ещё есть комната содержания.

— Угу… — Я медленно кивнула. — Туда нам и надо.

— Но там ничего нет. — Алистиан выглядел озадаченным. — Только пустые столы и шкафы.

— Нам надо туда, — упрямо повторила я, прикрывая глаза. После упоминания комнаты содержания нить вспыхнула так ярко, что на неё было больно смотреть.

Алистиан молчал. Я знала, что за моей спиной у него происходит молчаливый диалог с Ренвиком, и не вмешивалась. Каким бы важным альвом ни был мой брат при дворе, при любой удобной возможности он старался советоваться с другом — конечно, если сведения можно было доверить письмам или они терпели до его приезда в поместье, — и немота Ренвика не могла помешать им понимать друг друга.

— Хорошо, я понял, — наконец произнёс Алистиан. — Дальше я пойду первым.

Я уступила ему дорогу. Брат подошёл к дверям, вытащил из-за пазухи цепочку с кольцом магистра и приложил его к выемке, располагающейся там, где обычно можно найти за-

мочную скважину.

Подождав пару секунд, он убрал кольцо и приложил его ещё раз. Ничего не произошло.

— Что-то не так? — тихо спросила я.

Алистиан мотнул головой. Он спрятал цепочку и, протянув руку, осторожно толкнул одну из дверей. Та беззвучно отворилась, и он вошёл внутрь. Встревоженно переглянувшись, мы с Ренвиком поспешили за Алистианом.

Брат стоял в центре просторного холла с высокими потолками. Здесь было прохладно, светло, а ещё тихо. Очень тихо.

Пол покрывал толстый слой пепла — если бы я шла босиком, он бы полностью скрыл мои ступни. Я подошла к брату, ступая осторожно, стараясь не поднимать в воздух серые облака.

— Не понимаю, — проговорил Алистиан. — Башня защищена всеми известными охранными заклинаниями. Сюда невозможно войти, если у тебя нет камня магистра или печатки члена Круга. Я лично обновлял иллюзионную магию всего три месяца назад! — Он повернулся ко мне. Сейчас всегда собранный и уверенный в себе брат выглядел крайне растерянным. — Их больше нет. Я не чувствую ни одного заклинания.

— Кто-то мог их снять? — поинтересовалась я.

— Несколько магов при достаточном количестве свободного времени — да, могли бы. Но тогда бы обязательно остались следы: частички чужих потоков, отголоски заклинаний.

Хоть что-нибудь.

Алистиан подошёл к стене и провёл по ней кончиками пальцев. На подушечках тонкой плёнкой осел пепел.

— Их выжгли.

— Выжгли? Хочешь сказать, что всё это, — я обвела рукой пространство вокруг нас, — сожжённые заклинания?

Алистиан покачал головой, а Ренвик раздражённо тряхнул собранными в высокий хвост волосами и поочередно указал на себя и брата, затем на пол, а после провёл большим пальцем по своей шее.

— Вик прав, — севшим голосом сказал Алистиан. — Это всё, что осталось от магов Круга.

* * *

Пепел покрывал ведущие вниз ступени, но в сравнении с тем, что я видела наверху, было его немного — горстка там, горстка здесь. На просторных лестничных пролётах попадались тела — если месиво из отрубленных конечностей и выпущенных внутренностей вообще можно назвать телами. Глядя в подёрнутые мутной плёнкой глаза молодой альвы, от которой только голова и осталась, я решила, что тем, кто сгорел там, в главном холле башни, повезло больше, чем этим беднягам.

На седьмом подземном этаже призрачная нить свернула вправо, в украшенную драгоценными камнями арку, за которой начинался коридор со множеством дверей по бокам. Но меня интересовали не они.

В конце коридора призывно светились простые двойные двери — дотянувшись до них, нить не прошла насквозь, а разбилась о светлое дерево, рассыпалась яркими искрами и окутала вход мягким сиянием.

Я порывисто шагнула в арку. Под ногой звонко хлюпнуло. Опустив взгляд, я заметила, что стою в луже крови, уже начавшей подсыхать, а об носок моего сапога бьётся большое, длиной до середины локтя, маховое перо. Белое с золотым.

— Что это?

— Приглашение.

Выпрямившись, я передала перо Алистиану. Он обхватил основание стержня двумя пальцами и осмотрел находку.

— Поразительно. Обычно мелкие детали, отделённые от тела, возвращаются в состояние потока в течение нескольких минут. — Он поднёс перо к носу и глубоко вдохнул. Его зрачки на мгновение расширились. — Это… лилии?

Я никаких лилий не чувствовала, но наблюдать, как Алистиан пытается найти чему-то объяснение, доставляло мне ни с чем не сравнимое удовольствие. Я словно вернулась на восемнадцать лет назад, когда мы втроём сидели в гавани поместья, и брат пытался вырастить у скачущей рядом с нами белки второй хвост. Им с Ренвиком только через месяц предстояло поступить в Академию, но Алистиан уже давно решил, что хочет изучать искусство метаморфии, и до начала обучения уже знал и умел больше, чем многие студенты, окончившие первый курс.

Привалившись к стене, я ещё какое-то время смотрела, как брат изучает находку и всё сильнее хмурится, и решила вмешаться.

— Не трать силы, Тиан. Так ты не найдёшь ответ.

— Почему?

— Потому что это перо из настоящего крыла. В нём магии не больше, чем в птичьем.

Он долго смотрел на меня, прежде чем отрезать:

— Это невозможно.

— Если ты не знаешь никого…

— Я знаю, — он перебил меня. — И лучше бы в Архинтиане появиться нифеиду, потому что если здесь та, о ком я думаю, и кто-то застанет нас в её обществе, то нас ждёт эшафот!

— Ты и сам уже достаточно постарался, чтобы на твою шею легла петля, Тиан.

Между нами повисла тишина. Алистиан переводил взгляд с меня на перо в своих руках, затем на дальнюю дверь и обратно на меня. Я ждала, когда он примет решение, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу. Под глазами и в груди начало печь — пока это было приятное тепло, как от солнечного луча, но я понимала, что чем дольше медлю, тем сильнее странная магия будет давить на меня.

— Хорошо. — Алистиан зажмурился и помассировал переносицу. — Хорошо. Ренвик выведет тебя из дворца. Дальше я пойду один, просто скажи, что я должен найти, и я при-

несу это т…

Он осёкся, услышав мой хохот.

— Кайлтэн, очаровательно! — воскликнула я, отсмеявшись. — Ренвик выведет меня и… что? Должна ли я отправиться к ан Саркорана и стать подопытным кроликом старого стервятника? Или вернуться в поместье, сдаться на милость отца и уже потом уехать в Миранделин? А может, мне стоит сразу пойти к нашему любимому дядюшке Аэрону и признаться, что из-за меня анэстир едва не убил его кузена и отказался от руки старшей вриллаарайни?

Алистиан молчал. Лицо его помрачнело, и я устыдилась своего поведения. Приблизившись, я взяла его свободную руку в свои.

— Не знаю, о чём именно тебе докладывали, но обвинения короля не беспочвенны. — На миг я запнулась, прочитав в его глазах мольбу. Алистиан не желал, чтобы я продолжала. Одна часть меня хотела подчиниться, оставить всё в тайне, но другая промолчать не могла. — Я присягнула на верность главе восстания.

— Что ты сделала?!

Алистиан побледнел и попытался вырвать ладонь из моих, но я с непонятно откуда взявшейся силой дёрнула его на себя, едва не повалив на пол. Это удивило и меня, и брата, и Ренвика. Наш друг издал какой-то странный хрип. Кончики его ушей покраснели, и он отвернулся, спрятав лицо в сгибе локтя. Плечи Ренвика мелко подрагивали, и я поняла, что

он смеётся.

— Я видела кое-что странное перед тем, как появилось это, — я отпустила Алистиана и указала на кожу под своими глазами, — и без ответов из дворца не уйду.

В горле почему-то встал ком. Я отвернулась и, глядя в стену, пробормотала:

— Я не вправе просить тебя выбирать между мной и Гланлиморином, поэтому освобождаю тебя от кл…

— Нет.

Алистиан рывком притянул меня к себе. Он заговорил, и его голос отдавался в моих ушах успокаивающим гудением:

— Не глупи. Я не согласен с твоим решением, но в том, что ты его приняла, вины моей или отца не меньше, чем твоей собственной. Ты права — мой статус анэстира давно был под угрозой. Я слишком долго испытывал терпение дяди и лез туда, куда не следовало. Ты считаешь, что заставляешь меня выбирать между моей страной и тобой, но король — это не страна, и я сделал свой выбор давным-давно. Я был и остаюсь верен Гланлиморину, как всегда буду верен тебе. И я даже слышать не желаю об освобождении от клятвы, поняла?

Я согласно хмыкнула. Скручивающая внутренности тревога понемногу отступала. Мне было бы невыносимо знать, что мы на разных сторонах. Крепко обняв Алистиана в последний раз, я отстранилась.

— Последние два месяца были насыщенными, — произ-

несла я. — Обещаю, что расскажу всё, как только мы окажемся в безопасности.

— Ловлю тебя на слове. — Алистиан выдавил из себя улыбку и потрепал меня по волосам. — Веди. Мы прямо за тобой.

С готовностью развернувшись, я пошла по коридору. Жжение в груди и глазах, как я и ожидала, начало причинять боль — мы потратили слишком много времени на разговоры. Однако телесные неудобства были не единственным, что заставляло меня спешить: своим криком Вальда словно бы разрушила плотину, и воспоминания о событиях, произошедших задолго до моего рождения, заставляли мою голову раскалываться. И всё же я терпела и позволяла им свободно течь через меня, чувствуя, как детали встают на свои места и возвращают моей душе покой и целостность. Пусть даже и через боль.

Каждый шаг приближал меня к цели. Я не останавливалась, чтобы изучить боковые комнаты, но всё равно мельком замечала окровавленные части тел, огромные механизмы, похожие на те, что изготавливают в своих Драгоценных пещерах спелиоты, большие стеклянные колбы со страшным содержимым, которое я бы не хотела рассматривать, даже если бы у меня была возможность. В носу и горле першило от острого металлического запаха, но я продолжала вдыхать его полной грудью. Так пахло моё прошлое, такой аромат будет и у моего будущего, и чем раньше я к этому привыкну, тем

лучше.

Достигнув конца коридора, я с силой толкнула двойные двери. Стоило моим ладоням коснуться деревянной поверхности, как свечение исчезло.

Я не успела оценить обстановку, потому что, как только я переступила порог, мой взгляд оказался прикован к центру комнаты. Исчезли все звуки, кроме моего ставшего вдруг поверхностным дыхания. Мир сосредоточился в единственной точке, и я, как заворожённая, побрела туда, где на полу был начертан круг, окружённый символами, рунами, письменами и прочей магической заумной ерундой, в которой я совершенно не разбиралась. Но моим вниманием завладел не он.

В этот круг, точно в клетку, был заключён огромный медведь, высотой примерно в два моих роста в холке. Ветвистые остроконечные рога, похожие на оленьи, венчали его голову, а на свирепой морде раскалёнными углями горели глаза. Его тело покрывала серебристая шерсть, и пахло от неё хвоей и клюквой.

— Ронар?

Наши взгляды встретились, и зверь зарычал, во всю пасть скалясь серебряными клыками. Что ж, похоже, это можно расценивать как улыбку.

— Вот и ты наконец.

Я обернулась на знакомый голос. Вальда стояла в нескольких шагах от меня. Как можно быть такой ослепительной и незаметной одновременно? Или это я, увидев медведя, по-

забыла обо всём на свете? Преодолев разделяющее нас расстояние, я опустилась на одно колено и почтительно склонила голову.

— Моя госпожа.

Вальда ничего не ответила, но я почувствовала её руку в своих волосах — от неё исходило тепло, подобное лучам Кира, и на мои глаза навернулись слёзы. Я наконец-то там, где должна быть. На своём месте, рядом с той, кто всегда, что бы ни произошло, будет на моей стороне.

Я дома.

— Я до последнего надеялся, что ошибаюсь, и всё же это ты. — Голос брата был непривычно холоден. Он не спешил подходить ближе. — Здравствуй, богиня. Наслышан.

Ладонь исчезла, а вместе с ней ушло и тепло. Я подняла голову. Вальда смотрела за мою спину, и на губах её расцвела улыбка, приветливая, но слегка насмешливая.

— Анэстир. — Её белые глаза засветились ярче. — Мои шпионы забыли упомянуть, насколько первый помощник короля хорош собой.

Уголки моих губ нервно дёрнулись. Раздался неловкий кашель Ренвика. С молчаливого разрешения Вальды я поднялась на ноги и, стараясь не смеяться, украдкой посмотрела на Алистиана. Попытка богини смутить его провалилась — лицо брата словно сковал лёд.

— А мои уверяли, что решительных действий со стороны мятежников не стоит ждать раньше начала Звенящего льда.

И вот мы здесь.

— О, они были правы. Но кое-кто вынудил меня поднять людей раньше.

Вальда приблизилась к границе круга, и я инстинктивно последовала за ней. По какой-то причине мне было неприятно, что она стоит так близко к медведю. Зверь заворчал и переступил с лапы на лапу.

— Это Ронар? — Я услышала себя будто со стороны.

— И да, и нет. — Она подняла руку, словно хотела коснуться морды, но, к счастью, так и не сделала этого. В желудке что-то неприятно заворочалось, и я с силой потёрла живот ладонью. Медведь шумно втянул воздух и громко фыркнул. — Это Урсенгар.

— Божественный медведь? — Алистиан встал рядом со мной. — Теперь понятно, почему ты явилась сюда лично.

— Не делай вид, что не знал о том, что Урсенгар здесь, анэстир! — резко ответила богиня — похоже, замечание разозлило её. Крылья Вальды раскрылись, едва не ударив меня по лицу, перья рассерженно встопорщились.

— Я был в отъезде и прибыл во дворец только сегодня утром, — спокойно произнёс Алистиан. — Его Величество не посчитал эту новость достаточно важной, чтобы поставить меня в известность.

— Я не верю ни единому твоему слову, альв, и терплю твоё присутствие здесь только из-за Альрун.

— Прекрасно. — Брат деловито кивнул и сложил руки на

груди. — Я рад, что ты заговорила об этом. Мне очень любопытно, зачем моя сестра здесь? Как ты заманила её сюда? Какой обман использовала, чтобы вынудить её присоединиться к вашему глупому восстанию? Признаю, это очень умный ход — подобраться столь близко ко мне можно было только…

— Да у тебя паранойя, анэстир! — Вальда тихо рассмеялась и покачала головой. Жест вышел снисходительным, как у родителя, сквозь пальцы наблюдающего за очередной шалостью своего ребёнка. — Мир не вращается вокруг тебя, как бы ты не жаждал иного. Твоя сестра сама пришла ко мне, и о её принадлежности к роду королевских защитников я узнала позже.

— Хочешь сказать, что она согласилась на это добровольно?

— Именно это я и хочу сказать!

Голоса доносились до меня откуда-то издалека. Я с трудом улавливала их смысл, да и, если честно, не старалась — сейчас все мои мысли занимал только доверчиво прикрывший глаза медведь. Это Ронар и… Урсенгар? Обращение в зверя очень похоже на метаморфию моего брата, но я нутром чувствовала, что это что-то совершенно иное. Может ли быть, что Ронар воззвал к помощи какого-то духа? Кайриус ясно дал понять, что подобное возможно.

Каждое моё предположение подразумевало, что Ронар одарён магией, однако при мне он ни разу не призывал по-

ток и предпочитал сражаться оружием, как и любой другой Вейнарменнир. Ну, кроме Янира. Я не могла придумать ни одного разумного объяснения его состоянию.

Он мог бы раздавить меня одной лапой. Я должна была ощущать страх, недоверие — хоть что-нибудь. Но вместо этого меня тянуло к нему: нестерпимо хотелось приласкать здоровую морду, провести ладонью по жестковатой шерсти, запрыгнуть на широкую спину и мчать, мчать отсюда без оглядки, туда, где в реках блестит серебром чешуя форели и поля полны горьковато-медовыми травами.

— Альрун ан Фалькана!

— А? — я дёрнулась от неожиданности и обернулась. Прямо за моей спиной стоял недовольный Алистиан, которому преграждала путь Вальда. — Чего кричишь?

— Если бы ты отзывалась сразу, мне бы не пришлось повышать голос… Убери от меня свои перья!

— Вальда, — позвала я, игнорируя брата, — почему он в заточении?

— Потому что его должна освободить ты. С пробуждёнными воспоминаниями восстановилась и ваша связь. Сейчас я не слышу его мыслей и не понимаю, как хорошо Ронар контролирует Урсенгара.

— Я ничего не понимаю, — честно призналась я.

— Пожалуй, стоит просто показать. — Вальда отступила на несколько шагов, увлекая за собой Алистиана и Ренвика, и приказала: — Нарушь границу круга.

— Убить её решила? — Брат попытался вырваться из хватки, но Вальда даже не шелохнулась. — Пусти. Мне бы не хотелось применять грубую силу.

— Хочешь подраться с богиней? — Вальда насмешливо фыркнула. — Милости прошу, я с удовольствием выбью из тебя высокомерие, альв…

Закатив глаза, я с нажимом провела носком сапога по начертанным углём символам, стирая их. Воздух затрещал от моментально наполнившей его первобытной силы. Волосы на моём теле встали дыбом. Медведь поднялся на задние лапы и заревел, его рога царапнули потолок. Я услышала крик Алистиана и стрекот зарождающейся молнии Ренвика.

— Не лезьте! — рявкнула Вальда.

Я не отвернулась. Не отступила ни на шаг. Страха по-прежнему не было — лишь умиротворение и непоколебимая уверенность, что Ронар — или Урсенгар — не причинит мне вреда.

— Ну же. Иди ко мне, — одними губами произнесла я.

Медведь с грохотом опустился на все лапы и пристально посмотрел на меня.

«Королевна».

Голос раздался прямо в моей голове. Он определённо принадлежал Ронару, но приобрёл рычащие звериные нотки.

«Я здесь», — так же мысленно ответила я и протянула к нему руку. Медведь подошёл ближе и ткнулся влажным носом в мою ладонь. Его дыхание обжигало, но я не отстрани-

лась — напротив, обняла его морду и пообещала:

— Я больше не оставлю тебя, друг мой.

* * *

— Вздор!

— Это правда!

— Невозможно!

— Ты глазами пользуешься или они у тебя исключительно для красоты? Филюр подчинился ей!

— Подчинился, потому что его носитель знает её! Это ваши людские легенды, а моя сестра — высокородная альва!

— Сколько ещё раз я должна повторить, что это не важно? Значение имеет лишь то, что в Альрун нет магии!

Я прикрыла глаза и привалилась к тёплому боку лежащего на полу медведя. Вальда и Тиан кричали друг на друга вот уже добрых пятнадцать минут. Сначала я хотела остановить их, но усталость взяла своё, и я решила — пусть хоть подерутся, я вмешиваться не стану.

«Я бы разорвал его на куски за проявленное неуважение, не будь он твоим братом».

Нам не надо было говорить вслух, чтобы слышать друг друга. Мысленное общение, похоже, являлось неотъемлемой частью нашей крепнущей с каждым мгновением связи, и для меня общаться с ним таким образом было так же естественно, как дышать.

«Тиан злится, потому что привык находить всему разумное объяснение и держать ситуацию под контролем. А ещё

он беспокоится за меня. Прошу, будь терпелив».

«Как пожелаешь. Твоё слово — закон».

— В этом нет никакого смысла! Как это может быть не важно? Ты утверждаешь, что её душа пришла из Хальвора!..

— У моих сестёр по оружию есть особое дозволение Вильтура и свои места за высоким столом в чертогах!

Ах да.

Я — киранда.

Эта весть должна была удивить меня, оставить в растерянности, разозлить, быть может, или, напротив, обрадовать, но я восприняла её с удивительным спокойствием. Чего не скажешь об Алистиане.

— Я забираю её отсюда. Забудь о данной ею присяге, она была получена обманом…

— Она присягнула мне две тысячи лет назад! Возьми себя в руки наконец, анэстир! Смотреть жалко!

Брат никак не мог понять, какое отношение я, альва, имею к отряду воительниц из людских легенд. Он с упорством горного барана отвергал любые объяснения Вальды: что только три из шести киранд были человеческими девушками; что отобраны они были из тех, кто не имел магического дара, зато сводил с ума близких непреодолимой тягой к оружию и сражениям, так что родственнички были только рады избавиться от неугодных и зачастую пугающих своей диковатостью барышень; что моя душа возвращалась в Теролану в течение всех этих лет, но спала, не призываемая Вальдой; и

что, как только все воспоминания о той, самой первой жизни в качестве киранды, вернутся, полностью восстановится и дарованная Вильтуром сила, и, даже сбежав, этот процесс уже не остановить.

А вот для меня многое встало на свои места: неудержимая страсть к фехтованию, отказ следовать правилам альвийского высшего общества, приступ неукротимой ярости в Сидастагюр, во время которого я перекромсала кучу умертвий и даже не заметила этого, и, самое главное, слаженность наших с Ронаром движений во время боёв.

Он — носитель медведя Урсенгара, моего филюра и одного из шести божественных животных, созданных Вильтуром для своей дочери. Того, кто столетия назад выбрал меня своей кирандой.

«В этой форме я ни тот, ни другой, но оба сразу».

«Но мне надо как-то к тебе обращаться».

«Впредь Урсенгар будет освобождаться только по твоему приказу или если твоей жизни будет грозить смертельная опасность, так что продолжай звать меня Ронаром».

«Стоит их прервать, как считаешь?»

«Думаю, стоит узнать, почему мы до сих пор торчим здесь».

Я открыла глаза и села прямо. И правда, какого Кайлтэна мы здесь прохлаждаемся? Снаружи все ещё горит столица, умирают воины с обеих сторон, а Вальда совершенно не то-

ропится покинуть эту комнату.

— Вальда, — позвала я, поднимаясь, — а почему?..

Я осеклась, прислушиваясь. Показалось или?.. Алистиан тоже замолчал и повернулся к двери. Звук нарастал — ровный, чеканный марш, словно к нам приближалось целое войско. Я поднялась на ноги, а следом за мной и Ронар, возвышаясь за моей спиной огромной смертоносной тенью. Ренвик, всё это время отдыхающий у дальней стены, встал плечом к плечу с Алистианом.

Грохот едва не слетевших с петель створок сотряс комнату. Порог решительно переступил Аэрон ан Аквилана, а за ним ровными рядами по трое шли королевские гвардейцы. Король посмотрел на Алистиана, и его брови слегка приподнялись.

— Ну и ну. Эурин теряет хватку. А я ведь предлагал ему взять в помощь нескольких гаэльфаар. — Он вздохнул и сочувственно покачал головой. — Судя по присутствию здесь твоей сестры, вы не договорились. Твой отец ещё жив?

— Думаю, да. Тела я не нашёл, — ровным голосом произнёс Алистиан. Я не видела его лица, но была уверена, что в невозмутимости его выражение не уступает самому Аэрону. — Боюсь, я вынужден просить отставки, Ваше Величество.

— Вот как? Сомневаюсь, что теперь, когда ты пошёл против его воли, Эурин передаст тебе титул, мальчик мой. Ты хорошо подумал? Руки моей дочери достоин лишь будущий глава знатного рода или анэстир. Твоя отставка будет озна-

чать разрыв помолвки.

— О, полагаю, я смогу достойно это пережить. Уверен, Альтею моё решение не оскорбит.

— Жаль. — Лоб и шея короля покраснели. — Я надеялся однажды передать корону тебе.

— Мне? — Голос брата изумлённо дрогнул. Я и сама напряглась, решив, что мне послышалось. — А как же Аэлар? Он ваш наследник.

Аэрон не ответил. Потеряв интерес к своему, уже, судя по всему, бывшему анэстиру, он повернулся к Вальде и провёл языком по нижней губе. Меня передёрнуло — слишком уж мерзко это выглядело.

— Я знал, что ради своей зверушки ты выползешь из норы, крылатая тварь.

— Приглашение вышло грубоватым, Аэрон. — Богиня нежно пригладила свою косу. — Аэльвинд себе такого не позволял. Не стыдно позорить имя божественного предка?

Вальда не выглядела обеспокоенной или удивлённой появлением короля, и я наконец осознала, почему мы не ушли отсюда сразу же, как освободили Ронара.

Она намеренно тянула время. Она ждала Аэрона.

— Мне показалось, что я был достаточно вежлив с той, кто угрожает мирной жизни Гланлиморина и Индар Ганхилан.

— Если я чему и угрожаю, то лишь твоему личному благополучию. — Голос богини стал жёстче.

Вальда выпрямилась, её крылья грозно раскрылись, и это подействовало на гвардейцев, как красная тряпка на быка: вспыхнули золотом ладони, засверкала полированная сталь. Они могли бы выглядеть угрожающе, но лица альвов искажал дикий, животный ужас, превращая охотников в добычу.

Вооружившись мечом Ренвика, я шагнула вперёд, но Вальда предупреждающе подняла руку.

— Как насчёт битвы один на один, Аэрон? — предложила она. — Всем этим альвам не обязательно умирать сегодня.

На секунду, всего на одно крохотное мгновение мне показалось, что король согласится. Но он только покачал головой, снисходительно улыбаясь, будто Вальда просто неудачно пошутила.

— В чём дело? У тебя есть магия, а у меня — только меч. Я, так уж и быть, не стану пользоваться щитом и крыльями. Прими мой вызов!

— Я не желаю тратить своё время. Благодаря твоим крысам у меня прибавилось дел в столице. — Он подал знак своим воинам. — Мои племянники предали кровь и перешли на сторону врага. Убейте всех.

Он повернулся к нам спиной и зашагал прочь.

— Трусливый мерзавец, — процедила Вальда.

Слух у альвов превосходный, поэтому я была уверена, что Аэрон её услышал, но не потрудился обернуться. Чуть помедлив, гвардейцы нехотя двинулись вперёд. Я не могла винить их за нежелание сражаться. Наверняка каждый из них,

проходя по коридорам башни, видел, что случилось с магами Круга.

Первый же взмах крыльев заставил первые ряды покачнуться и отступить. А затем Вальда пустила в ход свой меч. Богиня походила на вихрь, смертоносный и беспощадный. Я застыла, размышляя, что делать, и тут Вальда закричала:

— Я сама!

Алистиан оказался решительнее меня и попытался вмешаться, но Вальде, очевидно, помощь и правда не требовалась. Убедившись, что Ренвик оттащил Тиана к стене, я нырнула за ближайший металлический стол. Рядом со мной лёг Ронар, стараясь сжаться как можно компактнее. Это выглядело комично, и я бы даже посмеялась, если бы всего всего в десяти шагах от нас не происходила резня.

«Ты можешь обратиться в человека?»

«Могу».

«Так обратись! Тебя видно».

Ронар ничего не ответил. Чувствуя лёгкое раздражение, я повернулась к нему и опешила. Готова поклясться — он смутился! Если медведи вообще способны смущаться.

«Моя одежда осталась в другой комнате», — промямлил он.

Я моргнула. И ещё раз. Мой взгляд медленно прошёлся по звериной фигуре, невольно задержавшись на нижней части, а перед внутренним взором встал образ обнажённого Ронара, и почему-то со стекающими по плечам и груди крупны-

ми каплями воды… Я отвернулась так стремительно, что позвонки хрустнули и отозвались ноющей болью в затылке.

— А, — только и произнесла я, ощущая, как жарко полыхают лицо и шея. Бриллаар, какой стыд! Нашла время, леди!

От самобичевания меня спас Алистиан. Сев рядом со мной, он произнёс:

— Слишком много пожеланий смерти от наших родственников за один день, тебе не кажется? Я к подобному не привык.

В его голосе звучала неподдельная обида. Я усмехнулась и похлопала его по плечу.

— Добро пожаловать в мой мир, братец.

Раздался пронзительный крик, перекрывший все прочие звуки. Пространство вспыхнуло ослепительным белым светом, и я зажмурилась. Веки опалило. Уверена, если бы в этот момент я смотрела в центр комнаты, то попросту лишилась бы зрения.

Всё стихло. Проморгавшись, я приподнялась и осторожно выглянула из укрытия.

Почти у самого выхода стояла Вальда, а вокруг неё лежали гвардейцы. Мёртвые, все до единого. Алая кровь, золотые доспехи — маки среди нарциссов. Это зрелище пробудило новое воспоминание, перенесло меня на огромное вытоптанное поле, в самое сердце сражения, и это землю у моих ног украшали павшие враги. Это с лезвия моего меча стекала рубиновая кровь. Это я снискала славу победителя!

«Всё впереди», — пообещала я себе, с некоторым сожалением возвращаясь в настоящее.

Далеко Аэрону уйти не удалось. Вальда, перепачканная кровью с головы до ног, сжимала тонкую шею короля обтянутой белой перчаткой ладонью. Дядя выглядел так, будто его душа вот-вот покинет тело, и держится она внутри на чистом упрямстве. Его одежда дымилась, а кожа была испещрена сеткой сияющих вен. Каждый вдох мерзавца сопровождался хрипом.

— Что ты… со мной… сделала, тварь? — с трудом выдавил он.

— Побереги силы, они тебе пригодятся. — Вальда встряхнула короля. Его голова безвольно качнулась, корона соскользнула и, несколько раз подпрыгнув на полу, укатилась под один из столов.

Богиня повернулась к нам. Привычный белый свет исчез. На меня смотрели пусть и очень красивые, похожие на кристаллики кварца с перламутровым переливом, но всё же вполне обычные глаза.

— Пора уходить. — Она разжала ладонь, и Аэрон мешком свалился на пол.

— Погоди! — Тиан выскочил из укрытия и подбежал к дяде. — Что ты с ним сделала?

— Тебе… это… не сойдёт... с рук… всем… вам…

Вдруг уцелевшая створка скрипнула, прерывая бормотание короля. В комнату вошла самая странная компания, ка-

кую я только могла себе представить: Кайриус тащил на себе невообразимо худого альва с длинными седыми волосами, за ними, стуча каблуками, вышагивал Янир, а следом рука об руку шли Сварта и Селмор. Последняя почему-то держала в руках мой полуторник.

Мы все застыли, недоумённо разглядывая друг друга. Первым отмер Кайриус. Его взгляд переместился на Аэрона. Передав седого альва Яниру, он подбежал к королю. Склонившись над ним, Кайриус схватил альва за грудки и с силой встряхнул.

— Где он? — прошипел мерфолк.

Неожиданно для всех Аэрон улыбнулся. Тяжело вздохнув, Кайриус закатил глаза.

— Хорошее настроение, да? — Шею короля начала покрывать ледяная корка. Лёд медленно, но неумолимо пополз вверх.

— Говори!

Аэрон с трудом поднял руки и попытался оторвать Кайриуса от себя, но тщетно. Обогнув рот короля, лёд залепил его ноздри и уже приближался к глазам.

— Последний шанс. Говори, где он, или я заморожу твою челюсть и разобью её на мелкие кусочки.

— У меня… карман… — перестав строить из себя героя, прохрипел Аэрон.

Кайриус разжал ладони. Король упал на пол, гулко стукнувшись об него затылком, и протяжно застонал. Мерфолк

бесцеремонно ощупал его тело, а затем распахнул полы накидки и достал из потайного кармана проклятую синюю стекляшку. Век бы её не видела.

— Что это? — Вальда встала у него за спиной.

Какое-то время мерфолк молчал, задумчиво глядя на стекляшку, а затем поднялся и продемонстрировал её богине.

— Филактерия Ольвидуса.

— Забвенного бога? — Вальда отдёрнула протянутую было к стеклу руку и плотнее прижала крылья к телу. Стоящий рядом с ней Алистиан поперхнулся воздухом и закашлялся. — Как эта дрянь здесь оказалась?!

— Я принёс её, — ответил мерфолк, костяшками пальцев массируя висок.

— Ты принёс её, — эхом повторила богиня.

Кайриус пожал плечами.

— Случайно вышло.

— Ну-ка посмотри на меня.

Мерфолк подчинился. Какое-то время Вальда внимательно рассматривала его, а затем устало вздохнула.

— Я должна была понять, как только впервые увидела тебя, полукровка. Мои мысли уже многие годы захвачены восстанием, и я упустила из виду настоящую угрозу, — тихо произнесла она. — Эту вещь нельзя оставлять в Теролане.

— Согласен. Я готов вернуть её в Сафирею, но для этого мне нужен кто-то, кто сможет открыть проход туда.

— Я могу помочь, — едва слышно проговорил висящий на Янире седой альв. Кряхтя, он наклонился и приподнял штанину. На его тощей ноге болтался золотой браслет с камнем глубокого винного оттенка.

— Камень магистра?

Алистиан приблизился к седому альву. Тот поднял голову. Волосы сдвинулись назад, открывая бледное лицо и ясные жёлтые глаза, в уголках которых собрались мелкие морщинки, когда альв улыбнулся.

— Дядя? — Вопрос прозвучал неуверенно, так, словно Алистиан боялся, но в то же время хотел знать наверняка.

— Тиан, — выдохнул альв. — Давно не виделись.

Воздух прорезал громкий и совершенно безумный хохот. Все взоры обратились к лежащему на полу и захлёбывающемуся смехом Аэрону.

— Ну прямо… семейная… идиллия… любимые… племянники… и брат… не желаешь ли… поблагодарить меня?.. — Король закашлялся, и в уголках его рта пузырями собралась розоватая пена. — За встречу… с сыном?

Кайриус злобно оскалился. Ладони мерфолка вспыхнули золотом и серебром, и он рванулся к королю, но путь ему преградила Вальда.

— Успокойся! Он должен жить!

— Можете… отправить мальчишку… обратно… вернуть… филактерию… глубинной ведьме… но это… ничего не… исправит…

— Посмотрим, — процедил Кайриус, ловко выскользнув из хватки богини.

— Колесо судьбы… пришло… в движение… и для всех… нас… уже слишком… поздно… — Аэрон закрыл глаза, расслабленно выдохнул и без запинок произнёс: — Мир стоит на грани гибели, и вы, наивные глупцы, не сможете остановить этот бег.